

The background of the book cover features a stylized, wavy representation of the American flag (stars and stripes) in the upper half and the Israeli flag (white field with a blue Star of David) in the lower half. The text is overlaid on this background.

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН

БЛИЖАЙШИЕ СОЮЗНИКИ?

**ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ
АМЕРИКАНО-
ИЗРАИЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

ТОМ II

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН

БЛИЖАЙШИЕ СОЮЗНИКИ?

**ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН

БЛИЖАЙШИЕ СОЮЗНИКИ?

**ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

Т О М   В Т О Р О Й

ЭПОХА ДИПЛОМАТИИ:
СОРОК ЛЕТ «БОРЬБЫ ЗА МИР»,
1974–2014

МОСКВА
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ

ГЕШАРИМ
ИЕРУСАЛИМ

Книга публикуется в авторской редакции и не обязательно отражает позицию Института Ближнего Востока

На задней стороне обложки фотография Б. Нетаньяху с Б. Обамой

Алек Д. ЭПШТЕЙН

Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Том II. Эпоха дипломатии: сорок лет «борьбы за мир», 1974–2014. Москва: Институт Ближнего Востока/ Мосты культуры, 2014. — 328 с.

Dr. Alek D. Epstein

Close Allies? United States and Israel: The Hidden History. Vol. II. From Ford/Rabin to Obama/Netanyahu. Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies/ Cultural bridges, 2014. — 328 p.

ISBN 978–5–93273–395–0

Предлагаемая вниманию читателя книга известного израильского ученого д-ра А.Д. Эпштейна — первый в русскоязычной, если не в мировой, политологии рассказ о реальных отношениях Израиля и США. Об этом написаны тома и сказано на высшем уровне такое количество речей, что подвергнуть сомнению аксиому «США — надежный союзник Израиля» может только очень хорошо информированный человек, не подверженный влиянию общепринятых догм и стереотипов. Именно таким человеком и является д-р Эпштейн, книги которого отличаются редкой скрупулезностью в подборе фактов, отсутствием тенденциозности и тщательной работой с источниками. Честность — редкое и ценное качество для специалиста, занимающегося самыми острыми проблемами современности. В сочетании с высоким профессионализмом — качество редчайшее. Что и делает работы д-ра Эпштейна столь важными далеко не только для русскоязычного читателя.

ISBN 978–5–93273–395–0

© Алек Д. Эпштейн, 2014
© Институт Ближнего Востока, 2014
© Мосты культуры/Гешарим, 2014

ЧАСТЬ V.

**ВХОДЯ В ОБРАЗ
«МИРОВОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО»:
США И ИЗРАИЛЬСКО-ЕГИПЕТСКИЙ
ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС,
1974—1980 ГГ.**

Глава 14

Джеральд Форд, Генри Киссинджер и Ицхак Рабин: Соглашение о разъединении войск на Синае и укрепление сотрудничества в обстановке взаимного недоверия, 1974–1977 гг.

Ицхак Рабин, ставший главой правительства Израиля в 1974 году, был представителем нового поколения в политическом руководстве страны: он родился в Палестине/Эрец-Исраэль, а не в Восточной Европе, как все его предшественники на посту премьер-министра, и в силу возраста не принадлежал к числу отцов-основателей государства. В его пользу говорило то, что он был начальником Генерального штаба ЦАХАЛа во время Шестидневной войны (то есть был человеком, компетентным в сфере национальной безопасности) и послом в Вашингтоне во время Войны Судного дня (то есть был в курсе всей палитры отношений с Соединенными Штатами). Ицхак Рабин стал первым израильтянином, имевшим стаж дипломатической работы в США, возглавившим правительство страны. Вторым таким человеком стал 22 года спустя Беньямин Нетаньяху.

Когда Ицхак Рабин сформировал новое правительство, он сместил Аббу Эвена с поста министра иностранных дел, предложив ему пост министра информации. А. Эвен отказался — и в результате вообще оказался вне правительства, в которое он уже не вернулся никогда, хотя и оставался депутатом Кнессета до 1988 года. Министром иностранных дел стал Игаль Аллон — непосредственный командир И. Рабина в ходе службы в ПАЛЬМАХе в дни, непосредственно предшествовавшие провозглашению независимости Государства Израиль. Изменившаяся иерархия (И. Рабин оказался по статусу выше И. Аллона) стала тяжелым испытанием для их отношений, что явно не способствовало слаженной работе правительства. Не способствовало ей и назначение Шимона Переса на пост министра обороны.

Ш. Перес также претендовал на пост главы правительства, но при голосовании в ЦК Партии Труда уступил И. Рабину, получив 254 голоса «за» против 298, полученных бывшим начальником Генштаба. Ш. Перес и И. Рабин соперничали за лидерство в Партии Труда на протяжении двадцати с лишним лет, до ноября 1995 года, когда И. Рабин, второй раз бывший премьер-министром (Ш. Перес занимал тогда пост министра иностранных дел), был убит. С момента своего возникновения первое правительство И. Рабина представляло собой не столько кабинет единомышленников, сколько арену борьбы трех соперничавших между собой лидеров, что проявлялось и в различных позициях, отстаиваемых ими в ходе переговоров с американскими представителями¹.

Когда у власти находился Давид Бен-Гурион, его авторитет был достаточен, чтобы обеспечить единство как в правительстве, так и в обществе. После отставки Д. Бен-Гуриона израильские правительства в основном представляли собой собрание разрозненных групп и более или менее сильных личностей с различными, а зачастую противоположными мнениями и амбициями. Политическую ситуацию в стране можно было бы определить как многопартийную парламентскую систему с коллегиальным кабинетом, в котором премьер-министр являлся первым среди равных. Другие министры нередко были готовы выступить против премьера, опираясь на своих сторонников, как в парламенте страны, так и за его пределами. Хорошо зная И. Рабина и не сомневаясь в том, что он сумеет добиться от нового израильского премьера того, в чем будет заинтересован, Генри Киссинджер, сохранивший пост государственного секретаря и в администрации Джеральда Форда, приступил к новому раунду переговоров о разъединении войск между Израилем и Египтом.

Г. Киссинджер в целом согласовал основные параметры соглашения, однако последнее слово оставалось за руководителями государств. 1–2 июня 1975 года в Зальцбурге состоялась встреча президента Дж. Форда с А. Садатом, в июне в Вашингтоне побывал премьер-министр Израиля Ицхак Рабин. В последующие летние месяцы стороны договорились о новой линии разъединения, благодаря которой Египет должен был получить значительную часть Синайского

¹ О различиях в требованиях И. Рабина и Ш. Переса докладывал, в частности, Г. Киссинджер Дж. Форду; цит. в меморандуме зам. советника президента США по национальной безопасности Б. Скоукрофта от 28 августа 1975 г., опубликованного в антологии *Foreign Relations of the United States. 1969–1976, Vol. XXVI. Arab–Israeli Dispute, 1974–1976*, pp. 819–821; об особом мнении И. Аллона и проблемах, связанных с его статусом в правительстве, Г. Киссинджер информировал Дж. Форда 23 августа, см. там же, pp. 806–808.

полуострова. К концу лета новое временное соглашение о разъединении войск под исключительно американским патронажем было готово. На 1 сентября было назначено его парафирование — сначала в Израиле, затем в Египте, на которое Генри Киссинджер отправлялся лично. Перед очередным отлетом на Ближний Восток госсекретарь имел телефонную беседу с президентом, которая была записана. Показательно, что ни о Женевской конференции по Ближнему Востоку, проходившей под патронажем США и СССР, ни об Организации Объединенных Наций госсекретарь и президент даже не упомянули; единственные, о ком они вспомнили — лидеры Республиканской и Демократической партий в самих США, с которыми собирался встречаться (и встретился) Дж. Форд. Предупредив, что их беседа записывается, президент источал комплименты своему госсекретарю, который, в свою очередь, отвечал взаимностью:

Джеральд Форд: Позволь мне сказать, Генри, что я чрезвычайно благодарен за те колоссальные усилия, которые вы предприняли во время этого последнего раунда переговоров. Я знаю, как долго, напряженно и самозабвенно вы работали — часами, не только со мной, но и с премьер-министром Рабином и с президентом Садатом. Я полагаю, что это великое достижение, одно из самых выдающихся в нашем десятилетии, а может быть, и столетии. И я знаю, что американский народ будет тоже благодарен за ваши успешные усилия, а я сейчас выражаю свою глубокую благодарность.

Генри Киссинджер: Ценю ваши слова, господин президент. Мы с вами уделили Ближнему Востоку больше времени, чем какой бы то ни было другой проблеме.

Джеральд Форд: Думаю, если сложить часы, получится много дней, а тот факт, что в конечном счете мы пришли к успешному результату, вселяет и в вас, и в меня, и в других чувство глубокого удовлетворения. Это сделано на благо не только двух стран, но, по моему мнению, Генри, это одно из крупнейших достижений нашего времени.

Генри Киссинджер: Я полагаю, это дает миру шанс в регионе, а сохранение нынешнего затяжного противостояния, как вы неоднократно заявляли, просто неприемлемо.

Джеральд Форд: Я уверен, что объявятся критики, но я с чистым сердцем говорю им: осознайте, какой могла бы быть альтернатива.

Генри Киссинджер: Совершенно верно, господин президент. В этом вся проблема — сохранение патовой ситуации повлекло бы за собой военные и экономические последствия для всего мира, и нам пришлось бы неизбежно столкнуться с ними.

Джеральд Форд: Насколько я понимаю, вы скоро отправляетесь на парафирование?

Генри Киссинджер: Я собираюсь встретиться с премьер-министром Рабином, и затем мы намерены парафировать документы. А после этого я отправляюсь в Египет на встречу с президентом Садатом и для участия в парафировании документов там.

Джеральд Форд: Вы привезете документы с собой в Александрию?

Генри Киссинджер: Так точно, документы и карты.

Джеральд Форд: Я собираюсь после разговора с вами позвонить премьер-министру [Израиля Ицхаку Рабину], выразить ему мою признательность, но, если вы сделаете это лично от моего имени, я буду вам признателен.

Генри Киссинджер: Позвоню, господин президент, и с нетерпением жду нашей встречи в четверг.

Джеральд Форд: Вы прилетаете, по-моему, вечером в среду?

Генри Киссинджер: Именно так. В среду вечером около девяти или десяти часов.

Джеральд Форд: Ну, так я встречу вас в аэропорту. В четверг на восемь утра назначена наша встреча с лидерами обеих партий. Уверен, что их реакция будет такой же, как моя, — это великое достижение не только для обеих сторон, но и для всего мира в целом. Я просто не в силах в полной мере выразить мою глубочайшую признательность за ваши потрясающие усилия в этом направлении².

После разговора с Г. Киссинджером президент Дж. Форд позвонил премьер-министру Израиля И. Рабину. В отличие от Г. Киссинджера, И. Рабин не знал, что беседа записывается, так как президент Дж. Форд не предупредил его об этом. Чтение стенограммы этого разговора очевидным образом демонстрирует, что отношения с США и его президентом были важны И. Рабину едва ли не больше, чем отношения с Египтом и А. Садатом, не говоря уже о других странах арабского мира.

Джеральд Форд: Я только что говорил с Генри [Киссинджером]. Как я понимаю, он вскоре приедет на встречу с вами и на церемонию парафирования [израильско-египетского соглашения]. Позвольте мне поздравить вас, поблагодарить за превосходную работу, которую вы проделали в столь трудных обстоятельствах. Думаю, ваша роль

² Запись телефонной беседы Дж. Форда и Г. Киссинджера, 1 сентября 1975 г. // Gerald R. Ford Presidential Library and Museum, Энн-Арбор, Мичиган.

потребовала огромного государственного мужества в чрезвычайно тяжелых обстоятельствах. Я поздравляю вас, примите мои поздравления по случаю этого выдающегося достижения, которое теперь закреплено документом. Он повлечет за собой прогресс на Ближнем Востоке на благо всего мира.

Ицхак Рабин: Господин президент, большое спасибо за добрые слова. Это было нелегкое решение. Переговоры были очень, очень сложными. Но мы решили, что на этот раз должны рискнуть, я подчеркиваю — рискнуть, ради возможности мира. Я надеюсь, наше решение создаст новую тенденцию в регионе. Все мы здесь надеемся, что соглашение действительно приведет к умиротворению региона и сблизит позиции, по меньшей мере Египта и Израиля. Я хотел бы поблагодарить вас за ту роль, которую вы лично, Соединенные Штаты и ваш посланник доктор Киссинджер сыграли в достижении этого соглашения.

Джеральд Форд: Большое спасибо, господин премьер-министр. Позвольте мне заверить вас, что вы можете и впредь рассчитывать на нашу поддержку. У нас тесные взаимоотношения, и они останутся такими по мере того, как мы будем двигаться вперед на основе этого соглашения о взаимопонимании. Я считаю, этим соглашением вы заложили прочную основу, на которой мы можем в будущем построить настоящий мир.

Ицхак Рабин: Все мы здесь надеемся на это, на то, что это станет началом развития, которого мы еще не видели в этом регионе. И мы надеемся, что другая сторона, египетская, чувствует то же самое.

Джеральд Форд: Вы можете положиться на нас — мы будем работать с вами над тем, чтобы выполнялся не только дух, но и буква соглашения. Мы ожидаем, что отношения между нашими странами [sic!] будут длиться много, много лет. У вас героический народ, и американцы относятся с глубокой симпатией и к нему, и к тому, кто так стойко представляет его интересы — к вам, господин премьер-министр.

Ицхак Рабин: Господин президент, вы конечно же знаете — мы чрезвычайно ценим вас, ценим те особые отношения между нашими странами, которые так важны были в прошлом и важны теперь. И я уверен — то, чего мы добились сегодня, откроет новое измерение в отношениях между нашими странами [sic!]³.

Обратим на это внимание: и Дж. Форд, и И. Рабин говорят не об отношениях Израиля и Египта, а об отношениях Израиля и США.

³ Запись телефонной беседы Дж. Форда и И. Рабина, 1 сентября 1975 г. // Gerald R. Ford Presidential Library and Museum, Энн-Арбор, Мичиган.

С Ануаром Садатом президент Дж. Форд говорил о том же: об отношениях Египта и США и о лидирующей роли последних в ближневосточной дипломатии: «Могу вас заверить — мы будем работать вместе с Египтом не только над тем, чтобы как дух, так и буква соглашения были выполнены; мы продолжим развивать добрые отношения между Египтом и Соединенными Штатами, работать над расширением торговли, туризма, над увеличением нашей помощи до максимально возможного уровня; таким образом, Соединенные Штаты будут продолжать играть конструктивную роль в наиболее важном регионе, на Ближнем Востоке. Я даю вам свои личные заверения и уверен, что Конгресс поддержит меня, потому что в Соединенных Штатах все признают, что Ближний Восток — жизненно важный регион мира, и наше конструктивное участие — важный элемент огромного успеха, который достигнут на переговорах между вашей страной и Израилем»⁴. Хотя в первой статье самого Соглашения между Египтом и Израилем указывалось, что «Соглашение, заключенное сторонами 18 января 1974 г. в рамках Женевской мирной конференции, явилось первым шагом на пути к справедливому и прочному миру, в соответствии с положениями Резолюции №338 Совета Безопасности от 22 октября 1973 года»⁵, ни эмиссары Советского Союза, ни представители ООН в переговорах не участвовали и в телефонных переговорах Дж. Форда с политическими лидерами Египта и Израиля не упоминались. При этом в соглашении оговорен статус миротворческих сил ООН: указывалось, что в зоне, объявленной буферной, чрезвычайные силы ООН будут продолжать выполнять свои функции, согласно египетско-израильскому соглашению от 18 января 1974 года. Статья 5 Соглашения постулировала, что «Чрезвычайные силы ООН являются существенным элементом и будут продолжать осуществлять свои функции, а их мандат будет ежегодно продлеваться». По этому соглашению стороны обязались не прибегать к угрозе или использованию силы или военной блокады друг против друга, тщательно соблюдать прекращение огня на суше, море и в воздухе и воздерживаться от любых военных или полумвоенных действий друг против друга. Кроме того, согласно статье 7 Соглашения, невоенным грузам, предназначенным к ввозу или вывозу из Израиля, разрешалось следовать через Суэцкий канал. При этом в статье 8 Соглашения

⁴ Запись телефонной беседы Дж. Форда и А. Садата, 1 сентября 1975 г. // Gerald R. Ford Presidential Library and Museum, Энн-Арбор, Мичиган.

⁵ Здесь и далее цитируется перевод, выполненный по тексту, опубликованному в антологии *Foreign Relations of the United States. 1969–1976, Vol. XXVI. Arab–Israeli Dispute, 1974–1976*, pp. 825–827.

указывалось, что этот документ, хотя и «рассматривается сторонами как значительный шаг к справедливому и прочному миру», он «не является окончательным мирным соглашением», работу над которым стороны обязались продолжать.

Заслуживает максимального внимания тот факт, что в тот же день, когда был подписан Договор о промежуточном урегулировании и разъединении войск между правительствами Египта и Израиля, полномочные представители Израиля и США подписали три других документа. Ни один из них не был в то время опубликован официально, хотя информация о них была обнародована в ведущих американских газетах, в частности в *The New York Times* и *The Washington Post*⁶. Первый из них затрагивал вопрос помощи Израилю со стороны США и предстоящих дипломатических шагов на Ближнем Востоке; второй, озаглавленный «Гарантии правительства США Израилю», касался поставок вооружений; третий был посвящен повторному созыву Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку. Насколько известно, на русском языке эти документы не печатались никогда, и их ключевые положения поэтому имеет смысл привести целиком.

Американо-израильский Меморандум начинался с несколько неуместной декларации американской поддержки соглашения, которое было разработано госсекретарем США. «Соединенные Штаты признают, что египетско-израильское соглашение, парафированное 1 сентября 1975 года, которое предусматривает вывод войск из наиболее важных районов Синае, представляет собой существенный шаг со стороны Израиля на пути к достижению окончательного мирного соглашения. США всецело поддерживают это соглашение»⁷. Статья 6 Меморандума гласила, что «США поддерживают позицию Израиля, которая заключается в том, что следующим соглашением с Египтом должен быть договор об окончательном мирном урегулировании конфликта», при этом о том, на каких условиях должен быть заключен такой договор, в Меморандуме не было сказано ни слова. То же самое касалось и статьи 13 Меморандума, постулировавшей, что «правительство США разделяет позицию Израиля касательно того, что в существующей политической ситуации переговоры с

⁶ “Text of U.S.–Israel Memorandum” // *Washington Post*, September 16, 1975, p. A12.

⁷ Здесь и далее цитируется перевод, выполненный по тексту, опубликованному Министерством иностранных дел Израиля в антологии *Israel's Foreign Relations. Vol. 3, 1974–1977*, док. 112; этот же текст опубликован в антологии *Foreign Relations of the United States. 1969–1976, Vol. XXVI. Arab–Israeli Dispute, 1974–1976*, pp. 828–831.

Иорданием должны быть направлены на достижение всеобъемлющего мирного урегулирования»; о том как, когда и на каких условиях могли быть начаты и тем более закончены таковые переговоры, в Меморандуме не говорилось ничего.

Первая и последняя статьи этого Меморандума фактически определяли все его содержание: за то, что, благодаря уступкам, на которые согласилось пойти правительство И. Рабина, они стали единственным ключевым внешним игроком и арбитром на Ближнем Востоке, США декларировали готовность пойти на разностороннюю поддержку Израиля. В статье 16 указывалось, что правительство Израиль согласилось с тем, что «подписание протокола к египетско-израильскому соглашению и его полное вступление в силу невозможно до того, как Конгресс одобрит предоставление США функций наблюдения и надзора, которые определены в соглашении и в приложении к нему»; при этом «правительство США уведомило правительство Израиль о том, что оно получило согласие на это правительства Египта». В благодарность за то, что Израиль, преданный американцами и в войне 1948, и 1956, и 1967 годов, согласился на то, чтобы именно США были переданы единоличные функции «наблюдения и надзора», Дж. Форд и Г. Киссинджер сформулировали некую весьма расплывчатую систему обязательств перед еврейским государством. Статья 1 Меморандума гласила: «Правительство США будет в рамках своих возможностей и в пределах, санкционированных и одобренных Конгрессом, прикладывать все усилия к тому, чтобы на регулярной и долговременной основе удовлетворять военно-технические запросы Израиль и иные его оборонные, а также энергетические и экономические потребности. Суммы, необходимые для удовлетворения этих потребностей... должны быть включены в конечную годовую сумму, запрашиваемую у Конгресса в 1976 и в последующие бюджетные годы».

Как и в предшествующие годы, израильские представители стремились получить от американцев самое совершенное оружие, от поставок которого те, в свою очередь, стремились уклониться, используя для этой цели различные организационно-бюрократические инструменты и уловки. Так случилось и в этот раз: внимательное чтение статьи 2 Меморандума свидетельствует, что никаких конкретных обязательств в этой сфере Дж. Форд и Г. Киссинджер на себя не взяли, ограничившись констатацией того, что «потребности Израиль в долгосрочных военных поставках со стороны США будут регулярно обсуждаться на консультациях между представителями американских и израильских оборонных ведомств, при этом конкретные наименования боеприпасов, по поводу которых достигнуто

соглашение, должны быть включены в отдельный американо-израильский меморандум. С этой целью в течение трех недель американские и израильские эксперты совместно изучат эту тему. В ходе этого изучения, которое также будет включать анализ потребностей Израиля на 1976 год, США обязуются внимательно отнестись к просьбам Израиля, учитывая его просьбу предоставить ему современное и высокотехнологичное оружие». Статья 11 говорила о разработке плана поставок оружия, но не о самих поставках, причем речь в этой части Меморандума идет о «чрезвычайной ситуации в случае возникновения непредвиденных обстоятельств»: «Правительство США и правительство Израиля обязуются в максимально короткий срок, если возможно — то в течение двух месяцев после подписания настоящего документа, разработать план организации поставки вооружений в чрезвычайной ситуации в случае возникновения непредвиденных обстоятельств». Однако коль скоро решение о том, считать ту или иную ситуацию «чрезвычайной», а те или иные обстоятельства — «непредвиденными», американцы оставляли за собой, ничего конкретного Израилю не гарантировалось и этим.

Дополнительное соглашение о вооружениях (Addendum on Arms), дополнявшее американо-израильский Меморандум о взаимопонимании, включало в себя обязательства США о поставках в Израиль «современных высокотехнологичных видов техники и вооружения, таких, как истребители F-16». Правительство США согласилось также на проведение консультаций, с тем чтобы организовать совместное изучение потребностей Израиля в высокотехнологичных современных видах вооружения, в том числе баллистических ракет ближнего радиуса действия *Pershing* с конвенциональными боеголовками, выразив готовность «в перспективе дать положительный ответ» [в оригинале — *with the view to giving a positive response*]. При этом не было сказано ничего конкретного ни о сроках поставки тех или иных видов вооружений, ни об их количестве. Администрация США при этом оговорила, что «будет ежегодно направлять Конгрессу для одобрения просьбу о предоставлении военной и экономической помощи, с тем чтобы удовлетворить военные и экономические потребности Израиля», заложив тем самым под собственные обязательства мину замедленного действия: отклонение Конгрессом запроса администрации автоматически снимало с нее всякую ответственность перед Израилем.

Нарочито поддерживающими, но при этом совершенно неконкретными и не содержащими никаких четких обязательств были и другие статьи Меморандума, касавшиеся военной помощи США Израилю. Статья 10 фактически касалась советской угрозы суще-

ствованию и безопасности Израиля (Советский Союз не был назван эксплицитно, но очевидно, что никакая другая держава иметься в виду в то время не могла), при этом ничего, кроме «проведения консультаций», американцы не гарантировали: «Учитывая готовность США поддерживать жизнеспособность и безопасность Израиля в долгосрочной перспективе, правительство США с особенным вниманием будет рассматривать любую угрозу для Израиля, которая будет исходить от какой-либо мировой державы. Поэтому в случае возникновения подобной угрозы правительство США немедленно проведет консультации с правительством Израиля по поводу того, какую дипломатическую или иную поддержку оно может оказать Израиля в соответствии со сложившейся практикой». Оговорка о «сложившейся практике» важна как минимум тем, что показывала, что ничего больше того, что они делали в прошлые годы, американцы и после подписания т.н. Второго Синайского соглашения делать не собирались. В этой связи не будет лишним напомнить о том, что когда в 1956, 1967 и в 1973 годах возникала советская угроза Израилю, то американские руководители были готовы оставить Израиль одиноким в этом противостоянии, солидаризируясь с советскими требованиями.

Две статьи Меморандума должны были, как надеялись в Израиле, гарантировать американскую поддержку позиции Израиля в ситуациях возможной полемики между Израилем и Египтом относительно интерпретации тех или иных положений двустороннего Соглашения. Статья 5 Меморандума гласила: «Правительство США не будет рассчитывать на то, что Израиль начнет реализацию соглашения прежде, чем Египет выполнит свои обязательства в соответствии с соглашением о выводе войск, подписанном в январе 1974 года, с тем чтобы обеспечить свободный проход израильских грузов к израильским портам по Суэцкому каналу». Статья 7 постулировала: «В случае, если Египет нарушит какое-либо из условий соглашения, правительство США будет готово провести консультации с Израилем относительно того, насколько серьезно это нарушение и какие шаги могут быть предприняты правительством США для того, чтобы устранить его последствия».

Забегая вперед, отметим, что последующий опыт продемонстрировал: термин «консультации» ничего Израилю не гарантировал, свидетельством чего стала позиция США в конфликте по поводу Табы в 1980-е годы. Речь шла всего лишь о менее чем полутора квадратных километрах к югу от города Эйлата на Красном море. В Табе израильскими бизнесменами были построены пятизвездочная гостиница и санаторий. Седьмой параграф египетско-израильского мирного до-

говора 1979 года (многие не без оснований неофициально называли его «третьим Синайским соглашением») гласил: «Разногласия, могущие возникнуть в ходе реализации этого договора или при его толковании, улаживаются с помощью переговоров. Все споры, которые невозможно решить с помощью переговоров, улаживаются с помощью процедуры примирения или с помощью арбитража». Это «примирение» позже получило название «компромисс». Ицхак Шамир (урожд. Езерницкий, 1915–2012), глава правительства Израиля в 1983–1984 и 1986–1992 годах, отмечал: «Я поддерживал компромисс, а не арбитраж — по нескольким причинам. Я считал, что арбитраж в лучшем случае свидетельствует о наличии между нами конфликта, а этого следует по возможности избегать; я знал, что арбитраж, в отличие от компромисса, обязывает; я думал, что арбитраж, в конце концов, опасный механизм, не слишком подходящий для решения проблем, возникающих между народами, которые только что приступили к созданию добрососедских отношений. Ведь арбитраж — это нечто вроде суда, где каждая сторона пытается опровергнуть другую сторону, представить решающее доказательство своей правоты и т.д.»⁸. Тогдашний президент Египта Хосни Мубарак, однако, решил настаивать на арбитраже, и тут-то американская администрация и сказала свое слово, и слово это было против Израиля: Соединенные Штаты решили вмешаться в этот спор, поддержав позицию Х. Мубарака. Спор по поводу Табы длился семь лет, и в итоге международные арбитры решили его в пользу Египта, вследствие чего в марте 1989 года израильские силы вынуждены были покинуть этот район. «Египтяне ногтями вцепились в Табу, хотя это ставило под угрозу весь мирный процесс, только из соображений национального престижа, — отмечал Ицхак Шамир. — Разумеется, после передачи египтянам Табы ничто не изменилось. Будто вовсе ничего не произошло. Израильско-египетские отношения оставались очень далеки от нормальных; не было видно никаких путей к их улучшению. Односторонний туризм (из Израиля в Египет, но не наоборот), отсутствие культурных связей, мизерные торговые связи, разнузданные нападки на Израиль в египетских средствах массовой информации, включая грубые анти-семитские карикатуры, фактическая изоляция, навязанная израильскому послу в Каире (в то время как египетский посол в Тель-Авиве был дорогим гостем на всех церемониях и праздниках) — так было с Табой, так было и без Табы»⁹. Израильские руководители предлагали

⁸ Ицхак Шамир, *Подводя итоги* (Иерусалим: Центр изучения наследия Иерусалима, 2000), стр. 232 [пер. с изд. на яз. иврит, выпущенного в 1994 г.].

⁹ Там же, стр. 234.

различные варианты компромисса: придание Табе экстерриториального статуса или же осуществление там совместного туристического проекта, который мог бы стать символом мира... Египтяне отклонили все эти предложения, и американцы не сделали ничего, имевшего хоть какие-то последствия, чтобы побудить Х. Мубарака к минимальной готовности к компромиссу.

Что же касалось внешнеполитических обязательств США перед Израилем, то и они не содержали никакой конкретики, кроме обязательства поддерживать израильско-египетское соглашение, сформулированное и пролоббированное американцами же. Статья 8 Меморандума гласила: «Правительство США будет голосовать против любой резолюции Совета Безопасности ООН, если она каким-либо образом оказывает негативное влияние или неблагоприятным образом изменяет положения соглашения». Что же касалось поддержки не соглашения об израильских территориальных уступках, а собственно Израиля и его интересов, то здесь Дж. Форд и Г. Киссинджер сохранили за собой полную свободу действий, причем госсекретарь делал это совершенно сознательно, о чем докладывал президенту за четыре дня до подписания соглашения: «Мы смогли как-то продвинуться в вопросе двусторонних гарантий, которых от нас ожидают израильтяне. Я упорно отказывался давать любые гарантии, которые бы могли иметь для нас долгосрочный эффект и ограничивали бы в будущем нашу политическую и дипломатическую свободу действий на Ближнем Востоке»¹⁰. Вчитаемся в эти строки еще раз: *главное, к чему стремился госсекретарь США в ходе переговоров с израильскими руководителями, – дать им как можно менее обязывающие и как можно менее конкретные гарантии американской поддержки. Это стремление и отличает Меморандум о взаимопонимании между США и Израилем, текст которого был вычитан, выправлен и выверен именно Г. Киссинджером. Политики и эксперты, апеллирующие к этому документу и видящие в нем доказательство партнерских и даже дружеских отношений между политическими элитами двух стран, явно не поняли дух этого документа и причин, вызвавших его подписание.*

Статья 9 Меморандума гласит: «Правительство Соединенных Штатов не будет присоединяться к предложениям, которые, по согласованному мнению США и Израиля, противоречат интересам Израиля, и будет препятствовать внесению таковых другими сторонами». В

¹⁰ Цит. в меморандуме зам. советника президента США по национальной безопасности Б. Скоукрофта от 28 августа 1975 г., опубликованного в антологии *Foreign Relations of the United States. 1969–1976, Vol. XXVI. Arab–Israeli Dispute, 1974–1976*, p. 824.

этой статье, в отличие от предыдущей, не говорится, о каком форуме речь, идет ли речь о Совете Безопасности ООН или о каких-то других международных форумах, то есть сфера ее применения осталась неясной. Израильские руководители очень опасались повторения ситуации мая 1967 года, когда в ответ на ультиматум Г.А. Насера с требованием передислокации «голубых касок» из Синайского полуострова на линию границы между Египтом и Израилем, руководители ООН приняли решение о полном выводе разделительного миротворческого контингента, что открыло египетским войскам дорогу к нападению на еврейское государство. С целью избежать такой ситуации вновь в Меморандум была включена статья 15, гласившая: «В случае, если Силы быстрого реагирования ООН или иной орган ООН выйдет из конфликта без предварительного согласия обеих сторон египетско-израильского соглашения и Соединенных Штатов до того, как действие этого соглашения будет приостановлено другим соглашением, Соединенные Штаты считают, что это соглашение должно оставаться обязательным для соблюдения во всей своей целостности».

Однако, пожалуй, самое важное в этом Меморандуме то, что для того, чтобы США препятствовали внесению тех или иных инициатив третьими сторонами и не вносили их сами, американские руководители должны были согласиться с тем, что эти инициативы «противоречат интересам Израиля». По этому Меморандуму израильское правительство фактически теряло право самостоятельно решать, что противоречит израильским интересам, а что им соответствует. Точнее, решать израильское правительство могло что угодно, но чтобы это решение имело хоть какое-то значение для американской администрации, требовалось заручиться ее согласием, конкретные условия которого не были сформулированы. В конце концов, наверняка найдутся доброжелатели, считающие, что превращение Израиля в город-государство Тель-Авив, если таковое будет признано арабскими соседями, не только не противоречат, но даже соответствуют израильским интересам. Фактически в этом Меморандуме израильское правительство делегировало американской администрации часть своих суверенных полномочий и только на этих условиях получило гарантии той или иной поддержки.

В письме, направленном И. Рабину 1 сентября 1975 года, президент Дж. Форд, повторив основные положения американо-израильского Меморандума о взаимопонимании, оговорил и два положения, касавшихся параметров дальнейшего продвижения переговорного процесса.

Во-первых, президент США оговорил право — свое и своих преемников — инициировать те или иные дипломатические шаги, ко-

торые, по возможности, будут скоординированы с руководителями Израиля, но у последних не будет права вето. «Учитывая характер особенных отношений, которые существуют между Соединенными Штатами и Израилем, а также в свете готовности обеих сторон избежать ситуации, в которой США и Израиль предприняли бы различные стратегии в мирных переговорах, США принимает позицию, которая исходит из того, что эти переговоры являются переговорами между [вовлеченными в конфликт] сторонами, — указывал Дж. Форд. — Как я сказал вам во время нашей беседы 12 июня 1975 года, Договор о промежуточном урегулировании и разъединении войск приведет к ситуации, в которой конечное решение конфликта может быть достигнуто путем просчитанных и продуманных мер, и США в таком случае не придется вносить свое собственное предложение по урегулированию всей ситуации. Если Соединенные Штаты в будущем вознамерятся внести свои собственные предложения, они приложат все усилия к тому, чтобы скоординировать все свои предложения с Израилем с целью воздержаться от внесения таких предложений, которые Израиль мог бы посчитать неудовлетворительными»¹¹. То есть президент США обещал обсуждать и стремиться координировать с израильскими руководителями американские дипломатические инициативы, но отнюдь не гарантировал, что в случае если эти инициативы покажутся израильским партнерам неприемлемыми, американские дипломаты не будут продвигать их. Напротив, в письме А. Садату Дж. Форд эксплицитно указал: «Мы признаем, что принципиальные условия всеобъемлющего мирного урегулирования должны обсуждаться только на переговорах между сторонами. Тем не менее мы будем готовы предлагать свои собственные соображения, когда это будет необходимо»¹².

Во-вторых, в письме президента Дж. Форда И. Рабину поднята тема, вообще никак не затронутая в израильско-египетском соглашении — переговоры между Израилем и Сирией, частью которых не могло не стать требование об уходе Израиля с Голанских высот. Зная, что правительство Израиля как минимум в то время было категорически не готово на это, президент Дж. Форд сформулировал свою позицию весьма уклончиво; точнее, он декларировал, что еще не выработал позицию по данному вопросу вообще: «Соединенные

¹¹ Письмо Дж. Форда И. Рабину, 1 сентября 1975 г. // Gerald R. Ford Presidential Library and Museum, Энн-Арбор, Мичиган.

¹² Письмо Дж. Форда А. Садату, отправленное в первых числах сентября 1975 г. (точная дата не указана), опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1969–1976, Vol. XXVI. Arab–Israeli Dispute, 1974–1976*, pp. 837–838.

Штаты будут придерживаться той позиции, что общее урегулирование ситуации с Сирией в рамках мирного соглашения должно дать Израилю гарантию того, что он сможет не опасаться нападения со стороны Голанских высот. Соединенные Штаты придерживаются того мнения, что условия прочного, справедливого и долговременного мира (который остается нашей конечной целью) должны удовлетворять обе стороны. США еще не выработали окончательной позиции по поводу границ»¹³. Подобная позиция ставила Израиль в крайне уязвимое положение: американцы стремились побудить руководителей еврейского государства вести переговоры с Сирией, при этом в ходе переговоров госсекретарь или лично президент могли в любой момент выступить с инициативой, в рамках которой Израиль должен был бы полностью уйти с Голанских высот. Собственно говоря, в 1990-е годы, в период правления Билла Клинтона, случилось именно это.

Показательно, что обязательство «приложить все усилия к тому, чтобы способствовать возобновлению переговоров между Сирией и Израилем» американцы дали президенту А. Садату. Ему же было обещано, что в случае нарушения Израилем соглашения, подписанного с Египтом, американские руководители будут готовы провести с египетскими официальными лицами консультации относительно тяжести нарушения и относительно того, какие шаги могут быть предприняты США, с тем чтобы устранить последствия нарушения¹⁴; иными словами, какого рода давление на Израиль американская администрация может оказать. Кроме того, США обязались предоставить Египту технологическую помощь для обеспечения функционирования радиолокационной станции раннего оповещения.

Как представляется, Ицхак Рабин недооценивал все те оговорки, которые совсем неслучайно были включены Г. Киссинджером, Дж. Фордом и их сотрудниками в тексты документов, которые получил глава израильского правительства. Представляя израильско-египетское соглашение в Кнессете 3 сентября 1975 года, он отдельно остановился на роли США в переговорном процессе и на особенностях американо-израильских отношений: «В ходе переговоров об урегулировании между нами и Египтом и учитывая тот риск, который берет на себя Израиль, мы приступили к переговорам с правительством США, с целью еще крепче гарантировать экономическую и военную мощь Израиля. Я воздаю должное правительству Соеди-

¹³ Письмо Дж. Форда И. Рабину, 1 сентября 1975 г.

¹⁴ Письмо Дж. Форда А. Садату, отправленное в первых числах сентября 1975 г.

ненных Штатов, президенту и его государственному секретарю, так как в результате обсуждений было достигнуто взаимопонимание по целому ряду вопросов. Это взаимопонимание позволит нам получать непрерывную помощь от США в процессе усиления и упрочения Израиля, в закупке новейших высококачественных боевых средств для ЦАХАЛа, а также в многочисленных политических вопросах, вытекающих из общих интересов Израиля и Соединенных Штатов в регионе и на международной арене»¹⁵. О том, что никаких конкретных обязательств ни в отношении поставок вооружений, их сроков и масштабов, ни в отношении поддержки израильской позиции в переговорном процессе, будь то с Египтом или с Сирией, американцы на себя не взяли, И. Рабин не упомянул вообще, представив подписанное Соглашение как важный шаг в укреплении американо-израильских отношений, хотя об американо-израильском Меморандуме о взаимопонимании и о полученном им письме президента Дж. Форда он не сказал депутатам парламента собственной страны ни слова: даже столь общие и неконкретные обязательства в отношении еврейского государства американские власти стремились скрыть от мировой общественности, требуя от израильских руководителей не обнародовать эти документы, получившие статус «секретных».

Проницательный Г. Киссинджер понял мотивы И. Рабина еще до подписания Соглашения, сообщив президенту Дж. Форду, что израильские руководители «хотят достичь промежуточного соглашения не потому, что они считают, что оно откроет новую главу в истории израильско-египетских отношений и даст новую надежду на будущее, но скорее потому, что те условия соглашения, на которые они надеются, поставят их в такое положение на Синае, которое со стратегической точки зрения не намного хуже нынешнего, и потому, что соглашение предоставляет возможность обеспечить дальнейшее военное превосходство Израиля, благодаря 2,5 миллиардам долларов и военной технике, которые стремится получить Рабин, а также потому, что это стабилизирует отношения между США и Израилем»¹⁶. *Когда Дж. Форд источал комплименты И. Рабину за проявленное им мужество во имя мира, он хорошо знал, что ни в какой мир с Египтом И. Рабин не верил, а движим был стремлением получить дипломатическую, военную и финансовую помощь от Соединенных Штатов. Фактически для И. Рабина*

¹⁵ Политический доклад И. Рабина в Кнессете, 3 сентября 1975 г. [на иврите].

¹⁶ Цит. в меморандуме зам. советника президента США по национальной безопасности Б. Скоукрофта от 23 августа 1975 г., опубликованного в антологии *Foreign Relations of the United States. 1969–1976, Vol. XXVI. Arab–Israeli Dispute, 1974–1976*, pp. 806–807.

не американо-израильский Меморандум о взаимопонимании был приложением к соглашению с Египтом, а соглашение с Египтом было приложением к договорам о сотрудничестве с США.

Уже после того, как Соглашение и Меморандум были подписаны, Г. Киссинджер высказал Дж. Форду уничижительную критику в адрес израильских руководителей: «Встреча с израильтянами оставила у нас неприятное послевкусие. Они были вероломны, мелочны, лживы [в оригинале — *treacherous, petty, deceitful*] — они совсем не относились к нам, как к союзникам»¹⁷. Дальше он счел уместным процитировать слова президента Египта, никак не отмежевываясь от них: «Садат сказал, что их стратегия состоит в том, чтобы продать его землю нам в обмен на оружие, которое они будут использовать для того, чтобы предотвратить дальнейшую передачу каких бы то ни было территорий»¹⁸. Эта беседа госсекретаря Г. Киссинджера с президентом Дж. Фордом имела место спустя всего сутки (!) после того, как И. Рабин рассказывал депутатам Кнессета о том, какие замечательные перспективы в американо-израильских отношениях якобы открывает подписанное Соглашение.

Спустя считанные месяцы, 1 января 1976 года, Дж. Форд в письме И. Рабину пошел еще дальше, прямо выразив свое несогласие с курсом израильского правительства: «Чтобы избежать каких бы то ни было недоразумений в будущем, я хочу четко дать понять, что позиция Израиля по поводу резолюций Совета Безопасности ООН № 242 и №338, которую Вы передаете в своем письме словами “мы не можем примириться ни с какими изменениями в формулировке толкования положений этих резолюций”, не совпадает с нашими взглядами»¹⁹. Президент и госсекретарь США требовали от израильских руководителей дальнейших территориальных уступок, и этот факт не могли скрыть даже самые вежливые формулировки, использованные ими.

В целом же три года работы первого правительства И. Рабина были очень сложными. На Израиль в то время обрушилась волна террора: 11 апреля 1974 года шестнадцать человек, из которых восемь были детьми, были убиты и десятки — ранены при нападении трех боевиков из т.н. Народного фронта освобождения Палестины Ахмеда Джибриля на несколько жилых домов в городе Кирьят-Шмона не-

¹⁷ Kissinger Papers, CL 282, President's File, September 1975, Folder 1 // Библиотека Конгресса США, Отдел рукописей (Manuscript Division).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Письмо Дж. Форда И. Рабину от 1 января 1976 г. опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1969–1976, Vol. XXVI. Arab–Israeli Dispute, 1974–1976*, pp. 877–879.

далеко от границы с Ливаном; 15 мая того же года 29 человек, среди которых 23 — дети, были убиты и семьдесят — ранены в ходе захвата здания школы в Маалоте боевиками конкурирующей организации — т.н. Демократического фронта освобождения Палестины Наифа Хаватме; 13 июня того же года четыре террориста, вооруженные автоматами, проникли в кибуц Шамир в Верхней Галилее и убили трех безоружных женщин; 19 ноября того же года террористы, вооруженные автоматами Калашникова, осколочными гранатами, ножами и топором, прорвались на территорию Израиля со стороны иорданской границы и захватили жилой дом в Бейт-Шеане — в ходе этого теракта ранения получили более двадцати человек. 5 марта 1975 года высадившиеся с моря террористы из организации ФАТХ захватили гостиницу «Савой» в Тель-Авиве, убив восемь человек. Спустя менее чем два с половиной месяца после подписания израильско-египетского соглашения, 10 ноября 1975 года, египетский представитель в ООН проголосовал за резолюцию №3379 Генеральной Ассамблеи ООН, которая ставила Израиль в ряд с государствами, практикующими апартеид, такими, как Южная Африка и Родезия, и постановляла, что сионизм — это форма расизма и расовой дискриминации. Резолюция была принята 72 голосами «за» при 35 «против» и 32 воздержавшихся²⁰. Принятие этого документа — самой антиизраильской резолюции за всю историю ООН — отчетливо продемонстрировало не только ограниченность американских возможностей и желания защитить Израиль от очевидно предвзятого отношения на международной арене, но и показало, насколько враждебны руководители большинства стран мира по отношению к еврейскому государству. 13 ноября того же года тринадцать человек были убиты, а шестьдесят — ранены при взрыве бомбы на одной из центральных площадей в Иерусалиме. В 1975 году началась гражданская война в Ливане, на долгие годы ставшая фактором дестабилизации на северной границе Израиля. Неудивительно, что встретившийся с Ицхаком Рабином и другими израильскими руководителями в начале декабря 1975 года Макс Фишер (Max Martin Fisher, 1908–2005), один из наиболее влиятельных лидеров американского еврейства, бывший очень активным в кампаниях по мобилизации средств на нужды Государства Израиль, пришел к выводу, что «все они чувствуют себя ужасно изолированными и разочарованными», о чем он честно сказал президенту Джераль-

²⁰ Эта резолюция была отменена Генеральной Ассамблеей ООН только 16 декабря 1991 года, причем египетский представитель отсутствовал при голосовании.

ду Форду²¹. Однако президент США, сам до того времени ни разу не бывавший на Ближнем Востоке, в это время считал уместным попрекать израильтян отсутствием новых мирных инициатив (читай — неготовностью к новым территориальным уступкам), о чем Дж. Форд писал И. Рабину 1 декабря 1975 года²². Принимая Ицхака Рабина в Белом доме 27 января 1976 года, Джеральд Форд сказал: «Мы должны сделать все возможное, чтобы добиться дальнейшего прогресса, будь то в Женеве или на какой-то иной площадке. Пока вы здесь, мы должны открыто и честно обсудить, что вы готовы предложить иорданцам и сирийцам в обмен на прекращение состояния вооруженного конфликта»²³. Днем позже госсекретарь Г. Киссинджер требовал от И. Рабина согласиться на участие представителей ООП в переговорном процессе²⁴, против чего возражали все израильские правительства с момента создания этой организации в 1964 году, а также пойти на территориальные уступки в отношении как Египта, так и Сирии (на Голанских высотах) и Иордании (на Западном берегу Иордана). Каждый раз, когда глава правительства Израиля соглашался на те или иные шаги, которые ему навязывались, Дж. Форд и Г. Киссинджер требовали дополнительных уступок. В ходе визита И. Рабина в Вашингтон в конце января 1976 года президент Дж. Форд принял его трижды, в ходе каждой встречи обсуждая возможности израильского отступления с тех или иных территорий. *Постепенно сложилась модель, которую можно охарактеризовать как «территории в обмен на временное ослабление американского давления», выйти из которой израильские руководители не могли.*

В самом Израиле и вокруг него ситуация спокойнее не становилась. 30 марта 1976 года во время выступлений арабского населения Галилеи и Негева против аннексии земель правительством Израиля «в интересах безопасности государства» погибли шесть протестующих, сотни получили ранения; это был самый кровавый «День земли» за всю историю Государства Израиль. 26 июня того же года боевиками Народного фронта освобождения Палестины был захвачен

²¹ National Security Adviser, Memoranda of Conversations, Box 17, December 12, 1975, Ford, Max Fisher // Gerald R. Ford Presidential Library and Museum, Энн-Арбор, Мичиган.

²² Это послание опубликовано в антологии *Foreign Relations of the United States. 1969–1976, Vol. XXVI. Arab–Israeli Dispute, 1974–1976*, pp. 872–873.

²³ Протокол встречи Дж. Форда и И. Рабина от 27 января 1976 г. // National Archives, RG 59, Records of H. Kissinger, 1973–1977, Box 16, January 1976, Folder 3.

²⁴ Протокол встречи Дж. Форда, Г. Киссинджера, И. Рабина и сопровождавших их официальных лиц от 28 января 1976 г. // National Archives, RG 59, Records of H. Kissinger, 1973–1977, Box 16, January 1976, Folder 3.

самолет, летевший из Тель-Авива в Париж, и только спецоперация израильских командос, проведенная в Уганде (где сел захваченный лайнер), спасла жизни почти всех пассажиров (погибли трое из них, а также командир сил спецназа полковник Йонатан Нетаньяху). Правительство страны в то время сотрясали всевозможные внутренние распри. И. Рабин не справлялся с давлением извне и изнутри и 20 декабря 1976 года объявил о своей отставке и назначении досрочных выборов, которые прошли 17 мая 1977 года.

Еще раньше закончился период правления Дж. Форда, 2 ноября 1976 года неожиданно для многих проигравшего президентские выборы Джимми Картеру с разницей в 2% голосов; 20 января 1977 года Дж. Картер вступил в должность президента США. 7 марта 1977 года И. Рабин вновь был в Белом доме, на этот раз — уже как гость президента Дж. Картера, с которым он встречался еще в бытность последнего губернатором штата Джорджия²⁵. Личные отношения между руководителями двух стран не сложились: Дж. Картер описал И. Рабина как человека «очень застенчивого, очень упрямого и порой чувствовавшего себя неловко»²⁶. При этом президент США знал, что из-за распада правительственной коалиции, коррупционных скандалов (самый громкий из которых закончился самоубийством министра строительства) и обвинений в нарушении финансового законодательства его супругой, И. Рабин находился в крайне уязвимом положении в самом Израиле, что делало для него практически невозможным согласие на новые масштабные уступки. Этот визит поэтому оказался, в общем, формальным: новая американская администрация ждала, какое правительство будет сформировано в Израиле после всеобщих выборов, готовясь работать уже с ним.

²⁵ Официальные документы, касающиеся этого визита, опубликованы в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 3, 1974–1977, док. 194–200.

²⁶ Jimmy Carter, *Keeping Faith. Memoirs of a President* (New York: Bantam Books, 1982), p. 280.

Глава 15

Джимми Картер против Менахема Бегина: От «рамочного соглашения» — к мирному договору между Израилем и Египтом и далее, 1977–1981 гг.

По мнению Джимми Картера, пришедшего в Белый дом 20 января 1977 года, положение «ни мира — ни войны», которое сложилось к тому времени на Ближнем Востоке, не могло сохраняться долго и было чревато новой конфронтацией. Кроме того, администрация США осознавала растущую зависимость страны от поставок нефти из-за рубежа, и эмбарго, возможное в случае новой войны, рассматривалось как очень серьезная потенциальная угроза национальной безопасности. В феврале 1977 года президент Дж. Картер и новый госсекретарь Сайрус Вэнс (Cyrus Vance, 1917–2002) приняли решение о том, что США будут добиваться возобновления созыва в Женеве мирной конференции по Ближнему Востоку с целью добиваться всеобъемлющего урегулирования. Этот курс сменил пошаговую стратегию Г. Киссинджера с монополией США на посредничество. Избранный курс свидетельствовал о смене мотивации новой администрации США²⁷. Г. Киссинджер ставил целью замещение советского влияния в Египте и ослабление вероятности объявления очередного нефтяного эмбарго. Его усилия снизить риск возникновения новой войны между Египтом и Израилем служили обоим этим целям. К 1977 году вероятность новой войны между Египтом и Израилем значительно уменьшилась, а американское влияние в Египте уже

²⁷ О роли Дж. Картера в ближневосточной дипломатии и особенно в переговорах с участием представителей Израиля см. в недавно защищенной прекрасной диссертации: Daniel Patrick Strieff, "The President and the Peacemaker: Jimmy Carter and the Domestic Politics of Arab-Israeli Diplomacy, 1977–1980" (London: London School of Economics, Department of International History, 2013).

было весьма существенным, чему способствовал успешный визит А. Садата в США в конце 1975 года.

Не предвидя конкретной скорой угрозы американским интересам, администрация Дж. Картера поставила перед собой чрезвычайно амбициозную цель — устранить ситуацию, которая могла в любой момент развиться в полномасштабный кризис, чтобы исключить возможность его повторения в будущем. Взгляды американской администрации на условия урегулирования были высказаны Дж. Картером уже в марте 1977 года, когда он заявил, что «палестинские беженцы, которые страдали столько лет, должны, наконец, обрести родину», фактически высказавшись, таким образом, в поддержку создания Палестинского государства. Что же касалось границ между еврейским государством и его соседями, то президент Дж. Картер озвучил позицию, равноудаленную от всех вовлеченных в конфликт сторон: «Представители арабских стран утверждают, что Израиль должен вывести свои войска и отвести их до линии границы 1967 года; израильские представители заявляют, что они должны изменить эти границы, с тем чтобы обеспечить свою собственную безопасность. Эти вопросы должны обсуждаться между арабскими странами, с одной стороны, и Израилем — с другой»²⁸.

Чтобы достичь урегулирования и удостовериться в его стабильности, администрация Дж. Картера была готова пойти на сотрудничество с Советским Союзом, созвав новый раунд переговоров в рамках Женевской конференции, участниками которой должны были стать Израиль, Египет, Иордания, Сирия, а также Организация освобождения Палестины, Советский Союз и США²⁹. Несмотря на то что израильские руководители резко возражали против участия в переговорном процессе представителей ООП, в которую входил целый ряд организаций, повинных в кровавых терактах против израильских граждан, американская администрация проталкивала идею участия Ясира Арафата (1929–2004) и его сподвижников в переговорном процессе.

Американская инициатива совпала с приходом к власти в Израиле нового правительства, возглавляемого Менахемом Бегинем. Считавшийся «вечным оппозиционером», он с девятой (!) попытки во главе блока «Ликуд» [«Единство»] выиграл в мае 1977 года парла-

²⁸ Statement by President Carter on the Middle East, 16 March 1977 // *Public Papers of the Presidents. Carter*, 1977, vol. I, pp. 382–402.

²⁹ См.: Harvey Sicherman, *Broker or Advocate? The U.S. Role in Arab-Israeli Dispute 1973–1978* (Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 1978), pp. 18–62.

ментские выборы. В восемнадцатом правительстве Израиля, которое было сформировано им 20 июня 1977 года, М. Бегин неожиданно для очень многих назначил министром иностранных дел М. Даяна; им вместе нужно было найти ответ на новый курс американской администрации. Несколько аспектов новой американской стратегии были особенно нежелательны для Израиля. Во-первых, проблематичной была явная готовность администрации Соединенных Штатов согласиться на создание самостоятельного палестинского национально-территориального образования или даже государства на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Правительство М. Бегина в еще большей степени, чем прежние правительства Израиля, было намерено направить все силы на удержание Западного берега под израильским контролем по идеологическим причинам, а не только из соображений безопасности. Во-вторых, в Израиле возражали против намерений США пригласить к участию в переговорах ООП. Правительство Израиля отказывалось вести переговоры с ООП не только потому, что это — террористическая организация, но и из тех соображений, что согласие с участием ООП в переговорах неминуемо привело бы к признанию палестинского права на государственность на Западном берегу реки Иордан. В-третьих, израильские руководители с большим недоверием относились к Советскому Союзу и опасались нежелательных для своей страны последствий усилий, предпринимаемых администрацией Дж. Картера, по вовлечению советских дипломатов в переговорный процесс. Наконец, М. Бегин и М. Даян опасались также и того, что возобновление Женевской конференции обречет Израиль на изолированность, так как обе супердержавы будут соперничать за симпатии арабских руководителей³⁰. Фактически от Женевской конференции, созыв которой активно проталкивали Дж. Картер и С. Вэнс, Израиль «спасло» лишь категорическое несогласие президента Сирии Х. Асада участвовать в ней и вести какие-либо переговоры с представителями еврейского государства.

Через разнообразные каналы, включая официальных лиц в Соединенных Штатах, Марокко и Румынии, М. Бегин, которого десятилетиями воспринимали как не готового ни к каким уступкам «ястреба», подтвердил прежние израильские предложения по поводу встречи лидеров Египта и Израиля. Эта инициатива привела к тайной встрече Моше Даяна и заместителя премьер-министра Егип-

³⁰ См.: Raymond Cohen, "Israel and the Soviet-American Statement of October 1, 1977: The Limits of Patron-Client Influence", *Orbis*, 22 (Fall 1978), pp. 613–633.

та Хасана Тухами, прошедшей 16 сентября 1977 года в Марокко. Во время переговоров, помимо вопроса о возможности организации встречи М. Бегина и А. Садата, стороны обсудили целый ряд других вопросов, включая возможный уход Израиля с тех территорий Синайского полуострова, которые еще оставались под израильским контролем, а также гарантии обеспечения безопасности Израиля, возможные пути урегулирования палестинской проблемы и рамки переговоров о всестороннем урегулировании³¹. Очевидно, что по завершении встречи у Х. Тухами сложилось впечатление, что новое правительство Израиля в целом готово к восстановлению египетского суверенитета на всей территории Синайского полуострова³².

О контактах между Египтом и Израилем знали как в Вашингтоне, так и в Москве. В Средиземном море постоянно курсировали три советских судна — «Кавказ», «Крым» и «Юрий Гагарин» с необходимым электронным оборудованием, которое перехватывало радио- и телефонные разговоры на территории Египта, Израиля и других стран, после чего записи расшифровывались специалистами военной разведки — ГРУ³³.

А. Садат делегировал Х. Тухами на встречу с М. Даяном главным образом потому, что он не был в восторге от идей, продвигаемых Дж. Картером и С. Вэнсом. Опасения А. Садата распространялись не столько на условия урегулирования, предлагавшиеся представителями новой администрации США (содержательно он как раз считал, что Дж. Картер поддержит его требования), сколько на сам процесс — путь многосторонней комплексной дипломатии, на который предлагали встать Дж. Картер и С. Вэнс. У А. Садата были серьезные сомнения по вопросам возможности возобновления Женевской конференции и возможности одновременного учета интересов всех вовлеченных в конфликт сторон. Выражаясь яснее, А. Садат опасался, что платой за те или иные уступки Израиля в отношении Сирии, Иордании или палестинцев может стать согласие американских дипломатов на то, что Израиль сохранит за собой ту или иную часть территории Синайского полуострова, на что А. Садат совершенно не был готов согласиться. Неспособность США и Израиля достичь

³¹ См. книгу воспоминаний М. Даяна, выпущенную спустя несколько лет после описываемых событий: Moshe Dayan, *Breakthrough: A Personal Account of the Egypt-Israeli Negotiations* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1981).

³² См. изданную отдельной брошюрой статью: Меир Хатина, «Египетско-израильский мирный договор: процесс и результаты» (Иерусалим: общество «Теэна», 2002), стр. 5 [перевод с иврита].

³³ См.: Валерий Еременко, «Судный день без победителей» // *Полит.ру*, 8 октября 2008 г., <http://polit.ru/article/2008/10/08/war/>

соглашения по вопросу об участии ООП в Женевской конференции усиливала его сомнения и опасения относительно того, что формат Женевской конференции может на неопределенное время отложить достижение Египтом своих целей на Синае. Сенсационное решение президента Египта приехать в Иерусалим, таким образом заявляя о признании Израиля, было стимулировано желанием создать психологическую атмосферу, в которой переговоры принесут Египту быстрые положительные результаты вне зависимости от того, как будет реализовываться американский план по созыву международной конференции в Женеве.

О решении вступить в прямые и всеобъемлющие переговоры с Израилем А. Садат объявил в ноябре 1977 года. 9 ноября он произнес речь на ежегодной церемонии открытия сессии египетского парламента³⁴. Я. Арафат (по выражению А. Садата, «наш дорогой друг и соратник в нашей борьбе») присутствовал в зале. К его — да и отнюдь не только его — огромному удивлению, А. Садат заявил, что он готов идти «на самый край света в поисках мира. Израиль будет поражен, когда услышит то, что я сейчас скажу вам: ради переговоров о мире я готов отправиться в их собственный дом, в Кнессет»³⁵.

Когда А. Садат делал свое заявление, то, видимо, понимал, что теперь следует ожидать положительной реакции из Иерусалима. От румынского лидера Н. Чаушеску и из слов М. Даяна, оброненных во время тайного визита в Марокко (между странами не было дипломатических отношений) в сентябре 1977 года³⁶, А. Садат знал, что премьер-министр М. Бегин готов на территориальные компромиссы вне «исторической Палестины» в обмен на мир. Он понимал также, что М. Бегин — не только сильный руководитель, но и глубоко честный человек, и будет выполнять те соглашения, которые подпишет.

У А. Садата были более чем веские основания доверять М. Бегину. В июле 1977 года руководитель Службы внешней разведки «Моссад» Ицхак Хофи передал главе правительства Израиля досье, в котором были собраны материалы, свидетельствовавшие о том, что ливийский лидер Муамар Каддафи готовил почву для свержения Ануара Садата. Через несколько дней, насколько известно, без консультаций с амери-

³⁴ См.: Бутрос Бутрос Гали, *Путь Египта в Иерусалим* (Москва: Институт Африки, 1999 [пер. с изд. на англ. яз., выпущенного в 1997 г.]), стр. 28 и далее.

³⁵ Цит. по: Коннор О'Брайен, *Осада* (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990), том 2, стр. 91 [пер. с изд. на англ. яз., выпущенного в 1986 г.].

³⁶ Об этих поездках М. Даяна см.: Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами* (Москва: «Российская газета», 2006), стр. 174–176.

канцами, это досье на нейтральной территории было вручено шефу египетской разведки генерал-лейтенанту Камалю Хасану Али. В досье содержались конкретные имена, телефоны, места складов с боеприпасами и оружием заговорщиков, коды и каналы связи, которые непосредственно вели в ливийскую столицу. Уже первые проверки египетской разведки показали, что израильяне передали им достоверный документ. А. Садат был потрясен, в Египте начались аресты участников заговора, а египетские войска 21 июля 1977 года вторглись на ливийскую территорию, нанеся бомбовые удары по ряду городов. Вооруженный конфликт между двумя странами при посредничестве Алжира удалось довольно быстро погасить, но А. Садат запомнил, кому он обязан тем, что остался у власти, а скорее всего, и в живых. Хотя информации об этом нет почти ни в одной книге, посвященной израильско-египетским мирным переговорам, как представляется, именно этот эпизод привел А. Садата к столь потрясшей весь мир декларации о готовности к переговорам о мире с Израилем.

Официальный ответ Израиля на инициативу А. Садата последовал быстро. Министр иностранных дел М. Даян позднее писал в мемуарах: «После непродолжительных, но напряженных размышлений над истинными мотивами А. Садата, М. Бегин отбросил, наконец, все сомнения и скептицизм и поверил в искренность египетского лидера. Он оценил ценность первого шага на пути к миру и понял, что то был акт исторической важности»³⁷. Сам М. Бегин действительно довольно быстро преодолел свой скептицизм и решительно поддержал визит А. Садата в Иерусалим, признав его историческую важность.

Спустя четыре дня после выступления А. Садата, 14 ноября 1977 года, М. Бегин предпринял ответный жест, сообщив на приеме в честь французской делегации, находившейся с визитом в Израиле, что «от имени правительства он приглашает президента Египта Ануара Садата прибыть в Иерусалим для проведения переговоров о мире между Израилем и Египтом». На следующий день официальное приглашение было передано в Египет по американским дипломатическим каналам, и оно было принято.

Е.М. Примаков пишет, что первым лицом вне Египта, узнавшим о намерении А. Садата посетить Иерусалим, был иранский шах, который горячо одобрил это намерение. Интересно, что, встречаясь с королем Саудовской Аравии Фахдом, А. Садат о своих планах не обмолвился³⁸.

³⁷ Moshe Dayan, *Breakthrough: A Personal Account of the Egypt-Israeli Negotiations*, p. 76.

³⁸ См.: Евгений Примаков, *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*, стр. 176.

На исходе субботы 19 ноября 1977 года А. Садат прибыл в аэропорт имени Д. Бен-Гуриона. Если само заявление А. Садата оставило многих израильтян равнодушными, то его прибытие в Израиль вызвало огромный эмоциональный подъем. Толпа израильтян собралась в аэропорту, приветствуя первого арабского лидера, публично объявившего о своем стремлении к миру. На следующее утро президент А. Садат молился в мечети аль-Акса в Иерусалиме, позднее посетил церковь Гроба Господня и Яд ва-Шем — музей Катастрофы европейского еврейства. В тот же день он выступил с речью в Кнессете. В своем выступлении он затронул религиозную ноту, причем с чувством более глубоким, чем это обычно делают политики: «Судьбе было угодно, чтобы мой визит к вам, визит мира, совпал с исламским праздником, святым праздником ал-Адха, праздником жертвоприношения, когда Авраам, да пребудет он в мире, праотец арабов и евреев, предстал перед Богом. Когда Всевышний призвал его, Авраам пошел, уверенно и с чувством, не из слабости, но, напротив, под влиянием могучей духовной силы и по своей доброй воле, для того, чтобы принести в жертву своего собственного сына, находясь под властью твердой и непоколебимой веры в идеалы, которые дают жизнь и наделяют ее смыслом»³⁹.

Несмотря на обилие религиозной риторики, А. Садат четко контролировал политические аспекты своей речи перед Кнессетом. «Я приехал сюда, — заявил А. Садат *вопреки* тому, что реально входило в его планы, — не для подписания сепаратного мира между Египтом и Израилем». Он призвал к мирному соглашению, которое «положило бы конец израильской оккупации территорий, занятых в 1967 году, и обеспечило бы фундаментальные права палестинского народа, включая его право на самоопределение и на создание самостоятельного государства». Дело палестинского народа, согласно А. Садату, «было ключом ко всей проблеме». Он также повторил, хотя и не столь четко, претензии арабов на Иерусалим. Однако израильских парламентариев не особенно впечатлили эти слова. Из встреч с Х. Тухами М. Даян вынес мнение, что для египтян основной вопрос — именно возвращение под египетский суверенитет Синай, о создании же Палестинского государства речь если и шла, то сугубо для протокола. Египетский президент хотел совместной с Израилем декларации, которая бы защитила его от внешней и внутренней критики, чтобы израильтяне сделали хотя бы минимальные шаги в решении палестинского вопроса. «В ваших интересах, — говорил А. Садат израильтянам, — чтобы я оставался

³⁹ Цит. по: Коннор О'Брайен, *Осада*, том 2, стр. 94–95.

лидером арабского мира... Но мы должны что-то иметь, иначе меня забросают камнями»⁴⁰.

М. Бегин и его коллеги были весьма удовлетворены не только самим присутствием А. Садата в израильском парламенте, но и новизной его подхода, выраженной в его фразе: «Мы готовы жить с вами в мире и справедливости». Обратив внимание на упоминание А. Садатом Авраама, «праотца арабов и евреев», М. Бегин выделил ту тему, которая не получила своего выражения в речи А. Садата: «Я приветствую президента Египта, приехавшего в нашу страну и участвующего в заседании Кнессета. Время перелета между Каиром и Иерусалимом очень коротко, но до настоящего момента расстояние казалось бесконечным. Президент проявил мужество и сумел преодолеть это расстояние. Мы, евреи, высоко ценим мужество, и мы оценили мужество нашего гостя. Нам самим необходимо мужество, чтобы существовать, и поэтому мы знаем, что это такое»⁴¹.

Визит А. Садата в Иерусалим воспринимался в то время как поворотный момент в истории арабо-израильского конфликта. За предшествовавшие этому 29 лет ни одно арабское государство не признало Израиль, и вот Египет, наиболее могущественная и густонаселенная из этих стран, был готов изменить свой курс на противоположный. Этот визит имел далеко идущие последствия и отзвуки. Он изменил не только характер отношений между политическими элитами Египта и Израиля, но и отношения между руководителями арабских стран, создав трещину между А. Садатом и его приближенными, с одной стороны, и двором короля Саудовской Аравии, с другой. Этот визит заметно усилил обоюдную враждебность между А. Садатом и непримиримо настроенными лидерами таких государств, как Сирия, Ливия и Ирак.

А. Садат и М. Бегин встретились снова, теперь уже на египетской земле, в Исмаилии, 25–26 декабря 1977 года. Они договорились о создании комиссий по военным и политическим вопросам для ведения непрерывных переговоров. После этих переговоров А. Садат выступил с заявлением, в котором, в частности, сказал: «Египет считает, что на Западном берегу и в полосе Газы должно быть создано Палестинское государство. Израиль согласен, что палестинские арабы на Западном берегу и в полосе Газы должны получить право на самоуправление»⁴².

⁴⁰ Цит. по: Ирина Звягельская, «Конфликтная политика» США на Ближнем и Среднем Востоке (Москва: издательство «Наука», 1990), стр. 127.

⁴¹ Выступления А. Садата и М. Бегина в Кнессете 20 ноября 1977 г. опубликованы в антологии: *Israel's Foreign Relations*. Vols. 4–5, 1977–1979, док. 73 и 74.

⁴² Цит. по: Коннор О'Брайен, *Осада*, том 2, стр. 99.

Действия А. Садата вызвали у многих недоумение по поводу его намерений, особенно в отношении готовности Египта заключить сепаратный мир с Израилем, не настаивая на решении палестинской проблемы и уходе Израиля с Голанских высот, Западного берега и из сектора Газа. В своем выступлении в Кнессете 20 ноября 1977 года А. Садат повторил, что Египет настаивает на уходе Израиля со всех оккупированных в 1967 году территорий, «включая арабский Иерусалим», и добавил, что «без палестинцев не может быть никакого мира». Тем не менее в израильской военно-политической элите пришли к выводу, что сам факт того, что А. Садат инициировал признание Израиля и свой приезд в Иерусалим, хотя и был осведомлен о решимости правительства М. Бегина сохранить контроль над Западным берегом и сектором Газа, свидетельствовал о его готовности не упорствовать в этом вопросе.

В декабре министр обороны Эзер Вейцман (1924–2005), выступая перед членами Кнессета от блока «Ликуд», выразил мнение израильского правительства по поводу позиции А. Садата. «Египтяне, — сказал Э. Вейцман, — готовы пойти на сепаратные соглашения с Израилем при условии, что будет найдена формула, которая позволит им отложить всеобъемлющее урегулирование на более поздний срок»⁴³. М. Бегин, М. Даян и Э. Вейцман полагали, что А. Садат готов заключить сепаратный мир, и все, что он потребует взамен, помимо возвращения Синая, будет лишь «фиговым листком», который прикроет его от обвинений в том, что он предал «арабских братьев».

В качестве такой формулы М. Бегин выдвинул свой план автономии для палестинских арабов Западного берега (Иудеи и Самарии) и полосы Газы. Предполагалось, что арабским жителям этих регионов будет предоставлена административная автономия⁴⁴. При этом обеспечение безопасности и поддержание общественного порядка должны были остаться в руках израильских властей, а за гражданами Израиля сохранялось право приобретать в собственность землю и жить в Иудее и Самарии. По вопросу о суверенитете М. Бегин предложил формулировку, позволявшую отложить решение этого вопроса на более поздний срок: «Израиль по-прежнему настаивает на своем праве осуществлять суверенную власть в Иудее, Самарии и полосе Газы. Израиль осознает, что существуют другие мнения по этому вопросу, и поэтому, ради возможности заключить соглашение

⁴³ Цит. там же.

⁴⁴ Этот план был представлен в Кнессете 28 декабря 1977 года и опубликован в *Протоколах заседаний Кнессета*, том 82, стр. 925–926 [на иврите].

о мире, он предлагает оставить вопрос о суверенитете этих областей открытым»⁴⁵.

В Белом доме и в Государственном департаменте были озадачены прорывной инициативой А. Садата. Эта инициатива, в штыки воспринятая почти везде в арабском мире, не облегчала американцам реализации их политики, направленной на поддержку египетского режима и оказание ему помощи в противостоянии критикам и одновременном поддерживании дружеских отношений с Саудовской Аравией и Иорданией. По этим соображениям американцы рекомендовали А. Садату воздержаться от заключения сепаратного мира и подстегивали Израиль к публичному озвучиванию значительных уступок, которые должны были помочь А. Садату оправдать его инициативу в глазах арабского социума⁴⁶. *Фактически в конце 1977 – начале 1978 года американская дипломатия играла вдвойне деструктивную роль, борясь против заключения единственного реально возможного в то время мирного договора – между Египтом и Израилем, одновременно с этим подталкивая правительство Израиля к далеко идущим уступкам на других направлениях, оправданность которых и поныне не кажется очевидной.* В прошедших в последующие месяцы переговорах представители Египта, Израиля и США пришли к соглашению о том, что мирный договор между Израилем и Египтом должен сопровождаться неким соглашением по палестинскому вопросу и будущему Западного берега и сектора Газа. Вопрос о том, насколько подробным должно быть соглашение – будет ли достаточно размытой декларации об общих принципах или же необходимо согласовать детализированные и четкие условия – стал предметом изнурительных обсуждений.

Программа переговоров, таким образом, оформилась в связи с тремя основными темами. Первый, двусторонний блок вопросов, касался сроков вывода израильских сил с Синайского полуострова, мер по обеспечению безопасности и ограничению вооружений, судьбы поселений, созданных израильтянами на Синае и темпов нормализации отношений между Египтом и Израилем. Второй блок вопросов касался палестинской проблемы и будущего Западного берега и сектора Газа. Третий блок вопросов затрагивал вопросы формы и степени взаимосвязи двух вышеперечисленных тем. Будет ли урегулирование двусторонних проблем в мирном договоре

⁴⁵ Цит. по: Коннор О'Брайен, *Osada*, том 2, стр. 100.

⁴⁶ См.: Saadia Touval, *The Peace Brokers. Mediators in the Arab-Israeli Conflict, 1948–1979* (Princeton: Princeton University Press, 1982), pp. 284–320. Автор благодарен Анастасии Степанянц, подготовившей хороший реферат главы из этой книги, посвященной участию администрации Дж. Картера в израильско-египетском переговорном процессе.

самодостаточным, или же оно будет зависеть от урегулирования палестинской проблемы, или же будет связано с палестинской проблемой лишь опосредованно?

Переговоры по этим вопросам начались практически сразу же после визита А. Садата в Иерусалим. Они были очень интенсивными и длительными, продолжаясь непрерывно на протяжении шестнадцати месяцев, и привели к заключению рамочного соглашения в Кемп-Дэвиде в сентябре 1978 года и к мирному договору между Египтом и Израилем — в марте 1979 года. При этом переговоры практически никогда не были двусторонними: перед представлением предложений на рассмотрение израильскому кабинету министров или А. Садату, М. Бегин, как правило, показывал их Дж. Картеру. Спустя десять дней после визита А. Садата в Иерусалим, в начале декабря 1977 года состоялась новая встреча Моше Даяна и Хасана Тухами (как и предыдущая, она была организована в Марокко), после чего 9 декабря началась поездка государственного секретаря Сайруса Вэнса по ближневосточным столицам, причем его первыми остановками стали Каир и Иерусалим (далее он побывал в Аммане, Бейруте, Дамаске и Эр-Рияде), 16–17 декабря Дж. Картер принимал М. Бегина в Вашингтоне, и лишь после этого на переговоры в Египет отправились министр обороны Э. Вейцман (20 декабря), а затем и сам М. Бегин (24 декабря). Так было и в 1978, и в 1979 годах: американские представители, в том числе и лично президент Дж. Картер, были активнейшим образом вовлечены в ход израильско-египетских переговоров.

Однако когда на встрече в Исмаилии 25 декабря 1977 года М. Бегин представил свои предложения А. Садату, ответ президента Египта был весьма прохладным. Он не выразил интереса в обсуждении деталей израильского предложения, предложив вместо этого, чтобы две стороны в общих чертах сформулировали более краткую декларацию принципов. Египетский проект декларации призывал к установлению мира, основанного на уходе Израиля с Синая, Голанских высот, Западного берега и из сектора Газа в соответствии с резолюцией №242 Совета Безопасности ООН, и быстрому урегулированию палестинской проблемы на основе права палестинского народа на самоопределение. По свидетельству тогдашнего министра обороны Израиля Э. Вейцмана, А. Садат так объяснил цель общей декларации принципов: «Я не хочу обсуждать вопросы, которые нас не касаются. Я хочу, чтобы наша декларация принципов содержала четкое утверждение о прекращении оккупации арабских земель и решении палестинской проблемы. Каждая страна, вовлеченная в конфликт, может позднее сама вести переговоры с

Израилем по поводу непосредственно касающихся ее вопросов»⁴⁷. Это предложение было неприемлемым для правительства М. Бегина, в принципе готового к уходу с Синайского полуострова во имя заключения полноценного мирного договора с Египтом, но стремившегося сохранить Западный берег и сектор Газа под израильским контролем.

Изначально представители Египта и Израиля стремились к прямым двусторонним переговорам, создав для этих целей две рабочие группы: по политическим и по военным вопросам. Дж. Картер и С. Вэнс были готовы, во имя успеха процесса урегулирования, разделить лавры посредников-миротворцев с советскими дипломатами, но отказаться от контроля за происходящим вообще они готовы не были. После того как на встрече в Исмаилии в конце декабря 1977 года М. Бегину и А. Садату не удалось достичь соглашения по формулировкам обсуждавшейся ими Декларации принципов мирного урегулирования, американцы добились своего участия в деятельности рабочей группы по политическим вопросам. Однако и тогда представители США не были приглашены к участию в рабочей группе по военным вопросам, которая занималась обсуждением параметров вывода израильских войск с Синайского полуострова и гарантий безопасности, которые должен был получить Израиль. Только в конце января 1978 года, воспользовавшись временным кризисом в израильско-египетских переговорах, американцы пролоббировали свое участие и в этой рабочей группе.

Американские дипломаты приложили немало усилий, с тем чтобы ослабить критику инициативы А. Садата королями Саудовской Аравии и Иордании, а также пытаться уговорить короля Хусейна, с 1963 года неоднократно тайно встречавшегося со многими израильскими руководителями, присоединиться к переговорному процессу, инициированному А. Садатом. Это было главной темой переговоров, который вели Дж. Картер и госсекретарь С. Вэнс с арабскими лидерами в декабре 1977 — январе 1978 года. Занимаясь этим вопросом, США, по сути, стали посредниками между Египтом, с одной стороны, и Саудовской Аравией и Иорданией, с другой. Особо успешной работу американских дипломатов в этой связи не назовешь: ни одна другая арабская страна, и в том числе Иордания, к мирной инициативе А. Садата не присоединилась. Более того, А. Садат был подвергнут всеобщему ostracismu в арабском мире, а Египет — исключен из Лиги арабских государств.

⁴⁷ См.: Ezer Weizman, *The Battle For Peace* (New York: Bantam Books, 1981), pp. 121–135.

Насколько госсекретарь Г. Киссинджер хорошо знал И. Рабина, настолько же его преемник С. Вэнс не был знаком с М. Бегоном, репутация которого как человека несгибаемого в данном случае служила фактором, в какой-то мере сдерживавшим американский натиск. А. Садат продолжал настаивать на том, что Западный берег должен быть возвращен под контроль Иордании, а сектор Газа — под контроль египетской администрации, и такое положение должно быть сохранено до тех пор, пока палестинцы смогут определить будущее этих территорий. При этом король Иордании в то время ни о какой реализации палестинских национально-государственных чаяний слышать был не готов, как не был готов и к открытым и гласным переговорам с представителями Израиля. Все это не способствовало успешному ходу израильско-египетских переговоров.

Американское посредничество сводилось главным образом к отдельным встречам с представителями сторон. И А. Садат, и М. Бегин, так же как и высокопоставленные члены их правительств, приезжали с визитами в Вашингтон для переговоров с Дж. Картером и С. Вэнсом. Заместитель госсекретаря по делам Ближнего Востока и Южной Азии Альфред Атертон (Alfred Leroy Atherton Jr., 1921–2002) совершил многочисленные визиты в Каир и в Иерусалим, иногда заезжая также в Амман и Эр-Рияд. Неоднократно бывал в Египте и в Израиле и С. Вэнс: в первый раз — 16–20 января, во второй — 5–8 августа, а в третий — 10–11 декабря 1978 года. С 30 июня по 3 июля 1978 года с визитом в Иерусалиме и Александрии находился вице-президент США Уолтер Мондейл. Непосредственно перед подписанием мирного договора, с 10 по 13 марта 1979 года, с визитом в Израиль побывал и лично президент Дж. Картер (это был второй визит президента США в Израиль за все годы существования еврейского государства). Была проведена и трехсторонняя встреча, в которой участвовали С. Вэнс и министры иностранных дел Израиля и Египта; она прошла в середине июля 1978 года в городе Лидсе в Англии. Интересно, что А. Садат встречался не только с руководителями израильского правительства, но и с лидером бывшей в то время в оппозиции Партии Труда Шимоном Пересом; эта встреча состоялась в Австрии 9 июля 1978 года.

Вопреки тому, на что надеялся М. Бегин, в периоды осложнений в переговорном процессе американские руководители отнюдь не были готовы отстаивать израильские интересы. Осознавая, что взгляды администрации Дж. Картера ближе к его позиции, чем к отстаиваемой израильскими руководителями, и веря в то, что роль посредника сковывала администрацию США и не давала им возможности сильнее надавить на Израиль, чтобы М. Бегин был вынужден согласиться с его тре-

бованиями, А. Садат призывал президента США стать арбитром и представить на рассмотрение его собственные предложения.

М. Бегин не считал, что резолюция №242 обязательно должна применяться в отношении Западного берега, тогда как американцы настаивали именно на этом. Кроме того, стороны разошлись в оценке израильской стратегии создания там еврейских поселений. По причине американской озабоченности защитой А. Садата от его арабских критиков, а также потому, что Дж. Картер и С. Вэнс считали, что Израиль должен пойти на значительные уступки, американо-израильские разногласия периодически становились очень резкими. В Израиле даже активно обсуждался вопрос, стоит ли вообще осуществлять основные переговоры с участием представителей США или же их лучше вести напрямую с египтянами без посредников. Опасения Х. Вейцмана относительно того, что американцы полностью встанут на сторону А. Садата, привели его к выводу, что Израилю следует стремиться к прямым переговорам, сведя к минимуму американское участие. Его контакты с А. Садатом и другими египетскими официальными лицами позволили ему сделать вывод, что «можно быстрее прийти к соглашению с Бутросом Гали [он был в то время государственным министром иностранных дел Египта], чем с Альфредом Атертоном»⁴⁸.

Однако именно такая перспектива пугала американцев больше всего. *Коль скоро идея созыва нового раунда Женевской конференции по Ближнему Востоку оказалась мертворожденной, американские дипломаты вернулись к парадигме эксклюзивного патронажа ближневосточной политики. Вновь, как и во времена Г. Киссинджера, им был важен не столько мир на Ближнем Востоке, сколько гарантии сохранения статуса США как единственной сверхдержавы в этом регионе.* Именно с этой целью Джимми Картер инициировал встречу в верхах, которая должна была пройти на территории США, в Кемп-Дэвиде, в сентябре 1978 года.

Представления А. Садата и М. Бегина о смысле этого саммита были весьма различными. А. Садат продолжал отстаивать точку зрения, согласно которой в ситуациях противоречий между сторонами представители США взяли бы на себя роль арбитров. А. Садат видел, что американцы склонны поддержать его в значительно большей степени, чем израильтян, и был заинтересован поэтому в совместном американо-египетском давлении на Израиль. М. Бегин, М. Даян и Э. Вейцман продолжали возражать против того, чтобы американские представители отходили от позиции нейтральных посредников. Представители Египта и США сошлись во мнении, что США ста-

⁴⁸ Ezer Weizman, *Battle For Peace*, pp. 252–255.

нут «полноправным партнером» в переговорах. Примечательно, что только они использовали эту формулировку; израильские руководители отказывались принять любое изменение роли США в переговорах. Так и не достигнув взаимопонимания, стороны сошлись лишь на том, что допустили двоякое толкование значения и скрытого смысла этого термина; каждая сторона была вольна интерпретировать его так, как захочет. М. Бегин не скрывал своего несогласия с усилением роли представителей американской администрации в переговорах, сказав в интервью журналу *Newsweek* за десять дней до начала саммита: «Я не знаю, что означает быть “полноправным партнером”. Если это значит, что американская делегация будет интересоваться переговорами и иногда даже выдвинет свои предложения — это одно. Но я не думаю, что США должны предлагать свой план мирного урегулирования, потому что это будет бесполезно. Моя рекомендация такова: США следует исполнять очень важную функцию честного посредника и привести обе стороны к переговорам лицом к лицу»⁴⁹.

И вновь не будет преувеличением вывод о том, что обе стороны придавали едва ли не большее значение сохранению и развитию их отношений с США, чем урегулированию конфликта между ними, во что они не очень-то и верили. Пренебрежение американскими интересами и исключение США из процесса переговоров привело бы к обратным результатам, и это понимал не только А. Садат, но и М. Бегин. Наконец, обе стороны осознавали, что критически важным условием подписания ими соглашения являются гарантии США в том, что это соглашение будет соблюдаться сторонами. Не очень доверяя друг другу, израильские и египетские руководители считали, что противоположная сторона не решится нарушить обещания, которые она дает американцам.

Американцы, однако, вели свою игру. Джимми Картер, Сайрус Вэнс и советник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский встречались с Менахемом Бегом и Ануаром Садатом по отдельности. Именно в этих отдельных встречах между США и лидерами двух стран последними были сделаны наиболее значительные уступки. На наиболее значительные уступки был вынужден пойти М. Бегин, вопреки своим планам и надеждам согласившийся на полный вывод израильских сил с Синайского полуострова и ликвидацию всех созданных там еврейских поселений.

Саммит в Кемп-Дэвиде продолжался двенадцать дней — с 6 по 17 сентября 1978 года. Он закончился подписанием двух документов, один из которых назывался «Параметры мира на Ближнем Востоке»,

⁴⁹ Интервью М. Бегина журналу *Newsweek*, 28 августа 1978 г.

а второй — «Параметры заключения мирного договора между Египтом и Израилем». Показательно, что эти документы были подписаны на специальной церемонии непосредственно в Белом доме, продемонстрировав максимальную степень американской вовлеченности в ближневосточный переговорный процесс⁵⁰.

Последующие переговоры о заключении мирного договора между сторонами, как казалось, должны были пройти сравнительно гладко, ибо, по сути, все уже было согласовано. Жизнь внесла, однако, свои коррективы. В Кемп-Дэвиде обе стороны обещали «добросовестно вести переговоры с целью заключить мирный договор в течение трех месяцев после подписания рамочного соглашения». Переговоры о тексте мирного договора начались в Вашингтоне 11 октября 1978 года; американцы хотели контролировать весь процесс переговоров во всех его аспектах. Египет представляли министр обороны Камаль Хасан Али (1921–1993) и государственный министр по иностранным делам Бутрос Гали (в 1992 году он был избран Генеральным секретарем ООН), Израиль — министр иностранных дел Моше Даян и министр обороны Эзер Вейцман. К началу ноября проект мирного договора между двумя странами был готов, однако, как А. Садат, так и М. Бегин настаивали на внесении поправок, выдвигая новые требования в попытке добиться более выгодных условий, чем те, которые были согласованы в Кемп-Дэвиде.

Вопреки всем усилиям американской дипломатии, арабский мир полностью отвернулся от А. Садата: Иордания не присоединилась к переговорам, а продолжала и даже интенсифицировала свою оппозицию мирному процессу; тихое недовольство Саудовской Аравии стало звучать громче. На специальном саммите Лиги арабских государств, созванном в Багдаде в ноябре 1978 года, Египет был подвергнут критике, и ему пригрозили санкциями. Переворот в Иране внес дополнительные трудности. Подъем радикального исламского фундаментализма обеспокоил как А. Садата, опасавшегося всплеска активности «Мусульманских братьев» в Египте, так и израильтян, в особенности в связи с тем, что Иран был основным поставщиком нефти в Израиль, а после свержения шаха поставки иранской нефти прекратились. Вследствие этого израильские руководители требовали гарантий продолжающегося доступа к нефтяным скважинам на Синае, которые в рамках мирного договора Израиль должен был передать Египту.

⁵⁰ Наиболее подробное изложение хода переговоров в Кемп-Дэвиде см.: William B. Quandt, *Camp David: Peacemaking and Politics* (Washington: Brookings Institution Press, 1986), pp. 206–258.

Учитывая произошедший в Иране переворот, израильские руководители пытались добиться от Египта обязательств по продаже Израилю необходимого стране количества нефти с нефтяных полей, разработанных на Синае израильскими специалистами. А. Садат обещал М. Бегину, что Египет будет продавать нефть в Израиль, отказавшись при этом зафиксировать это в мирном договоре. Американцы убедили израильтян не настаивать на своих требованиях, пообещав обеспечить Израиль, в случае если он не сможет получить нефть из других источников.

Беспокойство за политическую репутацию А. Садата и необходимость предотвратить, во-первых, его изоляцию, а во-вторых, рост враждебности к самим США в арабском мире, сильно влияли на американскую позицию, которая становилась все менее чуткой к чаяниям представителей Израиля. В конце февраля 1979 года Дж. Картер пригрозил М. Бегину выходом из переговорного процесса и возложением ответственности за его провал на Израиль. 1 марта 1979 года М. Бегин прилетел в Вашингтон на переговоры с Дж. Картером. После их окончания президент США полетел в Каир, откуда отбыл в Иерусалим, а после этого вернулся в Египет и 12 марта вновь встретился с А. Садатом, рассказав ему о новых уступках, «выбитых» им из М. Бегина. Фактически именно Дж. Картер добился от премьер-министра Израиля всего, чего хотел А. Садат. Израилю не удалось сохранить за собой никакую часть Синайского полуострова, Египет должен был получить обратно всё.

В ходе переговоров разногласия между сторонами возникли по целому ряду проблем, причем практически во всех спорных моментах американцы поддерживали египтян.

Наиболее сложный вопрос касался израильских поселений на Синае; в связи с опасением, что их ликвидация может быть воспринята как прецедент, применимый к Западному берегу и Голанским высотам, израильские представители стремились убедить египтян разрешить оставить поселения там, где они находятся, пусть даже эти территории перейдут под власть Египта. Эта идея выглядит довольно-таки дикой: евреи диаспоры не для того переселяются в Израиль, чтобы жить в поселениях под египетским суверенитетом. В любом случае, как Махмуд Аббас, которому делались аналогичные предложения в наши дни, так и Ануар Садат потребовал ликвидации всех еврейских поселений на территориях, передающихся под его контроль. Представители администрации США дали понять, что по этому вопросу они придерживаются позиции Египта, убеждая М. Бегина в том, что А. Садат не заключит мирного договора, если все поселения не будут ликвидированы. В итоге израильская делегация уступила в этом вопросе.

Второй спорный вопрос касался контроля над некоторыми базами военно-воздушных сил, созданными Израилем на Синайском полуострове. Американцы поддерживали требование египтян, пообещав помочь в строительстве новых баз военно-воздушных сил Израиля в пустыне Негев. В итоге израильская делегация уступила и в этом вопросе. Обязанность переместить военные базы с Синая тяжким бременем легла на израильскую экономику. Расходы, связанные с этим, должны были составить три миллиарда долларов в ценах того времени. Израильское правительство было вынуждено взять ссуды на осуществление этого перемещения и выплачивать по ним проценты в валюте.

Египтяне также требовали, чтобы Израиль перенес дату своего ухода из Эль-Ариша на более раннюю, одновременно с этим объявив о том, что они согласны делегировать своего посла в Израиль лишь после окончания полного вывода израильских войск с Синайского полуострова. Дж. Картер инициировал пакетное соглашение, в соответствии с которым Египет отправит своего посла в Израиль после завершения первого этапа вывода израильских сил с Синайского полуострова в обмен на передачу Египту Эль-Ариша ранее, чем это было оговорено прежде.

Острые споры возникали и вокруг палестинской проблемы. Два основных вопроса, по которым мнения сторон разделились, касались перспектив статуса Западного берега и сектора Газа и права палестинских арабов на самоопределение. Египтяне требовали, чтобы Израиль признал право палестинцев на собственное государство, обязавшись уйти со всех территорий, занятых им в ходе Шестидневной войны, согласно арабской интерпретации резолюции №242. Израильцы были убеждены в том, что создание Палестинского государства в Иудее, Самарии и Иорданской долине будет представлять собой смертельную опасность для Израиля. Израильские представители предлагали дать жителям Западного берега и сектора Газа административную автономию, чем египетские представители ограничиться готовы не были. Израильские руководители хотели определить режим автономии таким образом, который сделал бы возможным продолжение присутствия и контроля Израиля над этими территориями и после окончания переходного периода, в то время как египтяне как раз этого стремились не допустить. В то время как Израиль настаивал на использовании фразы «административный совет», Египет требовал формулировок «полная автономия» и «орган самоуправления», открывая таким образом дорогу для надления этой власти и законодательными функциями. Формулировка стала предметом спора еще и потому, что на протяжении многих лет

конфликта определенные фразы стали кодовыми. Например, признание палестинского «права на самоопределение» считалось эквивалентным признанию права на государственность, а «все аспекты палестинской проблемы» интерпретировались как ссылка на беженцев 1948 года. Компромисс, предложенный администрацией США, отражал тот факт, что американская концепция автономии была ближе к египетской, чем к израильской. Компромисс между сторонами основывался на формулировке, предложенной Джимми Картером в Асуане 4 января 1978 года. Было решено дать палестинцам возможность «участвовать в определении их будущего» путем выборов органа самоуправления на время переходного периода, их участия во всех переговорах (по учреждению автономного режима и «окончательного статуса Западного берега и сектора Газа») и постановки «на голосование избранными населением представителями» соглашения по окончательному статусу Западного берега и сектора Газа. Компромисс между египетскими требованиями о том, чтобы Израиль ушел с Западного берега и сектора Газа с начала переходного периода, и израильской настойчивостью по вопросам продолжения контроля приобрел вид соглашения по выводу части израильских вооруженных сил, а также «передислокации остающихся израильских вооруженных сил в определенные зоны безопасности».

Кроме того, как египетские руководители, так и американцы требовали от Израиля прекращения создания новых поселений где бы то ни было на территориях, занятых Израилем в ходе Шестидневной войны, считая их нелегитимными. Израильские руководители настаивали на праве евреев создавать поселения и жить во всех частях Палестины/Эрец-Исраэль. При этом египтяне хотели, чтобы меры, относящиеся к Западному берегу, были применимы и к той части Иерусалима, которая с 1948 по 1967 год находилась под контролем Иордании. Это было неприемлемо для Израиля, который аннексировал восточную часть Иерусалима в 1967 году, объявив город единой и неделимой столицей Государства Израиль. В итоге по этим вопросам никаких соглашений достигнуто не было вообще.

Разногласия вызвало и требование Израиля четко определить преимущественное значение обязательств по этому мирному договору перед любыми предыдущими обязательствами, взятыми на себя сторонами. Настойчивость Израиля по этому пункту возникла из-за убеждения, что Египет может заявить, что он был предан межарабским соглашениям, предусматривающим разнообразные дискриминационные антиизраильские порядки; или что, Египет может вопреки мирному договору заявить, что он обязан поддерживать братские арабские страны, вовлеченные в войну с Израилем. Учитывая, что

этот вопрос не требовал от Египта никаких уступок, кроме сугубо семантических, в Израиле хотя бы в этом вопросе рассчитывали на поддержку, но безуспешно. Американские дипломаты согласились предоставить египтянам возможность интерпретации мирного договора таким образом, что его руководители могли заявить, будто он не противоречит обязательствам, взятым на себя Египтом в соглашениях, заключенных им с другими арабскими странами.

Ввиду резкой критики египетской политики другими арабскими государствами для Египта и США было важно продемонстрировать, что мирный договор был лишь шагом на пути всестороннего урегулирования и создания прямой связи между израильско-египетским мирным договором, рамками всестороннего урегулирования и грядущими переговорами по вопросу автономии Западного берега и сектора Газа. По этой причине Египет предложил, чтобы эта связь была отражена в мирном договоре. Соглашаясь с желательностью всестороннего урегулирования и не отказываясь от своих обязательств по вступлению в переговоры относительно организации автономии, Израиль настаивал на разделении этих двух вопросов и не признавал никакой возможной зависимости между соблюдением условий мирного договора и другими вопросами урегулирования. После сложных переговоров был достигнут компромисс, в соответствии с которым связь между двумя этими вопросами была упомянута в преамбуле к мирному договору, тогда как детали предстоящих переговоров по вопросам автономии обговаривались не в самом тексте подписываемых соглашений, а в прилагаемых к ним дополнительных письмах.

Самые значительные уступки были сделаны М. Бегинном после личных бесед с Дж. Картером 10 и 16 сентября 1978 года в Кемп-Дэвиде, а также 3 марта 1979 года в Вашингтоне. Дж. Картер раз за разом повторял М. Бегину, что исход переговоров зависит от Израиля, называя каждый раунд переговоров «последним шансом» для Израиля на достижение мира и пугая премьер-министра тем, что в случае неудачи переговоров противники мирного урегулирования конфликта (политические враги А. Садата, радикально настроенные арабские лидеры, а также крайне негативно воспринимавшие эти переговоры советские руководители⁵¹) могут одержать верх. Таким

⁵¹ Эти опасения отнюдь не были беспочвенными: в ходе переговоров Л.И. Брежнева и Дж. Картера, прошедших в Вене в середине июня 1979 года, генеральный секретарь ЦК КПСС заявил, что не может быть и речи о том, чтобы Советский Союз поддержал подписанный лидерами Египта и Израиля договор или какой-либо механизм, который мог быть создан для того, чтобы способствовать его реализации.

образом, ответственность, возложенная на Израиль и, в частности, на М. Бегина, была огромной: в его руках как будто находился ключ к успеху или провалу не только какого-то одного раунда переговоров, но и ко всему дальнейшему развитию событий. Предупреждения, напоминавшие лекции Г. Киссинджера израильским дипломатам и министрам, сопровождались угрозами. Дж. Картер угрожал М. Бегину, что возложит всю ответственность за срыв переговоров на Израиль, что приведет как к международной изоляции еврейского государства, так и (с высокой степенью вероятности) отказу Конгресса одобрить выделение военной и/или экономической помощи Израилю.

Другой формой давления, которую использовал Дж. Картер, было установление конечного срока для подведения итогов переговоров. Поначалу для завершения саммита в Кемп-Дэвиде не было установлено никаких временных ограничений, однако спустя несколько дней после его начала американцы заявили, что Дж. Картер выступит в Конгрессе с докладом о саммите и его итогах 18 сентября 1978 года. Важно отметить, что эта дата была установлена тогда, когда договоренности еще не были согласованы! Аналогичный шантаж имел место 12 марта 1979 года, когда приготовления к отъезду Дж. Картера из Иерусалима в связи с якобы бесплодностью его визита, вынудили М. Бегина согласиться на дополнительные уступки.

26 марта 1979 года на впечатляющей церемонии в Вашингтоне Ануар Садат и Менахем Бегин, а также президент США Джимми Картер в качестве свидетеля подписали мирный договор между Арабской Республикой Египет и Государством Израиль⁵². После ратификации его обеими сторонами он вступил в силу 25 апреля 1979 года.

США поручились перед обеими сторонами за соблюдение мирного договора. В одинаковых письмах к М. Бегину и А. Садату Дж. Картер заявил, что, «руководствуясь конституционными принципами и законами США», в случае угрозы или реального нарушения мирного договора американское правительство будет «советоваться» с участниками и действовать так, «как они будут считать правильным для восстановления соблюдения договора». Кроме того, президент Дж. Картер гарантировал, что в случае если Совет Безопасности ООН не сможет установить принципы функционирования вооруженных сил ООН на Синае и обеспечить их непрерывное при-

⁵² Тексты мирного договора и сопровождающих документов были опубликованы в *New York Times* 27 марта 1979 г., на следующий день после их подписания. Анализ текста израильско-египетского мирного договора см. в книге: Валентин Юрченко, *Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.)* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003), стр. 82–86.

существование в этом районе, то США «обеспечат установление и поддержание других допустимых международных вооруженных сил».

Египетско-израильский договор состоит из преамбулы, девяти статей и целого ряда приложений. Все протоколы, дополнения и карты, приложенные к договору, рассматриваются как его неотъемлемая часть.

Договор предусматривал прекращение состояния войны между Египтом и Израилем и восстановление суверенитета Египта над всей территорией Синайского полуострова. Стороны договорились также о том, что «нормальные отношения, которые будут установлены между ними, будут включать полное признание, дипломатические, экономические и культурные отношения, прекращение экономического бойкота и мер дискриминационного характера, наложенных на свободу передвижения лиц и товаров». Израильские суда, в том числе военные, получили право прохода через Суэцкий канал. Израиль обязался завершить «полный вывод своих вооруженных сил и гражданских лиц с Синайского полуострова не позднее чем через три года после обмена ратификационными экземплярами данного договора». Причем в течение первых девяти месяцев со дня обмена ратификационными грамотами Израиль обязался вывести свои войска на линию, проходящую восточнее Эль-Ариша до Рас-Мухаммед. Сразу после завершения этого этапа вступал в силу пункт 3 ст. III договора, предусматривавший полную нормализацию двусторонних отношений.

28 апреля 1982 года последние израильские войска и гражданские лица в соответствии с положениями мирного договора покинули египетскую территорию. Спорным оставался только вопрос о Табе, но, как указывалось выше, семь лет спустя не без участия американцев и он был решен в пользу Египта.

Президенту Дж. Картеру подписанные соглашения принесли огромный политический капитал, хотя в арабском мире, за исключением Египта, реакция была единодушной и резко отрицательной. Мирные соглашения разрушили табу, существовавшее в арабском мире на миротворческие контакты с Израилем, и разорвали заколдованный круг войн, периодически вспыхивавших на Ближнем Востоке, в которых Египет всегда играл ведущую роль. Для А. Садата мир призван был прежде всего решить проблемы, стоявшие в политической повестке дня Египта, и, что еще важнее, расчистить путь к стратегическому сотрудничеству с США, которые укреплялись в качестве единственной сверхдержавы, активно действовавшей на Ближнем Востоке.

27–31 марта 1979 года в Багдаде состоялось экстренное совещание министров иностранных дел и экономики арабских стран, решив-

тельно осудившее не только Египет, но и «политику США, касающуюся их роли в заключении двух соглашений в Кемп-Дэвиде и египетско-израильского договора». Совещание приняло целую серию решений, предусматривающих политические и экономические санкции против египетского режима. Совещание рекомендовало всем членам Лиги арабских государств разорвать дипломатические отношения с Египтом. Сирия, Ливия, Северный Йемен, Алжир, Ирак сделали это еще в декабре 1977 года после поездки Садата в Иерусалим. Тогда же закрыло свое представительство в Каире ООП. Выполняя решение совещания в Багдаде, разорвали отношения с Египтом и другие арабские государства, кроме Судана, Омана и Сомали. В конце апреля 1979 года новое правительство Ирана также разорвало с Каиром дипломатические отношения. С момента подписания вашингтонского договора было приостановлено членство Египта в Лиге арабских государств. Штаб-квартира ЛАГ, ее генеральный секретариат и другие учреждения были переведены из Каира в Тунис. Багдадское совещание рекомендовало также временно исключить Египет из арабских организаций, учреждений и федераций и перевести их штаб-квартиры из Каира в другие арабские страны. На основании этого решения Египет был исключен из Организации арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК) и из Арабского банка экономического развития Африки, было временно приостановлено его членство в Арабском фонде экономического и социального развития, в Арабском союзе радиовещания, в Арабской организации труда, в Арабском валютном фонде, во Всеарабской федерации спорта и ряде других арабских организаций. Жизнь самого А. Садата оборвалась в результате покушения, организованного воинствующими мусульманскими фанатиками в октябре 1981 года. Попытки А. Садата договориться с ними, включавшие встречи с лидерами политической оппозиции, куда входили и представители «Мусульманского братства», в Исмаилии в августе 1979 года и в декабре 1980 года (в этой встрече участвовал тогдашний верховный наставник «Братства» О. ат-Тельмесани)⁵³, к сожалению, успеха не имела.

Однако убийство президента А. Садата не привело к потрясениям в государстве или к прекращению действия мирных соглашений с Израилем. Ставший новым президентом Египта Хосни Мубарак остался верен курсу своего предшественника. Свержение режима Х. Мубарака в феврале 2011 года, приход к власти исламистов, изгна-

⁵³ См.: М.З. Ражбадинов, *Египетское движение «Братьев-мусульман»* (Москва: Институт востоковедения РАН — Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), стр. 172.

ние из Каира сотрудников израильского посольства и подрывы газопровода, по которому на протяжении многих лет в Израиль поставлялся газ из Египта, создали, однако, совершенно иную ситуацию, к счастью оказавшуюся недолговечной. Какими будут отношения Израиля и Египта в период правления фельдмаршала Абделя-Фаттаха аль-Сиси, знать пока не дано.

Вопреки ожиданиям, согласие Израиля на значительные уступки в рамках мирного договора с Египтом не привели к прекращению американского давления. Менее чем через год, весной 1980 года, разразился серьезный дипломатический кризис в американо-израильских отношениях. 1 марта 1980 Совет Безопасности ООН принял резолюцию №465, в которой осуждалась политика правительства Израиля «на оккупированных арабских землях», направленная на «создание новых военизированных поселений, изменение психологического склада, демографического состава и статуса проживающих здесь палестинцев». Основой для данного документа послужил доклад, подготовленный для Совета Безопасности специальной комиссией по изучению положения арабов на занятых Израилем в ходе Шестидневной войны территориях. В рекомендациях отмечались «неотъемлемое право палестинцев на возвращение к родным очагам», необходимость «ликвидации уже существующих и приостановление создания новых израильских поселений на оккупированных арабских землях», желательность «предотвращения любых мероприятий, имеющих целью изменение статуса Иерусалима». Постоянный представитель США в ООН Дональд Мак-Генри (Donald Franchot McHenry) не только не наложил вето на эту одностороннюю резолюцию, но даже проголосовал за нее на заседании Совета Безопасности. Это вызвало бурю возмущения среди произраильски настроенных конгрессменов⁵⁴, однако махать кулаками после драки — дело не особенно полезное, резолюция Совета Безопасности уже была принята. Выступив 21 марта 1980 года перед членами Комиссии по иностранным делам палаты представителей Конгресса, госсекретарь С. Вэнс взял на себя всю ответственность за принятие решения в поддержку резолюции №465 Совета Безопасности ООН, хотя и отметил несогласие администрации США с теми пунктами в ней, которые касались уже существующих израильских поселений, вследствие чего постпред США в ООН якобы «сделал оговорки относительно их, не выступая против резолюции в целом». С. Вэнс также охарактеризовал создание Израилем поселений на «оккупи-

⁵⁴ См.: О.А. Колобов, «Конгресс США и “ошибка” Вэнса–Мак-Генри» // *США: Экономика, политика, идеология*, №1 (1981), стр. 71–74.

рованных арабских территориях» как «нарушение норм международного права».

Президентская каденция Джимми Картера закончилась 19 января 1981 года, однако он остался весьма активным общественным деятелем. В 2002 году он стал первым — и пока единственным — экс-президентом США, удостоенным Нобелевской премии мира после завершения срока правления. Гуманитарная и миротворческая деятельность Джимми Картера получила широкое признание, однако и она едва ли способна оправдать его крайне односторонний подход к сложному клубку арабо-израильских противоречий. Спустя четверть века после своей отставки Дж. Картер выпустил книгу, которая, без сомнения, может быть охарактеризована как наиболее антиизраильский труд, когда-либо опубликованный кем-либо из американских президентов. Сам автор дал своему труду следующее краткое описание: «Книга описывает ужасающее угнетение и преследования на оккупированных палестинских территориях с жесткой системой пропусков и строгой сегрегацией палестинцев и еврейских поселенцев на Западном берегу. Гигантская тюремная стена, строящаяся сейчас [Дж. Картер, без сомнения, имеет в виду т.н. “забор безопасности”, который Израиль начал возводить после серии кровавых терактов, совершенных палестинцами против его граждан], вьется по остаткам Палестины, чтобы отрезать еще больше земли для израильских поселенцев. Во многих отношениях положение здесь более деспотическое, чем для чернокожих в Южной Африке во времена апартеида»⁵⁵. Собственно, книга так и называется — *Palestine: Peace Not Apartheid* [«Палестина: мир, а не апартеид»]⁵⁶.

Хотя в своей книге Дж. Картер распределяет вину за десятилетие безуспешные попытки достичь мира между Израилем, Палестиной и другими сторонами, включая США, он самым резким образом критикует именно политику Израиля, утверждая, что «основным препятствием для прочного мирного договора на Святой земле» стали не неготовность палестинцев признать факт существования Израиля как еврейского государства и даже не десятилетиями ведущаяся ими террористическая деятельность, а исключительно «колонизация Израилем палестинской земли». Бывший президент завершил свою книгу утверждением о том, что «на Ближнем Востоке мир не наступит до тех пор, пока израильское руководство не проявит го-

⁵⁵ Jimmy Carter, “Speaking frankly about Israel and Palestine” // *Los Angeles Times*, December 8, 2006.

⁵⁶ Jimmy Carter, *Palestine: Peace Not Apartheid* (New York: Simon and Schuster, 2006).

товность следовать нормам международного права, придерживаться официальной политики США, прислушиваться к желаниям большинства своих граждан, а также исполнить прежние обязательства и принять границы, установленные международным правом». Экспрезидент США не считал нужным обмолвиться ни о том, что ФАТХ и Организация освобождения Палестины были созданы еще до 1967 года, то есть тогда, когда проблемы территорий, считающихся им и его единомышленниками «оккупированными», не существовало в принципе, ни о том, что возникшие в 1980-е годы радикальные исламистские организации «Хизбалла» и ХАМАС и поныне не признают право Израиля на государственную независимость ни в каких границах. В апреле 2008 года Джимми Картер даже встретился в Дамаске с председателем политбюро ХАМАСа Халедом Машалем, его заместителем Мусой Абу Марзуком, главой Министерства иностранных дел в правительстве, созданном ХАМАСом в секторе Газа, Махмудом Аз-Захаром и главой Министерства внутренних дел в том же правительстве Саидом Сиямом (в январе 2009 года он был убит израильскими силами в ходе антитеррористической операции «Литой свинец»). За несколько дней до его планировавшихся встреч с руководителями ХАМАСа президент Израиля Ш. Перес предупреждал Дж. Картера, что эти переговоры бесполезны и станут «величайшей ошибкой», но экс-президент США остался при своем. Хотя Джимми Картер не смог убедить своих собеседников ни признать право Израиля на существование, ни согласиться прекратить ракетные обстрелы израильской территории, книгу, обличающую исламский фундаментализм за их непримиримую антиизраильскую позицию, экс-президент писать не стал. Представляется, что прав Шимон Перес, прямо сказавший Дж. Картеру, что «при всех заслугах по достижению мира между Израилем и Египтом в 1979 году, в последние годы он нанес немалый ущерб Израилю и мирному процессу». Зная о деятельности Дж. Картера в последние тридцать лет и прочитав написанную им книгу, можно в полной мере представить себе, под каким прессингом находились М. Бегин и другие представители израильского руководства, вынужденные вести переговоры под патронажем и при посредничестве Дж. Картера.

ЧАСТЬ VI.

**ТРИ КНУТА НА КАЖДЫЙ ПРЯНИК:
ПЕРМАНЕНТНЫЙ КРИЗИС
АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ Р. РЕЙГАНА
И ДЖ. БУША-СТ.,
1981–1992 ГГ.**

Глава 16

Ближневосточный блицкриг администрации Рейгана и его фиаско, 1981–1983 гг.

В общегосударственном масштабе Джимми Картер опередил Джеральда Форда на выборах, прошедших в 1976 году, на 2% голосов, однако четыре года спустя уступил выдвинутому Республиканской партией Рональду Рейгану (Ronald Wilson Reagan, 1911–2004) с десятипроцентным отрывом. Однако, учитывая весьма своеобразную систему выборов президента, принятую в США, разрыв между Р. Рейганом и Дж. Картером оказался десятикратным: 489 выборщиков против 49. За действующего президента страны высказалось большинство избирателей лишь в пяти небольших штатах, а также в федеральном округе Колумбия. Заслуживает упоминания, однако, что среди избирателей-евреев большинство проголосовало как раз за Дж. Картера: существенно меньше, чем в 1976 году (тогда, согласно опросам, его поддержали 71% избирателей-евреев — против 27%, проголосовавших за Дж. Форда), но все же на 6% больше, чем за Р. Рейгана (согласно опросам, 51% — против 45% за кандидата от республиканцев)⁵⁷. Эти данные являются еще одним свидетельством, во-первых, той незначительной роли, которую, вопреки повсеместно повторяемым утверждениям, играют американские евреи в президентских выборах в США, а во-вторых, того отнюдь не центрального положения, которое играет отношение президента США к Государству Израиль в формировании системы электоральных приоритетов американского еврейства: как бы критически ни относился Дж. Картер к Израилю и политике его руководства, большинство американских евреев остались верны традиционному курсу на под-

⁵⁷ Данные приводятся по книге: *Jews in American Politics*, ed. by Sandy Maisel and Ira Forman (Lanham: Rowman & Littlefield, 2001), p. 153.

держку кандидата от Демократической партии. Вместе с тем два ведущих общественно-политических журнала, во главе которых стояли редакторы-евреи, поддержали других кандидатов: *Commentary* Нормана Подгореца (Norman Podhoretz) — Рональда Рейгана, а *The New Republic* Мартина Переца (Martin Peretz) — Джона Андерсона (John Bayard Anderson), выступавшего в качестве независимого кандидата. Рональда Рейгана поддерживали и произраильски настроенные группы избирателей-евангелистов⁵⁸.

Приход к власти Рональда Рейгана — пожалуй, самого антисоветски настроенного из всех президентов США — в немалой степени был следствием разочарования американского общества тем, что политика «разрядки» закончилась в конце 1979 года введением советских войск в Афганистан. Во многом именно поэтому отношение новой американской администрации к региону Ближнего и Среднего Востока принципиально изменилось. Израиль из «обузы», препятствующей «разрядке», превратился в форпост, сдерживавший сателлитов основного стратегического противника США. Обеспокоенность Вашингтона вводом советских войск в Афганистан и расширением военно-политического сотрудничества СССР с Сирией, Ираком, Ливией и другими странами Ближнего и Среднего Востока стала причиной принятия решения о подписании Меморандума о стратегическом сотрудничестве с Израилем. Этот документ был подписан министрами обороны двух стран Каспаром Уайнбергером (Caspar Willard Weinberger, 1917–2006) и Ариэлем Шароном 30 ноября 1981 года. Сам факт подписания данного документа отражал не столько новый рубеж в эволюции американо-израильского сотрудничества, сколько был реакцией на конкретные события, к которым Израиль не имел прямого отношения. Напомним, что меморандумы о взаимопонимании между Израилем и США уже подписывались 10 марта 1965 года (см. в девятой главе настоящей книги) и 1 сентября 1975 года (см. в четырнадцатой главе), поэтому этот документ развивал векторы, в целом уже сформулированные ранее, о чем свидетельствовала и Преамбула документа: «Настоящий Меморандум о взаимопонимании подтверждает общность дружеских связей между Соединенными Штатами и Израилем и опирается на отношения взаимной безопасности, существующие между обеими странами».

В американо-израильском Меморандуме 1981 года можно выделить как региональную, так и глобальную составляющие. Первая,

⁵⁸ См.: Steven L. Spiegel, *The Other Arab-Israeli Conflict. Making America's Middle East Policy, from Truman to Reagan* (Chicago: The University of Chicago Press, 1985), pp. 396–397.

несомненно, связана с усилением военно-стратегических позиций США в Восточном Средиземноморье и стремлением Израиля уйти далеко вперед в плане военно-технического превосходства над арабскими странами. Меморандум явился конкретным предупреждением Сирии, Ливии и Ираку, развивавших военные связи с Советским Союзом. Вторая линия была связана с решением США и Израиля всеми средствами противодействовать укреплению влияния Советского Союза на Ближнем Востоке. Об этом в Меморандуме говорится открытым текстом, причем неоднократно. В Преамбуле, в частности, сказано: «Стороны признают необходимость усилить стратегическое сотрудничество для устранения всех угроз, исходящих от Советского Союза региону». В статье 1 эта мысль повторяется: «Американо-израильское стратегическое сотрудничество, согласно настоящему Меморандуму, направлено против угрозы миру и безопасности региона, исходящей от Советского Союза или от сил, контролируемых Советами и являющихся внешними для региона». Далее определены цели, которые преследует это сотрудничество: «Позволить Сторонам действовать сообща и в нужный момент противостоять вышеупомянутой угрозе», во-первых, и «обеспечивать друг друга военной помощью для проведения войсками операций в регионе, которые могут потребоваться для борьбы с этой угрозой», во-вторых.

Вашингтон стремился постепенно интегрировать Израиль в глобальную оборонительную систему в целях укрепления противодействия Советскому Союзу на стратегической территории между южным флангом НАТО и Персидским заливом. Еще в августе 1979 года Рональд Рейган высказал мнение о том, что «падение [режима шаха] в Иране увеличивает ценность Израиля как едва ли не единственного остающегося стратегического союзника в регионе, на которого США могут полагаться»⁵⁹. Фокусом интересов США был регион Восточного Средиземноморья, что нашло свое выражение в разделе 1(б) статьи 2 Меморандума: «Сферы, в которых будет осуществляться стратегическое сотрудничество, включают... совместные военные учения, включая военно-морские и военно-воздушные в Восточном Средиземноморье, как в том согласятся стороны». Раздел 2 той же статьи указывал, что «сотрудничество будет включать стадии планирования, подготовки и осуществления». Этой же теме был посвящен Второй раздел статьи 3 Меморандума, в котором к сферам деятельности совместных рабочих групп, создаваемых в рамках реализации обозначенных Меморандумом направлений взаимодействия, было отнесено «военное сотрудничество между сторонами, включая со-

⁵⁹ Цит. по: *Washington Post*, August 15, 1979, p. 25.

вместные американо-израильские маневры в Восточном Средиземноморье».

Подписание военно-политического соглашения с Израилем не было актом благотворительности с американской стороны. Американские военные эксперты считали, что США должны добиваться допуска к базам израильских военно-воздушных сил, а для Шестого флота нужно расширить сферу использования израильских портов, чтобы не быть зависимым от портов в Греции. Совместные американо-израильские военно-морские и военно-воздушные учения должны проводиться регулярно для отработки действий в случае кризиса. Запасы лекарств, топлива, военного снаряжения и оружия из США должны быть сосредоточены в Израиле в нужных количествах, с тем чтобы их можно было эффективно использовать в Персидском заливе или на южном фланге НАТО, если потребуется⁶⁰. При этом американцы, понимая выгоды этого соглашения для их страны, стремились как можно меньше сообщать о подписанном ими с Израилем соглашении; на церемонию подписания даже не были допущены фотожурналисты!⁶¹

При этом отношение администрации Рейгана к мерам, предпринимаемым Израилем для обеспечения своей безопасности, было отнюдь не союзническим. Ярким свидетельством этого стала реакция США на бомбардировку израильскими самолетами иракского ядерного реактора.

После того как в 1976 году Ирак подписал договор о военно-техническом сотрудничестве с Францией в деле создания ядерного реактора, в Израиле стали выражать небезосновательную тревогу из-за того, что, используя этот реактор, Ирак сможет производить плутоний в достаточных для создания боевого ядерного арсенала количествах. Это беспокойство многократно усилилось в 1978 году, после того как Италия подписала с Ираком договор о строительстве ряда лабораторий, специально предназначенных для производства плутония. Первоначальные усилия Израиля выражались преимущественно в политических и дипломатических шагах (прежде всего, на американском направлении), а также в проведении разъяснительной кампании в международных средствах массовой информации. Однако предпринятые попытки убедить американцев и европейцев в том, что обладающий ядерным оружием Ирак, президентом которого 16 июля 1979 года стал Саддам Хусейн, — опасность для всего челове-

⁶⁰ James A. Phillips, "America's Security Stake in Israel" // *Heritage Foundation Backgrounder*, No. 521 (1986), pp. 11–12.

⁶¹ См.: Steven L. Spiegel, *The Other Arab-Israeli Conflict*, p. 410.

чества, успеха не имели. Не добившись своего дипломатическими методами, израильское руководство приняло решение предпринять военную операцию с целью уничтожения реактора⁶². В октябре 1979 года Менахем Бегин поручил Генеральному штабу ЦАХАЛа разработать план соответствующей операции. 19 мая 1980 года вопрос об авиационном налете на Ирак был вынесен на обсуждение «узкого» кабинета, в который входили руководители ключевых министерств и силовых структур. М. Бегин был убежден в необходимости проведения авиационной бомбардировки до того, как декларирующий в качестве одной из своих целей уничтожение Израиля режим Саддама Хусейна смог бы обзавестись атомным оружием. Однако именно опасения из-за реакции американцев вынудили М. Бегина дважды отложить запланированную операцию: первый раз — в преддверии инаугурации Рональда Рейгана в январе 1981 года, а затем — до планировавшегося (и состоявшегося в апреле того же года) визита в Израиль нового государственного секретаря США Александра Хейга (Alexander Meigs Haig, Jr., 1924–2010). Затем операция переносилась еще несколько раз: то из-за разногласий в руководстве Израиля, то в связи с обострением ситуации в Ливане, то в связи с президентскими выборами во Франции, то из опасения сорвать запланированную встречу М. Бегина и А. Садата... Наконец, 7 июня 1981 года, за три месяца до запланированного запуска ядерного реактора, над которым в Ираке работали французские специалисты, израильские летчики вылетели на выполнение боевого задания. Вся бомбардировка продолжалась около двух минут; на цель было сброшено шестнадцать бомб, и строившийся ядерный реактор был полностью уничтожен. Остается только догадываться, с каким сопротивлением столкнулись бы американские войска десять лет спустя в ходе операции «Буря в пустыне», если бы ядерный реактор Саддама Хусейна не был бы разбомблен израильскими самолетами.

Помня о двух военных кампаниях, которые вели американцы в Ираке, в ходе второй из которых многолетний президент страны Саддам Хусейн в апреле 2003 года был свергнут, а в декабре 2006 года — казнен, трудно поверить, что за бомбардировку иракского ядерного реактора, строившегося, естественно, вне рамок какого-либо международного контроля, администрация Рейгана решила подвергнуть Израиль санкциям! Хотя Менахем Бегин был убежден в том, что эта «акция была актом спасения, актом национальной са-

⁶² Подробности этой операции в наиболее полной форме описаны в книге: Шломо Накдимон, *История бомбардировки иракского реактора* (Тель-Авив: издательство «Эйданим», 1993 [на иврите]).

мообороны в самом возвышенном смысле этого понятия», о чем заявил многолетнему послу США в Израиле Сэмюэлю Льюису (Samuel Winfield Lewis, 1930–2014)⁶³, американцы объявили, что в качестве «наказания» за эту бомбардировку они задерживают поставку в Израиль самолетов, сроки прибытия которых в Израиль были оговорены в подписанном межгосударственном договоре! 19 июня 1981 года Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию №487, «решительно осуждавшую» бомбардировку Израилем иракского ядерного реактора, квалифицировав ее как «очевидное нарушение Устава ООН и норм международного поведения»; американский постпред в ООН проголосовал за эту резолюцию.

Не будет лишним отметить, что понимание ситуации в то время в Москве было весьма адекватным. Согласно отчету советских специалистов, поданному в марте 1981 года, в Ираке был достигнут заметный прогресс в разработке оружия массового поражения, вследствие чего уже к 1983 году Ирак сможет произвести три атомные бомбы. Отмечалось, что уран в необходимых количествах поступал в Багдад из Нигера, Бразилии и Португалии⁶⁴. Руководитель советской дипломатии А.А. Громыко считал обретение Ираком ядерного статуса прямой угрозой и безопасности Израиля, и статусу США на Ближнем и Среднем Востоке. По свидетельству Валерия Еременко, опубликованному им спустя два десятилетия, А.А. Громыко говорил, что, хотя «создание Саддамом ядерного оружия привнесет много неизвестного в ближневосточный пасьянс», представить ситуацию, при которой иракская атомная бомба была бы обращена против Советского Союза, невозможно. «А вот американцам и их союзнику Израилю это должно причинить немалую головную боль. Ближневосточный конфликт разгорится с новой силой. И тогда нас будут на коленях умолять помочь его урегулировать», — делал вывод советский министр иностранных дел⁶⁵. Американцы, однако, удивительным образом этого не осознавали, голосуя солидарно с Советским Союзом за резолюцию, решительно осуждавшую Израиль за этот якобы акт неспровоцированной агрессии! В отличие от А.А. Громыко, воспринимавшего Израиль и США как союзников, сами американцы голосовали в Совете Безопасности ООН солидарно с Советским Союзом против Израиля!

⁶³ Текст заявления М. Бегина послу С. Льюису от 20 декабря 1981 г. опубликован в антологии *Israel's Foreign Relations. Vol. 7, 1981–1982*, док. 91.

⁶⁴ Валерий Еременко, «Бомба для Саддама» // *Независимое военное обозрение*, 7 февраля 2003 г.

⁶⁵ Цит. там же.

Уже после свержения режима С. Хусейна всё тот же В. Еременко адекватно суммировал его «миротворческие» устремления: «Ирак являлся единственной арабской страной, имевшей опыт боевого применения химического оружия (в 1983–1984 гг. — против Ирана и иракских курдов) и ракетного оружия (в 1981–1988 и 1991 гг. — против Ирана, Израиля и Саудовской Аравии). На территории Ирака было построено около двух десятков объектов, связанных с изготовлением, испытаниями и ремонтом различных типов ракетной техники. Главным научным подразделением, включающим до 50 лабораторий, был секретный военный центр “Саад-16” около г. Мосула. Кроме того, Ирак располагал космическим центром “Аль-Анбар” недалеко от Багдада. Этими оборонными предприятиями была осуществлена модернизация советской ракеты “Скад-Б” (300 км), на базе которой были созданы две модификации — “Аль-Хусейн” (600 км) и “Аль-Аббас” (900 км). В Ираке осуществлялась также достаточно широкая программа ядерных исследований, велись биологические разработки в военно-прикладных целях. Летом 1991 года Ирак заявил в Спецкомиссию о наличии 46 тысяч единиц снаряженных химических боеприпасов и около 700 тонн отравляющих веществ в боеприпасах и емкостях для хранения. В дальнейшем, по оценкам экспертов ООН, эти цифры увеличились до 55 тысяч боеприпасов и более 1,5 тысячи тонн отравляющих веществ»⁶⁶. Именно этот, устремленный к миру и добрососедским отношениям, режим и его ядерную программу американцы «дальновидно» защищали в 1981 году от израильской «агрессии».

Саддам Хусейн был не единственным «миротворцем», которого администрация Рейгана защищала от израильтян. Защиты удостоился и глава ФАТХа и ООП Ясир Арафат. После того как с 10 по 19 июля 1981 года ООП выпустила по северу Израиля 1970 «катюш», в результате чего погибли 6 израильтян, а 111 были ранено, а жизнь в городе Кирьят-Шмона и других приграничных районах была фактически парализована, 19 июля 1981 года силы ЦАХАЛа произвели массированную бомбардировку баз ООП в Южном Ливане, разбомбив и ее штаб-квартиру в Бейруте. Американцы и за это «наказали» Израиль, задержав поставку самолетов F-15. Как отмечал проф. С. Спигель, «задержка с поставками американского оружия, о покупке которого с Израилем уже была достигнута договоренность, была беспрецедентной. Ничего подобного не было со времен замораживания экономической помощи Израилю Д. Эйзенхауэром в октябре

⁶⁶ Валерий Еременко, «Халиф на четверть века» // *Полит.ру*, 2 мая 2007 г., <http://polit.ru/article/2007/05/02/saddam/>

1953 года»⁶⁷. Это вызвало возмущение Менахема Бегина, заявившего американскому послу: «Вы не имеете права читать нам мораль по поводу потерь среди гражданского населения. Мы читали историю Второй мировой войны и знаем, что случилось с гражданским населением, когда вы действовали против врага. Мы читали также историю войны во Вьетнаме. Наши усилия всегда были направлены на то, чтобы избежать потерь среди гражданского населения, но иногда это неизбежно, как это случилось при бомбардировке командного пункта ООП»⁶⁸.

14 декабря 1981 года по инициативе правительства Кнессет 63 голосом «за» при 21 голосе «против» принял Закон о Голанских высотах, объявивший их частью территории, на которую распространяются суверенитет и юрисдикция Государства Израиль. Спустя трое суток постпред США в ООН Джин Киркпатрик (Jeane Duane Jordan Kirkpatrick, 1926–2006) проголосовала за резолюцию №497, принятую Советом Безопасности ООН 17 декабря 1981 года по жалобе Сирии. Защищая права режима Хафеза Асада, резолюция постановляла, что «решение Израиля установить свои законы, юрисдикцию и управление на оккупированных сирийских Голанских высотах является недействительным и не имеет международной юридической силы» и требовала, «чтобы Израиль, оккупирующая сила, немедленно отменил свое решение». Кроме того, американцы вновь наложили санкции на Израиль. По свидетельству тогдашнего главы Отдела Ближнего Востока МИДа СССР О.А. Гриневского, жесткая реакция администрации США на принятый Кнессетом Закон о Голанских высотах вызвала даже «величайшее удивление» министра иностранных дел СССР А.А. Громыко⁶⁹. Меморандум о стратегическом взаимопонимании между США и Израилем, подписанный всего за месяц до этого двумя министрами обороны, К. Уайнбергером и А. Шароном, оказался в подвешенном состоянии.

Все это привело Менахема Бегина к едва ли не самой резкой реакции, которую когда-либо слышал от кого-либо из израильских политических лидеров американский посол. Основную часть заявления премьер-министра Израиля имеет смысл привести целиком, ибо трудно найти более ясное, красноречивое и недвусмысленное доказательство того кризисного состояния, в котором десятилетиями пребывали (и пребывают) американо-израильские отношения, по

⁶⁷ См.: Steven L. Spiegel, *The Other Arab-Israeli Conflict*, p. 409.

⁶⁸ Текст заявления М. Бегина послу С. Льюису от 20 декабря 1981 г.

⁶⁹ Олег Гриневский, *Сценарий для третьей мировой войны* (Москва: «Олма-пресс», 2003), стр. 133.

неведомым причинам воспринимающиеся как неизменно союзнические и даже дружеские:

«Вы снова хвастаетесь тем, что “наказываете” Израиль. Что это за стиль такой — наказывать Израиль? Мы ваше вассальное государство? Разве мы банановая республика? Скажу вам, из кого состоит это правительство. Оно состоит из людей, жизнь которых протекала в сопротивлении, в военных действиях и страданиях. Нас вы не запугаете наказаниями. Тот, кто угрожает нам, обнаружит, что мы глухи. Нет у вас никакого права наказывать Израиль, и я протестую против того, что вы пользуетесь этим понятием.

Вы заявили, что приостанавливаете обсуждение договора о стратегическом сотрудничестве и что возвращение к переговорам, сроки которых уже были назначены прежде, зависит от прогресса переговоров об автономии [для палестинцев Западного берега и сектора Газа] и от положения в Ливане. Вы пытаетесь сделать Израиль заложником этого договора. Ваше заявление о приостановлении обсуждения договора я рассматриваю как его денонсацию. Никакой дамоклов меч не будет висеть над нашей головой.

Еврейский народ прожил 3700 лет без договора с Америкой и продолжит жить еще 3700 лет. Мы не согласимся с требованием дать возможность иерусалимским арабам участвовать в выборах в учреждения автономии⁷⁰ и с угрозами приостановить союзнические обязательства, если мы на это не пойдем.

Вы наложили на нас денежные наказания и нарушили слово, данное президентом. Когда здесь был государственный секретарь Хейг, он зачитал письменное заявление президента Рейгана, что вы купите на двести миллионов долларов оружие и другое оборудование. Это нарушение президентского слова. Разве так принято вести себя? Вы отменили [обещанную помощь] еще на сто миллионов долларов, чего вы хотели этим добиться? Ударить нас по карману?

Я живу в доме, где в 1946 году жил английский генерал по имени Баркер. Когда мы воевали против него, вы нас называли террористами, а мы продолжали воевать. Когда мы атаковали его штаб в занятом им здании отеля *King David*, Баркер сказал: “На эту расу можно повлиять только, ударив ее по карману”⁷¹, и отдал распоряжение британским сол-

⁷⁰ По соглашениям, подписанным правительством И. Рабина — Ш. Переса в первой половине 1990-х годов, арабские жители Восточного Иерусалима получили право избирать и быть избранными в Законодательный совет созданной тогда Палестинской национальной администрации.

⁷¹ Речь идет о генерале сэре Эвелине Хью Баркере (Sir Evelyn Hugh Barker, 1894–1983), весной 1946 года назначенном командующим британски-

датам не посещать еврейские кафе. Бить нас по карману? Это философия Баркера.

Теперь я понимаю, почему усилия в Сенате добиться большинства в пользу оружейной сделки с Саудовской Аравией сопровождались не красивой антисемитской кампанией под лозунгом “Бегин или Рейган”. Выходит, что тот, кто противится сделке с Саудовской Аравией, поддерживает чужого главу правительства и нелоялен к президенту США. Таким образом, сенаторы Джексон, Кеннеди, Паквуд и, конечно, сенатор Бушвиц якобы не являются лояльными гражданами⁷².

Затем был провозглашен лозунг: “Не позволим евреям определять внешнюю политику США”. Что означает этот лозунг? Греческое меньшинство США многое сделало для того, чтобы Сенат принял решение о недопущении поставок оружия Турции после ее вторжения на Кипр. Никто не запугает большую и свободную еврейскую общину США. Никому не удастся устрасить ее антисемитской пропагандой. Они будут с нами, это страна их праотцев, и их полное право и обязанность ее поддержать.

Некоторые говорят, что надо отменить закон, принятый Кнессетом. ... У нас, слава Богу, достаточно сил, чтобы защитить нашу независимость и отстоять свои права. Насколько я понимаю, нет во всем мире никого, кто мог бы отменить закон, принятый большинством голосов в Кнессете.

Господин [министр обороны США] Вайнбергер сказал, а затем и господин [государственный секретарь] Хейг, что принятие этого закона нарушает резолюцию СБ ООН №242. Тот, кто это говорит, не читал резолюцию или забыл или не понял ее. Душой резолюции являются переговоры для установления безопасных и признанных границ. Сирия заявила, что не будет вести с нами переговоры, что она не признает и не признает нас, и тем самым выхолостила всю суть резолюции №242. Каким же образом могли мы негативным образом повлиять на эту резолюцию?

Что касается будущего, соизвольте сообщить государственному секретарю, что Закон о Голанских высотах останется в силе. Нет силы, которая сможет его отменить.

ми войсками в Палестине. М. Бегин имеет в виду следующую фразу, приписываемую Э.Х. Баркеру, антисемитские взгляды которого были широко известны: “(We) will be punishing the Jews in a way the race dislikes as much as any, by striking at their pockets and showing our contempt of them”.

⁷² 29 октября 1981 года Сенат США одобрил продажу шести авиационных систем раннего предупреждения и управления Саудовской Аравии. Это было достигнуто после яростных парламентских дебатов, инициированных произраильски настроенными сенаторами, возражавшими против этого. Администрация Р. Рейгана надеялась, что это может повлиять на согласие Саудовской Аравии предоставить США базы на ее территории.

В отношении Ливана я просил сообщить государственному секретарю, что мы не начнем войны, но если будем атакованы террористами или сирийцами, то выступим с контратакой»⁷³.

Закон, принятый в 1981 году, остается в силе и поныне, хотя израильские руководители под давлением американцев неоднократно вынуждены были вести переговоры об отступлении с Голанских высот. Война же между Израилем и силами ФАТХа в Ливане (не зря территорию Южного Ливана называли тогда Fatahland) началась менее чем через полгода после этого заявления М. Бегина, 5 июня 1982 года.

5 апреля 1982 года в Париже был убит израильский дипломат Яков Бар-Симан-Тов. Спустя пять лет, в 1987 году, за убийство Я. Бар-Симан-Това и военного атташе США ливанский террорист Ж. Абдалла был осужден французским судом к пожизненному заключению. 3 июня 1982 года в Лондоне было совершено покушение на Шломо Аргова, израильского посла в Лондоне. (Позже выяснилось, что покушение было совершено террористами из организации Абу Нидаля, отколовшейся от ООП). 4 июня, в ответ на покушение, правительство Израиля утвердило план воздушной атаки 11 объектов в Ливане, и силы ЦАХАЛа провели массированные бомбардировки позиций ООП в Ливане. Спустя несколько часов после авианалета ООП ответила массированными артиллерийскими обстрелами населенных пунктов Израиля вдоль всей ливано-израильской границы. В этот день боевиками ФАТХа было выпущено по территории Израиля более 270 ракет. Это было сознательным выбором Я. Арафата, о чем он прямо говорил советским дипломатам: «Для Советского Союза средством сдерживания в противостоянии с Америкой является ядерное оружие. Для нас таким средством сдерживания в противостоянии с Израилем должны стать ракеты “катюша” и “град”. С помощью такого оружия палестинцы смогут обстреливать крупные населенные пункты в глубине израильской территории, а этого в Израиле боятся больше всего»⁷⁴. «И это была не просто теория, — признавал глава ближневосточного отдела советского МИДа. — Палестинская артиллерия уже была нацелена на города Кирьят-Шмона, Цфат и Нахария на севере Израиля. Так, рота ракет “град”, называвшаяся “Облака ада”, могла сделать 20 залпов по Цфату, подразделение “катюш” — обстрелять Нахарию, а первый артиллерийский батальон ФАТХа — нанести удар по поселениям в до-

⁷³ Текст заявления М. Бегина послу С. Льюису от 20 декабря 1981 г.

⁷⁴ Цит. по: Олег Гриневский, *Сценарий для третьей мировой войны*, стр. 168.

лине Хула»⁷⁵. Принять ситуацию, при которой палестинские боевики смогут в любое желаемое ими время обстреливать крупные населенные пункты в глубине израильской территории, правительство еврейского государства, конечно, не могло.

5 июня правительство и Кнессет Израиля приняли решение о вторжении в Ливан⁷⁶. В тот же день массированной бомбардировке подверглись 15 городов Ливана, а также лагеря палестинских беженцев в окрестностях города Триполи. Как и прежде, американцы вновь требовали от Израиля немедленно остановиться, а Совет Безопасности ООН 6 июня принял резолюцию с требованием о немедленном прекращении всех военных действий в Ливане, за которую проголосовала и постпред США. Правительство Израиля, однако, не для того начало боевые действия, чтобы через три дня их закончить. В течение недели ЦАХАЛ установил контроль над всей южной частью Ливана, подойдя к шоссе Бейрут — Дамаск. Из девятнадцати сирийских зенитно-ракетных дивизионов в Ливане пятнадцать были выведены из строя, 29 сирийских самолетов было сбито; фактически сирийская система ПВО перестала существовать. Советская дипломатическая и военная помощь Сирии и ООП оказалась неспособной предотвратить их поражение, а ввязаться в войну непосредственно, уже ведя боевые действия в Афганистане, советские руководители благоразумно поостереглись.

Однако силы ФАТХа во главе с Я. Арафатом хоть и отступали и несли потери, но оставались на территории Ливана. Ситуация требовала некоего политического решения, в попытке пролоббировать которое Менахем Бегин отправился в США. Хотя война шла вовсю, президент Р. Рейган пять дней не принимал израильского премьера, демонстрируя тем самым свое недовольство проводимым им курсом. Встреча руководителей двух стран состоялась только 21 июня, но она оказалась не слишком продуктивной: Р. Рейган вновь осудил Израиль за «чрезмерное применение военной силы». Надежды М. Бегина на то, что удастся добиться помощи от США в обеспечении режима, который сможет гарантировать безопасность приграничных районов на севере Израиля, оказались тщетными.

При этом правда состояла в том, что военная операция Израиля против сил ФАТХа и сирийских войск в Ливане была чрезвы-

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ О решении, принятом правительством Израиля, его причинах и сложностях, возникших непосредственно в ходе ведения боевых действий, см. в книге двух ведущих израильских политических аналитиков Зеэва Шифа (1932–2007) и Эхуда Яари: Zeev Schiff and Ehud Ya'ari, *Israel's Lebanon War* (New York: Simon and Schuster, 1984).

чайно выгодна Соединенным Штатам, что справедливо понимал Ю.В. Андропов. По свидетельству О.А. Гриневского, он оценивал ситуацию следующим образом: «США имеют две главные цели, которые нелегко совместить. Во-первых, ослабить присутствие и влияние Советского Союза, прежде всего путем разгрома его союзников в регионе. Израильская агрессия в Ливане против палестинского движения сопротивления и Сирии как нельзя лучше вписывается в рамки этой цели, хотя об этом в Вашингтоне предпочитают помалкивать или говорят совершенно обратное. Поэтому другая главная цель США — аранжировать американскую поддержку израильским военным акциям так, чтобы не нанести урона отношениям с союзниками в арабском мире — Египтом, Саудовской Аравией и другими странами Персидского залива, которым трудно смириться с израильской агрессией против арабских стран. На первый взгляд эта американская политика выглядит мечтанием дилетантов — чтобы волки были сыты и овцы целы. Но нужно признать, что американцам удалось достичь, казалось бы, невозможного: руками Израиля вести войну против одних арабских стран и сохранять союзнические отношения с другими»⁷⁷. При этом официальный Иерусалим получил от Вашингтона одни упреки и ноты осуждения. В том же, что американцы не будут спасать Израиль, если он попадет в беду, Ю.В. Андропов не сомневался: «Представим такую ситуацию. Израиль начал войну против Сирии и терпит сокрушительное поражение. Пошлют ли США свои войска для спасения Израиля? Прямых обязательств на этот счет они не брали. Поэтому ответ, скорее всего, “нет”, если американцы почувствуют, что это поведет к прямому столкновению там с Советским Союзом»⁷⁸. Боевые действия, которые вел Израиль, были стратегически весьма выгодными с точки зрения понимания руководством США своих геополитических интересов, при этом ни военной, ни дипломатической поддержки администрация Р. Рейгана Израилю и его правительству не оказывала.

Стремясь все же решить проблему обеспечения безопасности северных районов Израиля по возможности раз и навсегда, в конце июня 1982 года израильская армия начала осаду Западного Бейрута, поскольку там находилась штаб-квартира ООП. Осада продолжалась до середины августа и привела к многочисленным жертвам среди мирного населения. Госсекретарь А. Хейг требовал от М. Бегина прекратить боевые действия в районе ливанской столицы, не желая

⁷⁷ Цит. по: Олег Гриневский, *Сценарий для третьей мировой войны*, стр. 201.

⁷⁸ Цит. там же, стр. 173.

осознавать, что они отнюдь не были самоцелью. Решением могло стать только прекращение существования на территории Ливана «государства в государстве», созданного ФАТХом.

Чтобы добиться прекращения боевых действий, США направили в регион бывшего заместителя государственного секретаря Филиппа Хабиба (Philip Charles Habib, 1920–1992) – уроженца Нью-Йорка, родители которого – родившиеся в Ливане христиане-марониты. Ф. Хабиб совершил серию челночных поездок в Иерусалим, Дамаск и в Бейрут, что позволило американцам вновь продемонстрировать свой статус ключевой державы в регионе Ближнего Востока.

10 августа появился на свет «документ Хабиба», который устанавливал условия эвакуации палестинских боевиков и сирийских солдат из Бейрута. 18 августа было подписано соглашение, согласно которому силы ООП обязались покинуть Ливан, а Израиль обязался не продвигаться дальше и не оккупировать Западный Бейрут. 21 августа первая партия палестинских боевиков на кипрском пароходе отплыла в Каир. В течение двенадцати последующих дней 14 тысяч 398 палестинских и сирийских солдат с женами и детьми также покинули Бейрут: 8144 человека – морем и 6254 человека – по шоссе Бейрут–Дамаск в Сирию. Одним из последних оставил Бейрут Ясир Арафат с помощниками. На греческом теплоходе «Атлантис» они отплыли в Грецию, а оттуда в Тунис, где руководство ООП пребывало до 1993 года. Согласно информации из разных источников, не все участники незаконных вооруженных формирований ФАТХа покинули Ливан, и тем более не сдали свое оружие армии Ливана, как это предусматривалось достигнутыми соглашениями. Общее число участников незаконных вооруженных формирований ФАТХа, оставшихся в Западном Бейруте, оценивается примерно в две тысячи человек, под контролем которых осталось и несколько складов оружия.

Кардинальное изменение ситуации в Ливане в результате принятия сторонами «документа Хабиба» открыло перед американской дипломатией новые возможности. 16 июля 1982 года новым государственным секретарем США стал Джордж Шульц (George Pratt Shultz), за много лет до этого бывший министром финансов США в администрации Ричарда Никсона.

Уже 13 августа Дж. Шульц выдвинул новую мирную инициативу. Учитывая, что силы ООП к тому времени уже покинули Бейрут, а США занимали доминирующую позицию в ближневосточной дипломатии, Дж. Шульц настоятельно рекомендовал, чтобы президент Р. Рейган воспользовался таким удачным моментом для того, чтобы представить новый план дипломатического урегулирования израильско-палестинского конфликта. Дж. Шульц предполагал, что

израильтяне могут отрицательно воспринять это, но тем не менее считал, что США следует занять ключевую позицию в послевоенном урегулировании конфликта.

1 сентября 1982 года президент Р. Рейган выступил с большой речью, транслируемой по телевидению из Бэрбэнкса (Калифорния). Это публичное выступление впоследствии получило наименование «план Рейгана» для Ближнего Востока, явившись очередной инициативой в целой серии американских дипломатических предложений по арабо-израильскому конфликту. Мирная инициатива Р. Рейгана была задумана таким образом, чтобы получить поддержку всех заинтересованных сторон. Она основывалась и на Кемп-Дэвидских соглашениях, предполагая прежде всего широкое участие Иордании в т.н. «автономных» переговорах Египта и Израиля, и определяя некоторые, пусть и весьма призрачные, перспективы решения палестинской проблемы⁷⁹.

Президент Р. Рейган, в частности, сказал: «Война в Ливане продемонстрировала новую реальность в регионе. Уход палестинцев из Бейрута более чем когда-либо драматизирует бездомность палестинского народа. Палестинцы твердо осознают, что их дело — это больше чем вопрос беженцев. Я согласен с этим. Только посредством более широкого участия в мирном процессе — прежде всего, со стороны Иордании и палестинцев — Израиль будет способен увериться в том, что его безопасность и целостность будут уважаться соседями. Только через процесс переговоров все нации Ближнего Востока могут достичь безопасного мира»⁸⁰.

Далее Р. Рейган озвучил и свое видение желательного развития ситуации, начав с реинкарнации договоренностей, достигнутых представителями Израиля и Египта еще при его предшественнике: «Первое, как указано в Кемп-Дэвидских соглашениях, должен быть период времени, в течение которого палестинские жители Западного берега и Газы будут иметь полную автономию в вопросах, касающихся их жизни. Задача пятилетнего периода, который должен начаться после свободных выборов в палестинские органы самоуправления, состоит в том, чтобы доказать палестинцам, что они могут отвечать за себя, сами организовывая свою жизнь, и что такая палестинская автономия не угрожает безопасности Израиля».

⁷⁹ О.А. Колобов, *Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины* (Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 1993), стр. 148–149.

⁸⁰ Выступление Р. Рейгана от 1 сентября 1982 г. опубликовано в сборнике документов *Documents on Middle East Peace, 1982–1988* (Washington: US Government Press Office, 1989), pp. 1–6.

Далее Р. Рейган вновь выступил против курса, который вело правительство Израиля, потребовав от него новых уступок: «Соединенные Штаты не поддержат использование каких-либо новых участков земли для [создания новых израильских] поселений в течение переходного периода. Принятие Израилем на себя обязательства по немедленному замораживанию строительства поселений более чем какой-либо другой шаг мог бы создать доверие, необходимое для более успешного ведения этих переговоров. Дальнейшая поселенческая активность никоим образом не является необходимой для безопасности Израиля и только уменьшает уверенность арабов в том, что окончательный итог может быть свободно и откровенно согласован». *Примечательно, что президент США требовал от Израиля определенных уступок (моратория на создание еврейских поселений в Иудее, Самарии, Иорданской долине и в секторе Газа) не в рамках того или иного формата мирного урегулирования, а исключительно с целью создания некоей атмосферы в ходе переговоров! От ООП или каких-либо иных палестинских организаций и структур президент США во имя создания «атмосферы доверия» никаких уступок не требовал. При этом Р. Рейган отметил, что реализация его плана потребует от еврейского государства территориальных уступок: «Мы прямо основываем свой подход на том принципе, что арабо-израильский конфликт должен быть разрешен посредством переговоров, на основе принципа территории в обмен на мир».*

Р. Рейган прямо заявил, что окончательная «цель этого переходного периода — мирная и последовательная передача власти от Израиля палестинским жителям Западного берега и Газы», хотя и оговорил, что «такая передача не должна препятствовать требованиям безопасности Израиля». При этом президент США выступил против государственной независимости палестинских арабов, фактически не только призвав Израиль вернуть территории Западного берега Иордании, но и распространить ту или иную форму «патронажа» Иордании даже на сектор Газа, который Иордания не контролировала никогда и который не имеет с ней общих границ: «После переходного периода, если смотреть на будущее Западного берега и Газы, для меня ясно, что мир не может быть достигнут образованием независимого Палестинского государства на этих территориях. Недостижим он и на основе израильского суверенитета или же постоянного контроля над Западным берегом и Газой. Поэтому Соединенные Штаты не поддержат образование независимого Палестинского государства на Западном берегу и Газе, и мы не поддержим аннексию или постоянный контроль со стороны Израиля. Есть, однако, другой путь к миру. Окончательный статус этих земель должен быть достигнут, конечно, через компромисс на переговорах. Но твердое убеждение

Соединенных Штатов состоит в том, что самоуправление палестинцев Западного берега и Газы в ассоциации с Иорданией предлагает лучший шанс для прочного, справедливого и постоянного мира».

Р. Рейган выразил убежденность в том, что озвученные им предложения «полностью совпадают» как с «требованиями безопасности Израиля», так и с «устремлениями палестинцев», хотя в его плане речь шла о попытке решения палестинской проблемы в рамках «иорданской опции», против чего ООП выступала на всем протяжении своей истории. То, что президент США имел в виду именно это, очевидно, принимая во внимание следующий фрагмент из его выступления: «Когда граница будет обговорена между Иорданией и Израилем, наш взгляд на степень, в которой следует попросить Израиль отказаться от территории, будет во многом зависеть от степени мира и нормализации и договоренностей в области безопасности, предложенных взамен». Р. Рейган выступил также и против нового раздела Иерусалима, при этом ни намеком не выразив своего согласия с претензиями Израиля на свою вечную, единую и неделимую столицу: «Мы по-прежнему убеждены, что Иерусалим должен остаться неделимым, но его окончательный статус должен быть решен путем переговоров».

Новый план по-прежнему во многом базировался на положениях соглашения, подписанного руководителями Израиля и Египта в Кемп-Дэвиде под патронажем президента Дж. Картера, но эти положения были существенно расширены и дополнены. Р. Рейган отметил, что, по убеждению руководства США, условие резолюции ООН №242 о выводе войск должно также применяться к Западному берегу и Газе, что полностью противоречило позиции М. Бегина и правительства Израиля в то время.

М. Бегин был возмущен этим выступлением Р. Рейгана. По свидетельству Давида Кимхи (1928–2010), бывшего тогда генеральным директором Министерства иностранных дел Израиля (а до этого — заместителем главы Службы внешней разведки «Моссад»), в тот же день, 1 сентября 1982 года М. Бегин сказал на совещании, проведенном им: «Американцы предали нас, и это самое большое предательство, которое нам когда-либо приходилось переживать с тех пор, как было создано наше государство. Они нанесли нам удар в спину. Теперь мы вынуждены вести совершенно иную борьбу!»⁸¹

Американцы отлично понимали, как воспримут их план в Израиле, о чем свидетельствуют слова, сказанные госсекретарем

⁸¹ David Kimche, *The Last Option: After Nasser, Arafat, and Saddam Hussein: The Quest for Peace in the Middle East* (New York: Charles Scribner's Sons, 1991), p. 157.

Дж. Шульцем своему помощнику 2 сентября 1982 года: «Инициатива по Ближнему Востоку, которую мы представили, должно быть, была тяжелым ударом для Бегина и его команды. В последние дни они почувствовали себя могущественными, как никогда прежде. Они еще раз доказали непобедимость своей армии. Они добились безопасности южной границы в рамках соглашения с Египтом. Они считают, что теперь они раздавили своего злейшего врага — ООП, и весь Ливан теперь в их власти. Они думают, что при их силе и влиянии могут установить в Бейруте такое правительство, какое только захотят. Они ошибаются в этом, но они усматривают, что открывается возможность установить на Западном берегу ограниченную автономию. Иордания в нерешительности отступает. С их точки зрения, все это дает Израилю огромные преимущества. И теперь они видят, как мы в буквальном смысле слова выдернули ковер у них из-под ног»⁸². После своей отставки Дж. Шульц неоднократно бывал в Израиле, выступал на самых разных форумах, где неизменно представлялся в качестве давнего сторонника и друга Израиля. Заслуживает, однако, внимания тот факт, что, когда в 1984 году в Конгрессе сформировалось сильное лобби в поддержку перевода американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим, именно госсекретарь Дж. Шульц стоял во главе сил, торпедировавших эти усилия⁸³.

Интересно, что королю Хусейну было заранее сообщено о готовящейся инициативе еще до публичного представления плана Р. Рейганом. Посол Иордании в США Николас Велиотес (Nicholas Alexander Veliotos) встретился с королем Хусейном в Аммане еще 20 августа 1982 года. М. Бегин узнал об основных положениях плана Р. Рейгана от посла С. Льюиса лишь 31 августа.

Вскоре после изложения предложений плана Р. Рейгана лидеры арабских государств провели саммит в городе Фесе в Марокко. В ходе этого саммита 9 сентября 1982 года они приняли предложения, внесенные королем Саудовской Аравии, касавшиеся судьбы палестинских арабов и территорий, на которые они претендовали. Руководители арабских государств потребовали от Израиля уйти со всех территорий, оккупированных с 1967 года, включая Восточный Иерусалим, а также к эвакуации всех созданных на этих территориях поселений. Проигнорировав предложенную Р. Рейганом «иорданскую опцию», участники саммита ЛАГ подтвердили право палестинского народа на

⁸² Эти слова сам Дж. Шульц процитировал в своих мемуарах: George Shultz, *Turmoil and Triumph: Diplomacy, Power, and the Victory of the American Deal* (New York: Scribner's, 1993), pp. 99–100.

⁸³ См.: Steven L. Spiegel, *The Other Arab-Israeli Conflict*, p. 405.

самоопределение под руководством Организации освобождения Палестины. Король Иордании, которому предложения Р. Рейгана, очевидно, импонировали много больше, в ситуации, когда никто не мог гарантировать того, что они будут реализованы, не высказал коллегам по руководству ЛАГ своих возражений. При этом коллеги на его счет никаких иллюзий не имели: «Обращение в нашу веру короля Хусейна, как ставит этот вопрос советская сторона, — задача неосуществимая, — говорил Хафез Асад Л.И. Брежневу в середине октября 1982 года. — Он органически связан с американцами, готов играть любую роль, которую наметят ему США. Сейчас он выступает одним из главных поборников плана Рейгана в арабском мире»⁸⁴.

В Москве же выступали против плана Р. Рейгана, решив концентрировать дипломатические усилия на том, чтобы «удержать Иорданию от участия в предлагаемой Р. Рейганом инициативе»⁸⁵ (напомним, что король Хусейн побывал с официальным визитом в СССР незадолго до этого, в середине мая 1982 года). 15 сентября 1982 года в ходе приема в честь визита в Москву тогдашнего главы Южного Йемена Али Насера Мухаммеда Л.И. Брежнев озвучил альтернативный план, подготовленный сотрудниками МИДа СССР. Суть его сводилась к тому, что на Западном берегу и в секторе Газа должно быть создано независимое Палестинское государство, неотъемлемой частью которого должен стать Восточный Иерусалим. Арабы, со своей стороны, должны были признать Государство Израиль. Учитывая отсутствие в то время дипломатических отношений между СССР и Израилем, план, озвученный Л.И. Брежневым, не мог стать и не стал предметом серьезного обсуждения в правительстве М. Бегина, для которого он, очевидно, был неприемлемым. Позиция советской дипломатии была высказана ее главой Андреем Громыко новому министру иностранных дел Израиля Ицхаку Шамиру в ходе их встречи в кулуарах Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 1981 года. По воспоминаниям И. Шамира, А.А. Громыко сказал ему: «Вам придется примириться с маленьким Палестинским государством»⁸⁶. И. Шамир не пишет, что он на это ответил; по свидетельству О.А. Гриневского, израильский министр как раз ратовал за решение палестинской проблемы в рамках Иордании, указав: «На такой маленькой территории, — а Израиль занимает всего 26 тысяч квадратных километров, — нельзя иметь два государства. Наша позиция основывается на том, что арабское палестинское государство уже существует. Сейчас оно на-

⁸⁴ См.: Олег Гриневский, *Сценарий для третьей мировой войны*, стр. 263.

⁸⁵ См. там же, стр. 249.

⁸⁶ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 169.

зывается Иордания и охватывает 80% всей территории Палестины. Большинство населения Иордании — практически все политические деятели, интеллигенты и т.п. — это палестинцы. Так что палестинцы уже имеют свое национальное государство. Остается вопрос о тех 1,2 миллиона палестинцев, проживающих на Западном берегу и в секторе Газа, которые не хотят жить под контролем Израиля. Мы готовы предоставить этим палестинцам региональную автономию на пять лет, а потом вести переговоры об окончательном решении вопроса с участием Иордании». А.А. Громыко ответил, что «то, что вы сказали, создает тупиковую ситуацию»⁸⁷. А.А. Громыко не отступал от своей деятельности по поддержке борьбы за палестинскую государственность ни при каких обстоятельствах; даже 11 ноября 1982 года, спустя всего сутки после смерти Л.И. Брежнева, А.А. Громыко не отменил встречу с делегацией во главе с членом Исполкома ООП Ф. Каддуми, который считался как бы палестинским министром иностранных дел, в ходе которой обсуждался вопрос о том, как помешать американцам начать переговоры по палестинской автономии с участием Иордании⁸⁸.

При этом специалисты понимали, что шансы на реализацию всех этих инициатив, как американской, так и советской и содержательно очень близкой к ней саудовской, очень невысоки. Показателен диалог главы ближневосточного отдела МИДа СССР О.А. Гриневского и ставшего незадолго до этого Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андропова, имевший место 3 декабря 1982 года:

— В чем суть расхождений между советской и американской позициями по палестинской проблеме? Можете сформулировать это коротко, одной фразой? — спросил Ю.В. Андропов.

— Советский Союз выступает за создание независимого палестинского государства, а США — за ограниченную автономию.

— Какой из этих двух подходов имеет больше шансов на успех?

— Оба подхода пока таких шансов не имеют, — честно сообщил главе государства опытный дипломат. — Однако арабы колеблются⁸⁹.

То, что арабы колеблются, понимали и в Вашингтоне, и, стремясь, чтобы маятник этих колебаний склонился в пользу их плана, американцы предложили королю Хусейну новую уступку, как обычно, за израильский счет. В ходе визита короля Иордании в Вашингтон в декабре 1982 года Р. Рейган втайне дал ему письменное обязательство, что, если Хусейн только согласится начать переговоры о мирном урегулировании, предусматривавшиеся американским пла-

⁸⁷ Цит. по: Олег Гриневский, *Сценарий для третьей мировой войны*, стр. 117.

⁸⁸ Там же, стр. 268.

⁸⁹ Там же, стр. 275.

ном, администрация США окажет давление на Израиль с целью заморозить поселенческую деятельность⁹⁰.

Решение президента Р. Рейгана выступить с такой инициативой по палестинскому вопросу с большим уклоном в сторону Иордании, в целом, соответствовало вектору тогдашней израильской политики, но не ее тактическим и стратегическим целям: правительство М. Бегина — И. Шамира не было готово ни к ликвидации еврейских поселений на Западном берегу и в Газе, ни к полному выводу оттуда израильских сил, ни к обсуждению статуса Иерусалима. Обращение Р. Рейгана к палестинской проблеме было также связано с тем, что, по мнению американцев, проблемы Ливана уже близились к разрешению. Однако ситуация кардинально изменилась 14 сентября 1982 года, когда просирийскими силами в результате взрыва были убиты 27 человек, в том числе избранный на заседании парламента Ливана 23 августа 1982 года президентом, но еще не вступивший в должность Башир Жмайель (1947–1982)⁹¹. Спустя сутки израильские вооруженные силы взяли под контроль Западный Бейрут, а 16–17 сентября отряды «Христианской фаланги» устроили расправу над палестинским гражданским населением в пригородах Бейрута, включая лагеря беженцев Сабра и Шатила, где погибли сотни мирных жителей. Силы израильской армии не предотвратили совершенную резню, хотя, вопреки многократно озвученным клеветническим домыслам, никак не участвовали в ней. Командир сил фалангистов Элие Хобейка (1956–2002), непосредственно руководивший массовыми убийствами в Сабре и Шатиле, сам был убит двадцать лет спустя, успев, правда, побыть и депутатом ливанского парламента, и членом правительства этой страны.

В свете событий в Сабре и Шатиле американцы сделали ливанский вопрос первым пунктом своей повестки дня. Было очевидно, что продвинуть реализацию плана Рейгана в условиях острого кризиса в Ливане невозможно. Американские военные силы, выведенные из района Бейрута после ухода ООП, были возвращены для защиты лагерей беженцев и для того, чтобы продемонстрировать видимую поддержку правительству в Бейруте, которое находилось в критическом положении. Филипп Хабиб вел изнурительные переговоры в Бейруте, Иерусалиме и Дамаске с целью добиться прекращения огня и заключения мирного соглашения, которое могло завершить войну

⁹⁰ См.: Steven L. Spiegel, *The Other Arab–Israeli Conflict*, p. 423.

⁹¹ Это было не первое покушение на него; в 1980 году в результате взрыва машины, предназначавшегося Баширу Жмайелю, погибла его дочь Майя. Убийца Б. Жмайеля Хабиб Шартуни был помещен в тюрьму и содержался там без суда в течение восьми лет, после чего был освобожден сирийской армией.

в Ливане. Вывод израильских сил из Ливана — или хотя бы подписание соглашения об этом — было и одним из условий, названных королем Хусейном для принятия им плана Рейгана. Король также требовал, чтобы Израиль прекратил строительство новых поселений на Западном берегу и в секторе Газа.

Однако самым трудным для Хусейна было получить согласие на реализацию этого плана от Ясира Арафата. Позиция, которую высказал Я. Арафат, состояла в том, что после образования независимого Палестинского государства, и только после этого, оно могло бы вступить в конфедерацию с Иорданией. Король же был готов согласиться не более чем на создание федерации, в которую Западный берег входил бы на правах автономного района.

В самом начале апреля 1983 года Я. Арафат прибыл в Амман. Его переговоры с королем Хусейном длились три дня. Я. Арафат с самого начала стал лавировать, намекая, что сам он вроде бы и не прочь присоединиться к плану Рейгана, однако сильное давление на него оказывают сирийцы, вынуждая к отказу. Но король пригрозил, что прервет с ним диалог и публично обвинит в неспособности идти навстречу чаяниям палестинцев на Западном берегу, стремящихся покончить с израильской оккупацией. Он предложил Я. Арафату подписать совместный документ, в котором бы фигурировало согласие на ведение переговоров с Израилем на основе плана Рейгана. Лидер ООП ответил, что ему нужно проконсультироваться с другими палестинскими руководителями в Кувейте. 6 апреля 1983 года в Кувейте состоялось совещание руководителей основных палестинских организаций (ФАТХа, Народного фронта освобождения Палестины, Демократического фронта освобождения Палестины и других), где идея ведения переговоров на основе плана Рейгана была отвергнута. Участники кувейтского совещания решительно отвергли любую возможность того, чтобы палестинцев на переговорах представляла Иордания.

Джордж Шульц вспоминал: «В воскресенье, 10 апреля 1983 года, я проводил выходные с президентом в Кемп-Дэвиде. Поступило сообщение, что звонит король Хусейн. Он сообщил президенту Рейгану, что его переговоры с Арафатом провалились. И он сказал, что не может продвигаться дальше. Президент выразил свое сочувствие и посоветовал королю не сдаваться. Когда король Хусейн публично сообщил об этой неутешительной новости, он сказал, что не будет вступать в мирные переговоры с палестинцами ни самостоятельно, ни от их имени»⁹².

⁹² George Shultz, *Turmoil and Triumph: Diplomacy, Power, and the Victory of the American Deal*, p. 435.

Главной задачей американской дипломатии стало обсуждение израильско-ливанского соглашения, которое привело бы к выводу как израильских, так сирийских сил с территории Ливана. При посредничестве госсекретаря Джорджа Шульца и специального посланника президента Филиппа Хабиба между Израилем и Ливаном 17 мая 1983 года было подписано соглашение о мире и выводе войск, согласно которому предполагалось:

1. взаимное признание сторон, прекращение состояния войны между ними, установление нормальных отношений, включая экономическое сотрудничество;
2. запрет на использование территории одного государства для размещения и деятельности внешних сил, направленных против другого государства (имелась в виду территория Ливана);
3. создание на юге Ливана зоны безопасности под контролем местной милиции в составе ливанской армии («Армии Южного Ливана»); вывод израильских войск предусматривался в увязке с созданием зоны безопасности;
4. допускалось присутствие в Ливане международных миротворческих сил ООН или тех стран — членов ООН, которые имели дипломатические отношения и с Ливаном, и с Израилем (речь шла об американских силах).

Кнессет ратифицировал этот договор, ливанский парламент — нет, вследствие чего он так и не вступил в силу. Позднее, 5 марта 1984 года правительство Ливана в одностороннем порядке расторгло это соглашение. «Летом 1983 года в Москве и Вашингтоне, не сговариваясь, приступили к переоценке ценностей на Ближнем Востоке, — указывает О.А. Гриневский. — Мировая печать была полна злорадных историй о том, как после двух лет шатаний и разочарований в безответной любви к арабам американская администрация вновь воспылала страстью к Израилю. Заигрывание Вашингтона с арабами ничего не дало. В результате на плане Рейгана поставлена жирная точка»⁹³. 23 октября 1983 года террористами была взорвана штаб-квартира американской морской пехоты в Бейруте, погибли 240 человек. Под давлением обстоятельств министр обороны США К. Уайнбергер пролоббировал решение о выводе американских войск из Ливана, который был завершён к концу февраля 1984 года. Ближневосточный блицкриг администрации Рейгана бесславно закончился.

⁹³ Олег Гриневский, *Сценарий для третьей мировой войны*, стр. 327.

Глава 17

Турбулентные отношения: правительство Шамира — Переса в сложном диалоге с администрацией Рональда Рейгана, 1983–1989 гг.

1. Начало, вселявшее надежды

15 сентября 1983 года глава правительства Израиля Менахем Бегин, так и не оправившийся от кончины его любимой жены Ализы, ушедшей из жизни за десять месяцев до этого, когда М. Бегин находился с визитом в США, подал в отставку. В последние месяцы он до минимума ограничил круг лиц, с которыми взаимодействовал. Назначенные им в 1977 году на ключевые посты министров иностранных дел и обороны Моше Даян и Эзер Вейцман, игравшие ключевую роль в переговорах с А. Садатом, покинули правительство (М. Даян после отставки прожил недолго и скончался в октябре 1981 года), в котором на первые роли выдвинулись другие люди: Ицхак Шамир, Ариэль Шарон и Давид Леви. В борьбе за место главы правительства схлестнулись И. Шамир и годившийся ему в сыновья Д. Леви; в ходе голосования в ЦК партии «Ликуд» 59% его членов поддержали И. Шамира, который и возглавил исполнительную власть в стране. Он оставил за собой и пост министра иностранных дел, министром же обороны стал Моше Аренс, до этого бывший послом Израиля в США. Всеобщих выборов сразу после отставки М. Бегина не было, они прошли 23 июля 1984 года.

Сразу став главой правительства, И. Шамир получил официальное предложение посетить Вашингтон. Этот визит состоялся в ноябре 1983 года. Его ждал куда более теплый прием, чем тот, который ждал М. Бегина, и дело было едва ли в различиях личных качеств двух израильских руководителей — дело было в том, что американ-

цы вновь увидели, что, кроме как на Израиль, рассчитывать им на Ближнем Востоке не на кого. Сам И. Шамир описал это достаточно деликатно, хотя в целом точно: «Американская администрация изменила тем временем свой подход к происходящему в Ливане и начала понимать, что жизнь в этой стране характеризуется большой долей ненадежности, нестабильности и неопределенности. По-видимому, среди причин, способствовавших созданию нового климата, были и тяжелые потери в результате террористического акта в посольстве США в Бейруте, и нападения арабских террористических групп, вдохновленных Сирией, на базы американской морской пехоты в этом городе. Отказ Сирии вывести свою армию из Ливана и отказ Иордании присоединиться к мирному процессу тоже, конечно, сыграли свою роль. Короче говоря, американская администрация, кажется, пришла к выводу, что ей снова — не в первый и не в последний раз — не удалось правильно разобраться в карте Ближнего Востока, что эту карту действительно трудно читать»⁹⁴.

В сопровождении М. Аренса И. Шамир встретился с Р. Рейганом и другими высшими американскими руководителями 28 и 29 ноября 1983 года. В конце визита Р. Рейган выступил с речью, в которой начал с того, что охарактеризовал Израиль как «близкого друга и союзника» США: «В течение двух дней мы вели интенсивные переговоры с главой правительства Израиля Ицхаком Шамиром и его коллегами; мы обсудили широкий круг проблем, в том числе наше сотрудничество в политической и военной областях, положение в Ливане, экономическое положение в Израиле и необходимость продолжения мирного процесса на Ближнем Востоке. Обсуждение это было очень продуктивным, как и должно быть между близкими друзьями и союзниками. Мы вновь убедились в прочности нашей дружбы и сотрудничества и выразили нашу решимость укреплять и развивать их во имя наших общих интересов»⁹⁵.

Далее президент сообщил о решении создать специальную совместную группу для выяснения новых путей укрепления сотрудничества между двумя странами, причем вновь, как и в Меморандуме о взаимопонимании, подписанном К. Уайнбергером и А. Шароном, основой двустороннего сотрудничества должно было стать противодействие советской экспансии. По словам Р. Рейгана, создававшаяся рабочая группа «должна обратить первоочередное внимание на

⁹⁴ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 202.

⁹⁵ Здесь и далее цит. по: Remarks of the President and Prime Minister Yitzhak Shamir of Israel Following Their Meetings, November 29, 1983 // Ronald Reagan Presidential Foundation and Library, Simi Valley, California, USA.

угрозу нашим общим интересам, возникшую в результате усиливающегося влияния Советского Союза на Ближнем Востоке. На повестке дня — совместное планирование, совместное проведение военных учений и своевременное размещение в Израиле американского военного оборудования». 6 мая 1986 года Израиль и США подписали меморандум об участии Израиля в плане «Стратегическая оборонная инициатива».

Что же касалось арабо-израильских переговоров, то, постулировав, что «мирный договор между Египтом и Израилем остается краеугольным камнем этого процесса», а затем подтвердив свою приверженность собственному плану, озвученному 1 сентября 1982 года, который он охарактеризовал как наилучший путь к выполнению Кемп-Дэвидских договоренностей и резолюций №242 и №338, Р. Рейган не сказал больше ничего конкретного. Признав наличие определенных расхождений во взглядах с израильскими руководителями, он тут же указал, что «разногласия между добрыми друзьями не влияют на прочность и исключительность таких отношений». Р. Рейган завершил свое выступление следующими словами: «Я знаю, что мы с главой правительства Израиля Ицхаком Шамиром единомысленны в нашей вере, обретшей теперь новую силу, что дружба между США и Израилем будет крепнуть».

М. Бегину подобное слышать не доводилось ни от Дж. Картера, ни от Р. Рейгана. И. Шамир был очень доволен, сочтя, что «речь президента полностью отражала дружелюбную по отношению к нам политику, добрые намерения и готовность оказывать истинную помощь. Это было недвусмысленное выражение готовности США помочь Израилю в укреплении его экономики и обороноспособности — невзирая на разногласия в тех областях, в которых мы “согласились не соглашаться”»⁹⁶. Незадолго до этого Израиль получил от США крупные ссуды, в основном на приобретение вооружения. И. Шамиру удалось добиться от Р. Рейгана согласия на превращение этих ссуд в безвозмездную помощь. В дополнительных соглашениях, утвержденных в ходе визита, США обязались предоставить Израилю помощь в размере 250 миллионов долларов; кроме того, американцы объявили о своем намерении покупать промышленную продукцию Израиля. Со своей стороны И. Шамир и М. Аренс дали согласие на использование израильских морских портов и аэропортов для перемещения американских вооруженных сил, когда на то будет необходимость.

«В конце визита стало ясно, что Израиль снова воспринимается как единственное государство Ближнего Востока, на которое Соеди-

⁹⁶ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 204.

ненные Штаты могут положиться, — суммировал свои впечатления И. Шамир. Через несколько лет выяснится, что это — верное мнение и что в Белом доме, в котором, временно воцарился противоположный дух, снова придут к убеждению, что прежняя оценка Израиля была совершенно справедливой»⁹⁷. Оптимизм главы израильского правительства (И. Шамир оставил этот пост 13 сентября 1984 года, заняв должность заместителя премьер-министра и — одновременно — министра иностранных дел, но 20 октября 1986 года вернулся на него) был, однако, явно преувеличенным. В период пребывания Рональда Рейгана на посту президента США американо-израильские отношения пережили как минимум два тяжелых кризиса: один из них был связан с арестом Джонатана Полларда по обвинению в шпионаже в пользу Израиля, а другой — с давлением, имевшим целью лишить авиационную промышленность Израиля ее флагмана и гордости — самолета «Лави».

2. Кризис доверия: дело Полларда

Американский гражданин Джонатан Поллард родился в 1954 году в Техасе в еврейской семье. По окончании Стэнфордского университета он начал работать в разведке военно-морских сил США в должности аналитика, будучи гражданским служащим, имевшим доступ к секретной информации. В 1984 году он предложил свои услуги израильской спецслужбе ЛАКАМ [акроним *Лишка ле'кишрей мада*, Бюро научных связей], которая занималась военно-технической разведкой и подчинялась непосредственно министру обороны, руководителем которой тогда был Рафи Эйтан, в 1960 году руководивший операцией «Моссада» по поимке в Аргентине Адольфа Эйхмана, а в 2006–2009 годах бывший министром в правительстве Эхуда Ольмерта. С мая 1984 по ноябрь 1985 года Дж. Поллард передал израильтянам копии около 1800 секретных документов. Согласно петиции, направленной израильским адвокатом Дж. Полларда Н. Доршан-Лейтнер в Верховный суд Израиля, в числе переданных сведений были: специальный технический отчет о советской ракетной системе SA-13; анализ тенденций развития ракетных систем SAM военно-морских сил СССР; сведения об уровне шумов, издаваемых кораблями и подводными лодками; исследование работы разведки военно-морских сил Израиля; исследование портовых сооружений в Тобруке, Ливия; сведения о возможности электронной войны между Ираном

⁹⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 203.

и Ираком; документы о военном значении расширения технической инфраструктуры в Южном Йемене; данные о нетрадиционных методах ведения войны в военно-морских силах Ливии; информация о постройке в Сирии завода по производству нервно-паралитического газа; данные о комплексе зданий ООП в Тунисе⁹⁸. Кстати, во многом именно благодаря сведениям, полученным от Дж. Полларда, израильские военно-воздушные силы в октябре 1985 года нанесли удар по базам и штаб-квартире ООП в Тунисе. При этом работал Дж. Поллард небескорыстно: до того, как был арестован, он получил от своих израильских кураторов примерно 50 тысяч долларов; кроме того, ему и его супруге была оплачена поездка в Париж. Дж. Полларду было обещано, что он будет получать за передаваемые им документы 54 тысячи долларов ежегодно.

В разведывательных службах США достаточно быстро догадались об утечке информации, причем вычислить Дж. Полларда удалось сравнительно быстро и незаметно — буквально до последнего момента он не чувствовал, что вокруг него сжимается кольцо⁹⁹. Лишь столкнувшись с угрозой непосредственно, Дж. Поллард попытался искать защиты в израильском посольстве в Вашингтоне. Однако сотрудники дипломатической миссии, опасаясь осложнений в отношениях с США в случае, если бы разыскиваемый американскими спецслужбами подозреваемый нашел защиту на территории посольства, отказались пустить его в здание, тем самым позволив американским спецслужбам его арестовать.

Дж. Поллард был арестован агентами Федерального бюро расследований США 7 ноября 1985 года. Во время следствия израильские власти шли навстречу всем американским требованиям. Американским следователям было разрешено допросить на территории Израиля ряд израильских чиновников и офицеров высокого ранга. Под давлением США премьер-министр и министр обороны Израиля приняли вынужденное решение о расформировании ЛАКАМ. Израиль передал США все секретные материалы, полученные от Дж. Полларда, которые федеральная прокуратура использовала в качестве улик при подготовке обвинительного заключения. Дж. Поллард согласился признать себя виновным в обмен на подписанное предста-

⁹⁸ Материалы дела 7712/05 *Джонатан Поллард против правительства Государства Израиль*, рассмотренного Верховным судом Израиля [на иврите]. Решение по иску было принято 8 июня 2006 г.

⁹⁹ Несколько лет назад была опубликована книга, впервые позволившая понять, как это произошло; см: Ronald J. Olive, *Capturing Jonathan Pollard: How One of the Most Notorious Spies in American History was Brought to Justice* (Annapolis: Naval Institute Press, 2006).

вителями прокуратуры США обещание о том, что они не будут требовать для него в суде пожизненного заключения. В результате суда как такового не было; судья решал лишь вопрос о мере наказания¹⁰⁰.

Однако именно к пожизненному заключению Дж. Поллард был приговорен, причем произошло это под давлением одной из ключевых фигур администрации Рейгана — министра обороны США Каспара Уайнбергера. Министр подал рассматривавшему это дело судье Обри Робинсону (Aubrey Eugene Robinson Jr., 1922–2000) секретный 46-страничный меморандум, в котором утверждалось, что Дж. Поллард повинен в государственной измене, хотя это обвинение против него выдвинуто не было. В меморандуме также было сказано, что как минимум часть переданных Дж. Поллардом документов оказались в распоряжении советской разведки (как именно это произошло, точно неизвестно до сих пор), из-за чего были раскрыты имена агентов США, работавших в Советском Союзе. За сутки (!) до вынесения приговора К. Уайнбергер направил судье еще одно, более короткое, письмо, в котором он, не имея на то оснований, обвинил Дж. Полларда в причинении не меньшего ущерба американской национальной безопасности, чем нанесли шпионы, работавшие на Советский Союз и приговоренные к пожизненному заключению. В результате этого давления министра обороны на судью, вопреки соглашению, заключенному Дж. Поллардом с прокуратурой, 4 марта 1987 года Дж. Поллард был приговорен к пожизненному заключению, а его тогдашняя жена Энн — к пяти годам тюремного заключения (она была освобождена через три с половиной года, а позднее иммигрировала в Израиль, где проживает и поныне).

О мотивах столь экстраординарных действий министра обороны США долгое время можно было лишь догадываться, пока в 2010 году бывший заместитель К. Уайнбергера Лоренс Корб (Lawrence J. Korb) не прервал «заговор молчания» по этому вопросу, направив беспрецедентное письмо по делу Дж. Полларда президенту Б. Обаме. Этот потрясающий документ никогда, к сожалению, не публиковался на русском языке, вследствие чего представляется оправданным привести его целиком:

«Господин Президент,

Как человек, замещавший должность заместителя министра обороны на момент ареста Джонатана Полларда, я искренне прошу Вас

¹⁰⁰ См.: Wolf Blitzer, *Territory of Lies: the Exclusive Story of Jonathan Jay Pollard, the American Who Spied on His Country for Israel and How He was Betrayed* (New York: Harper & Row, 1989).

воспользоваться предоставленным Вам правом и помиловать г-на Полларда, который находится в тюрьме уже 25 лет.

Джонатан Поллард – единственный человек в истории США, который был приговорен к пожизненному сроку за то, что передал информацию союзнику США.

Поскольку я был непосредственным свидетелем всего, что происходило в то время, я могу с уверенностью сказать, что суровость приговора была результатом почти животной неприязни к Израилю и к тому особенному месту, которое он занимал в нашей внешней политике, со стороны Каспара Уайнбергера, который был на тот момент моим начальником. Министр Уайнбергер направил в суд два меморандума с целью убедить судью назначить более жесткое наказание, чем то, которого требовало государственное обвинение, несмотря на то, что Джонатан Поллард признал свою вину, заключил соглашение со следствием и сотрудничал с представителями прокуратуры. Обвинение решило не требовать для него пожизненного срока, однако два меморандума Уайнбергера, которые я прочел в отредактированной форме, привели к тому, что Полларду был назначен непропорционально суровый приговор.

Министр Уайнбергер умолчал о своем прямом участии в деле Полларда в своих мемуарах, и когда знаменитый журналист Эдвин Блэк, известный своими расследованиями, спросил его, почему эта история была опущена в его воспоминаниях, тот безразлично ответил, что это был “незначительный вопрос, важность которого просто раздули безо всякой меры”. Когда же журналист попросил Уайнбергера объяснить свой ответ подробнее, тот ответил: “Как я уже сказал, вопрос Полларда не имел никакого особенного значения. Его роль просто преувеличили безо всякой меры, в то время как на самом деле его значимость не имела ничего общего с тем, что о нем говорили”. Когда последовал вопрос, почему, то он ответил: “Я не знаю почему – его просто раздули, вот и все”.

Г-ну Полларду не были предъявлены обвинения в нанесении ущерба Америке, и он неоднократно раскаивался в своих действиях. Более того – средний приговор за такое преступление составляет 2–4 года, а сегодня максимальный срок наказания за такое деяние составляет 10 лет. Было бы справедливо снизить срок наказания Полларду до того времени, которое он уже провел в тюрьме.

Искренне,
Лоуренс Дж. Корб»¹⁰¹.

¹⁰¹ Lawrence J. Korb to Barack H. Obama, September 27, 2010, перевод выполнен по копии оригинального документа.

Л. Корб верно процитировал фрагмент статьи Э. Блэка о его беседе с К. Уайнбергером¹⁰², что, в общем, еще больше запутывает дело — кто, как не сам министр обороны, «раздул» дело Дж. Полларда, отправив два меморандума рассматривавшему это дело судье, причем второй из них — буквально накануне вынесения приговора?! И само же письмо бывшего заместителя главы Пентагона дает ответ на столь долго мучившие столь многих вопросы: *один из ближайших сподвижников Р. Рейгана отличался, по словам его заместителя, «почти животной неприязнью к Израилю»* [в оригинале — *visceral dislike of Israel*]. Это пишет не какой-то нанятый израильский пропагандист, это утверждает американский ученый и общественный деятель, на протяжении четырех лет бывший заместителем главы Пентагона! Об отношении К. Уайнбергера к еврейскому государству, в целом, было известно и раньше: Стивен Спигель писал, что министр обороны считал «Израиль всё более назойливым и раздражающим фактором, который должен быть научен себя вести [sic!], чтобы интересы США на Ближнем Востоке были реализованы»¹⁰³. Тот факт, что Каспар Уайнбергер сам был внуком еврея, служит еще одним примером феномена еврейской самоненависти, описанного философом Теодором Лессингом и социальным психологом Куртом Левином в 1930-е годы. Как и Генри Киссинджер, о чем подробно говорилось в предыдущих главах, так и Каспар Уайнбергер делали всё возможное, чтобы президент — будь то Никсон, Форд или Рейган — не заподозрил их в «двойной лояльности» и произраильских симпатиях.

Израильские руководители приложили большие усилия с целью освобождения Джонатана Полларда, которому в 1995 году было представлено израильское гражданство. Целый ряд министров, начиная с Юлия Эдельштейна (ныне — председатель Кнессета), посещали его в тюрьме. Беньямин Нетаньяху и другие главы правительства Израиля обращались к президентам США с призывом помиловать Дж. Полларда. В ходе переговоров в Уай-Ривер в октябре 1998 года и премьер-министр Б. Нетаньяху, и тогдашний министр иностранных дел Израиля А. Шарон требовали от Б. Клинтона освободить Дж. Полларда. Президент США вспоминал: «Меня очень удивила настойчивость, с которой Шарон просил меня помиловать Джонатана Полларда — бывшего аналитика разведки ВМФ США, который в 1986 году был осужден за шпионаж в пользу Израиля. Рабин и Нетаньяху раньше уже просили меня освободить Полларда. Было очевидно,

¹⁰² Edwin Black, "Caspar Weinberger's *In the Arena*" // *History News Network*, 2002, see <http://hnn.us/article/778>

¹⁰³ См.: Steven L. Spiegel, *The Other Arab-Israeli Conflict*, p. 403.

что его судьба имела большое значение для внутренней политики Израиля, а граждане этой страны считали, что Соединенные Штаты не должны были так сурово наказывать Полларда за то, что он продал секретную информацию их союзнику»¹⁰⁴. В последний день переговоров Б. Нетаньяху угрожал, что откажется от всех достигнутых в ходе переговоров с Я. Арафатом договоренностей и уедет, если в рамках согласованной пакетной сделки не будет освобожден Дж. Поллард. Б. Нетаньяху напоминал, что Б. Клинтон обещал ему это во время их предыдущей встречи, и он только поэтому пошел на уступки по другим проблемам. Б. Клинтон выкручивался не очень элегантно, написав: «На самом деле я сказал премьер-министру, что, если таково его условие заключения мира, я в принципе мог бы с ним согласиться, но сначала мне необходимо обсудить это с моими коллегами». Однако и советник по национальной безопасности С. Бергер, и директор ЦРУ Дж. Тенет высказались категорически против освобождения Дж. Полларда. Не став спорить со своими силовиками, Б. Клинтон дал Б. Нетаньяху заведомо ложные надежды, пообещав «тщательно изучить дело Полларда и обсудить его с Тенетом и другими советниками». При этом в своей книге Б. Клинтон не приводит никаких конкретных причин, почему Дж. Поллард не мог быть освобожден, а сравнение его дела с делом Олдрича Эймса (Aldrich Ames), имя которого Б. Клинтон упоминал в том же абзаце, вызывает оторопь: Олдрич Эймс был начальником советского отдела управления внешней контрразведки ЦРУ, завербованный советской разведкой в 1985 году и десять лет работавший на СССР и Россию. При помощи сведений, полученных от О. Эймса, была арестована целая плеяда агентов ЦРУ в рядах КГБ и ГРУ, а некоторые из них, включая генерал-майора Д.Ф. Полякова (1921–1988), расстреляны. Дж. Поллард и близко не имел того статуса, который имел О. Эймс в разведывательных службах, он передавал материалы отнюдь не десять лет, но, главное, он взаимодействовал с государством, которое одна за другой администрации США объявляли своим союзником, а не противником! Добавим, что петицию с призывом к его освобождению, обращенную к следующему президенту США, Джорджу Бушу-младшему, подписали 113 из 120 членов Кнессета. Несмотря на все эти усилия, Дж. Поллард, который отсидел в тюрьме больше, чем любой другой шпион, осужденный за передачу информации за всю историю США, остается в заключении и поныне. Эта тягостная сага сама по себе полностью разрушает культивируемый миф об Израиле как якобы «ближайшем союзнике» США...

¹⁰⁴ Здесь и далее цит. по: Bill Clinton, *My Life*, pp. 818–820.

3. Загубленный проект: зенит и закат самолета «Лави»

К. Уайнбергер сыграл критическую роль и в прекращении работ по созданию Израилем собственного сверхсовременного истребителя. Разработка этого самолета, предназначенного для замены истребителей «Кфир», началась в 1980 году, а в октябре 1982 года израильский концерн «Авиационная промышленность» приступил к техническому проектированию самолета. Предполагалось, что новый истребитель будет решать задачи завоевания господства в воздухе (дополняя истребители F-15) и использоваться для нанесения ударов по наземным целям как на поле боя, так и в оперативной глубине. В работах по программе значительное участие приняли авиастроительные фирмы США. 31 декабря 1986 года состоялся первый полет опытного самолета «Лави», в марте 1987 года поднялся в воздух второй прототип истребителя.

Проект по созданию многофункционального боевого самолета должен был обеспечить израильским ВВС независимость от американских поставок или, по крайней мере, существенно сократить их объем и номенклатуру. Именно это беспокоило главу Пентагона, для которого зависимый от его доброй воли (или его отсутствия) Израиль был куда предпочтительнее, чем Израиль, способный предложить многочисленным заинтересованным покупателям самолет лучший, чем предлагали американские фирмы. Эти два соображения — желание иметь рычаг влияния на Израиль в виде согласия (или несогласия) на поставку необходимых находящемуся в почти перманентном состоянии войны еврейскому государству современных боевых самолетов и стремление не дать конкуренту на рынке продажи вооружений (где позиции Израиля и так очень сильны) козырного преимущества — объясняют то давление, которое обрушил на израильское правительство глава Пентагона¹⁰⁵. Слабым звеном вновь оказался бывший тогда министром обороны Израиля Ицхак Рabin, прибывший 1 июля 1987 года в Вашингтон для переговоров о будущем проекта «Лави» и покинувший американскую столицу с тем, что никакого будущего у этого проекта не будет. 30 августа 1987 года двенадцатью голосами против одиннадцати при одной воздержавшейся (ею была министр здравоохранения Шошанна Арбели-Альмозлино) правительство Израиля проголосовало за прекращение работы над усовершенствованием самолета «Лави». За продолжение проекта го-

¹⁰⁵ См.: Dov S. Zakheim, *Flight of the Lavi: Inside a U.S. Israeli Crisis* (Brassey's, Washington 1996).

лосовали почти все министры от «Ликуда», включая Ицхака Шамира, Моше Аренса, Ариэля Шарона и Давида Леви, против — все министры от Партии Труда, включая Шимона Переса и Ицхака Рабина, а также член «Ликуда», тогдашний министр финансов Моше Нисим. Моше Аренс — бывший министр обороны, сам — видный авиационный инженер, главный патрон загубленного проекта, и поныне считает, что «Лави» стал бы лучшим в мире истребителем-бомбардировщиком, а его производство — флагманом израильских разработок в области новейших технологий¹⁰⁶.

Принятое решение не только привело к вынужденному увольнению шести тысяч специалистов, работавших над проектом создания самолета «Лави» (часть из которых, не имея возможности найти в Израиле работу, соответствующую их квалификации, эмигрировали в США, где их знания и опыт оказались востребованы в проектах, бывших прямыми конкурентами «Лави»), но и сохранило зависимое положение Израиля от США в сфере военной авиации. Американцы продолжили ставить Израилю всевозможные препоны и условия и после того, как проект «Лави» сошел с повестки дня. Так, американцы запретили Израилю устанавливать радары «Эльты» на закупленных Израилем самолетах F-16, несмотря на то что, по компетентному мнению Моше Аренса, он лучше и дешевле установленного на самолете прибора. В 2000-е годы американцы отклонили предложение Израиля об участии в разработке боевых самолетов F-35, хотя в этом проекте участвуют многие страны, среди которых Великобритания, Италия, Голландия, Канада, Турция, Австралия, Норвегия и Дания. В октябре 2010 года правительство Израиля согласовало с американцами покупку в 2016–2017 годах двадцати самолетов F-35. Израиль рассчитывал получить разрешение на установку на эти самолеты нескольких систем собственного производства. Американцы удовлетворили эту просьбу лишь частично, превратив Израиль в жертву банального финансового шантажа. Как сообщили информационные агентства, «США поставили условие, что если в перспективе Министерство обороны Израиля увеличит заказ на F-35, то ему будет позволено установить на самолеты большее число собственных систем и вооружений»¹⁰⁷.

В обмен на отказ от проекта «Лави» американцы согласились подписать с Израилем еще один меморандум о взаимопонимании

¹⁰⁶ Моше Аренс, «Как в Израиле “похоронили” самый лучший самолет в мире» // *Ха'арец*, 21 апреля 2009 г. [на иврите].

¹⁰⁷ Шломо Шамир, «Израиль и США согласовали покупку истребителей F-35» // *Ха'арец*, 7 октября 2010 г. [на иврите].

на уровне министров обороны, в дополнении к подписанному Каспаром Уайнбергером и Ариэлем Шароном 30 ноября 1981 года. В связи со скандалом, связанным с незаконными поставками американского оружия Ирану, Каспар Уайнбергер вынужден был 23 ноября 1987 года уйти в отставку. На его место президент Р. Рейган назначил Фрэнка Карлуччи (Frank Charles Carlucci), который и подписал 14 декабря 1987 года новое соглашение с Израилем. Тот факт, что с израильской стороны его подписал Ицхак Рabin, служит еще одним индикатором, свидетельствующим о прямой взаимосвязи между этим договором и отказом от проекта «Лави»: американцы таким образом лично отблагодарили И. Рабина за то, что он согласился стать могильщиком самого перспективного военного проекта своей страны. Это соглашение, как и предыдущее, предусматривало, что США и Израиль будут проводить совместные военные исследования и реализовывать совместные программы по развитию военных технологий. Кроме того, соглашение давало право Израилю приобретать американское оружие по тем же ценам, что и страны — члены НАТО. С практической точки зрения это едва ли имело какое-то значение, ибо все договора о покупке вооружений являются дискретными и узнать, сколько заплатила та или иная страна за ту или иную военную технику практически невозможно, не говоря уже о том, что параметры приобретаемых разными странами вооружений сугубо индивидуальны, а условия поставок в любом случае обговариваются на двусторонней основе. *Лишившись проекта создания сверхсовременного самолета, Израиль получил от США лишь еще один меморандум о взаимопонимании. Израиль стремился быть принятым в НАТО, однако просьбы об этом американцы отклоняли и отклоняют до сегодняшнего дня.* Из всех ближневосточных стран членом этого альянса является только Турция. Израиль же, как Австралия, Япония, Южная Корея и Египет, получил лишь статус «страны — союзника НАТО»; этот статус не накладывает на альянс практически никаких конкретных обязательств.

4. От Меморандума о взаимопонимании — до диалога с ООП

14–16 марта 1988 года глава правительства Ицхак Шамир вновь побывал с визитом в США. В ходе этой поездки между двумя странами был согласован еще один Меморандум о взаимопонимании, подписанный 21 апреля 1988 года. Содержательно этот документ мало что добавлял к тому, что уже существовало в двусторонних отношениях; ничего нового он не гарантировал. Статья 2(а) этого Меморандума

гласила, что генеральный директор Министерства иностранных дел Израиля и заместитель государственного секретаря США по политическим вопросам будут регулярно проводить совместные политические консультации «для обсуждения широкого круга международных вопросов, представляющих взаимный интерес с целью повышения взаимопонимания и оценки этих вопросов». В статье 2(б) содержалось обязательство об аналогичном взаимодействии между Агентством международного развития США и отделом международного сотрудничества Министерства иностранных дел Израиля. Статья 3 Меморандума посвящена созданию двух рабочих групп в сфере военно-политического сотрудничества, руководителями которых назначались генеральный директор Министерства обороны Израиля и заместители государственного секретаря США¹⁰⁸. Учитывая высочайший уровень двусторонних отношений, достигнутый к тому времени, рабочие группы, руководителями которых назначались чиновники второго эшелона, явно не могли стать площадками для принятия реально важных решений. Пожалуй, главное в этом Меморандуме — что он был подписан не только премьер-министром Израиля (подобный документ, напомним, подписывал и Леви Эшколь), но и президентом США. Это было главным символическим достижением Ицхака Шамира, которое зримо свидетельствовало о том, как кардинально изменилось отношение к Израилю в Белом доме. В 1965 году премьер-министр Израиля Леви Эшколь подписывал Меморандум о взаимопонимании с руководителем отдела в Совете национальной безопасности Робертом Комером и послом США в Израиле Уильямом Барбуrom. Двадцать три года спустя премьер-министр Израиля Ицхак Шамир подписывал аналогичный договор с президентом Рональдом Рейганом.

И. Шамир приложил огромные усилия к тому, чтобы сохранить существовавший статус-кво, но администрация Рейгана не забывала о «мирном процессе», хотя, учитывая существование в Израиле в то время широкого правительства т.н. «национального единства», найти точки соприкосновения между министрами этого правительства было едва ли легче, чем между еврейскими и арабскими лидерами. В начале 1986 года король Хусейн, опасавшийся открыто вести переговоры с Израилем, но стремившийся все-таки вернуть утраченный контроль над Западным берегом, вновь стал продвигать идею проведения международной конференции по Ближнему Востоку, в рамках которой он надеялся принудить Израиль к территориальным уступ-

¹⁰⁸ Текст этого Меморандума опубликован в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 9–10, 1984–1988, док. 355.

кам, не будучи обвиненным при этом в предательстве каких-либо общеарабских интересов и принципов. Такая международная конференция была невозможной без участия представителей Советского Союза, что, мягко говоря, не вызывало энтузиазма у президента Р. Рейгана.

В конце 1985 года Шимон Перес, бывший тогда премьер-министром и лидером Партии Труда, отошел от традиционного израильского курса, отвергавшего международные конференции в пользу ведения прямых переговоров между сторонами. При этом Шимон Перес обуславливал участие Советского Союза в такой конференции предварительным восстановлением дипломатических отношений с Израилем, которые к тому времени были разорваны на протяжении восемнадцати лет.

В апреле 1986 года король Хусейн под Страсбургом тайно встретился с министром обороны Израиля Ицхаком Рабином. Продолжался и его непрерывный диалог с Шимоном Пересом. На тайной встрече между ними, состоявшейся в Лондоне 11 апреля 1987 года, король Иордании и министр иностранных дел Израиля (главой правительства уже вновь был Ицхак Шамир) согласовали текст возможного промежуточного мирного соглашения между двумя странами¹⁰⁹. И король Хусейн, и Шимон Перес поддерживали идею проведения международной мирной конференции как форума, должного дать старт двусторонним переговорам между Израилем и его соседями под патронажем обеих великих держав. Покровительство США и СССР должно было защитить короля от критики со стороны лидеров Сирии, Ирака, Ливии и ООП, а также пресечь любые обвинения в измене принципу общеарабского единства.

За несколько дней до заключения Лондонского соглашения, 7 апреля 1987 года, во время встречи с госсекретарем Дж. Шульцем король Хусейн заявил, что Сирия готова к участию в международной конференции в той форме, которую предлагает Иордания. В книге воспоминаний Дж. Шульц не скрыл, что скептически отнесся к этому заявлению, осознавая, что без поддержки Советского Союза представители Сирии ни на какую конференцию не приедут¹¹⁰. В то время, однако, вектор советско-американских отношений существенным образом изменился: М.С. Горбачев стремился к разрядке международной напряженности и поиску точек взаимодействия с США, а

¹⁰⁹ Текст этого соглашения был впервые опубликован в книге: William B. Quandt (ed.), *The Middle East: Ten Years after Camp David* (Brookings Institute, 1988), pp. 475–476.

¹¹⁰ See George Shultz, *Turmoil and Triumph*, p. 937.

не к нагнетанию обстановки, поэтому можно было рассчитывать на то, что советские руководители не будут препятствовать сирийцам, если сам Х. Асад будет готов к участию в международной мирной конференции с Израилем. Уместно упомянуть в этой связи о встрече Ш. Переса с двумя советскими дипломатами, прошедшей в Риме 8 апреля 1987 года; 12 июля 1987 года, впервые после двадцатилетнего перерыва, в Израиль прибыла советская консульская миссия.

Сразу после того как Ш. Перес и Хусейн согласовали текст Лондонского соглашения, министр иностранных дел Израиля командировал своего помощника в Хельсинки, чтобы «перехватить» Дж. Шульца, находившегося по пути в Москву, куда тот направлялся, чтобы согласовать последние детали новой встречи Р. Рейгана и М.С. Горбачева. От имени министра иностранных дел Израиля его помощник обратился к Дж. Шульцу с просьбой положить этот документ в основу американского плана. Ш. Перес рассчитывал, что это сможет заставить главу правительства Израиля И. Шамира принять основные положения Лондонского соглашения. Дж. Шульц, видевший свою роль в качестве посредника между израильянами и арабами, но не в качестве посредника между конфликтовавшими между собой израильскими министрами, отказался играть в эту игру, потребовав, чтобы Ш. Перес сам представил это соглашение И. Шамиру до того, как Соединенные Штаты выразят свое отношение к этому документу. 20 апреля 1987 года Ш. Перес сообщил Дж. Шульцу, что И. Шамиру было доложено о Лондонском соглашении¹¹¹. При этом в ходе встречи с премьер-министром И. Шамиром Ш. Перес лишь зачитал ему текст Лондонского соглашения, отказавшись дать главе правительства собственной страны копию этого документа! Сложилась кафкианская ситуация: И. Шамиру пришлось подождать несколько дней, пока Томас Пикеринг (Thomas R. Pickering), тогдашний посол США в Израиле, предоставил ему копию, переданную помощником Ш. Переса Дж. Шульцу¹¹². Внимательно прочитав этот документ, И. Шамир сообщил американцам, что не принимает его. Госсекретарь Дж. Шульц считал, что И. Шамир совершил ошибку; при этом подход короля Хусейна к вопросу проведения международной конференции по Ближнему Востоку был близок позиции американской администрации¹¹³.

13 мая 1987 года соглашение Переса – Хусейна обсуждалось на заседании форума, название которого правильно было бы перевести

¹¹¹ См.: George Shultz, *Turmoil and Triumph*, pp. 938–940.

¹¹² См.: Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 230.

¹¹³ См.: George Shultz, *Turmoil and Triumph*, p. 941.

на русский язык как президиум правительства (в прессе более принят термин «узкий кабинет»), где было отвергнуто. Многие считают, что это была фатальная геополитическая ошибка — согласись тогдашний глава правительства Израиля с Лондонским соглашением, возможно, что никакой Интифады полгода спустя не вспыхнуло бы...

Ицхак Шамир был последовательным противником идеи международного патронажа арабо-израильских переговоров, выступая исключительно за прямой диалог между сторонами. 8 января 1987 года он произнес программную речь, в которой, в частности, сказал: «Никто не может навязать правительству суверенной страны решения, противоречащие ее интересам, но мы считаем, что прямым переговорам нет альтернативы. Рано или поздно Иордания признает, что только этот путь обеспечит в конце концов наилучшие результаты. Никакая международная конференция не найдет решения наших проблем»¹¹⁴.

Отказ И. Шамира от идеи международной конференции, которая была бы уполномочена принимать обязательные для сторон решения, был связан с его верой в право еврейского народа на всю территорию Эрец-Исраэль, вследствие чего он категорически отказывался согласиться на уход Израиля из Иудеи, Самарии и Иорданской долины. Тот факт, что Ш. Перес вел переговоры с королем Хусейном, а также с Х. Мубараком и королем Марокко Хасаном II за спиной И. Шамира, вызвал у главы правительства Израиля еще большее раздражение.

И. Шамир предпринял попытку добиться международной поддержки проведения прямых израильско-иорданских переговоров. В середине июня глава правительства Израиля сообщил Дж. Шульцу, что согласен на то, чтобы прямые переговоры с иорданцами начались после того или иного, при этом сугубо формального, международного форума; эта информация была сразу же передана и королю Иордании¹¹⁵. В конце июля Дж. Шульц направил в Израиль своего помощника Чарльза Хилла для того, чтобы в деталях проработать эту идею. В начале августа прошла тайная встреча И. Шамира и короля Хусейна, к сожалению, вообще не отраженная ни в мемуарах бывшего главы правительства Израиля, ни в соответствующем томе антологии *Israel's Foreign Relations*. И. Шамир по-прежнему был против

¹¹⁴ Address by Prime Minister Shamir to the National Democratic Institute for International Affairs, опубликован в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 9–10, 1984–1988, док. 217.

¹¹⁵ См.: Avi Shlaim, *Lion of Jordan: The Life of King Hussein in War and Peace* (London: Allen Lane/Penguin Books, 2007), p. 450 и далее.

международной конференции, однако был согласен на то, чтобы арабо-израильские переговоры получили одобрение со стороны постоянных членов Совета Безопасности ООН.

В сентябре Ш. Перес высказал нетривиальное предложение, предложив М.С. Горбачеву и Р. Рейгану, в рамках их запланированного саммита, пригласить короля Хусейна, премьер-министра Израиля И. Шамира и его самого, дав старт началу прямых переговоров между сторонами. Дж. Шульцу эта идея показалась приемлемой, и 11 сентября он сообщил о ней президенту Р. Рейгану. Президент не дал согласия сразу, и Шульц почувствовал, что тот как минимум начинает уставать от проблем ближневосточной политики. Значимость советско-американских переговоров на высшем уровне была несравнима с возможностью начала гласных переговоров между руководителями Израиля и королем Иордании. И все же 23 сентября 1987 года Р. Рейган сообщил Дж. Шульцу о своем согласии с предложением Ш. Переса¹¹⁶.

По пути в Москву 16 октября 1987 года госсекретарь США Дж. Шульц прибыл для переговоров в Израиль. Он сумел убедить И. Шамира согласиться приехать в Вашингтон в декабре вместе с королем Хусейном во время саммита глав двух держав для того, чтобы СССР и США совместно «благословили» проведение двусторонних переговоров между Израилем и Иорданией. Получив согласие И. Шамира, Дж. Шульц отправился на встречу с королем Хусейном. Однако неожиданно как для израильтян, так и для американцев король Хусейн наотрез отказался от переговоров с Израилем в таком формате. Король выразил сомнение в том, что советская дипломатия согласится на такое предложение, особо указав, что сирийцы, которые изначально даже не воспринимались в качестве возможных участников переговоров, однозначно выступают против, настраивая против Хусейна всех арабских руководителей. Самым важным для короля Хусейна был в то время саммит Лиги арабских государств, который должен был пройти (и прошел) в столице Иордании в начале ноября 1987 года.

Американская и советская дипломатия были заняты подготовкой к переговорам лидеров их собственных стран. 8 декабря 1987 года в Вашингтоне состоялась советско-американская встреча на высшем уровне, в ходе которой М.С. Горбачев и Р. Рейган подписали бессрочный Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД), вступивший в силу 1 июня 1988 года. Участники договора обязались не производить, не испытывать и не развертывать балли-

¹¹⁶ См.: George Shultz, *Turmoil and Triumph*, p. 943–945.

стические и крылатые ракеты наземного базирования средней (от 1000 до 5500 километров) и малой (от 500 до 1000 километров) дальности. На фоне этого дипломатического успеха у Р. Рейгана было все меньше желания продолжать попытки урегулировать арабо-израильский конфликт, который казался практически неразрешимым.

Катализатором возобновления американских дипломатических усилий на этом направлении стал президент Египта Хосни Мубарак. Посетив Вашингтон в конце января 1988 года, он заявил американцам, что только они в силах остановить тенденции радикализации, которые могут захлестнуть весь регион Ближнего Востока. За два первых месяца палестинской интифады, начавшейся 9 декабря 1987 года, были убиты 36 и арестованы более полутора тысяч палестинцев, и Х. Мубарак имел все основания для беспокойства. Х. Мубарак предложил объявить шестимесячный период, в ходе которого обе стороны — и Израиль, и палестинцы — должны были обещать воздержаться от актов насилия, а по завершении — принять участие в международной конференции по мирному урегулированию конфликта. При этом по поводу того, каким образом палестинцы будут представлены на подобной конференции, не было достигнуто никакого согласия. Х. Мубарак также предложил мирную инициативу, в рамках которой палестинцы должны были обязаться прекратить акты насилия в отношении Израиля, а Израиль — прекратить строительство еврейских поселений на контролируемых территориях¹¹⁷.

Госсекретарь Дж. Шульц пришел к выводу, что лучшее новое — это хорошо забытое старое, решив сформулировать новый план как дальнейшее развитие соглашений, подписанных в Кемп-Дэвиде¹¹⁸. Этот проект, сразу ставший известным как План Шульца, развивал и положения мирной инициативы Рейгана, выдвинутой в сентябре 1982 года. Дж. Шульц предложил вести процесс мирного урегулирования арабо-израильского конфликта посредством прямых двусторонних переговоров, проводимых в соответствии с положениями резолюций №242 и №338 Совета Безопасности ООН. Госсекретарь добавил и новый элемент, который он назвал «смычкой» между переговорами о положении Западного берега и Газы в переходный период и переговорами об их окончательном статусе. Дж. Шульц считал, что временные границы переходного периода, очерченные в соглашении, подписанном в Кемп-Дэвиде, могут быть сокращены, и его инициатива открыто предусматривала это. Будущее контролируе-

¹¹⁷ См.: Timothy J. McNulty, «Reagan Hears Mubarak's Plan. Support Sought For Israeli-Palestinian Peace Proposal» // *Chicago Tribune*, January 29, 1988.

¹¹⁸ См.: George Shultz, *Turmoil and Triumph*, pp. 1028–1029.

мых территорий Дж. Шульц предлагал сделать предметом переговоров между представителями Израиля и смешанной иорданско-палестинской делегацией. Именно эта формула позднее легла в основу Мадридской конференции.

Согласно Плану Шульца, двусторонним переговорам между израильтянами и совместной иорданско-палестинской делегацией должна была предшествовать международная конференция, созвать которую должен был генеральный секретарь ООН с участием представителей пяти стран — постоянных членов Совета Безопасности. Все участники конференции должны были принять за основу положения резолюций №242 и №338 Совета Безопасности ООН.

На переговоры о промежуточном урегулировании по Плану Дж. Шульца уделялось всего шесть месяцев. Вне зависимости от результата предыдущей стадии переговоров на седьмой месяц должны были начаться переговоры об окончательном урегулировании статуса Западного берега и Газы. План Шульца ограничивал переходный период тремя годами. Дж. Шульц заявил, что представители администрации США будут принимать участие на обеих стадиях переговоров и намереваются предложить сторонам свой проект соглашения о временном урегулировании.

Министр иностранных дел Ш. Перес открыто приветствовал План Дж. Шульца, однако премьер-министр И. Шамир по-прежнему не принимал идею проведения международной конференции, будучи уверенным, что этот форум станет инструментом давления на Израиль, представители которого окажутся изолированными. И. Шамир также отменил идею двух стадий переговорного процесса, заявив, что она противоречит условиям соглашений, подписанных в Кемп-Дэвиде. И. Шамир был прав, указывая, что Кемп-Дэвидские соглашения ставили переговоры об окончательном статусе территорий в прямую зависимость от результата переговоров о временном урегулировании. По замыслу же Дж. Шульца, переговоры об окончательном статусе контролируемых территорий должны были начаться в любом случае, даже если договоренности о временном урегулировании не будут достигнуты. Как представляется, И. Шамир был прав, считая, что это будет лишать палестинских представителей всякого стимула к поиску компромиссных договоренностей. В перспективе же достижения всеобъемлющего соглашения об окончательном статусе территорий сам И. Шамир не верил совсем. Главное же состояло в том, что И. Шамиру был чужд принцип «территории в обмен на мир», который, если говорить по существу, стоял в центре как инициативы Рейгана, так и Плана Шульца. В своих воспоминаниях Дж. Шульц не скрыл, что «был разочарован неуступчивостью Шами-

ра и тем, что ввиду разрозненности правительства [с участием представителей «Ликуда» и Партии Труда], существовавшего в Израиле с конца 1984 года, никто не мог взять на себя конкретные обязательства и нести ответственность за них»¹¹⁹.

Сам Дж. Шульц понимал, что реализация его Плана зависела, главным образом, от того, будет ли готов к сотрудничеству король Хусейн. Все четыре поездки на Ближний Восток, которые Дж. Шульц предпринял в первой половине 1988 года, он посвятил попыткам убедить короля Иордании поддержать выдвинутый им План. Однако вопреки надеждам американской администрации, и План Шульца оказался мертворожденным, причем важнейший гвоздь в этот гроб вбил не неуступчивый премьер-министр Израиля, а король Иордании. 31 июля 1988 года король Хусейн выступил на арабском языке с обращением к нации, в котором объявил о полном юридическом и административном «размежевании» с Западным берегом¹²⁰. Отказ короля Иордании от борьбы за возвращение потерянных им в ходе Шестидневной войны территорий под свой суверенитет существенным образом способствовал легитимизации претензий ООП выступать от имени жителей этих территорий. Это были очень плохие новости для Израиля, даже если отнюдь не все руководители еврейского государства сразу же осознали это.

Госсекретарь пытался договориться о поддержке своей инициативы и с палестинскими общественными деятелями с Западного берега, которые были недовольны тем, что по этому плану они в лучшем случае претендовали на роль «младшего союзника» Иордании. При этом в какой-то мере именно дипломатические усилия Дж. Шульца подтолкнули короля Хусейна к шагу, от которого он воздерживался на протяжении всего предшествующего периода его правления. *Важнейшим изменением американского курса в сторону, противоположную как позиции правительства Израиля, так и реальных устремлений короля Иордании, стало использование в Плате Шульца термина «стороны» вместо термина «государства», что подразумевало, что Организация освобождения Палестины также может быть приглашена для участия в переговорах.*

Формальный отказ короля Хусейна от покровительства Западному берегу и его жителям перевел проблему из вопроса отношений между государствами (Израилем и Иорданией) в совершенно иную плоскость. 15 ноября 1988 года произошло поистине фантастическое событие: собравшийся в Алжире, за три тысячи километров

¹¹⁹ См.: George Shultz, *Turmoil and Triumph*, pp. 1030–1031.

¹²⁰ Полный текст выступления в пер. на англ. яз. см. на мемориальном сайте короля Хусейна: http://www.kinghussein.gov.jo/88_july31.html

от Западного берега, съезд Палестинского национального совета — своего рода квазипарламента Организации освобождения Палестины — провозгласил создание Государства Палестина. При этом Палестинский национальный совет не контролировал никакую часть территории Палестины и не обеспечивал никого из ее жителей никакими услугами. Несмотря на это, в течение последующего месяца несуществующее (до сих пор) Государство Палестина признали 76 стран, в том числе двое из постоянных членов Совета Безопасности ООН — Советский Союз и Китай.

14 декабря 1988 года о кардинальном изменении курса в отношении ООП заявил и госсекретарь США Дж. Шульц. Это случилось за пять недель до окончания президентской каденции Р. Рейгана и, как следствие, каденции самого Дж. Шульца на посту государственного секретаря. Оговорившись, что США не признают декларацию о независимости Палестинского государства, и указав, что статус Западного берега и Газы не может быть определен односторонними актами какой-либо стороны, а лишь посредством переговоров, он заявил: «Организация освобождения Палестины выпустила сегодня заявление, в котором принимает резолюции Совета Безопасности ООН №242 и 338, признает право Израиля существовать в мире и безопасности и отвергает терроризм. В результате этого Соединенные Штаты готовы к серьезному диалогу с представителями ООП. Я назначаю нашего посла в Тунисе [им был Роберт Пеллетро (Robert H. Pelletreau Jr.), впоследствии — посол США в Египте и заместитель государственного секретаря по Ближнему Востоку] полномочным представителем в этом диалоге. Целью Соединенных Штатов остается всеобъемлющий мир на Ближнем Востоке. В свете этого я рассматриваю данное событие как еще один шаг к началу прямых переговоров между сторонами, которые только и могут привести к миру»¹²¹. В реальности переговоры между представителями ООП и США шли к тому времени уже около полугода¹²².

В самом начале первой президентской каденции Р. Рейгана в ходе встречи с его эмиссаром Ф. Хабибом, состоявшейся в Иерусалиме 21 июня 1981 года, М. Бегин заявил: «Правительство Израиля ни при каких обстоятельствах не будет вести переговоры с арабскими террористическими организациями, провозглашающими своей целью уничтожение еврейского государства и его населения и по-

¹²¹ См.: Robert Pear, "Talking with the PLO; US Sets Agenda for Its Dialogue with Palestinians" // *New York Times*, December 16, 1988.

¹²² См.: Mohamed Rabie, "The U.S.-PLO Dialogue: The Swedish Connection" // *Journal of Palestine Studies*, vol. 21, no. 4 (1992), pp. 54–66.

вернувшими против них свое оружие. Более того, правительство Израиля не дает свое согласие на то, чтобы кто-либо другой вел переговоры с упомянутыми организациями»¹²³. Вторая каденция Р. Рейгана закончилась тем, что США открыто объявили о ведении таких переговоров. *Фактически именно это изменение американской позиции, вопреки всем усилиям израильского правительства, стремившегося предотвратить подобное развитие событий, превратило ООП в игрока, с которым более невозможно было не считаться, что в долгосрочной перспективе имело крайне негативные последствия для Израиля.*

¹²³ Цит. по протоколу встречи М. Бегина и И. Шамира с Ф. Хабибом, прошедшей в канцелярии главы правительства Израиля в Иерусалиме 21 июля 1981 г., стр. 1.

Глава 18

Нашла коса на камень: Ицхак Шамир против администрации Джорджа Буша-ст. и Джеймса Бейкера до и после Войны в Персидском заливе, 1989–1992 гг.

20 января 1989 года в Овальный кабинет Белого дома пришел новый президент — Джордж Буш-старший. Учитывая, что на протяжении восьми лет он был вице-президентом при Рональде Рейгане, в Израиле не думали, что есть серьезные поводы для беспокойства. Однако в книге воспоминаний И. Шамир, не скрывая, написал о том, что «американские друзья» сообщили ему, «что в Вашингтоне теперь идет новая игра, на новой доске, с новыми фигурами, непохожими на те, к которым привык» глава правительства Израиля¹²⁴. Чтобы понять, насколько иные ветры подули в Белом доме, достаточно было обратить внимание на различия в Доктринах национальной безопасности нового президента и его предшественника. Р. Рейган провозгласил национальными интересами Соединенных Штатов на Ближнем Востоке «поддержку региональной стабильности, сдерживание и ослабление советского влияния, поддержку безопасности Израиля и иных наших союзников в этом регионе, удержание доступа к нефти на разумных условиях для нас самих и наших друзей, а также борьбу с терроризмом»¹²⁵. Заметим словосочетание «Израиля и иных наших союзников»! В Доктрине безопасности Дж. Буша-ст. интересы Соединенных Штатов были сведены к «поддержанию безопасности Израиля и арабских государств и бесперебойных поставках нефти»¹²⁶. Два фундаментальных изменения бросаются в глаза в этой связи: во-первых, Израиль больше не на-

¹²⁴ См.: Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 261.

¹²⁵ *The National Security Strategy of the United States* (Washington: The White House, 1987), p. 17.

¹²⁶ *The National Security Strategy of the United States* (Washington: The White House, 1990), p. 13.

зывался «союзником», а во-вторых, его статус был полностью уравнен с «арабскими государствами», причем со всеми, хотя среди них были и режимы, десятилетиями проводившие жесткий антиамериканский курс, прежде всего — режим Хафеза Асада.

Отношения между Соединенными Штатами и Израилем имели стратегическое значение в годы «холодной войны», однако с ее окончанием прежняя необходимость сохранения отношений между двумя странами на прежнем уровне оказалась в глазах многих в США под вопросом. В связи с тем, что угрозы безопасности США со стороны Советского Союза более не казались реально значительными, Конгресс сократил бюджеты Пентагона и других силовых структур, вследствие чего началась «переоценка ценностей»: каждый партнер тщательно рассматривался на предмет того, является ли он по-настоящему важным стратегическим союзником или нет. Чиновники высшего ранга в администрации Р. Рейгана часто заявляли, что американо-израильские отношения основывались на совместном противостоянии советской угрозе миру и стабильности на Ближнем Востоке. Учитывая, что на одном из совещаний у маршала С.Ф. Ахромеева в конце мая 1983 года обсуждалась, ни больше ни меньше, возможность нанесения ядерного удара по Израилю¹²⁷, для такой оценки были все основания. Однако доктрина «нового мышления», которую продвигал М.С. Горбачев, кардинально меняла ситуацию в целом. «Мы понимаем, что при существующем положении вещей трудно добиться гармонии интересов конфликтующих сторон. Но надо искать, надо пытаться привести к какому-то общему знаменателю интересы арабов, Израиля, его соседей, других государств. При этом мы отнюдь не хотим, чтобы ход и форма урегулирования, сами цели этого процесса ущемляли естественные интересы США и Запада. Мы не стремимся вытеснить США с Ближнего Востока, да это и нереально», — утверждал М.С. Горбачев¹²⁸. В США стали звучать голоса, утверждавшие, что, коль скоро военно-политический альянс с Израилем более не имел смысла со стратегической точки зрения, нет причин поддерживать его, вследствие чего объемы американской помощи Израилю и масштаб совместных военных программ могли — и даже должны были — быть сокращены. Эти оценки не проходили мимо нового президента.

Джордж Буш-ст. сразу же продемонстрировал Ицхаку Шамиру свою враждебность, на первой же встрече между ними выдвинув за-

¹²⁷ Олег Гриневский, *Сценарий для третьей мировой войны*, стр. 333.

¹²⁸ См.: М.С. Горбачев, *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира* (Москва: «Политиздат», 1987), стр. 181.

ведомо неприемлемое для своего гостя (о чем он отлично знал) требование полностью прекратить строительство в еврейских поселениях на контролируемых территориях и создание новых. Израильские аналитики отмечали, что даже в отношениях между Д. Эйзенхауэром и Д. Бен-Гурионом взаимная антипатия не заходила так далеко, как это было между Дж. Бушем-ст. и И. Шамиром.

1. От Инициативы Шамира — к Плану Бейкера

Понимая, что новая администрация США, среди прочего, займется и вечным ближневосточным урегулированием, Ицхак Шамир и новый министр иностранных дел Моше Аренс (он занял свой пост 23 декабря 1988 года) приступили к выработке новой мирной инициативы, которая была обнародована главой правительства 6 апреля 1989 года¹²⁹. В Инициативе Шамира отмечалось, что, когда «десять лет назад на основе Кемп-Дэвидских соглашений было подписано мирное соглашение между Израилем и Египтом, ожидалось, что вскоре большее количество арабских стран присоединится к кругу тех, кто стремится к миру, однако этого не случилось». Отмечая, что «Кемп-Дэвидское соглашение является краеугольным камнем процесса успешного достижения мира в регионе», премьер-министр Израиля обратился к руководителям государств, предшественники которых подписали Кемп-Дэвидские соглашения, то есть США и Египта, с призывом убедить другие арабские государства отказаться от враждебной политики по отношению к Израилю и перейти от вражды и бойкота к переговорам и сотрудничеству. Из всех арабских государств Египет был единственным, кто признал Государство Израиль и его право на существование. Остальные же арабские страны поддерживали экономический бойкот Израиля, отказывались признавать его и устанавливать с ним дипломатические отношения. «Разрешение арабо-израильского конфликта и создание атмосферы доверия, что должно способствовать достижению окончательного урегулирования вопроса, требуют изменений в отношении арабских государств к Израилю», — указывалось в Инициативе Шамира. В связи с этим он обратился к этим государствам с призывом «положить конец этой исторической аномалии и вступить в процесс прямых двусторонних переговоров, нацеленных на нормализацию отношений и достижение мира».

¹²⁹ Предложенный Ицхаком Шамиром план мирного урегулирования опубликован в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 11–12, 1988–1992, док. 37.

С практической точки зрения основные положения этой инициативы были таковы:

1. Правительство Израиля объявило о готовности немедленно приступить к прямым мирным переговорам с арабскими странами, опираясь на принципы, установленные в Кемп-Дэвидских соглашениях;

2. Отказываясь вести переговоры с ООП, правительство Израиля предложило в кратчайшие сроки провести свободные и демократические выборы среди палестинского населения Западного берега и Газы, на которых могло быть сформировано полномочное палестинское представительство для переговоров с Израилем. Условием проведения выборов И. Шамир объявил прекращение актов насилия и терроризма на контролируемых территориях, чтобы избиратели не подвергались угрозам со стороны боевиков организаций, входивших в состав ООП. Учитывая, что на контролируемых территориях в 1972 и в 1976 годах уже проводились муниципальные выборы¹³⁰, способность израильской администрации организовать электоральный процесс вновь сомнений не вызвала.

3. Правительство Израиля заявило о готовности после этих выборов обсудить с избранными представителями палестинцев, а также с представителями Египта и Иордании, вопрос об автономии как промежуточном урегулировании, которое позволит палестинцам — жителям контролируемых территорий самим организовывать свою жизнь; по окончании промежуточного периода стороны должны начать переговоры об урегулировании окончательного статуса территорий Западного берега и сектора Газа.

4. Премьер-министр Израиля призвал к мобилизации усилий на международной арене под эгидой США и при активном участии Израиля для поиска решения проблемы арабских беженцев. В Инициативе Шамира отмечалось, что «лидеры арабских стран все это время способствовали сохранению проблемы беженцев, в то время как Израиль при его ограниченных возможностях принял сотни тысяч еврейских беженцев из арабских стран». «Разрешение вопроса о судьбе [арабских беженцев] не должно откладываться до начала политического процесса или заменять его, — указывалось в Инициативе Шамира. — Эта проблема должна рассматриваться как гуманитарная, и необходимо предпринять действия, направленные на то, чтобы облегчить участь беженцев и обеспечить им и членам их

¹³⁰ См.: Алек Д. Эпштейн, *Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться* (Москва: Институт Ближнего Востока — «Мосты культуры», 2008), стр. 109–119.

семей приемлемые жилищные условия и сохранение человеческого достоинства».

При этом И. Шамир осознавал опасность, которой может обернуться создание Палестинского государства между Израилем и Иорданией для обеих этих стран, настаивая на необходимости участия Иордании в мирном процессе, результаты которого не могли и не могут не оказать критического влияния на ее собственное будущее.

Приглашение посетить Вашингтон И. Шамир получил в конце марта 1989 года. Президент Дж. Буш 3 апреля принимал в Белом доме президента Египта Х. Мубарака, 6 апреля — премьер-министра Израиля И. Шамира, 2 мая — короля Иордании Хусейна. Уже на первой из этих встреч президент США сказал египетскому коллеге, что пора «положить конец [израильской] оккупации»¹³¹.

Первый, кто принял Ицхака Шамира, был новый госсекретарь Джеймс Бейкер. Израильский премьер сразу же сказал, что выступает против любого диалога с ООП, «потому что, вне всякого сомнения, такой диалог приведет к созданию Палестинского государства». «Подобный сценарий может закончиться уничтожением Израиля, я не преувеличиваю, — сказал И. Шамир, — поэтому мы будем бороться против него всеми силами»¹³².

Джеймс Бейкер видел ситуацию в ином свете. У И. Шамира сложилось впечатление, что «Дж. Шульц проявлял большой интерес к истории и философии Государства Израиль, а новый госсекретарь интересовался в основном, если не исключительно, тем, что происходит сегодня, а не тем, что произошло вчера, и, возможно, также не тем, что произойдет завтра». По воспоминаниям И. Шамира, Дж. Бейкер утверждал, что не стоит «окапываться» в прошлом, говорил об упущенных возможностях и напоминал о необходимости вновь «дерзнуть подняться на вершину горы». И госсекретарь, и президент Дж. Буш поддержали предложение о проведении выборов на контролируемых территориях. В выступлении на совместной пресс-конференции президент Дж. Буш сказал: «Соединенные Штаты считают, что выборы на территориях внесут новый вклад в политический процесс диалога и переговоров. Мы призываем Израиль и палестинцев найти форму выборов, которая устроила бы обе стороны». Президент Дж. Буш повторил позицию, сформулированную его предшественником: США «не поддерживают ни [создание] неза-

¹³¹ Цит. по: Remarks Following Discussions with President Mohammed Hosni Mubarak of Egypt, April 3, 1989 // George Bush Presidential Library and Museum, College Station, Texas, USA.

¹³² См.: Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 268.

висимого Палестинского государства, ни израильский суверенитет или перманентную оккупацию Западного берега и Газы». При этом, считая И. Шамира человеком, в целом предпочитавшим сохранение существовавшего положения поспешным шагам с непредсказуемыми последствиями, Дж. Буш счел нужным указать, что «проблемы не решаются сами собой» и что «сохранение статус-кво не отвечает ничьим интересам»¹³³.

Президент Дж. Буш ничего не сказал о прямых переговорах между Израилем и ООП, но и не отверг такую возможность, лишь заметив: «Обещание главы правительства Израиля открыто обсудить все варианты окончательного урегулирования показалось мне весьма обнадеживающим». И. Шамир, выступая сразу вслед за Дж. Бушем, максимально ясно обозначил свою позицию: «Мы считаем создание Палестинского государства на Западном берегу реки Иордан, что является целью ООП, смертельной угрозой нашей безопасности» [в оригинале — *a mortal threat to our security*]. Однако взаимопонимания с новой администрацией по этому ключевому вопросу добиться не удалось, хотя и президент, и госсекретарь в целом, как показалось израильскому премьеру, одобрили представленную им мирную Инициативу.

Диалог между руководителями двух стран стал заметно напряженнее в следующем месяце, когда Дж. Бейкер выступил на форуме Американо-Израильского комитета по общественным связям (AIPAC). Госсекретарь не только заявил, что «Израиль должен отказаться от всех идей, касающихся аннексии Западного берега и сектора Газа», «прекратить поселенческую деятельность», но и выступил с критикой якобы отличающей израильтян «нереалистичной перспективы “великого Израиля”» [в оригинале — *the unrealistic vision of a greater Israel*]¹³⁴. Ицхак Шамир, находившийся в то время с официальным визитом в Лондоне, был возмущен: «Не было сомнений, что эти слова Бейкер адресовал мне. Помимо того что тон этих слов был очень враждебным, я никогда не слышал, чтобы кто-то говорил о “великом Израиле”. Такое определение не могло иметь никакого основания, когда речь шла о такой крохотной стране, как Израиль, хотя бы и вместе с Иудеей, Самарией и Газой! Никто из нас никогда не говорил об устрашающей и могущественной империи по имени “великий Израиль”»¹³⁵. И. Шамир был уверен, что госсекретарь Дж. Бейкер

¹³³ Цит. по: Remarks Following Discussions with Prime Minister Yitzhak Shamir of Israel, April 6, 1989 // George Bush Presidential Library and Museum.

¹³⁴ См.: Thomas L. Friedman, “Baker, in a Middle East Blueprint, Asks Israel to Reach Out to Arabs” // *New York Times*, May 23, 1989.

¹³⁵ См.: Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 270.

«совершенно не понимал сегодняшний Израиль со всеми его нюансами и противоречиями. Своими пренебрежительными словами он усилил позиции радикалов в Израиле, ослабил правительство национального единства [оно существовало до 15 марта 1990 года] и дал понять арабским и в особенности палестинским лидерам, что, если те пойдут нам навстречу в вопросе выборов, США уже позаботятся о том, чтобы они получили мощную территориальную компенсацию — даже за одно свое согласие продолжить мирный процесс»¹³⁶. «Теперь я убедился, что моя тревога после первой встречи с Бейкером была небезосновательной, — заключил глава правительства Израиля. — Мне уже было ясно, что президент Буш желает, а госсекретарь Бейкер полон решимости добиться для своего патрона не более и не менее, чем полного отступления Израиля из Иудеи, Самарии и Газы, и, если удастся, также передачи территорий в руки арабов, как бы это ни было обставлено, лишь бы это не вызывало слишком много еврейских жалоб»¹³⁷.

11 сентября 1989 года на рассмотрение правительства Израиля был представлен египетский план, содержавший десять пунктов¹³⁸. Ключевыми в этом плане были: обязательство, которое должен был взять на себя Израиль, гарантировать принятие любых результатов палестинских выборов (пункт 1), «полное замораживание поселенческой активности» (пункт 6), право жителей Иерусалима (интересно, что в египетском документе упоминались именно жители Иерусалима в целом, а не только его восточной части) на участие в выборах (пункт 9) и обязательство Израиля вести поиск решения на основе резолюций Совета Безопасности №224 и №338 и принципа «территории в обмен на мир» (пункт 10). 12 сентября 1989 года этот план обсуждало правительство Израиля. Не желая ставить Х. Мубарака в неудобное положение, но и не считая этот документ приемлемым, члены правительства воздержались от голосования. Было принято решение, что министр обороны Израиля Ицхак Рабин направится на переговоры в Каир. В ходе переговоров И. Рабина и Х. Мубарака, состоявшихся 18 сентября, президент Египта сообщил, что представленный им план проведения палестинских выборов был согласован с Я. Арафатом. Члены правительства Израиля опасались, что Египет пытается ввести ООП в переговорный процесс через «черный ход». При этом президент Египта отказывался встречаться с главой пра-

¹³⁶ См. там же, стр. 272.

¹³⁷ См. там же, стр. 274.

¹³⁸ Египетский план опубликован в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 11–12, 1988–1992, док. 101.

вительства Израиля И. Шамиром, вследствие чего на переговоры с ним в Каир ездили лишь руководители Партии Труда. Х. Мубарак отказывался и от посещения Израиля, за 28 лет своего правления побывав в Израиле лишь однажды, при трагических обстоятельствах в ноябре 1995 года. И. Шамир же считал египетские предложения, требовавшие от Израиля согласиться полностью пустить процесс на самотек, неприемлемыми. Думая о том, как двадцать два года спустя, после свержения Х. Мубарака, выборы в его собственной стране триумфально выиграли «Мусульманские братья» и салафиты, кажется, что опасения И. Шамира были не такими уж беспочвенными.

Поддерживая египетскую инициативу, госсекретарь Дж. Бейкер попытался сгладить разногласия между руководителями Израиля и Египта. Подготовленный им документ был представлен руководителям Израиля 6 октября 1989 года¹³⁹, и они в принципе согласились принять его в целом, выразив свое несогласие по двум пунктам (из пяти). Израиль хотел быть уверенным, что ООП не будет никаким образом участвовать в переговорном процессе и что на начальной стадии этого процесса пути окончательного урегулирования палестинской проблемы обсуждаться не будут.

Учитывая важность Плана Бейкера, не будет лишним рассмотреть его по пунктам.

Пункт первый гласил: «США отдают себе отчет в том, что [поскольку] Египет и Израиль вложили много труда в мирный процесс, стороны соглашаются с тем, что израильская делегация начнет диалог с палестинской делегацией в Каире». И. Шамир и М. Аренс попросили, во-первых, чтобы в документе говорилось о «палестинских арабах — жителях Западного берега и Газы», чтобы исключалась возможность присутствия среди палестинских представителей арабов из Восточного Иерусалима или с неконтролируемых территорий, а во-вторых, чтобы Каир не назначался местом переговоров. «Любое предложение о том, чтобы представители Израиля встретились с палестинцами, выбранными прямо или косвенно ООП... противоречит нашей инициативе», — написал М. Аренс Дж. Бейкеру. Однако Дж. Бейкер проигнорировал все возражения израильского правительства¹⁴⁰.

Пункт второй был сформулирован следующим образом: «США понимают, что Египет не может заменить палестинцев [в перегово-

¹³⁹ План Бейкера опубликован в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 11–12, 1988–1992, док. 107.

¹⁴⁰ О реакции Дж. Бейкера на замечания правительства Израиля на его План см.: Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 275–276.

ном процессе], поэтому Египет будет консультироваться с палестинцами, а также с США и Израилем по всем вопросам диалога». Эта формулировка была принята всеми заинтересованными сторонами.

Пункт третий гласил: «США понимают, что Израиль присоединится к диалогу только после того, как будет составлен приемлемый список палестинских представителей. Израиль будут советовать [по этому вопросу] с США и Египтом». И. Шамир и М. Аренс попросили сформулировать этот пункт чуть иначе: «Египет, США и Израиль совместно составят список» — чтобы было ясно, что Израиль участвует в этом процессе. Госсекретарь Дж. Бейкер отказался сделать это.

Пункт четвертый касался «понимания» США, что правительство Израиля примет участие в диалоге на основе своей мирной инициативы. Более того, утверждалось, что «США также понимают, что выборы и переговоры будут вестись в соответствии с израильской инициативой. При этом США также понимают, что палестинцы будут свободны поднять темы, касающихся их взглядов на то, как проводить выборы и как обеспечить успех переговоров». М. Аренс потребовал убрать слово «переговоры», поскольку «Ликуд» решил не вести никаких переговоров с палестинцами до «прекращения всякого насилия на территориях», а этого так и не произошло. Дж. Бейкер согласился заменить слово «переговоры» на «переговорный процесс».

Наконец, пункт пятый содержал предложение США, чтобы министры иностранных дел США, Израиля и Египта встретились в Вашингтоне в течение двух недель с целью способствовать развитию данного процесса.

5 ноября 1989 года президиум правительства Израиля (т.н. «узкий кабинет») с оговорками одобрил План Бейкера: девять министров голосовали «за» и трое — «против» (Давид Леви, Ицхак Модай и Ариэль Шарон). Президиум правительства утвердил следующий текст решения:

1. Министр иностранных дел уполномочен проинформировать госсекретаря США о том, что Израиль принимает документ, состоящий из пяти пунктов, от 1 ноября 1989 года, в том виде, в каком он был предложен госсекретарем Бейкером.
2. Это обусловлено тем, что, как мы ожидаем, по заключении этого соглашения, и в соответствии с сопроводительным письмом госсекретаря, которое было приложено к этому документу, состоящему из пяти пунктов, США будут со своей стороны прикладывать все усилия к тому, чтобы ход процесса соответствовал условиям мирной инициативы правительства Израиля от 14 мая 1989 года, в том числе следующим положениям:

- (а) Диалог будет начат после того, как будет составлен список палестинских арабов — жителей Иудеи, Самарии и Газы, который будет приемлемым для Израиля.
- (б) Израиль не будет вступать в переговоры с ООП.
- (в) Ключевым вопросом, который будет обсуждаться в ходе данного диалога, будет вопрос проведения выборов на территориях в соответствии с требованиями, выдвинутыми в рамках мирной инициативы правительства Израиля.
- (г) США будут открыто поддерживать обозначенные выше позиции Израиля и будут оставаться на стороне Израиля в том случае, если какая-либо из остальных сторон диалога отклонится от тех условий, которые были оговорены.
- (д) США и Египет объявят о своей поддержке соблюдения принципов Кемп-Дэвидских соглашений, которые являются основой израильской мирной инициативы, в том числе и требований касательно стадий переговоров и их содержания.
- (е) Первая встреча пройдет в Каире. Следующий шаг будет обсуждаться в зависимости от результатов первой встречи¹⁴¹.

Переговоры продолжались, причем, как и прежде, руководители «Ликуда» вели их с американцами, а лидеры Партии Труда — с египтянами. Ицхак Шамир в середине ноября 1989 года вновь был в Вашингтоне, где встретился с президентом Дж. Бушем и госсекретарем Дж. Бейкером; во второй половине февраля 1990 года в Вашингтоне побывал и министр иностранных дел Моше Аренс, которого принял госсекретарь. Шимон Перес, бывший в то время заместителем главы правительства и министром финансов, в свою очередь, 23 января 1990 года встретился в Каире с Хосни Мубараком. Переговоры шли более или менее успешно до первой половины марта 1990 года, когда Шимон Перес принял решение развалить «правительство национального единства». Правительство пало при голосовании вотума недоверия 15 марта 1990 года. Ш. Перес рассчитывал, что сумеет сформировать правительство с участием нескольких малых партий, но без «Ликуда», однако этим планам не суждено было сбыться, прежде всего из-за жесткой позиции Любавичского ребе Менахема-Мендла Шнеерсона (1902–1994), отсоветовавшего очень считавшимся с его мнением депутатам от ашкеназских религиозных

¹⁴¹ Решение президиума правительства Израиля относительно Плана Бейкера опубликовано в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 11–12, 1988–1992, док. 108.

партий вступать в левоцентристское правительство. В результате почти трехмесячных интриг 8 июня 1990 года было приведено к присяге правительство, сформированное Ицхаком Шамиром без участия Шимона Переса и его тогдашних коллег по Партии Труда (в ноябре 2005 года Шимон Перес покинул эту партию). В новом правительстве Моше Аренс занял пост министра обороны (вместо Ицхака Рабина), освободив пост министра иностранных дел для своего конкурента Давида Леви. Министром финансов вместо Шимона Переса стал Ицхак Модай.

1990 и 1991-й годы стали временем драматичных перемен на Ближнем Востоке. Необходимо выделить в этой связи три события: захват Ираком во главе с Саддамом Хусейном Кувейта — и освобождение этой страны силами международной коалиции во главе с США; проведение в Мадриде международной конференции по ближневосточному урегулированию; и массовую иммиграцию в Израиль евреев Советского Союза, последние годы существовавшего в качестве единого государства. Каждое из этих событий нужно рассмотреть обособленно.

2. Атакованный, но не ответивший Израиль: Война в Персидском заливе и ее последствия

Летом 1990 года отношения между Ираком и Кувейтом резко обострились из-за споров вокруг цены на нефть. 30 мая 1990 года, в последний день саммита глав арабских государств, иракский лидер Саддам Хусейн заявил, что некоторые страны Персидского залива стали добывать нефти больше установленных ОПЕК квот, в результате чего цена на баррель нефти упала до 7 долларов, в то время как обговоренная цена одного барреля нефти составляла 18 долларов. Саддам Хусейн отметил, что падение цены каждого барреля всего на один доллар означает потерю Ираком миллиарда долларов ежегодно. Это, по его мнению, в сложившихся экономических условиях Ирака было равнозначно «акту войны».

15 июля 1990 министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз направил генеральному секретарю Лиги арабских государств меморандум на 37 страницах, в котором конкретно обвинил Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты в перепроизводстве нефти. Кроме того, в этом документе содержались и другие претензии Ирака к Кувейту. В частности, по вопросу долга Ирака Кувейту Т. Азиз высказался таким образом, что долг является «помощью» Кувейта Ираку в годы войны с Ираном и поэтому не должен рассматриваться как «долг», а, нао-

борот, должен быть аннулирован. Особое внимание в меморандуме привлекло обвинение, выдвинутое Тариком Азизом против Кувейта в том, что за период с 1980 по 1990 год эта страна якобы перекачала нефти на сумму 2,4 миллиарда долларов из иракского нефтяного бассейна в Румайла. Такие действия Кувейта равнозначны «акту войны» в отношении Ирака, нацеленному на «приведение иракской экономики к состоянию коллапса», — утверждал иракский министр.

18 июля 1990 года Саддам Хусейн вновь обвинил Кувейт в том, что он незаконно добывает нефть из спорного района нефтедобычи Румайла на ирако-кувейтской границе, и разместил там свои военные посты. 24 июля в южные, граничащие с Кувейтом области были переброшены тридцать тысяч военнослужащих и двести танков, а через неделю численность багдадских войск в этом районе достигла ста тысяч человек.

1 августа 1990 года в Джидде (Саудовская Аравия) начались ирако-кувейтские переговоры, но через два часа они были прерваны. Багдад выдвинул на них ряд заведомо невыполнимых требований в адрес Кувейта, надеясь, что последний «откупится» от них. Кувейт отклонил требования о денежном «выкупе» и территориальных уступках¹⁴².

2 августа 1990 года иракские войска вторглись в Кувейт. Уже к исходу первого дня войны практически вся территория страны оказалась под контролем иракских войск. Власть в захваченном Кувейте была передана ставленнику Багдада полковнику Ала Хуссейну Али, возглавившему т.н. Свободное временное правительство Кувейта (Provisional Government of Free Kuwait). Эмир Кувейта Джабер аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах (1926–2006) бежал из страны в Саудовскую Аравию. 8 августа т.н. Свободное временное правительство Кувейта обратилось к Саддаму Хусейну с просьбой: «Кувейт должен вернуться в лоно родины — великий Ирак». Эта «просьба» была удовлетворена, и Ирак объявил о включении Кувейта в состав страны на правах девятнадцатой провинции.

Агрессия Ирака против Кувейта с осуждением была воспринята во всем мире. 2 августа Совет Безопасности ООН принял резолюцию №660, в которой осудил вторжение и потребовал «немедленно и без всяких предварительных условий» вывести все иракские войска из Кувейта. Совет Безопасности ООН призвал стороны начать «немедленные, интенсивные переговоры для разрешения существовавших между ними различий».

¹⁴² Подробнее см.: Alan Munro, *Arab Storm: Politics and Diplomacy Behind the Gulf War* (I.B. Tauris, 2006).

Саддам Хусейн, однако, на эти требования не отреагировал, после чего 6 августа 1990 года в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН №661 в отношении Ирака были введены экономические санкции. Совет Безопасности ООН постановил, что все государства должны запретить импорт из Ирака, воспрепятствовать передаче ему оружия и военного оборудования, а также финансовой и экономической помощи. Для полного прекращения морских торговых связей с Ираком 25 августа 1990 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию №665, а 25 сентября 1990 года одобрил резолюцию №670 о введении против Ирака воздушного эмбарго, предусматривающего запрет на перевозку в Ирак любых грузов, помимо продуктов питания и гуманитарной помощи.

По предложению США Совет Безопасности ООН 29 ноября 1990 года резолюцией №678 разрешил применение против Ирака военной силы для освобождения Кувейта. Лига арабских государств, Западноевропейский союз, Североатлантический союз (НАТО), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) поддержали решение о применении военной силы их членами на индивидуальной основе.

В Израиле осознавали, что именно разбомбленный летчиками ЦАХАЛа иракский ядерный реактор сделал реально возможной проведение военной операции против Ирака. Осенью 1991 года это признал и Ричард Чейни (Richard Bruce “Dick” Cheney), бывший тогда министром обороны¹⁴³. При этом каковы будут последствия этой операции для самого Израиля, предсказать было невозможно.

Ицхак Шамир отправил президенту Дж. Бушу-ст. письмо, в котором выразил «нашу [Израиля] солидарность с Вами в момент, когда Вы руководите борьбой с силами зла, вставшими на путь разнузданной агрессии и завоеваний. Мы помним подобные события, которые произошли более пятидесяти лет назад, и их страшные результаты [речь, очевидно, идет о гитлеризме]. ... Разумеется, мы поддерживаем Ваши действия. Мы дали указание нашим разведывательным службам продолжать широкие контакты с соответствующими службами в США и предоставлять им всю доступную нам информацию. Теперь полностью выявилось истинное лицо Саддама Хусейна». Переходя от анализа общемировых проблем к вопросам, непосредственно касающимся Израиля, И. Шамир добавлял: «США правильно расценили, что Ирак может предпринять военные действия против Израиля, чтобы сорвать планы, направленные против Ирака, и объеди-

¹⁴³ См.: “Cheney to Israel: Thanks for Destroying Iraqi Reactor”. Press Release (Center for Security Policy, Washington), October 30, 1991.

нить арабский мир под главенством Саддама Хусейна. Неслучайно ООП и ее лидер Арафат встали на сторону иракского диктатора и открыто объявили о поддержке иракской агрессии. Наша армия [ЦАХАЛ] готова к надвигающейся опасности». От имени правительства И. Шамир четко оговорил, при каких условиях Израиль не сможет сохранять нейтралитет: «Мы с близкого расстояния наблюдаем за событиями, включая и те, что вытекают из союза Иордании с Ираком. Израильский министр обороны Моше Аренс предупреждает, что ввод иракских войск в Иорданию будет, с нашей точки зрения, означать пересечение “красной черты”. У нас нет намерений предпринимать что-либо против короля Хусейна; поэтому следует удерживать его от любых действий в поддержку иракской агрессии». В конце письма премьер-министр обещал, что «в духе нашего союза и дружбы с США мы готовы осуществлять постоянные консультации на всех уровнях и действовать в сотрудничестве с Вами, согласовывая наши действия, насколько это будет необходимо»¹⁴⁴.

Тот факт, что, поддержав Саддама Хусейна, ООП противопоставила себя почти всему цивилизованному человечеству, стал подтверждением правоты многолетних требований Ицхака Шамира об исключении этой организации из переговорного процесса. Глава правительства Израиля недвусмысленно выступал не только в поддержку освобождения оккупированного Кувейта, но и за отстранение Саддама Хусейна от власти¹⁴⁵, хотя это и не было официально названо среди целей сформированной американцами коалиции.

Вместе с тем в Израиле понимали, что президент Дж. Буш-ст. рассматривал именно арабские страны в качестве главных действующих лиц в коалиции, которую он формировал. Американцам было принципиально важно, чтобы война против Саддама Хусейна не воспринималась в арабо-мусульманском мире как война Запада против арабского Востока, поэтому они были готовы выполнить практически все условия арабских стран, чтобы те вошли и оставались в составе коалиции. Заявленной целью этой коалиции была защита нефтедобывающих стран Персидского залива от иракской агрессии; в особенности — защита Саудовской Аравии, независимость которой, как сказал президент Дж. Буш-ст., важна для интересов США. Египет также присоединился к коалиции, став ее активным участником, и США поспешили возблагодарить его за это, списав семимиллиардный долг. Руководители как Саудовской Аравии, так и Сирии об-

¹⁴⁴ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 293.

¹⁴⁵ Comments by Prime Minister Shamir on the Gulf War, 9 February 1991, в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 11–12, 1988–1992, док. 186.

условили свое участие в коалиции неучастием в ней Израиля. Они недвусмысленно сообщили американцам, что, если Израиль вступит в войну, каковы бы ни были тому причины, они не останутся по ту же сторону баррикад. Американцы известили об этом правительство Израиля, требуя от него не вступать в боевые действия, что бы ни случилось. Без сомнения, вступление этих влиятельных стран в антииракскую коалицию было большой дипломатической победой президента Дж. Буша-ст., не говоря уже о том, что это, среди прочего, поколебало миф об арабском единстве. Однако совершенно очевидно, что для улучшения отношений с арабскими странами, на короткое время ставших американскими союзниками, администрация Дж. Буша-ст. была готова поставить под удар безопасность Израиля. Более того, администрация США оказывала давление на правительство Израиля с требованием заранее принять такое аномальное положение вещей как «нормальное», дав гарантии своего неучастия в боевых действиях даже в случае иракского нападения на Израиль, который, вообще говоря, ни с какой стороны не был частью конфликта Ирака с Кувейтом или Ирака с членами ОПЕК в целом.

Саддам Хусейн осознавал это. Стремясь разрушить антииракскую коалицию, он объявил, будто его целью является не столько оккупация Кувейта, сколько «освобождение» Палестины. Во вторую неделю августа Саддам Хусейн провозгласил «джихад» против США и Израиля и заявил, что существует связь между конфликтом Ирака и большинством стран Запада и отступлением Израиля с «оккупированных территорий». Наконец, в последних числах того же месяца он сообщил, что его армия, в случае нападения сил коалиции на Ирак, атакует Израиль.

Когда США осудили иракское вторжение и начали формировать антииракскую коалицию, израильские руководители сделали разумный вывод, что существует вполне реальная возможность расширения военных действий на другие страны в регионе, в том числе и на Израиль. Уже осенью 1990 года бойцы из *Сайерет МАТКАЛЬ*, спецназа разведки Генштаба, были высажены в Западном Ираке для получения тактической информации о передвижениях иракских войск. Спецназовцы были доставлены на вертолетах без опознавательных знаков через иорданскую территорию. Они были высажены в районе восточнее иорданской границы, недалеко от шоссе Амман — Багдад, где находилась одна из крупнейших иракских авиабаз, построенная еще англичанами. Главной задачей спецназовцев на этом этапе было скрытное наблюдение за противником, ни в коем случае не вступая с ним в боевой контакт.

В декабре 1990 года И. Шамир побывал с новым визитом в Вашингтоне. Он едва ли ошибался, когда сказал Дж. Бушу-ст., что «меж-

ду диктаторами Сирии и Ирака нет существенной разницы», но, по воспоминаниям израильского премьера, президент США «предпочел пропустить это мимо ушей»¹⁴⁶. Президенту и сотрудникам его администрации было необходимо сохранять целостность коалиции, увеличивать ее мощь, готовить ее к освобождению Кувейта и к разрушению военной машины Саддама Хусейна. Уже тогда И. Шамиру стало с очевидностью ясно, что арабские страны — члены коалиции недвусмысленно дали понять президенту США, что они выйдут из коалиции, если к ней присоединится Израиль.

17 января 1991 года объединенные силы коалиции начали масштабную бомбардировку Багдада; Белый дом сообщил о начале операции «Буря в пустыне». Командующий межнациональными силами генерал Норман Шварцкопф (Norman Schwarzkopf, 1934–2012) нанес основной удар не на кувейтском направлении, где его ожидало иракское командование, подготовившее там статичную оборону, а западнее, в пустынном районе вдоль саудовско-иракской границы. Столица Кувейта была освобождена за двое суток; наступающие с запада войска коалиции подошли к Басре, практически окружив отходившие из Кувейта иракские силы. 26 февраля Саддам Хусейн в выступлении по радио признал, что иракские войска вынуждены покинуть Кувейт. Утром 28 февраля он объявил о прекращении огня и принятии Ираком всех требований ООН. 3 марта Норман Шварцкопф и Халед бин Султан на захваченной иракской авиабазе Сафван подписали с представителями иракской стороны соглашение о прекращении огня. За четверо суток наземной операции войска коалиции полностью освободили Кувейт и заняли около 15% территории Ирака¹⁴⁷.

В ответ на военные действия коалиции Ирак подверг Израиль обстрелу ракетами «скад» (точнее, это были модифицированные версии этих ракет, произведенные в самом Ираке). За период с 18 января по 25 февраля 1991 года на Израиль упали 39 «скадов», причинивших в отдельных местах сильные разрушения, но человеческих жертв почти не было. При этом в Израиле чрезвычайно опасались ракетных атак, сопряженных с использованием химического оружия. Осенью 1990 года гражданам Израиля было роздано около пяти миллионов противогазов. Постепенно и организовано Израиль перешел если и не на чрезвычайное положение, то к жизни, очень непохожей на обычную, мирную, а скорее подобной жизни часового на посту. Каждый обстрел иракскими «скадами» сопровождался

¹⁴⁶ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 296.

¹⁴⁷ См.: Jean Edward Smith, *George Bush's War* (New York: Henry Holt, 1992).

сиреной воздушной тревоги и объявлениями, которые делал руководитель пресс-службы ЦАХАЛа Нахман Шай (в 2009 году он был избран депутатом Кнессета); граждане призывались каждый раз надеть противогазы, иногда это происходило дважды за ночь. Американцы передали Израилю несколько батарей противоракет *Patriot*, заверив, что они полностью защитят Израиль. Действительно, они сбили многие «скады», но, к сожалению, уже в конце траектории их полета, вследствие чего горящие обломки ракет раз за разом падали на израильские города и селения...

Теоретически у Израиля было три возможных варианта действий в ответ на иракские обстрелы. Правительство могло отправить боевые самолеты ЦАХАЛа в Западный Ирак для обнаружения ракетных установок и их уничтожения; можно было уповать на то, что США сами позаботятся об уничтожении этих установок; и, наконец, можно было провести такую акцию совместно с военно-воздушными силами США. Официальная точка зрения, отраженная как в мемуарах государственных деятелей, так и в историографии, состоит в том, что американцы наложили вето на любое участие израильских сил в боевых действиях, вследствие чего уничтожением иракских «скадов» занимались исключительно американцы. При этом И. Шамир озвучил условия, касавшиеся предельных границ невмешательства: если иракцы оснастят свои ракеты химическими боеголовками, Израиль немедленноотреагирует военными средствами. Поскольку этого не произошло, в общественном сознании сложилось впечатление, что Израиль впервые не ответил на удар ударом, и это, безусловно, сказалось на моральном состоянии народа: израильтяне не привыкли, что в надежде на обеспечение безопасности им не остается ничего, кроме как молиться за благополучие и активность Соединенных Штатов.

Действительность была, однако, более сложной: правда состоит в том, что, хотя Израиль в самом деле не отвечал на обстрелы своей территории силами Саддама Хусейна, уничтожением «скадов» на территории Ирака занимались как раз израильские солдаты, пусть и законспирированные. *По сути, американцы поставили Израиль в крайне сложное положение: израильские силы в иракском тылу занимались уничтожением пусковых установок «скадов» втайне от командования военно-воздушных сил коалиции*, что превращало всю миссию в чрезвычайно опасную.

17 января 1991 года иракцы выпустили первые восемь «скадов» по Тель-Авиву и Хайфе. Министр обороны М. Аренс дал указание ЦАХАЛу начать операцию возмездия. Детальный план подобной операции был разработан заранее, и оставалось только привести его в действие. План включал в себя три основных удара по Ираку:

1. Удары израильских ВВС по военным объектам в Западном Ираке, а также по инфраструктуре вокруг Багдада.
2. Высадку вертолетного десанта на авиабазе Н-3 на западе Ирака, ее захват базы и уничтожение там иракских сил.
3. Одновременно с высадкой десанта, две бронетанковых бригады с поддержкой мотопехоты должны были войти на территорию Иордании, на шоссе Амман–Багдад. Первая, совершив бросок через Иорданию, должна была объединиться с десантом на базе Н-3 для отражения иракской контратаки и дальнейших действий в районе, вторая — остаться в районе шоссе для прикрытия тыла в случае сопротивления со стороны иорданской армии.

ЦАХАЛ начала действовать сразу по получении приказа от правительства. Одновременно с этим Ицхак Шамир проинформировал администрацию США и командование коалиционных сил о том, что Израиль нанесет в ближайшие часы ответный удар по Ираку. Президент Дж. Буш-ст. отнесся к этому крайне негативно, будучи уверенным, что вступление Израиля в войну приведет к развалу антииракской коалиции. Как указывалось выше, Саудовская Аравия и Сирия с самого начала объявили, что они не будут в одной коалиции с Израилем. Без них союзники рисковали остаться без баз для продолжения войны.

В то время как израильские десантники загружались в вертолеты на базах в Самарии, израильское и американское правительства торговались о том, вступит ли Израиль в войну или нет. Американцы отказались дать израильским военно-воздушным силам коды определения «свой–чужой», что грозило воздушными боями между израильскими истребителями (которые к тому моменту уже были в воздухе) и ВВС коалиции над Ираком¹⁴⁸. Опасаясь случайно сбить американские или английские самолеты и помня о трагическом инциденте во время Шестидневной войны, когда Израиль нанес удар по американскому судну «Либерти»¹⁴⁹, Ицхак Шамир запретил ЦАХАЛу предпринимать ответные действия. С американцами была достигнута договоренность, что вместо достаточно масштабной войсковой операции Израиль сможет провести ограниченную операцию против иракских «скадов». Кроме того, союзники пообещали направить

¹⁴⁸ См.: Даниэль Кохен, «Израильский спецназ в Ираке — охота за “скадами”» // портал *War Online*, без даты, http://www.waronline.org/IDF/Articles/iraq_sf.htm

¹⁴⁹ См.: James Scott, *The Attack on the Liberty: The Untold Story of Israel's Deadly 1967 Assault on a U.S. Spy Ship* (Simon & Schuster, 2009).

собственный спецназ для уничтожения пусковых установок в Западном Ираке. Было решено, что израильские спецназовцы высадятся в «зоне ответственности» американских специальных сил.

Прежде всего, очень тщательно было проверено, чтобы ничто не могло выдать в спецназовцах израильских солдат. Все бойцы были одеты в форму французского Иностранного легиона и имели при себе иностранные документы разной степени подлинности. Для передвижения использовались перекрашенные в пустынный камуфляж джипы *Land Rover* (тогда официально на вооружении ЦАХАЛа не состоявшие) без опознавательных знаков. Солдаты вместе со всем оборудованием, машинами и припасами были доставлены в район, где иракцы развернули свои мобильные «скады» — севернее шоссе Амман–Багдад, на тяжелых транспортных вертолетах СН-53 «Ясур» через иорданскую территорию. На протяжении операции было совершено несколько рейсов для пополнения боеприпасов, питания и эвакуации раненых (несколько солдат ЦАХАЛа были ранены, но погибших не было). Эти челночные рейсы были весьма опасны: военно-воздушные силы коалиции не были осведомлены об этих перебросках, и израильские вертолеты постоянно подвергались опасности быть обнаруженными и принятыми за иракские. В одном случае американский истребитель действительно чуть не сбил вертолет, несущий израильских спецназовцев¹⁵⁰.

Главной целью операции было обнаружение и уничтожение мобильных пусковых установок «скад», которые Ирак применял для обстрелов израильских городов. Все операции происходили исключительно ночью, днем солдаты отдыхали в какой-нибудь пещере или овраге. Темнота не только давала преимущество израильским спецназовцам с приборами ночного видения, но и уменьшала шансы обнаружения, как местными жителями, так и авиацией сил коалиции. В ходе боевых действий израильтяне успешно уничтожили несколько пусковых установок «скад», радаров и постов противника. Кроме того, были собраны важные разведданные об иракских военных базах в районе, передвижении мобильных пусковых установок, возможностях иракцев в целом, которые использовались как во время самой войны, так и позднее. За несколько часов до окончания боевых действий все спецназовцы были вывезены из Ирака в Израиль тем же путем, что и прибыли туда — на вертолетах через Иорданию.

Даже принимая во внимание тот факт, что с оперативно-тактической точки зрения эта операция была, без сомнения, очень успеш-

¹⁵⁰ См.: Даниэль Кохен, «Израильский спецназ в Ираке — охота за “скадами”».

ной, в целом ситуация имела два весьма негативных последствия: во-первых, как в общественном мнении в самом Израиле, так и в арабских столицах сложился *непривычный образ еврейского государства, не отвечающего на прямое и ничем не спровоцированное военное нападение*, что крайне негативно влияло на поддержание сдерживающей мощи Израиля, являющейся, в свою очередь, одним из оснований концепции национальной безопасности страны. Во-вторых, *правительство Израиля столкнулось с прямым военным шантажом со стороны американской администрации, отказавшейся передать израильским военно-воздушным силам коды, необходимые им для того, чтобы не нанести удар по самолетам США и их союзников, причем делалось это с очевидной целью не дать Израилю действовать в защиту очевидно погрязших интересов своей безопасности*. Израильский же спецназ должен был действовать в тылу врага, прячась как от иракцев, так и от тех, кто противостоял им. Вопреки тому, на что можно было надеяться, вспоминая, сколько замечательных меморандумов о взаимопонимании было подписано к тому времени между двумя странами, Израилю пришлось действовать, защищая свою безопасность, в одиночку.

3. Двойными стандартами против двойных стандартов: все дороги ведут в Мадрид

В администрации Дж. Буша-ст. преданным сторонником Израиля был только министр обороны Р. Чейни, который заявил, что Война в Персидском заливе была «демонстрацией того, насколько важно поддерживать мощь Израиля и его способность защищать себя, а также то, насколько важно поддерживать стратегическое сотрудничество между нашим двумя странами»¹⁵¹. В мае 1991 года было подписано соглашение, по которому Соединенные Штаты гарантировали финансовое участие в создании израильской противоракеты «хец» [Arrow], а также продавали Израилю десять истребителей F-15-A. Для Р. Чейни, хорошо знавшего и очень уважавшего министра обороны Израиля М. Аренса, было важно предотвратить беспокойство по поводу того, что Соединенные Штаты уже без прежнего интереса смотрят на отношения с Израилем.

Успех в освобождении Кувейта усилил мотивацию Джорджа Буша-ст. приступить к переустройству Ближнего Востока. Дж. Буш и госсекретарь Дж.А. Бейкер утверждали, будто палестинская интифа-

¹⁵¹ Цит. по: Karen Puschel, *U.S.–Israeli Strategic Cooperation in the Post-Cold War Era: An American Perspective* (Boulder: Westview Press, 1992), p. 145.

да на контролируемых Израилем территориях и изменившаяся региональная реальность после Войны в Персидском заливе открыли новое «окно возможностей» (*window of opportunity*) для начала процесса мирных переговоров о ближневосточном урегулировании. Представители Госдепартамента США утверждали, что готовы выполнить роль «честного посредника» на арабо-израильских переговорах, что свидетельствовало о стремлении американских дипломатов убедить также и палестинцев в своей беспристрастности¹⁵². После окончания Войны в Персидском заливе в 1991 году администрация США поставила своей целью создать на Ближнем Востоке «новый порядок», который призван был защищать стабильность в регионе и гарантировать доступ к запасам нефти в Персидском заливе и на Аравийском полуострове. В Соединенных Штатах считали, что конец арабо-израильского конфликта послужит именно этим целям, создав условия для гарантированного доступа США к ближневосточной нефти¹⁵³.

Не прошло и двух недель с момента окончания Войны в Персидском заливе, как госсекретарь США Дж. Бейкер начал визит в регион, планируя посетить восемь стран — членов антииракской коалиции, а также Израиль, где он пробыл два дня, 12 и 13 марта 1991 года. Джордж Шульц в статусе госсекретаря побывал в Израиле шестнадцать раз, последний из них — 5 июня 1988 года. Для Джеймса Бейкера эта поездка в Израиль была первой. Встречался он как с израильскими руководителями, так и с палестинскими представителями. Интересно, что, когда в марте 1991 года Дж. Бейкер прибыл в Иерусалим, среди привезенных им документов была карта Ближнего Востока, где были представлены столицы всех стран, за исключением Иерусалима. Эту карту 26 июля 1991 года продемонстрировал перед Кнессетом сын бывшего главы правительства Израиля Беньямин-Зеэв Бегин, позднее бывший министром в двух правительствах, сформированных Беньямином Нетаньяху.

На встрече с двенадцатью палестинскими лидерами с территорий Дж. Бейкер проявил крайнюю снисходительность по поводу поддержки Организацией освобождения Палестины Саддама Хусейна после оккупации им Ирака. Тогда *госсекретарь США и сравнил Израиль с Саддамом Хусейном*, пояснив, что США не согласятся на «двойную мораль». После того как Кувейт было освобожден от иракской окку-

¹⁵² См.: Ефим Эпштейн, «Проблемы ближневосточного урегулирования в дипломатии США на рубеже XX–XXI вв.». Диссертация на соискание степени кандидата политических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, 2006).

¹⁵³ Bernard Reich, *Securing the Covenant: United States Relations after the Cold War* (London: Praeger Publishers, 1995).

пации, намекнул он собеседникам, американская администрация не согласится на продолжение израильской «оккупации» Западного берега и Газы. Ицхак Шамир вспоминал: «Сравнение показалось мне возмутительным и лишенным логики, но Бейкер на этом не остановился. Если арабам нужны были дополнительные доказательства его благосклонности, то он рассыпал их щедрой рукой. Он не только дал понять, что администрация Буша не отвергает возможности контактов с ООП в будущем (хотя мир, сказал он, будет достигнут только при помощи прямого диалога между сторонами под американским руководством) — он лично пообещал уважаемым арабским деятелям, что Белый дом не поддастся никакому “внутреннему” давлению (отсюда, очевидно, следовало, что Буш совершенно не заинтересован в еврейских голосах в своей стране)»¹⁵⁴. Фраза, которая, как утверждается, была сказана Джеймсом Бейкером по поводу американских евреев незадолго до выборов, свидетельствовала о его к ним отношении более чем ясно: «Плевать на евреев, они всё равно не голосовали за нас» [в оригинале — *Fuck the Jews. They didn't vote for us anyway*¹⁵⁵]. Подобное отношение, кроме того что было признаком очевидно антисемитского отношения, говорило и о черной неблагодарности: на выборах 1988 года за Дж. Буша-ст., как свидетельствовали опросы, голосовали 35% американских евреев¹⁵⁶. Как бы там ни было, когда да новых президентских выборов в США оставалось еще полтора года, Дж. Бейкер начал готовить международную конференцию, которая, как он считал, положит конец арабо-израильскому конфликту. Администрация США демонстрировала свою волю: Дж. Буш-ст. и его приближенные говорили, что будут воевать с Ираком, и сделали это; теперь они демонстрировали ту же непреклонность в отношении Израиля, понравится это Конгрессу и американским евреям или нет. И. Шамир передал свои ощущения очень ясно: «Мы не только должны были проглотить пилюлю, но еще и арабы должны были убедиться, что мы ее действительно проглотили»¹⁵⁷.

Госсекретарь неумоимо курсировал между египетским президентом Х. Мубараком, саудовским королем Фахдом (1921–2005) и королем Иордании Хусейном. Он отправлялся в Кувейт, оттуда в Дамаск, возвращался в Иерусалим и в Вашингтон, и все начиналось

¹⁵⁴ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 303.

¹⁵⁵ Цит. по: Anne E. Kornblut, “The Bushes and the Jews” // *Slate Magazine*, April 17, 2002.

¹⁵⁶ Эти данные приводятся в книге: *Jews in American Politics*, p. 153. Анна Корнблат в вышеуказанной статье приводит несколько другие данные: 27% — за Дж. Буша против 73% — за М. Дукакиса.

¹⁵⁷ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 312.

сначала. Почти на каждом этапе разворачивались тяжелые и длительные споры, почти по любому вопросу — в том числе и о том, где будет проводиться церемония открытия; не осталось почти ни одной европейской столицы, которая не была бы названа в этом контексте. Затем начался острый спор по вопросу о том, будет ли сформирована совместная иордано-палестинская делегация, как того требовало правительство И. Шамира, или две отдельные делегации, иорданская и палестинская, как настаивали палестинцы (в конце концов делегация была одна, но ей было предоставлено право на две вступительные речи; прочие действия, предусмотренные в плане, также были «удвоены»).

Предметом ожесточенных споров стало и то, где будут проводиться двусторонние обсуждения. И. Шамир предложил, чтобы каждая группа встречалась попеременно в Израиле и в соответствующей арабской стране, но представители арабских стран отказались принять такой порядок, очевидно не желая принимать у себя израильтян. В принципе, это само по себе было более чем наглядным индикатором «миролюбивых намерений» арабских правителей, но госсекретарь Дж. Бейкер убеждал И. Шамира, что всё это — «божья роса».

Согласившись с тем, что переговоры не будут вестись в тех странах, с которыми предстояло говорить о мире, И. Шамир все же просил, чтобы обсуждения проводились географически не далеко от Израиля, чтобы дипломаты могли, если понадобится, приехать в Иерусалим для неотложных консультаций и в тот же день вернуться за стол переговоров. Израильтяне считали, что переговоры удобно было бы вести в Риме, но американцы думали иначе. Они хотели, чтобы двусторонние обсуждения проходили в Вашингтоне; так и было решено, в особенности потому, что арабы также были в этом заинтересованы, надеясь, что представители американской администрации будут поблизости и смогут употребить свое влияние на «неуступчивых израильтян».

Госсекретарь Дж. Бейкер доказывал И. Шамиру, М. Аренсу и Д. Леви, что в век баллистических ракет обладание какими-либо территориями само по себе не сможет защитить Израиль, что единственной гарантией безопасности страны могут быть мирные соглашения. Дж. Бейкер был прав лишь наполовину: обладание территориями действительно само по себе не может являться гарантией безопасности, но отсутствие контроля над территориями, в особенности при условии их перехода под власть откровенно враждебных сил, неминуемо превращает задачу обеспечения безопасности в существенно более трудную, что наглядно показали последствия ухода израильских сил из сектора Газа полтора десятилетия спустя. С тех

пор из Газы на Израиль обрушились тысячи ракет, причем интенсивность ракетных обстрелов зависит от соображений целесообразности руководства ХАМАСа, с чем приходится мириться жителям не только близлежащего Сдерота, но и Ашкелона, Ашдода и Беэр-Шевы, до 2005 года вообще ни разу не атакованных со стороны Газы. И. Шамир и его коллеги по правительству стойко «держали удар», однако и Дж. Бейкер уверенно добивался своего. 18 октября 1991 года, прибыв в Израиль восьмой раз за менее чем восемь месяцев, он привез приглашение (его правильнее было бы назвать «повесткой», отклонить которую было невозможно), подписанное им совместно с тогдашним министром иностранных дел СССР А.А. Бессмертных, на участие в международной мирной конференции, местом проведения которой был выбран Мадрид. Согласие правительства Израиля на участие в этой конференции дало доживавшему последние дни в качестве единого государства Советскому Союзу повод восстановить двусторонние дипломатические отношения, которые были разорваны на протяжении почти четверти века. На то, что форум в Мадриде приведет к прорыву в отношениях Израиля и хотя бы какой-либо из арабских стран, в Иерусалиме не рассчитывал практически никто.

Согласованные параметры переговоров стали результатом интенсивных дипломатических усилий и состояли из трех основных элементов:

1. *«Вступительная» конференция.* Мадридская конференция была созвана для того, чтобы официально открыть два параллельных переговорных процесса — двусторонний и многосторонний. Конференция должна была послужить (и в целом послужила) представительским форумом для всех участников переговорного процесса и его покровителей, однако не была наделена правом ни навязать какую-либо форму урегулирования, ни блокировать соглашения, достигнутые самими представителями сторон. Конференция открылась 30 октября 1991 года в Мадриде и продлилась три дня. Хотя было согласовано, что конференция пройдет на уровне глав внешнеполитических ведомств, не до конца полагаясь на министра иностранных дел Давида Леви, глава правительства Израиля Ицхак Шамир лично возглавил делегацию и выступил с речью. Заместителем главы израильской делегации был Беньямин Нетаньяху, нынешний глава правительства Израиля. Хотя изначально было согласовано, что при условии согласия всех ее участников конференция может быть созвана заново, этого так и не произошло, встреча в Мадриде в октябре 1991 года осталась единственной.

2. *Двусторонние переговоры.* Заявленная цель двусторонних переговоров между Израилем и его арабскими соседями — завершить все

существующие конфликты, тянущиеся из прошлого, мирными соглашениями. Переговоры начались 31 октября в Мадриде и продолжились 9 декабря того же года в Вашингтоне. Всего в рамках процесса, начатого Мадридской конференцией, под эгидой Госдепартамента США состоялись 12 раундов прямых переговоров. Фактически речь шла о трех обособленных процессах двусторонних переговоров Израиля с представителями Сирии, Ливана и объединенной иорданопалестинской делегации (И. Шамиру удалось настоять на том, что отдельной палестинской делегации не было). В то время как диалог Израиля с соседними арабскими странами имел своей целью заключение мира, переговоры с палестинцами построены по двухступенчатой модели – сначала промежуточное соглашение о самоуправлении, и лишь затем переговоры о постоянном урегулировании. Впрочем, несмотря на тактику «бури и натиска», взятую на вооружение Дж. Бейкером, и уверенность Дж. Буша-ст. в том, что после изгнания Садда Хусейна из Кувейта «новый Ближний Восток» находится на расстоянии вытянутой руки, переговоры, начатые в рамках Мадридской конференции, не привели к соглашению ни между Израилем и какой-либо из арабских стран, ни между Израилем и палестинцами.

3. Многосторонние переговоры. Заявленная цель многосторонних переговоров – заложить базу для будущего мирного развития всего Ближнего Востока путем укрепления взаимного доверия между всеми государствами региона. Это направление было открыто в январе 1992 года в Москве созданием пяти отдельных форумов для диалога с участием как всех заинтересованных стран региона, так и представителей международного сообщества. Тематика переговорных форумов отражала весь спектр основных проблем Ближнего Востока – водные ресурсы, охрана окружающей среды, контроль над вооружениями, экономическое сотрудничество и проблема беженцев. Переговоры проходили в рабочих группах, которые собирались в Париже, Гааге, Москве, Оттаве и других городах. И эти переговоры не привели к заключению каких-либо соглашений. Впрочем, всё это не нанесло Израилю и никакого урона.

Выдающийся американский востоковед Бернард Льюис писал, что, хотя «в эпоху администрации Буша американо-израильские отношения часто были натянутыми, их основы оставались неизменными, и дипломатическая работа позволила подготовить основу для огромного шага вперед»¹⁵⁸. Как представляется, это благостное описание очень далеко от реального положения вещей, свидетельством

¹⁵⁸ Bernard Lewis, “The United States and Israel: Evolution of an Unwritten Alliance” // *Middle East Journal*, 53, no. 3 (1999), p. 370.

чего была неприкрытая (и, к сожалению, оказавшаяся достаточно эффективной) *деятельность президента США, имевшая своей целью – ни больше, но и ни меньше – смену правительства Израиля.*

4. Президентский шантаж: финансовые гарантии на условиях изменения политического курса

В 1988 году советские власти сняли какие-либо ограничения на выезд евреев из СССР в Израиль; процедура получения т.н. «вызова на воссоединение семей» была делом сугубо формальным, хотя процесс рассмотрения просьб потенциальных эмигрантов в отделах виз и регистраций (ОВИРах) был довольно длительным. В 1988 году из СССР в Израиль прибыли 2283 человека, в 1989 году это число выросло более чем в пять раз и составило 12 932 человека, а в 1990 году выросло еще в четырнадцать раз и достигло рекордных 185 227 человек (больше эмигрантов из СССР за один год в Израиль не прибывало никогда ни до, ни после). В 1991 году в Израиль из бывшего Советского Союза прибыли еще 147 839 человек. При этом почти все эти люди (автор настоящей книги – один из них) приезжали в Израиль, не имея практически ничего: продажа недвижимости и вывоз валюты за рубеж были в то время запрещены, многие семьи приезжали в Израиль, имея с собой мизерные суммы, по полторы – две тысячи долларов. Готовность этих людей иммигрировать в Израиль была манной небесной для государства, в котором почти 20% населения составляли арабы и друзы, а более 10% – иудейские ультраортодоксы. Новые иммигранты из Советского Союза в большинстве своем имели образование, но не имели средств, и потому готовы были работать практически на любых работах, внося свой вклад в экономику новой для них страны так, как заставляли условия на рынке труда. Кроме того, почти всех мужчин, прибывавших в возрасте моложе 24 лет, и девушек, приезжавших в возрасте моложе 17 лет, призывали в армию, что на годы и годы обеспечило ЦАХАЛу резервуар качественных новобранцев. Однако на создание новых населенных пунктов, строительство жилья, дорог и других объектов инфраструктуры, а также создание новых рабочих мест требовались значительные средства, которых у правительства Израиля не было. Необходимо было получать кредиты у иностранных банков. С целью получения этих ссуд на наилучших возможных условиях правительство Израиля осенью 1991 года обратилось к администрации США с просьбой выступить гарантом по этим ссудам, общий объем которых был определен в десять миллиардов долларов.

«Сначала у меня не было сомнений, что цель достижима. В конце концов, Израиль всегда имел репутацию идеального должника, выполняющего все свои обязательства, и единственная в своем роде цель, на которую брались ссуды, была известна всем, от кого зависела их выдача, — вспоминал Ицхак Шамир. — Естественно, мы обратились к правительству США с просьбой о гарантии на ссуды в размере 10 миллиардов долларов на пять лет. Ссуды мы собирались получить на международном финансовом рынке. Мы просили только о гарантиях, поэтому выполнение просьбы не могло “лечь тяжким грузом на плечи американского налогоплательщика”. Итак, я был уверен, что все легко уладится, когда, к моему удивлению и тревоге, выяснилось, что администрация президента Буша сочла, что просьба о гарантиях создает удобную возможность повлиять на нашу внешнюю политику. В Вашингтоне слышались настоятельные требования связать предоставление гарантий с полным прекращением поселенческой деятельности за “зеленой чертой”. Вначале я не поверил своим ушам. Ни один американский президент до Буша не обуславливал гуманитарную помощь — тем более помощь, не стоившую ему денег, — политическими уступками с нашей стороны»¹⁵⁹.

Вопрос о поселенческой деятельности Израиля Дж. Буш-ст. поднимал на встречах с И. Шамиром и раньше. По воспоминаниям премьер-министра Израиля, однажды Дж. Буш-ст. даже обвинил его в том, что он «обещал не создавать новых поселений за “зеленой чертой” до конца переговоров, а сам, по возвращении в Израиль, оскорбил его [президента США] лично, приняв в участие в торжествах по поводу основания нового поселения в секторе Газа. Я объяснил, что создание Дугит, поселения, о котором шла речь, было одобрено задолго до нашей беседы; но я чувствовал, что он не удовлетворен объяснением», — рассказывал И. Шамир¹⁶⁰. Слова эти были абсолютно правдивыми: решение о создании этого поселения, расположенного на побережье Средиземного моря, в районе, где не было арабских жителей, было утверждено еще И. Рабином в бытность министром обороны в правительстве национального единства в 1989 году. Факт создания поселения в мае 1990 года был реализацией решения, принятого еще в предыдущем году. Поселение Дугит просуществовало четверть века, и было разрушено в ходе реализации т.н. «программы размежевания» в августе 2005 года. Уместно, однако, заметить, что президента США волновала рыболовецкая деревня, число жителей которой за всю историю ее существования не достигло и сотни чело-

¹⁵⁹ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 282.

¹⁶⁰ Там же.

век: в 2004 году, на пике развития Дугит, в ней жило всего 68 человек! Трудно не подивиться, думая о том, что глава самой могущественной державы на планете считал препятствием к мирному урегулированию на Ближнем Востоке...

Однако президент Дж. Буш-ст. не остановился и на этом: вскоре он выдвинул требование, «чтобы репатриантов из СССР не селили в тех частях Иерусалима, которые прежде принадлежали Иордании». «Можно было подумать, что густонаселенные районы и кварталы Иерусалима, построенные после освобождения города и его объединения в 1967 году, так же ненавистны Джорджу Бушу, как и новые поселения», — с горечью отмечал И. Шамир¹⁶¹. Отдельные израильские руководители пошли еще дальше: в ходе заседания правительства, состоявшегося 15 сентября 1991 года, генерал в отставке министр Рехаваам Зеэви (1926–2001), через десять лет убитый террористами, назвал Дж. Буша «антисемитом»¹⁶². Неизвестно, отдавал ли себе Дж. Буш отчет в том, что в Израиле в 1990 году была введена политика т.н. «прямой абсорбции», в рамках которой новые иммигранты получали небольшое денежное пособие — и возможность селиться там, где они хотели. Естественно, из-за ограниченных финансовых возможностей подавляющего большинства иммигрантов того времени в Тель-Авиве и его ближайших окрестностях не поселился практически никто (русскоязычных жителей в этом городе почти нет и поныне), но и поселения на территориях выбрали своим домом лишь несколько десятков тысяч человек. По данным на конец 2009 года, за двадцать лет иммиграции, начиная с 1989 года, больше всего выходцев из бывшего СССР поселились в Хайфе и Ашдоде (в каждом из этих городов — более 60 тысяч человек). Ни один из населенных пунктов на контролируемых территориях не вошел в первую двадцатку городов с наибольшим числом жителей-эмигрантов из бывшего СССР. Первое место среди городов за «зеленой чертой», населенных русскоязычными иммигрантами, прибывшими после 1989 года, занял Ариэль в Самарии, куда до конца 2009 года их приехало 7338 человек, второе — Маале-Адумим в Иудее, который выбрали своим домом 3954 человека¹⁶³. Совершенно очевидно, что эти одиннадцать тысяч человек не играли и не играют практически никакой роли в политико-демографических соображениях в столь густонаселенном регионе.

¹⁶¹ Там же, стр. 282–283.

¹⁶² См.: Clyde Haberman, “Israeli Loan Dispute Turns Ugly; Rightist Calls Bush ‘Anti-Semite’” // *New York Times*, September 16, 1991.

¹⁶³ Данные Министерства абсорбции Государства Израиль.

И. Шамир счел нужным письменно изложить принципы израильской политики, направив летом 1990 года президенту США письмо на семи страницах. Среди прочего глава израильского правительства писал: «На нашей с Вами встрече я попытался, насколько мог, объяснить наше убеждение в том, что поселения не составляют препятствия переговорам о мире. Как Вам известно, между нами и арабами существует серьезный конфликт по вопросу суверенитета в районах Иудеи, Самарии и Газы. Единственный путь разрешить эти противоречия — переговоры и соглашение. Ни один человек в арабском мире, действительно стремящийся к миру с нами, не выступит против присутствия евреев в названных районах. Арабское сопротивление этому вытекает из стремления утвердить на этой территории в будущем арабский суверенитет, при котором там будет запрещено любое еврейское присутствие — в духе печально известной политики *Judenrein*¹⁶⁴. Ни при каких обстоятельствах не следует ожидать, что еврейское государство молча примирится с подобными планами, каким бы ни был конечный статус территорий. Этого не может быть, как не может быть и того, чтобы Израиль запретил арабское присутствие внутри своих границ»¹⁶⁵. Это замечание главы израильского правительства представляет собой редкую попытку обратить внимание американцев на абсолютную несимметричность требований и положения израильтян и арабов: в то время как на всем протяжении израильской истории арабоязычное меньшинство представляло собой значительную и непрерывно росшую группу населения в еврейском государстве, от Израиля при каждом отступлении, как совершенном, так и только обсуждавшемся, всегда требовали и требуют полной эвакуации еврейских поселений и всех их жителей.

И. Шамир повторял, что «готов вновь обратиться к арабским лидерам с предложением начать процесс, который изменит наши взаимоотношения — от состояния войны к сосуществованию, примирению и переговорам о мире». При этом он категорически отказывался способствовать легитимизации структур, возглавлявшихся Ясиром Арафатом: «Требование арабских правительств о том, чтобы Израиль начал переговоры с ООП, — свидетельство их нежелания мира. Они поддерживали и поддерживают ООП как оружие против Израиля, как средство поставить под сомнение существо-

¹⁶⁴ *Judenrein* — «очищенный от евреев», термин нацистов, применявшийся к тем городам и областям, всё еврейское население которых было уничтожено или вывезено в лагеря смерти. Конечной целью гитлеровского «окончательного решения еврейского вопроса» было создание «свободной от евреев» Европы.

¹⁶⁵ Ицхак Шамир, *Подводя итоги*, стр. 283.

вания Израиля. ООП не может быть партнером по переговорам, ни прямо, ни через посредников, потому что ООП не стремится ни к чему, кроме нашего уничтожения...»¹⁶⁶

И. Шамир вновь разъяснял свою позицию относительно арабов, которые должны были получить право участвовать в голосовании в обсуждавшихся выборах: «Это право будет принадлежать каждому палестинскому арабу, проживающему на территориях и не замешанному в террористических действиях. С другой стороны, наша инициатива не касается палестинцев, живущих вне территорий. Любая попытка допустить к участию в переговорах арабских жителей Иерусалима немедленно поставит на повестку дня обсуждение вопроса о статусе Иерусалима. Это — одна из целей ООП и ее сторонников, стремящихся превратить Иерусалим в столицу Палестинского государства... Настоятельное требование ООП допустить к переговорам также палестинцев “извне”, как высланных, так и других, напоминание о “праве на возвращение” — эвфемизм, означающий подкоп под само наше существование. Поэтому мы не сможем рассматривать такие предложения».

Кончалось письмо так: «Мы живем в очень чувствительной и нестабильной части нашего мира. В этом регионе у слов часто бывает собственная динамика. Поэтому публичные нападки на Израиль или попытки создать впечатление, что Израиль препятствует продвижению к миру, не принесут никакой пользы. Я позволю себе вновь повторить, что для Израиля нет ничего важнее прочного мира; и ничто не может способствовать достижению этой цели в большей мере, чем наш союз с США»¹⁶⁷.

Это письмо, в котором глава правительства Израиля столь обстоятельно и искренне излагал свою позицию, не помогло, однако, исправить положение. Впрочем, И. Шамир не тешил себя иллюзиями: «И все остальное, что я или кто-либо другой говорили Бушу по этому вопросу, ни в коей мере не повлияло на его мнение. Он продолжал смотреть на поселения как на главную причину конфликта, а на сам конфликт так, как если бы он начался в 1967, а не в 1948 году, и этот недружественный подход просачивался в американскую политику во всем, что касалось Ближнего Востока; ясно, что это повлияло и на вопрос о гарантиях»¹⁶⁸. Официальная просьба была подана Израилем 6 сентября 1991 года, а уже к началу октября 1991 года семьдесят сенаторов поддерживали просьбу правительства Израиля о

¹⁶⁶ Там же, стр. 284.

¹⁶⁷ Там же, стр. 284.

¹⁶⁸ Там же, стр. 284–285.

предоставлении гарантий (на три человека больше, чем нужно даже для преодоления президентского вето), но Дж. Буш все равно угрожал наложить вето на это решение! Даже после того, как 1 апреля 1992 года Сенат 99 голосами «за» при всего одном «против» все же принял резолюцию №277, рекомендовавшую администрации удовлетворить просьбу правительства Израиля о предоставлении гарантий, Дж. Буш-ст. отказывался делать это!

Факт отказа администрации США предоставить Израилю запрошенные гарантии широко использовался левой оппозицией в предвыборной кампании перед парламентскими выборами, прошедшими в Израиле 23 июня 1992 года. Нет никаких сомнений, что президент Дж. Буш-ст. не только знал об этом, но и, очевидно, предвидел подобное развитие событий, поэтому его упорный отказ от удовлетворения просьбы, поданной И. Шамиром, вопреки позиции большинства членов американского Сената, по факту представлял собой акт нефикрытого вмешательства во внутривполитическую борьбу в Израиле. Аарон Давид Миллер, многолетний сотрудник Госдепартамента, работавший с шестью государственными секретарями, открыто пишет о том, что, рассматривая просьбу правительства Израиля о предоставлении гарантий, президент и госсекретарь думали о грядущих израильских выборах и о том, как не предоставить Ицхаку Шамиру какое-либо свидетельство американской поддержки, которое могло бы быть использовано в полемике с рвавшимся обратно к власти Ицхаком Рабином¹⁶⁹. Американцы были убеждены, что поражение И. Шамира на выборах стало в немалой мере следствием того, что он не сумел получить американские гарантии, что показало обществу: американо-израильские отношения ухудшились¹⁷⁰. Это действительно напугало в Израиле очень и очень многих и стоило И. Шамиру значительного числа голосов. Израильтяне, к сожалению, не знали, что американская администрация проводит спецоперацию по смене правительства их страны...

Госсекретарь США Дж. Бейкер выступил перед комиссией Сената и заявил, что эти деньги «замещающие» (он употребил слово *fungible*), и поэтому ссуды, предназначенные на абсорбцию иммигрантов, освобождают, в сущности, другие ресурсы, которыми располагает Израиль и которые позволят ему продолжать осуществление своей поселенческой политики¹⁷¹. Ни один из госсекретарей США —

¹⁶⁹ Aaron David Miller, *The Much Too Promised Land. America's Elusive Search for Arab-Israeli Peace* (New York: Bantam Books, 2008), p. 227.

¹⁷⁰ Там же, p. 228.

¹⁷¹ См.: Thomas L. Friedman, "U.S. Offering Compromise Terms To Israelis on Loan Guarantees" // *New York Times*, February 5, 1992.

предшественников Дж. Бейкера никогда не говорил о «заменяемости» в контексте иностранной помощи на гуманитарные цели. Однако именно на этих унижительных условиях, представлявших собой неприкрытое вмешательство в политико-экономический курс правительства Израиля, гласивших, что никакие средства из предоставляемых Израилю ссуд не будут потрачены на какую-либо деятельность на контролируемых территориях, включая строительство жилья и создание рабочих мест для новых иммигрантов, администрация США одобрила предоставление гарантий Израилю запрошенных гарантий. Случилось это уже после того, как руководимый И. Шамиром блок «Ликуд» проиграл парламентские выборы, и главой правительства Израиля во второй раз стал вновь возглавивший Партию Труда Ицхак Рабин. О своем согласии утвердить запрошенную правительством Израиля просьбу о гарантиях Дж. Буш-ст. известил Ицхака Рабина 12 августа 1992 года¹⁷², формальная просьба утвердить это решение была подана президентом в Конгресс 11 сентября того же года¹⁷³. И палата представителей, и Сенат утвердили эту просьбу очень быстро, и 6 октября 1992 года соответствующий закон (P.L. 102–391) был подписан президентом Дж. Бушем-ст.¹⁷⁴.

Данные финансовые гарантии Израиль получал в «рассрочку» на пять лет, с 1993 по 1997 год, и все эти годы президент США (им был Билл Клинтон, выигравший в ноябре 1992 года выборы у Джорджа Буша-ст.) не забывал вычитать суммы, потраченные Израилем на поселенческую деятельность на контролируемых территориях, из общего объема «гарантий». В 1994 году были вычтены 437 миллионов долларов, в 1995 году – 311,8 миллиона, в 1996 году – 303 миллиона, в 1997 году – 307 миллионов. Всего, таким образом, Израиль не получил американских гарантий на 13,6% изначально запрошенной суммы¹⁷⁵.

Ицхак Рабин, придя к власти, сразу же продемонстрировал американской администрации свою готовность к уступкам на всех

¹⁷² См.: Donald Neff, "Israel Requests \$10 Billion in U.S. Loan Guarantees for Soviet Immigrants" // *Washington Report on Middle East Affairs*, April 1995, pp. 79–80.

¹⁷³ См.: Larry Q. Nowels and Clyde Mark, "Israel's Request for U.S. Loan Guarantees" (Washington: Congressional Research Service, 1994), pp. 3 and 10.

¹⁷⁴ В книге Ицхака Шамира *Подводя итоги* (стр. 285) содержится странное утверждение, будто администрация США одобрила предоставление гарантий Израилю в начале марта 1990 года, в самом конце работы «правительства национального единства». Это утверждение не соответствует действительности: в то время просьба об этих гарантиях еще даже не была подана.

¹⁷⁵ Данные Исследовательской службы Конгресса США.

фронтах. Сложно сказать, каковы были ожидания Джорджа Буша-старшего от нового израильского премьера, но он едва ли мог надеяться на большее, особенно в сравнении с той силой воли, с которой противостоял оказываемому на него давлению Ицхак Шамир. Ицхак Рабин представил свое правительство Кнессету 13 июля; уже спустя трое суток, 16 июля, министр строительства Беньямин Бен-Элиэзер объявил о «замораживании» всех строительных контрактов на контролируемых территориях (даже уже согласованных), которые не были подписаны; это касалось примерно трех тысяч единиц жилья, которые в результате не были построены.

Не прошло и недели с момента начала работы нового правительства, как госсекретарь Дж. Бейкер вновь был в Израиле, где встретился с И. Рабином и ставшим министром иностранных дел Ш. Пересом. Не успел он уехать, И. Рабин направился с визитом в Каир. И. Шамира в бытность его главой правительства Х. Мубарак никогда не приглашал, И. Рабин же удостоился приглашения мгновенно, оказавшись в Каире на восьмой день после вступления в должность. Но главная поездка И. Рабина состоялась 11 августа, когда он прибыл в летнее поместье президента Дж. Буша-ст. в Кеннебанкпорте на берегу Атлантического океана. Дж. Буш-ст. любил это поместье, там он встречался и с М.С. Горбачевым, и с М. Тэтчер... Удаленный от Вашингтона совсем небольшой городок позволял обеспечить ведение переговоров в куда более конфиденциальном формате, чем в Белом доме. Туда же был приглашен И. Рабин.

Новое правительство едва успевало сообщать о проявляемой им «гибкости»: 23 июля было объявлено об отмене строительства 6681 единиц жилья в поселениях на контролируемых территориях, которые были охарактеризованы как не имеющие «оборонного» значения. Спустя месяц, 23 августа, Израиль объявил о согласии освободить 800 палестинских заключенных, находившихся в местах лишения свободы по обвинению в различных совершенных ими преступлениях. 10 сентября И. Рабин сделал драматичное заявление о том, что Израиль готов к территориальному компромиссу на Голанских высотах ради достижения мира с Сирией — и это несмотря на то что принятый Кнессетом в 1981 году закон, объявлявший Голанские высоты неотъемлемой частью Израиля, отменен не был. Не будет лишним указать, что именно президент США требовал от главы правительства Израиля подобной «гибкости», связанной с нарушением действовавшего в стране законодательства, тема Голанских высот была одной из основных, тайно обсуждавшихся двумя государственными лидерами на переговорах в Кеннебанкпорте. Выступая перед журналистами по итогам переговоров, ни президент США, ни пре-

мьер-министр Израиля не сказали об этом ни слова; Дж. Буш-ст. ограничился констатацией того, что «должен быть [достигнут] всеобъемлющий мир на всех направлениях, базирующийся на резолюциях Совета Безопасности ООН №242 и 338»¹⁷⁶. При этом американские эксперты, готовившие аналитические материалы к визиту И. Рабина, называли вещи своими именами. Так, многоопытный дипломат-арабист Ричард Куртисс (Richard H. Curtiss, 1927–2013) писал: «В любом всеобъемлющем мирном договоре Израиль должен будет покинуть всю суверенную территорию Ливана и Сирии, оккупированную им в настоящее время, включая, в частности, *все* Голанские высоты»¹⁷⁷. Обещание согласиться на отступление с Голанских высот, данное И. Рабином Дж. Бушу-ст., полностью противоречило и собственным предвыборным декларациям И. Рабина, и политической программе возглавлявшейся им Партии Труда. Когда на совместной пресс-конференции президент США сказал, что «салютует» И. Рабину, у него были на то причины. Лишь поражение Дж. Буша-ст. на выборах в США спустя менее чем два месяца спасло Голанские высоты для Израиля.

¹⁷⁶ Цит. по: The President's News Conference With Prime Minister Yitzhak Rabin of Israel in Kennebunkport, August 11, 1992 // George Bush Presidential Library and Museum.

¹⁷⁷ Richard H. Curtiss, Rabin at Kennebunkport: Betting on the Polls or on History? // *Washington Report on Middle East Affairs*, August/September 1992, p. 83.

ЧАСТЬ VII.

**БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ:
ФИАСКО МИРОТВОРЧЕСКИХ УСИЛИЙ
БИЛЛА КЛИНТОНА,
1993—2000 ГГ.**

Глава 19

Между «мирным процессом» и всплеском террора: правительство И. Рабина — Ш. Переса и первая администрация Б. Клинтона, 1993–1996 гг.

Билл Клинтон (William Jefferson “Bill” Clinton), пришедший в Белый дом 20 января 1993 года и оставшийся там на восемь последующих лет, занимает совершенно особое место в истории американо-израильских отношений. За первые 45 лет израильской государственности президенты США лишь дважды побывали в Израиле: первый раз — Ричард Никсон, второй — Джимми Картер, о чем говорилось в предыдущих главах. Ни Гарри Трумэн, ни Дуайт Эйзенхауэр, ни Джон Кеннеди, ни Линдон Джонсон, ни Джеральд Форд, ни Рональд Рэйган, ни Джордж Буш-старший в статусе президентов не посетили Израиль ни разу. Билл Клинтон, будучи главой государства, посетил Израиль четыре раза. За всю историю США не было президента, столь искренне желавшего добра всем жителям Святой земли, но, к сожалению, пословица о том, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями, адекватно описывает последствия усилий Билла Клинтона. Это был выдающийся политик, любивший Израиль и искренне желавший ему добра. Но именно переговоры, ведшиеся под его покровительством и при его самом деятельном участии, привели к полному тупику как на израильско-сирийском, так и на израильско-палестинском направлениях.

Секуляризм американских руководителей в принципе существенно преувеличен в общественном мнении во многих зарубежных странах, но отношение Билла Клинтона к проблеме Палестины предопределялось христианскими мотивами в большей мере, чем у кого-либо из его предшественников. И он сам, и его супруга Хиллари (Hillary Diane Rodham Clinton) на протяжении многих лет интересовались происходящим на Святой земле, впервые побывав там за долго до того, как въехали в Белый дом.

Паломничество на Святую землю Билл и Хиллари впервые совершили в декабре 1981 года в сопровождении У.О. Вота (W.O. Vaught, 1911–1989), пастора баптистской церкви в городе Литл-Рок в штате Арканзас. Будущий президент, а тогда — губернатор штата Арканзас, стал ее прихожанином в 1980 году, а потом начал даже петь там же в хоре. В предшествующие шестнадцать лет Билл Клинтон, по его словам, редко заходил в церковь, но пастором У.О. Вотом он искренне восхищался: «Пастор Вот занимался изучением самых ранних манускриптов и часто посвящал несколько проповедей подряд одной из книг Библии или какому-то важному моменту текста, прежде чем перейти к следующему. Я с нетерпением ждал каждого воскресенья, а потом сидел в хорах, смотрел на спину д-ра Вота и читал вслед за ним по Библии, прислушиваясь к его объяснениям Ветхого и Нового Заветов»¹⁷⁸.

Д-р У.О. Вот впервые посетил Святую землю в 1938 году, за десять лет до того, как появилось Государство Израиль, после чего не раз совершал туда паломнические поездки. В декабре 1981 года, через год, после того, как Билл Клинтон с небольшим перевесом проиграл губернаторские выборы Фрэнку Д. Уайту (Frank Durward White, 1933–2003), будущий президент с супругой присоединились к группе паломников, сформированной У.О. Вотом. Большую часть времени они провели в Иерусалиме. «Мы взобрались на холм, где, по преданию, распяли Христа, и посетили небольшую пещеру, в которой Иисус был похоронен и воскрес. Потом мы дошли до Западной стены, священной для иудеев, и побывали в мусульманских святынях — мечетях Аль-Акса и Купол скалы, откуда, по мусульманским преданиям, пророк Мухаммед вознесся на небеса, где встретился с Аллахом. Мы видели Храм Гроба Господня, Галилейское море, где Христос ходил по воде, Иерихон, один из старейших городов мира, побывали в крепости Масада, где еврейские солдаты, маккавеи, отражали долгую и яростную осаду римских войск до тех пор, пока их защита не была сломлена и они не присоединились к сонму мучеников. На вершине Масады д-р Вот рассказал нам о том, как огромные армии, возглавляемые великими полководцами, среди которых были Александр Великий и Наполеон, проходили по распростертой под нами долине, и напомнил, что в Книге откровений говорится о том, что в конце времен она будет залита кровью, — вспоминал Билл Клинтон спустя два десятилетия, добавив: — Поездка произвела на меня сильное впечатление. Я вернулся домой, укрепившись в собственной вере, преклоняясь перед Израилем и, пожалуй, совершенно по-новому понимая трудности и устремления палестинцев. Это путешествие вызвало

¹⁷⁸ Bill Clinton, *My Life* (New York: Random House, 2005), p. 294.

у меня жгучее желание увидеть всех детей Авраама живущими в мире на земле, где возникли три наши религии»¹⁷⁹. Нет сомнений, что истоки столь глубокой вовлеченности 42-го президента США в поиски путей мирного урегулирования на Святой земле лежат именно в этих впечатлениях.

В сердце д-ра У.О. Вота Израиль занимал совершенно особое место, свидетельством чего стал удивительный разговор, имевший место между будущим президентом, в то время сумевшим вернуться на пост губернатора штата Арканзас, и его духовником. Об отношении Б. Клинтона к д-ру У.О. Воту более чем красноречиво свидетельствуют слова президента, написанные уже после окончания его второй каденции: «У Иисуса никогда не было более верного последователя, а у меня — более мудрого наставника и советчика»¹⁸⁰. И вот какой разговор имел место между ними во второй половине 1980-х годов: «Д-р Вот продолжал активную деятельность и на пенсии, пока из-за болезни не ослабел до такой степени, что не мог уже совершать поездки и выступать. За несколько лет до этого он пришел ко мне в резиденцию губернатора. ... То, что заявил мне д-р Вот напоследок, стало для меня неожиданностью. Он сказал: “Билл, я думаю, что однажды ты станешь президентом. Я полагаю, ты будешь хорошим президентом, однако прежде всего тебе следует помнить: Бог никогда не простит тебя, если ты не будешь поддерживать Израиль”. Пастор считал, что Бог хотел, чтобы родиной евреев была Святая земля. Он не спорил с тем, что с палестинцами обошлись несправедливо, но, по его мнению, эту проблему следовало решить таким образом, чтобы гарантировать мир и безопасность Израилю»¹⁸¹.

Интерес к Израилю Хиллари Клинтон был связан не только с религиозными причинами. Будучи супругой губернатора, она активно работала, стремясь внедрить в Арканзасе израильские новаторские программы дошкольного обучения, разработанные в рамках проекта «Программы домашнего обучения для дошкольников» (Home Instruction Programs for Preschool Youngsters, HIPPY) сотрудниками Института новых методов педагогики при Иерусалимском университете. По словам ее мужа, «Хиллари инициировала такие программы по всему штату»¹⁸².

На протяжении почти шести лет, с 20 января 1993 года по 7 ноября 1998 года, одним из наиболее влиятельных людей в администра-

¹⁷⁹ Там же, р. 294.

¹⁸⁰ Там же, р. 354.

¹⁸¹ Там же, pp. 353–354.

¹⁸² Там же, р. 328.

ции Б. Клинтона был человек, имевший наиболее глубокую и продолжительную связь с Израилем из всех, кто когда-либо работал в Белом доме: речь о нынешнем мэре Чикаго Рама Эмануэле (Rahm Israel Emanuel), занимавшем пост старшего советника президента (*Senior Advisor to the President*). В ходе предвыборной кампании Рам Эмануэль был финансовым директором штаба Б. Клинтона. В воспоминаниях президент указал, что «хотя Рам Эмануэль имел американское гражданство, он служил в израильской армии»¹⁸³. Это не совсем соответствует действительности: он не служил в ЦАХАЛе, но во время Войны в Персидском заливе в 1991 году, когда Дж. Буш-ст. требовал от Израиля не отвечать на иракские атаки, что бы ни было, 31-летний Рам Эмануэль отправился добровольцем в Израиль, где на протяжении двух недель участвовал в специальной программе по помощи вооруженным силам; насколько известно, он занимался ремонтом автомашин на одной из израильских военных баз. Достоин упоминания тот факт, что отец Рама — врач-педиатр Беньямин Аэурбах (Benjamin Auerbach), эмигрировавший в США во второй половине 1950-х годов, — не только родился в Иерусалиме, но и был членом еврейской военизированной организации ЭЦЕЛЬ, созданной сторонниками Зеэва Жаботинского. Беньямин Аэурбах сменил фамилию на Эмануэль после гибели своего брата Эммануэля, убитого арабами в Иерусалиме в 1933 году. Очевидно, что в сердце Рама Эмануэля Израиль занимал и занимает ни с чем не сравнимое место.

Принимая во внимание всё вышесказанное, понятно, что мало в какой внешнеполитической деятельности новый президент и его старший советник были заинтересованы больше, чем в той, которая должна была дать мир и безопасность Государству Израиль. Однако причины существенного сближения между израильскими и американскими руководителями в те годы имели не только субъективно-личные причины.

В годы «холодной войны» отношения США и Израиля основывались на признании стратегического значения Израиля как оплота и соратника в борьбе с экспансией Советского Союза на Ближнем Востоке. Тогда, когда эта экспансия становилась реальной, США были более заинтересованы в надежном союзнике, и чем меньше было других желающих исполнять эту роль, тем интенсивнее становилось сотрудничество США с Израилем. Однако в период после завершения «холодной войны» произошли существенные изменения в стратегическом обосновании и смысле двусторонних отношений. Поскольку совместная борьба с советской экспансией перестала быть

¹⁸³ Там же, pp. 376–377.

релевантной, руководителям Израиля было жизненно необходимо найти какие-то другие обоснования для сохранения прежнего уровня отношений. Остовами нового партнерства в эпоху Билла Клинтона стала борьба за мир, а после 11 сентября 2001 года, в период правления Джорджа Буша-младшего — борьба с терроризмом.

Мирный процесс, которым активнейшим образом занимался Билл Клинтон, давал новую легитимацию сохранению партнерства между Соединенными Штатами и Израилем. В Доктрине национальной безопасности США, сформулированной Биллом Клинтоном, утверждалось, что к интересам США на Ближнем Востоке относится, в частности, «достижение прорыва [sic!] в вопросе ближневосточного мирного урегулирования»¹⁸⁴ — никто прежде в Белом доме не декларировал в столь фундаментальном документе таких далеко идущих целей. Были сформулированы новые основополагающие принципы, которые в целом можно свести к трем положениям:

1. Стремление к миру, особенно в регионе, являющемся крупнейшим поставщиком нефти и газа на мировой рынок, — важнейший приоритет США, поэтому американское правительство не может не играть значительную роль в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке.
2. Мира можно достичь только в процессе серьезных переговоров, в основе которых должен лежать принцип «территории в обмен на мир». США поддерживают Израиль в той мере, в какой его руководство готово к территориальным уступкам во имя достижения мира.
3. Только Соединенным Штатам как ведущей мировой державе по силам установить долгосрочный устойчивый мир между израильтянами и арабами. Само по себе достижение этого мира будет свидетельством ведущей роли США в системе международных отношений. Этот принцип не был реализован в должной мере в ходе переговоров между Израилем и ООП, ведшихся в 1992–1993 годах в Норвегии практически без участия американцев, и эту геополитическую «ошибку» Б. Клинтон стремился ни в коем случае не повторять.

Американские интересы изменились с позиции, бытовавшей в годы «холодной войны», связанной со сдерживанием влияния Советского Союза в регионе, на совместную работу с Израилем, направленную на ведение долгосрочного и всеобъемлющего мирного процесса с его соседями. Соединенные Штаты видели стабильный

¹⁸⁴ *The National Security Strategy of the United States* (Washington: The White House, 1994).

Ближний Восток в качестве одного из своих основных интересов, и администрация Клинтона использовала мирный процесс между Израилем, палестинцами и арабскими странами как возможность достичь этой стабильности. Новое стратегическое и политическое партнерство, которое сложилось во время мирного процесса 1990-х, было основано на тех выгодах, которые, как убеждали американцы, Израиль получал за то, что принимает риски, связанные с мирным процессом.

Вторая интифада началась менее чем за четыре месяца до окончания президентской каденции Б. Клинтона и прихода в Овальный кабинет Белого дома Дж. Буша-мл.; еще через семь с половиной месяцев почти три тысячи человек погибли в серии террористических актов 11 сентября 2001 года. Новую республиканскую администрацию, в которой ведущую роль играл вице-президент Ричард Чейни, больше беспокоил не мирный процесс, а проявления жестокости со стороны исламских фундаменталистов и опасность распространения ядерного, химического и биологического оружия. При этом заслуживает упоминания тот факт, что меморандумы о сотрудничестве в борьбе с терроризмом были подписаны США и Израилем задолго до этого, в 1994 и 1996 годах. Сложно сказать, насколько эти меморандумы помогли в реальном предотвращении террористических актов, но аргумент о том, что Израиль находится на передовой *той же самой* антитеррористической войны, которую ведут США, израильские руководители и их американские друзья повторяли всё чаще и чаще, выстраивая новую аргументацию, оправдывающую стратегическое значение двустороннего сотрудничества в период, наступивший после окончания «холодной войны».

Билл Клинтон был президентом чрезвычайно деятельным. Хотя сам он в 1993 году не приезжал в Израиль, новый госсекретарь Уоррен Кристофер (Warren Minor Christopher, 1925–2011) побывал в еврейском государстве уже во второй половине февраля, всего через месяц после того, как он занял свой пост, а затем еще дважды — в начале августа. Кроме того, в середине марта 1993 года, менее чем через два месяца после прихода в Белый дом, Билл Клинтон принимал в Вашингтоне главу правительства Израиля Ицхака Рабина. Несмотря на разницу в возрасте почти в четверть века между ними, между Б. Клинтоном и И. Рабином сложились достаточно близкие, доверительные отношения. Б. Клинтон в своих воспоминаниях писал о И. Рабине исключительно в превосходной степени: «Я никогда не встречал такого человека, как он, и очень хотел помочь ему осуществить мечту о мире». Хотя переговоры, проходившие в рамках Мадридского процесса, шли уже, скорее, по инерции, но все же упомя-

нем о том, что с 27 апреля по 13 мая в Вашингтоне прошел восьмой раунд этих переговоров, а с 15 июня по 1 июля — девятый.

Ключевые переговоры велись, однако, не там, а в Швеции и в Норвегии, и на совершенно иных условиях. Все то, что с таким упорством было отвоевано Ицхаком Шамиром, команда переговорщиков, действовавшая с благословения Шимона Переса, отбросила, как ей казалось, за ненадобностью. Йоси Бейлин, Ури Савир, Рон Пундак, Яир Хиршфельд и Йоэль Зингер вели переговоры с уполномоченными Организации освобождения Палестины, включая ее высших руководителей, в большинстве своем живших не на контролируемых территориях. Эти переговоры долгое время велись в тайне как от израильского общества и Кнессета, так и от премьер-министра Ицхака Рабина...¹⁸⁵

Впрочем, И. Рабина не информировать было невозможно, его согласие имело критическое значение для успеха всего предприятия. И. Рабин выдвинул ряд требований, выполнением которых обусловил свое согласие с планируемым соглашением: ООП должна публично признать право Израиля на мирное существование внутри безопасных границ; ООП должна признать резолюции Совета Безопасности ООН №242 и 338 как основу для переговоров; ООП должна прекратить террористические действия и вместо этого начать бороться с террором; ООП должна взять на себя обязательства регулировать все будущие разногласия путем политических переговоров, а не методом насилия; и главное, ООП должна аннулировать 33 статьи палестинской Хартии, в которых содержались прямые призывы уничтожить Израиль (28 статей) или это подразумевалось (5 статей). Как справедливо указывал в этой связи Шимон Перес, «полное признание ООП могло состояться при условии, что она полностью изменит основные принципы политики по отношению к Израилю». Ш. Перес сумел добиться согласия И. Рабина на переговоры фактически тогда, когда они уже были завершены. 20 августа стороны согласовали проект договора между Израилем и ООП, который был доработан на переговорах, прошедших в Париже в начале сентября.

О том, что эти переговоры ведутся, в администрации США узнали существенно раньше, чем в Кнессете; по словам Б. Клинтона, это случилось еще до его вступления в должность президента. Интересно, что информацию об этих переговорах американцы получали не от израильтян, а от посредников-норвежцев. По воспоминаниям

¹⁸⁵ См.: Алек Д. Эпштейн, *Израильтяне и палестинцы: от конфронтации — к переговорам и обратно* (Москва: Институт Ближнего Востока — «Мосты культуры», 2009), стр. 50–56.

Ш. Переса, лишь уже когда соглашение с ООП было достигнуто, он и тогдашний министр иностранных дел Норвегии Юхан Йорген Хольст (Johan Joergen Holst, 1937–1994) полетели в Калифорнию, где отдыхал госсекретарь США Уоррен Кристофер: «Ввиду важности события он прервал свой отпуск, чтобы встретиться нас вместе с Деннисом Россом (Dennis B. Ross), координатором “группы мира” Госдепартамента. Я начал с извинения перед г-ном Кристофером, что мы прервали его отпуск, и поблагодарил его за то, что он уделил нам время. “Это такое событие, — сказал Кристофер, — ради которого не жаль прервать свой отпуск”». Й. Хольст напомнил У. Кристоферу об общих отчетах о встречах представителей Израиля и ООП в Осло, которые он посылал в Государственный департамент, и госсекретарь поблагодарил норвежского министра за них. Получив от Ш. Переса и Й. Хольста текст соглашения, госсекретарь, сам бывший профессиональным юристом, начал изучать его. По воспоминаниям Ш. Переса, прочитав, У. Кристофер коротко заметил: «Мне кажется, вы проделали невероятную работу, рассмотрев каждый аспект большого круга вопросов. Мое первое впечатление весьма положительное». Завершающая фраза будущего президента еврейского государства об этой встрече с убийственной откровенностью характеризует отношения Израиля и США в то время: «Получив “добро” от наших американских друзей, мы могли спокойно лететь домой и доложить, что все сработало нормально»¹⁸⁶.

О том, что разрешение от американских «друзей» совершенно необходимо для совершения нетривиальных поступков в сфере внешней политики, свидетельствует история, случившаяся примерно тогда же; о ней почти никто не знал в то время, и ее совсем забыли сейчас, а зря. В 1992 году новоизбранный премьер Ицхак Рабин получил известия от иракских эмиссаров, что в надежде прорвать экономический и политический бойкот его страны Саддам Хусейн готов открыть новую страницу в отношениях с Израилем. Иракцы надеялись, что Израиль и еврейское лобби в Вашингтоне помогут уменьшить нажим со стороны США. Саддам действовал через своего брата по матери Барзана эль-Такрити (1951–2007), бывшего тогда постпредом Ирака при учреждениях ООН в Женеве. С израильской стороны переговоры вел адвокат Моше Шахаль, бывший тогда одновременно министром полиции и министром связи, сам — уроженец Багдада, прибывший в Израиль в 1950 году в шестнадцатилетнем возрасте. Б. Эль-Такрити предложил М. Шахалю через саудовского

¹⁸⁶ Shimon Peres with Arye Naor, *The New Middle East* (New York: Henry Holt and Company, 1993), p. 29.

миллиардера, известного торговца оружием Аднана Хашогги (Adnan Khashoggi) обсудить возможность продажи Ираком Израилю нефти по сходной цене и в любом количестве. Сам М. Шахаль был уверен, что дело было не в коммерческих интересах, а именно в стремлении иракцев нормализовать отношения с Израилем, выйдя, таким образом, из международной изоляции. И. Рабин, с которым у М. Шахаля на протяжении многих лет сохранялись хорошие рабочие отношения, был удивлен иракской инициативой, но побоялся что-либо предпринять, не посоветовавшись с Вашингтоном. М. Шахаль предлагал не упускать такой воистину исторический шанс, убеждая премьера проинформировать американцев о достижении договоренности с иракскими представителями постфактум. И. Рабин рассчитывал на положительный ответ Б. Клинтона, но вашингтонская администрация по не до конца понятным израильским руководителям причинам наложила на переговоры решительный запрет, пренебрегать которым премьер, никогда не ссорившийся с американцами, не стал¹⁸⁷. Администрация Б. Клинтона же взяла на вооружение принцип «двойного сдерживания» в отношении Ирана и Ирака, выступая против примирения с Саддамом Хусейном. Хотя Война в Персидском заливе, во-первых, имела своей декларируемой целью лишь освобождение Кувейта, а не смену режима в Ираке, а во-вторых, официально закончилась 28 февраля 1991 года, тот факт, что Саддам Хусейн остался у власти, раздражал американцев. Высокопоставленные дипломаты, работавшие на ближневосточном направлении в администрации Б. Клинтона, не скрывали, что США поддерживали оппозиционный Саддаму Иракский национальный конгресс во главе с Ахмадом Чалаби¹⁸⁸. В свете этой политики последнее, к чему стремились американцы, — это к легитимации Саддама Хусейна в качестве миротворца, открывшего новую главу в своей жизни и общественно-политической жизни возглавлявшегося им народа. И. Рабин был убит в ноябре 1995 года, Б. Эль-Такрити был казнен после оккупации Ирака американскими войсками, М. Шахаль жив и ныне работает частнопрактикующим юристом; мемуаров он не написал. Б. Клинтон воспоминания как раз написал, но о том, как он наложил вето на израильско-иракские переговоры, не упомянул и полупнамеком. Достигнув соглашения с ООП, израильские руководители тоже обратились к американцам, но против легитимации Я. Арафата как переживше-

¹⁸⁷ См.: Дан Шилон, «Мы могли стать друзьями?» // *Маарив*, 14 февраля 2003 г. [на иврите].

¹⁸⁸ См.: Martin Indyk, “The Clinton Administration's Approach to the Middle East” (The Washington Institute, Soref Symposium, 1993), pp. 3–4.

го внутренний катарсис человека, могущего поэтому быть партнером по мирному урегулированию, в Белом доме возражать не стали. 9 сентября 1993 года Ицхак Рабин позвонил Биллу Клинтону, чтобы «официально» сообщить о том, что Израиль и ООП приняли решение подписать мирное соглашение. При этом само это соглашение не было американской инициативой, к его выработке ни Белый дом, ни Государственный департамент практически не были причастны, хотя и получали от норвежцев информацию о происходящем на переговорах в оперативном режиме.

«Мы были все еще очень далеки от всеобъемлющего решения, однако подписание Декларации о принципах промежуточного урегулирования стало значительным шагом вперед», — верил президент Б. Клинтон¹⁸⁹. 10 сентября он объявил, что руководители израильской и палестинской делегаций подпишут соглашение 13 сентября, на Южной лужайке Белого дома, и что, поскольку ООП отказалась от насилия и признала право Израиля на существование, США возобновят свой диалог с ней. Диалог этот был прерван после того, как 30 мая 1990 года, в день еврейского праздника Шавуот, на пляж в Тель-Авиве должно было быть совершено нападение с моря. Входящий в ООП Палестинский фронт освобождения во главе с Абу Аббасом (имя, под которым был известен Мухаммед Зейдан, 1948–2004) направил к израильскому побережью несколько моторных лодок, на каждой из которых находилась группа вооруженных террористов. В районе, где предполагали высадиться на берег боевики (они были своевременно обнаружены силами береговой охраны военно-морского флота Израиля, что позволило предотвратить теракт), расположены как крупнейшие тель-авивские гостиницы, так и посольство США в Израиле. Тот факт, что спустя считанные месяцы ООП поддержала аннексию Кувейта Саддамом Хусейном, не увеличил мотивацию президента Дж. Буша-ст. пригласить Ясира Арафата в Белый дом. Но страстно желавший открыть на Ближнем Востоке «новую эпоху» Билл Клинтон чувствовал по другому...

«За пару дней до подписания этого соглашения журналисты спросили меня, будет ли Арафат принят в Белом доме, — вспоминал он. — Я сказал, что решать вопрос о том, кто будет представлять их на этой церемонии, должны сами стороны, непосредственно участвующие в переговорах. На самом деле я очень хотел, чтобы присутствовали и Рабин, и Арафат, и призвал их к этому; если они ответят отказом, никто в регионе не поверит, что политики полностью согласны проводить в жизнь декларируемые ими принципы, а если лидеры двух

¹⁸⁹ Здесь и далее цит. по: Bill Clinton, *My Life*, pp. 541–546.

стран придут в Вашингтон, миллиарды людей во всем мире увидят их по телевидению, и они покинут Белый дом как еще более непоколебимые приверженцы мира, чем прежде. Когда Арафат заявил, что он будет присутствовать на церемонии, я снова обратился к Рабину с просьбой прибыть. Он согласился, хотя все еще испытывал сомнения по этому поводу». 42-му президенту США была важна телевизионная картинка, и он был готов пойти почти на всё, чтобы ее получить. «В ретроспективе может показаться, что эти руководители легко приняли решение прибыть в Белый дом, но в то время это была рискованная игра и для Рабина, и для Арафата, которые точно не знали, как отреагируют их народы. Даже если бы их поддержало большинство людей, интересы которых они представляли, экстремистов с обеих сторон неизбежно возмутили бы компромиссы по основным вопросам, зафиксированные в Декларации принципов. Согласившись прийти на эту церемонию и выступить там, Рабин и Арафат продемонстрировали как дальновидность, так и интуицию», — объяснял Б. Клинтон своим читателям. Помня о том, что эта дальновидность стоила И. Рабину жизни, так как массовые протесты сотен тысяч людей против уступок Я. Арафату создали в стране крайне тяжелую атмосферу, давшую одному из молодых израильтян чувство, что в таких обстоятельствах даже убийство является оправданным, интуицию тогдашнего главы правительства явно не стоило так хвалить.

«Утром 13 сентября атмосфера вокруг Белого дома была наэлектризованной и напряженной. Мы пригласили на это мероприятие более двух с половиной тысяч человек, над его организацией работали Джордж Стефанопулос и Рам Эмануэль. Я был особенно рад, что этим занимался Рам, так как раньше он служил в израильской армии», — рассказывал Б. Клинтон. Под этим соглашением должны были поставить подписи министр иностранных дел Израиля Шимон Перес и Махмуд Аббас, больше известный под именем Абу Мазен, активно участвовавший в переговорах, проводившихся в Осло. Госсекретарь Уоррен Кристофер и министр иностранных дел Российской Федерации Андрей Козырев выступили как свидетели подписания соглашения. Преисполненный чувством величия момента, Билл Клинтон пригласил присутствовать на церемонии и своих предшественников Джимми Картера, в период правления которого на посту заместителя госсекретаря трудился Уоррен Кристофер, и Джорджа Буша-старшего. Президент Джеральд Форд тоже был приглашен, однако не смог прибыть в Вашингтон до состоявшегося вечером обеда по случаю заключения соглашения. Приглашения получили также все бывшие госсекретари и помощники президентов по национальной безопасности. Даже дети самого Клинтона и вице-президента

Альберта Гора не пошли в тот день в школу, «чтобы не пропустить такое событие». Американцы, как и израильтяне, надеялись, что соглашение создаст основу для проведения всесторонних, официальных и открытых переговоров, которые закончатся установлением полноценного мирного урегулирования.

В то время когда И. Рабин готовился к первому в жизни рукопожатию с Я. Арафатом — непререкаемым лидером военизированной националистической организации, долгие годы считавшейся главным врагом Израиля, мысли Б. Клинтона были далеко в прошлом. Он думал не столько о И. Рабине и Я. Арафате, сколько о том, что происходило в Палестине более чем три тысячи лет назад: «Накануне вечером я лег спать непривычно рано для меня — в десять часов, и поэтому проснулся в три часа ночи. Заснуть мне больше не удалось, поэтому я взял Библию и прочел всю Книгу Иисуса Навина. Это побудило меня изменить некоторые фразы в моем выступлении. Я также решил надеть синий галстук с золотыми трубами, напоминавшими мне о тех, в которые трубил Иисус Навин под стенами Иерихона». Иисус Навин, вообще говоря, если верить первой книге Пророков, ему посвященной, — предводитель еврейского народа в период завоевания Ханаана, преемник Моисея, поэтому в высшей степени удивительны слова, написанные Биллом Клинтонem далее: «Теперь эти трубы должны были возвестить о наступлении мира, благодаря которому Иерихон будет возвращен палестинцам». Можно спорить о том, насколько современные евреи имеют отношение к библейским праотцам и пророкам, но то, что к ним не имеют отношения палестинские арабы, все же достаточно очевидно, вследствие чего воспринимать в качестве реализации библейских пророчеств передачу контроля над Иерихоном от Израиля к палестинцам невозможно по определению. Б. Клинтон, однако, удивительным образом не видел проблемы в этом сочетании заведомо несочетаемого.

И. Рабин думал не столько об Иисусе Навине, сколько о том, как ему уклониться от рукопожатий (которого в итоге избежать не удалось) и объятий (коих таки не было) с главой Организации освобождения Палестины от израильского присутствия. Я. Арафат к тому же собирался на подписание церемонии о мирном урегулировании в своей традиционной одежде — в кufии и военной форме оливково-зеленого цвета с револьвером на бедре, и только под давлением Б. Клинтона согласился прийти без оружия.

Перед самой церемонией все три делегации собрались в Голубом зале на главном этаже Белого дома. Израильтяне и палестинцы даже тогда не разговаривали друг с другом, поэтому американцы подходили то к одной, то к другой делегации, которые в это время двигались

по краям зала. Затем все спустились вниз по лестнице, чтобы уже на улице начать церемонию.

Первым со словами поддержки и поощрения, обращенным к руководителям делегаций, выступил Билл Клинтон, введший тогда термин «мир смелых» (*the peace of the brave*). После этого Ш. Перес и М. Аббас выступили с короткими речами, а затем сели за стол, чтобы подписать соглашение. За этой процедурой наблюдали У. Кристофер и А.В. Козырев, в то время как И. Рабин, Я. Арафат и Б. Клинтон стояли позади них. Тогдашний министр иностранных дел Израиля, нынешний президент страны Шимон Перес и нынешний глава Палестинской администрации и Исполкома ООП Махмуд Аббас поставили свои имена под соглашением, которое было еще далеко от того, чтобы стать мирным договором. Оно лишь констатировало, что в секторе Газа и районе Иерихона, подробнее не расшифрованном, должна быть предоставлена ограниченная автономия проживающим там палестинцам. Оно также содержало положение о том, что через два месяца после подписания соглашения должна наступить ясность с выводом израильских солдат из Газы и Иерихона. В течение следующих двух месяцев этот вывод должен быть завершен. Немецкий журналист Герхард Концельман (Gerhard Konzelmann, 1932–2008) отмечал в своей биографической книге о Ясире Арафате, что для палестинского лидера важно было то, что соглашение позволило создать в подчиненных ему автономных областях палестинские вооруженные силы, имевшие право носить оружие; тем самым гарантировалось, что ООП не будет разоружена даже в рамках «мирного процесса»¹⁹⁰. Когда подписание соглашения было завершено, Б. Клинтон пожал руку Я. Арафату, затем повернулся и пожал руку И. Рабину, после чего отступил из пространства между ними и обеими руками подтолкнул их друг к другу. Я. Арафат протянул руку, И. Рабин в ответ протянул свою.

После рукопожатия И. Рабина и Я. Арафата госсекретарь США У. Кристофер и министр иностранных дел Российской Федерации А.В. Козырев выступили с краткими заявлениями, а затем к микрофону подошел глава правительства Израиля. С тех пор как Ицхак Рабин прибыл в США в статусе посла, к тому времени прошло уже четверть века; он неоднократно бывал в Вашингтоне и в качестве главы правительства, и министра обороны, т.е. в политическом руководстве знать его должны были все, причем знать достаточно хорошо. Б. Клинтон, однако, был воодушевлен, будто видел и слышал его впервые, причем вписывал И. Рабина, человека, от иудаизма доста-

¹⁹⁰ Герхард Концельман, *Ясир Арафат* (Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997 [пер. с немецкого]).

точно далекого, в библейский контекст: «Он говорил по-английски, вдохновенно, как ветхозаветный пророк, обращаясь непосредственно к палестинцам: “Мы обречены судьбой жить вместе, на одной и той же почве, на одной и той же земле. Мы, солдаты, которые вернулись с полей битв, обогранных кровью... громко и ясно говорим вам сегодня: довольно крови и слез, довольно!” Затем Рабин напомнил цитату из Экклезиаста: “Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться и время умирать... Время убивать и время врачевать... Время войне и время миру”».

Я. Арафат выступал на «празднике мира» совершенно иначе. Стоя на лужайке перед Белым домом, он говорил по-арабски, напоминая, что палестинский народ страдает от исторической несправедливости, поскольку не было реализовано его право на самоопределение. В это самое время прямо перед Белым домом состоялась демонстрация протеста активистов, утверждавших, что это соглашение ставит под угрозу безопасность Израиля, но кто их тогда слушал?! Б. Клинтон закончил церемонию, в очередной раз испытав прилив религиозных чувств: «Я сказал потомкам Исаака и Исмаила, детям Авраама: “Шалом, салам, мир” и призвал их выступать в роли миротворцев».

Вечером того же дня президент США дал праздничный обед для примерно пятидесяти человек, включая президентов Дж. Форда и Дж. Картера с женами, президента Дж. Буша-ст., а также шестерых госсекретарей и лидеров Конгресса от Демократической и Республиканской партий. Показательно, что ни российских дипломатов, формально считавшихся такими же «покровителями» мирного процесса, как и они сами, ни норвежцев, под эгидой и при содействии которых, собственно, и было выработано это соглашение, президент США на торжественный обед не пригласил. В узком кругу американцы отмечали свой успех. Не было на обеде и И. Рабина и сопровождавших его лиц: израильская делегация сразу после подписания Декларации принципов направилась домой, сделав остановку в Марокко, чтобы информировать о достигнутой договоренности короля Хасана II. Пожалуй, в этих обстоятельствах был бы очень уместным визит президента США в Израиль, где он бы мог высказать скептически настроенным гражданам свои аргументы в поддержку подписанной перед Белым домом Декларации, но в своем плотном рабочем графике времени на такой визит Б. Клинтон тогда не нашел.

Билл Клинтон посетил Израиль через год с небольшим, в конце октября 1994 года, когда был приглашен на церемонию подписания мирного договора между Израилем и Иорданией. Учитывая, что переговоры между главами Иордании и Израиля начались еще

до появления этих государств на карте, а король Хусейн, начиная с 1963 года, находился практически в постоянном диалоге со сменявшимися друг друга израильскими руководителями, согласие монарха на заключение договора о мире удивления в Израиле не вызвало. Против этого договора почти никто в Израиле не возражал, он был утвержден в Кнессете 105 голосами «за» при трех «против» и шести воздержавшихся. В этих переговорах американцы не играли ведущей роли, а сам мирный договор был подписан на границе между двумя странами на пропускном пункте Вади-Араба; в Вашингтон решили для этого не лететь, пригласив Б. Клинтона прилететь самому, что он и сделал, по его словам — «в надежде использовать эту поездку для достижения прогресса в решении других ближневосточных проблем»¹⁹¹. Сначала Б. Клинтон сделал остановку в Каире, где встретился с президентом Х. Мубараком и Я. Арафатом. По воспоминаниям американского президента, они с египетским коллегой «пообещали [Арафату] уладить разногласия с Израилем и добиться того, чтобы он не оттягивал передачу под контроль палестинцев оговоренных территорий». Воздержаться от давления на израильских руководителей, кажется, не в состоянии ни один президент США ни в каких обстоятельствах.

На следующий день Б. Клинтон с супругой приняли участие в церемонии подписания мирного договора, после чего поехали в Иорданию, где были очарованы королем Хусейном и королевой Нур, которые «оказались умными, образованными и проницательными людьми». Б. Клинтон стал первым американским президентом, выступившим с речью в иорданском парламенте в Аммане, где обратился ко всему арабскому миру: «Америка не согласна с тем, что наши цивилизации должны конфликтовать. Мы уважаем ислам. ... Традиционные ценности ислама — приверженность вере и добросовестность в работе, преданность семье и обществу — соответствуют высшим американским идеалам. Таким образом, мы знаем, что наши народы, наши религии, наши культуры могут сосуществовать в гармонии». Б. Клинтон в иорданском парламенте говорил не о мире между мусульманами и Израилем, он говорил там о мире между мусульманами и США.

На следующее утро он вылетел в Дамаск, чтобы встретиться с президентом Сирии Хафезом Асадом (1930–2000). Никто из президентов США не был в Сирии два десятилетия, поэтому это был визит совсем не тривиальный. Из Дамаска Б. Клинтон вылетел в Иерусалим, где, как и в Аммане, выступил в парламенте. Из Иерусалима пре-

¹⁹¹ Здесь и далее цит. по: Bill Clinton, *My Life*, pp. 625–627.

зидент США вылетел в Кувейт, где встретился не только с эмиром, но и с американскими солдатами, а оттуда — в Саудовскую Аравию. Посетив шесть ближневосточных стран, одной из которых был Израиль, президент США вернулся домой.

Не будет, однако, лишним напомнить, что документ, подписанный в Вашингтоне 13 сентября 1993 года, был не договором о мирном урегулировании палестино-израильского конфликта, а лишь Декларацией принципов такого урегулирования в будущем. За этой Декларацией последовал целый ряд соглашений, подписанных в Каире, Париже и др. местах. Важнейшее из этих соглашений было, как не трудно догадаться, подписано в Вашингтоне; случилось это 28 сентября 1995 года. Именно это соглашение, текст которого был выработан при активном участии американцев и, в значительной мере, под их давлением, известно как «Осло-2».

Этот документ, подписи под которым поставили представители США, России, Египта, Иордании, Норвегии и Европейского союза, предусматривал расширение сферы палестинского самоуправления на Западном берегу реки Иордан и избрание палестинского Законодательного совета в составе 82 человек на пятилетний переходный период (начиная с даты подписания Каирского соглашения 4 мая 1994 года). В тексте Соглашения содержалось обязательство Израиля передать полномочия и ответственность от израильской военной и гражданской администрации Совету, который должен был быть сформирован палестинской стороной. До образования Совета его функции как распорядительного органа могли осуществляться Палестинской администрацией, образованной в соответствии с Каирским соглашением. Переговоры по окончательному палестино-израильскому урегулированию, включая проблемы Иерусалима, беженцев, поселений, границ, мер безопасности, отношений с соседними странами и т.д., должны были начаться не позднее 4 мая 1996 года.

По соглашению «Осло-2» вся территория Западного берега была условно поделена на три зоны. Зона «А», к которой был отнесен Иерихон, откуда израильские силы к тому времени уже были выведены, а также города Дженин, Калькилия, Тулькарм, Вифлеем, Рамалла и Шхем, передавалась под полный контроль Палестинской национальной администрации, как в гражданской сфере, так и в вопросах безопасности. В зоне «В», к которой были отнесены сравнительно густонаселенные районы, в большинстве своем примыкающие к этим городам, гражданская сфера передавалась под контроль ПНА, в то время как военный контроль Израиля сохранялся. Наименее заселенные территории, а также все районы, на которых были созданы поселения, в которых проживали граждане Израиля, были отнесены

к зоне «С», контроль за происходящим в которой оставался за Израилем. Была согласована чрезвычайно лоскутная карта, по которой Палестинская национальная администрация не получала территориальной целостности, но брала на себя ответственность за повседневную жизнь подавляющего большинства палестинских арабов, живших на Западном берегу и в Газе.

В Соглашении признавалась взаимосвязь между выборами Совета и передислокацией израильских войск как необходимого условия проведения таких выборов. Отмечалось, что первая фаза передислокации израильских войск должна включать населенные районы Западного берега. Дальнейшая передислокация должна была произойти после инаугурации Совета при том понимании, что создаваемая палестинская полиция возьмет на себя ответственность за внутреннюю безопасность и порядок.

В рамках борьбы с боевыми отрядами ХАМАСа, «Исламского джихада» и других радикальных отрядов палестинского сопротивления, не признавших соглашения с Израилем и декларировавших свое желание продолжать вооруженную борьбу против него, в Соглашении отмечалось, что помимо сил палестинской полиции и израильских вооруженных сил на территории Западного берега и сектора Газа не будет разрешена деятельность каких-либо других военизированных формирований. Также оговаривались взаимные обязательства сторон по предупреждению враждебных актов по отношению к каждой из них. «Израиль и Палестинский совет, — отмечалось в документе, — должны стремиться развивать взаимопонимание и взаимную терпимость и воздерживаться от нападок, включая ведение враждебной пропаганды друг против друга». Эти обязательства палестинская сторона не соблюдала никогда.

За несколько часов до официальной церемонии подписания соглашения произошел инцидент, едва не поставивший крест на всех ранее достигнутых договоренностях, причем президент США и в этот раз сыграл ключевую роль, вновь убедив пойти на уступки именно главу правительства Израиля. Б. Клинтон в своих мемуарах вспоминал об этом следующим образом: «Рабин и Арафат встретились, чтобы поставить свои подписи на трех экземплярах приложения к Соглашению, включавшего 26 карт, каждая из которых отражала тысячи согласованных сторонами решений относительно дорог, перекрестков, поселений и священных мест... На одной из карт Арафат обнаружил участок дороги, который был помечен как контролируемой Израилем, в то время как, по его убеждению, стороны договорились о его передаче под контроль палестинцев. Рабин и Арафат хотели, чтобы я помог разрешить этот спор... Через двадцать минут

они согласились, что спорный перекресток должен находиться под контролем палестинцев»¹⁹².

Подписанное в Вашингтоне 28 сентября 1995 года соглашение, по которому территория, находившаяся под полным контролем Палестинской администрации (зона «А»), увеличивалась в шесть раз, вызвало широчайшую волну протестов в Израиле. Следует отметить, что, *вопреки обязательствам, взятым на себя палестинцами, количество израильтян, погибших в террористических актах, после подписания Декларации принципов мирного урегулирования лишь увеличилось*. За весь 1992 год и первые восемь с половиной месяцев 1993 года в террористических актах, проведенных палестинцами, погибли 76 израильтян, то есть в среднем — чуть менее четырех человек в месяц. За три с половиной последних месяца 1993 года и весь 1994 год в аналогичных террористических актах погибло 93 израильтянина, т.е. в среднем шесть человек в месяц. Особенно значителен был рост числа жертв, погибших в террористических актах в пределах т.н. «зеленой черты», то есть на территории, принадлежность которой Израилю, казалось бы, не оспаривается: в 1992 году погибших было девять человек, в 1994 году — 51. Именно рост числа террористических актов был для израильского общества индикатором подлинных намерений палестинцев. Аргументы о том, что подавляющее большинство палестинских арабов в подготовке и проведении террористических актов замешаны не были, отвергались большинством израильтян в силу того, что боевики, организовывавшие эти теракты, в палестинском социуме обретали крайне высокий статус, и практически никто из арабских политиков не выступал с ясным и четким осуждением этих убийств, взрывов и нападений. Вследствие всего этого в Кнессете не было большинства голосов в поддержку утверждения соглашения, подписанного в Вашингтоне. Неимоверными усилиями, попирая принятые в демократических обществах принципы политической культуры, И. Рабин сумел склонить трех депутатов из небольшой правой партии Цомет к выходу из нее, формированию отдельной фракции, присоединению к правительственной коалиции и голосованию за соглашение «Осло-2»; в благодарность одному из них (Гонену Сегеву) был дарован пост министра энергетики, а другому (Алексу Гольдфарбу) — заместителя министра строительства. В Кнессет они после этого больше никогда избраны не были, но заслуживает внимания тот факт, что человек, получивший от И. Рабина министерский портфель за голосование в поддержку соглашения «Осло-2», голосом которого это соглашение было утверждено 5 октя-

¹⁹² Bill Clinton, *My Life*, p. 672.

бря 1995 года в Кнессете, спустя девять с половиной лет был признан виновным Тель-Авивским окружным судом в попытке ввоза в Израиль 32 тысяч (!) таблеток синтетического наркотика «экстази» при предъявлении на границе поддельного дипломатического паспорта. Г. Сегев был признан виновным в попытке ввоза в страну опасных наркотиков, хранении наркотиков, подделке документов при отягчающих обстоятельствах и в использовании служебного положения в личных целях и приговорен к пяти годам лишения свободы, из которых отсидел три, после чего был освобожден летом 2007 года. Именно этот бесконечно циничный и безнравственный человек стал той «мышкой», протащившей в Кнессете «репку» подписанного в Вашингтоне соглашения. Всё это привело к невиданному всплеску протестной активности, апогеем которой стало убийство Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года, спустя считанные дни после того, как тогдашний заместитель Шимона Переса в МИДе, Йоси Бейлин, втайне согласовал с Абу Мазеном (Махмудом Аббасом) основные параметры соглашения о постоянном урегулировании. После убийства И. Рабина именно Ш. Перес возглавил правительство Израиля, но реализовать соглашение Бейлина — Абу Мазена (или хотя бы обнародовать факт наличия этого документа) не решился и он. Однако Вашингтонское соглашение второе правительство Ш. Переса к 20 ноября 1995 года реализовало в полном объеме, выведя израильские войска из зоны «А» и большей части зоны «Б».

К миру это, однако, не привело; в феврале — марте 1996 года Израиль был потрясен серией взрывов, устроенных палестинскими террористами в автобусах и торговых центрах в Иерусалиме, Тель-Авиве и Ашкелоне; в пяти терактах менее чем за месяц погибли 62 человека, были ранены 259. Бороться же с террором на фундаментальном уровне американцы тогда, увы, готовы не были, свидетельством чего стала позорная более чем полуторалетняя сага, связанная с арестом в США и последующим освобождением главы Политбюро ХАМАСа Мусы Абу-Марзука.

5 июля 1995 года Муса Абу-Марзук прибыл в США, где был сразу же задержан в аэропорту им. Дж. Кеннеди вместе со своей женой, поскольку его имя было внесено в список лиц, подозреваемых в террористической деятельности. Его супруга была освобождена на следующий день, однако сам был оставлен под арестом. После того как о его задержании стало известно, суд в Иерусалиме вынес постановление о его аресте по подозрению в организации в первой половине 1990-х годов десяти террористических актов, которые унесли жизни 47 человек. Израиль направил США требование о выдаче Мусы Абу-Марзука. Рассмотрев данный запрос, 8 мая 1996 года нью-йоркский

окружной судья Кевин Даффи (Kevin Duffy) постановил, что М. Абу-Марзук может быть экстрадирован в Израиль, так как участие М. Абу-Марзука в подготовке террористических актов само по себе является достаточным основанием для его экстрадиции¹⁹³. Однако опасаясь как проблем в отношениях со своими арабскими партнерами, так и террористических актов исламистов против американских граждан и объектов (один из руководителей ХАМАСа Махмуд аз-Захар заявил, что США не должны экстрадировать Мусу Абу-Марзука, «если они не хотят новых жертв»¹⁹⁴), администрация не торопилась выполнять решение суда ее собственной страны. Одновременно с этим госсекретарь Мадлен Олбрайт в письме к генпрокурору Джанет Рено выразила озабоченность тем, что длительное пребывание Мусы Абу-Марзука на территории США может негативно сказаться на ключевых вопросах политики США на Ближнем Востоке и борьбы с терроризмом¹⁹⁵. Американские руководители настоятельно советовали своим израильским партнерам по переговорам отказаться от требования выдачи М. Абу-Марзука, начав переговоры с лидерами арабских государств, которые были бы готовы принять его. По словам тогдашнего генерального прокурора США Джанет Рено (Janet Reno), решение правительства Израиля отказаться от экстрадиции Мусы Абу-Марзука было якобы связано со стремлением «возобновить нормальное течение мирного процесса и создать атмосферу, в которой от палестинцев можно будет ожидать противодействия терроризму»¹⁹⁶. Как освобождение без суда ярого противника мирного процесса, являвшегося высшим руководителем организации, постоянно использовавшей террористические методы, могло способствовать развитию мирного процесса и противодействию террору, объяснить невозможно, однако лучших слов для прикрытия своего страха американские руководители того времени не нашли. 6 мая 1997 года Муса Абу-Марзук как свободный человек прибыл в Иорданию, позднее он перебрался в Сирию, и поныне оставаясь одним из руководителей непримиримого крыла антиизраильского сопротивления. Эти события продемонстрировали очень высокую степень готовности американских руководителей отступить перед лицом тер-

¹⁹³ “U.S. Judge Rules Hamas Leader Can Be Extradited” // *CNN International Edition*, May 8, 1996.

¹⁹⁴ Al Plessin, “Hamas: Don't Extradite Abu Marzouk to Israel” // *Israelfaxx*, January 31, 1997, vol. 5, number 21.

¹⁹⁵ Zaki Chehab, *Inside Hamas: The Untold Story of Militants, Martyrs and Spies* (London, New York: I.B. Tauris, 2007), pp. 159–160.

¹⁹⁶ John J. Goldman, “Israel Drops Extradition Request for Hamas Chief” // *Los Angeles Times*, April 4, 1997.

рористической угрозы, и палестинские руководители не могли не осознать это. Фактически готовность применять террористические методы для достижения своих политических целей сделала их неуязвимыми, американцы боялись с ними связываться, понимая к тому же, что это вызовет проблемы во взаимоотношениях с партнерами в странах арабо-мусульманского мира, прежде всего — с Саудовской Аравией.

Как американцы ни поддерживали Шимона Переса, в середине декабря 1995 года общавшегося с Биллом Клинтоном в Вашингтоне, а в середине марта 1996 года принимавшего его в Иерусалиме и Тель-Авиве с визитом солидарности в Израиле, не они голосуют на израильских выборах. Первые прямые выборы главы правительства Израиля всеми гражданами страны, прошедшие 29 мая 1996 года, Шимон Перес проиграл. Новым партнером Билла Клинтона по переговорам, хотел он того или нет, стал Беньямин Нетаньяху.

Глава 20

Три года непрекращающегося давления: Б. Нетаньяху
между Б. Клинтоном и Я. Арафатом, 1996–1999 гг.

Причины террористических актов, потрясших Израиль в феврале – марте 1996 года, Б. Клинтон, увы, так и не понял, о чем отчетливо свидетельствует сделанный им анализ. Вот что писал президент США: «В конце февраля 1996 года оказался под угрозой мирный процесс на Ближнем Востоке: два взрыва, организованные ХАМАСом, унесли жизни двадцати шести человек. Я подумал, что в преддверии выборов [sic!] в Израиле ХАМАС намеревался добиться поражения премьер-министра Переса и подтолкнуть израильтян к избранию премьером сторонника жесткой линии [sic!], который не захочет заключать мир с ООП»¹⁹⁷. И далее: «Мирный процесс на Ближнем Востоке вновь оказался под угрозой, когда в начале марта в результате нескольких взрывов бомб, устроенных террористами ХАМАСа в Иерусалиме и Тель-Авиве, погибло более тридцати человек и еще множество было ранено. ... В своем телевизионном обращении к израильскому народу я говорил об очевидном [sic!] – о том, что террористы хотели убить не только ни в чем не повинных людей, но и растущую надежду на мир на Ближнем Востоке»¹⁹⁸.

Задумаемся над тем, что представлялось «очевидным» президенту США: целью этих взрывов и нападений было не убийство израильтян, а убийство «мирного процесса», во-первых, и попытка почему-то повлиять на израильских избирателей таким образом, чтобы они проголосовали на выборах за считавшегося более «жестким» Беньямина Нетаньяху, а не за воспринимавшегося как склонного к уступкам Шимона Переса. Имея такую перспективу, невозможно в

¹⁹⁷ Bill Clinton, *My Life*, p. 700.

¹⁹⁸ Там же, p. 701.

принципе объяснить никакие террористические акты: ни в США в сентябре 2001 года, ни в Лондоне в июле 2005 года никакого «мирного процесса» ни с кем не было, и выборов на горизонте не было тоже (в США до президентских выборов оставалось более трех лет, до парламентских в Великобритании — почти пять), что, однако, не предотвратило эти трагедии. Захват арабскими террористами школы в Маалоте в мае 1974 года, равно как и захват гостиницы «Савой» в марте 1975 года, произошли вне какого-либо «мирного процесса» и никак не перед выборами, однако эти нападения были среди самых жестоких и кровавых, какие только знал Израиль. *Президент США не хотел понимать, что целью террора является, прежде всего, сам террор, убийство максимально возможного числа людей и деморализация того общества, против которого этот террор направлен, а с кем это общество и его политические элиты ведут какой процесс, боевиков интересует в последнюю очередь. Вывод Билла Клинтона о том, будто террористические организации своими атаками хотели «поддержать» Б. Нетаньяху в противостоянии с Ш. Пересом, не имеет ничего общего с реальностью.* В США в сентябре 2001 года у власти был не глобалист-миротворец Альберт Гор, а победивший его на выборах в ноябре 2000 года Джордж Буш-мл., опиравшийся на поддержку неоконсерваторов; в Сенате между республиканцами и демократами был полный паритет (50:50), а в палате представителей республиканцам принадлежало большинство (219:210 при двух независимых депутатах). Если провести параллели с Израилем, то Дж. Буш-мл. и республиканцы идеологически всяко ближе к Б. Нетаньяху и «Ликуду», чем к Ш. Пересу и Партии Труда, однако самые кровавые теракты в истории США произошли именно в период правления республиканцев. Нигде и никогда в новейшей истории нет примеров поддержки террористами более жестких политических лидеров в противостоящих им обществах, если боевики и заинтересованы в том, кто будет во главе стана врага, то, естественно, склонный к большим уступкам лидер для них предпочтительнее. Сказанное отнюдь не означает, будто боевики ХАМАСа поддерживали Ш. Переса; главное, что их интересовало, — убивать израильтян, чем больше — тем лучше. *Б. Клинтон сформулировал абсурдный тезис, который он объявил «очевидным» и в котором пытался убедить израильское общество, но оно верить в этот нонсенс было не готово.*

Б. Клинтон, однако, был очень активен; за полгода второго премьерства Ш. Переса президент США дважды побывал в Израиле, и если первый визит был следствием трагической необходимости — участия в похоронах убитого главы правительства Ицхака Рабина, то второй имел главным образом политико-пропагандистское значение.

12 марта 1996 года Билл Клинтон вместе с королем Иордании Хусейном вылетели на самолете президента США на т.н. Саммит миротворцев, организованный президентом Египта Хосни Мубарак-ом в курортном городке Шарм-аль-Шейхе. Руководители двадцати девяти государств прибыли в Шарм-аль-Шейх, где их встретили Шимон Перес и Ясир Арафат, совершенно диким образом представленные как равные жертвы террора, как будто ХАМАС атаковал палестинские автобусы с той же частотой, что и израильские. Билл Клинтон с Хосни Мубараком были сопредседателями саммита. «Мы работали день и ночь, чтобы участники конференции приняли на себя четкие и конкретные обязательства бороться с терроризмом и способствовать развитию мирного процесса, — писал президент США. — Без объединенного фронта невозможно было обеспечить Переса поддержкой, необходимой для развития мирного процесса и открытия сектора Газа, чтобы тысячи живших там палестинцев могли вернуться на свои рабочие места, находившиеся в Израиле. Он был необходим и для того, чтобы поддержать Арафата в его борьбе против террористов, — в противном случае Израиль мог отказаться от продолжения мирного диалога. Тринадцатого марта я вылетел в Тель-Авив»¹⁹⁹. Поверить в то, что Ясир Арафат боролся против террористов, никто в Израиле не смог, руководители спецслужб последовательно утверждали обратное, что же касалось поддержки, необходимой для развития процесса, который отнюдь не был «мирным», то ее Ш. Перес как раз от израильского общества не получил. 29 мая 1996 года большинство израильтян проголосовали за Б. Нетаньяху.

Как справедливо указал в своей монографии Г.М. Зайцев, приход к власти Б. Нетаньяху означал крушение американских надежд на беспрепятственное установление «окончательного мирного урегулирования»²⁰⁰. Вместо визионера, идеального партнера в усилиях установить мир на Ближнем Востоке Шимона Переса американцы получили независимого, честолюбивого и непримиримого Беньямина Нетаньяху. В одном из своих интервью, отвечая на вопрос об отношениях с Соединенными Штатами, Б. Нетаньяху ответил: «Независимость — это право и способность сказать “нет”».

Уже 25 июня в Иерусалим вновь прибыл Уоррен Кристофер, но теперь его собеседниками были другие люди, хотя и в целом знакомые американцам: все же Беньямин Нетаньяху шестнадцать лет про-

¹⁹⁹ Bill Clinton, *My Life*, pp. 701–703.

²⁰⁰ См.: Георгий Зайцев, «Неистовый Биби». *Премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху и его внешняя политика* (Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006), стр. 34–44.

жил в США, где, в частности, был постпредом Израиля в ООН, а Давид Леви занял пост министра иностранных дел во второй раз.

Б. Нетаньяху понимал, что президент США желал видеть главой правительства Израиля отнюдь не его. Однако он верно осознавал специфику американской политической системы: президент-демократ, страстно веривший в то, что израильские уступки приведут к успеху мирного процесса, был только частью мозаики; другой ее частью был Конгресс, в обеих палатах которого в то время доминировали республиканцы. На некоем противостоянии этих двух сил Б. Нетаньяху и начал выстраивать свою политику по отношению к США. Этот курс, кстати говоря, он ведет и ныне, в третий раз занимая пост главы правительства Израиля.

Билл Клинтон оказался в весьма сложном положении. С одной стороны, ему было трудно спорить с оправданностью ряда требований Б. Нетаньяху — отмена призывавших к уничтожению Израиля статей Палестинской хартии так и не произошла, реальная борьба с силами, занимавшимися антиизраильским террором, так и не началась. С другой стороны, Б. Клинтона раздражало нежелание нового премьер-министра продолжать передислокацию войск на Западном берегу с целью расширения зоны, находящейся под контролем властей Палестинской администрации. Кроме того, Б. Клинтон не ожидал, что глава израильского правительства вообще откажется встречаться с Я. Арафатом, которого, по всей видимости, эта ситуация тоже застала врасплох.

24 сентября 1996 года правительство Израиля решило открыть второй выход из Хасмонеяского туннеля под Храмовой горой в Старом городе Иерусалима. Туннель проходит параллельно Западной стене разрушенного Иерусалимского храма; он начинается возле Западной стены и идет до мусульманского квартала Старого города. В самом этом акте не было ничего, что могло вызвать какие бы то ни было эмоции (в конце концов, почему у туннеля вход должен быть и выходом, в чем проблема, если, входя с одной стороны, можно будет выйти с другой?), однако Я. Арафат расценил эту ситуацию как возможность напомнить о себе, вернувшись в эпицентр ближневосточной политики. После того как израильтяне во время войны 1967 года заняли Восточный Иерусалим, Храмовая гора оставалась (и остается и поныне) под контролем мусульманских властей, однако открытие второго выхода из древнего подземного туннеля было объявлено Я. Арафатом как якобы сознательное и судьбоносное покушение Израиля на мусульманские святыни Иерусалима. 25 сентября 1996 года на подконтрольных ПНА территориях начались демонстрации, переросшие в перестрелки с израильскими войсками, причем случи-

лось то, о чем предупреждали скептики, и в заведомой невозможности чего клялись архитекторы соглашений Осло: палестинская полиция открыла огонь на поражение против сил израильской армии. 26 сентября в перестрелках погибли двенадцать солдат, 27 сентября — еще одиннадцать. Потери среди палестинцев были еще большими, но то, чего стремился добиться Я. Арафат, он достиг: политика его игнорирования новым израильским руководством прекратилась. Госсекретарь У. Кристофер, пытаясь остановить кровопролитие, вел напряженные телефонные переговоры как с премьер-министром Б. Нетаньяху, так и с Я. Арафатом, однако палестинский лидер не для того начал эту кровавую эпопею, чтобы дать уговорить себя американцам, по телефону закончить ее. Я. Арафат хотел, чтобы с ним встретился Б. Нетаньяху и чтобы американцы требовали от израильского премьера новых уступок, и он своего добился: Б. Клинтон пригласил в Белый дом их обоих, а также короля Хусейна, сдвинув ради этого весь свой график. Уже 1 октября Б. Нетаньяху и Я. Арафат прибыли в Вашингтон. О том, что Хасмонеийский туннель был лишь поводом, свидетельствуют и слова Б. Клинтона о содержании проведенных 1–2 октября переговоров: «Во время нашей встречи Нетаньяху подтвердил свои обязательства выполнить договоренности, достигнутые перед тем, как он стал премьер-министром, включая вывод израильских войск из Хеврона»²⁰¹. Именно этого Б. Клинтон требовал от Б. Нетаньяху: игнорирования мнения израильских избирателей, чтобы избранный ими глава правительства вел курс отвергнутого большинством населения его предшественника. После окончания встречи президент Б. Клинтон сообщил, что глава американской группы содействия мирному процессу Деннис Росс отправится на Ближний Восток для того, чтобы дать новый импульс израильско-палестинским переговорам.

Американская администрация предложила Израилю и палестинцам проект соглашения из пяти пунктов:

1. Полное прекращение насилия и возвращение к столу переговоров на основе достигнутых ранее договоренностей;
2. Установление прямой линии экстренной связи между Б. Нетаньяху и Я. Арафатом;
3. Освобождение Израилем очередной группы палестинских заключенных;
4. Отмена запрета на перемещение местных жителей между различными населенными пунктами на контролируемых территориях;

²⁰¹ Bill Clinton, *My Life*, p. 729.

5. Утверждение четкого графика вывода израильских войск из Хеврона.

Обратим внимание: три последних пункта, выдвинутых американцами, представляли собой требование уступок со стороны Израиля. От палестинцев же американцы не потребовали ничего, кроме как прекратить стрелять. Б. Нетаньяху настаивал, что палестинские полицейские, повернувшие оружие против израильских солдат, должны быть преданы суду, но этого, разумеется, не случилось; хуже того — американцы не присоединились к этому требованию. Я. Арафат также требовал, чтобы Израиль немедленно вывел войска из Хеврона без каких бы то ни было дополнительных гарантий безопасности, кроме тех, что были предусмотрены соглашением «Осло-2», несмотря на то что в Хевроне проживали сотни еврейских семей, которым в таком случае грозила бы смертельная опасность. Накануне этих переговоров Роберт Доул (Robert Joseph Dole), тогдашний спикер палаты представителей Ньютон Гингрич (Newton Leroy Gingrich) и другие влиятельные республиканцы обратились к президенту США с призывом не давить на израильского премьера, дабы не вышло так, что палестинцы получили политическую выгоду от насилия, однако Белый дом оказывал заметное давление на Б. Нетаньяху с целью добиться от него согласия на вывод войск из Хеврона, и новый глава правительства еврейского государства не сумел сдержать давление.

17 января 1997 года Б. Нетаньяху уполномочил Дана Шомрона (1937–2008) подписать от имени Государства Израиль Хевронский протокол, по которому Палестинской администрации передавался контроль над вторым по святости для евреев (после Иерусалима) городом в Палестине/Эрец-Исраэль (этого в рамках соглашения «Осло-2» не сделало даже правительство И. Рабина — Ш. Переса). Этот документ был подписан Д. Шомроном и палестинским представителем С. Арикатом в присутствии Б. Нетаньяху и Я. Арафата на контрольно-пропускном пункте Эрез на границе Израиля и сектора Газа; деятельное участие в переговорах принимал и Деннис Росс, специальный посланник президента США, подготовивший отдельный меморандум о достигнутом взаимопонимании. Согласно подписанному соглашению, ЦАХАЛ должен был покинуть четыре пятых территории Хеврона в течение десяти дней, после чего должны были быть проведены три дополнительных (!) этапа отступления: не позднее 7 марта Израиль должен был начать первый этап, связанный с отступлением из ряда сельских районов Западного берега; восемь месяцев спустя должен был начаться второй этап, за которым должен был последовать третий, датой завершения которого была опреде-

лена середина 1998 года. К окончанию третьего этапа передислокации Израиль должен был отступить со всех территорий Западного берега, кроме еврейских поселений и военных зон. При этом все эти уступки должны были совершаться в ходе реализации лишь промежуточных соглашений; работа над договором о постоянном урегулировании должна была лишь начаться спустя два месяца после подписания Хевронского протокола (т.е. 17 марта 1997 года) и закончиться к 4 мая 1999 года, как и было предписано Каирским соглашением²⁰².

В связи с подписанием Хевронского протокола премьер-министр Израиля получил письмо, подписанное дорабатывавшим последние дни на посту госсекретаря У. Кристофером. Вновь декларируя, что американская преданность делу обеспечения безопасности Израиля незыблема, госсекретарь не упомянул ни о каких конкретных обязательствах какой-либо стороны, будь то ПНА, арабских стран или самих США, а исключительно об обязательствах Израиля: «первый этап передислокации должен произойти как можно скорее, а все три этапа должны быть реализованы в течение двенадцати месяцев с момента реализации первого этапа, но не позднее середины 1998 года»²⁰³.

В ноябре 1996 года Билл Клинтон был переизбран президентом США. В январе 1997 года Уоррен Кристофер покинул пост государственного секретаря и его заняла Мадлен Олбрайт (Madeleine Albright), ставшая первой женщиной во главе американской дипломатии. В середине февраля 1997 года Б. Клинтон пригласил в Вашингтон Б. Нетаньяху, а в начале марта — Я. Арафата. Несмотря на то что к тому времени Я. Арафат не только приостановил сотрудничество с Израилем в сфере безопасности, но и инициировал масштабные антиизраильские демонстрации в связи с решением о строительстве еврейского квартала Хар-Хома в Восточном Иерусалиме, Белый дом оказал Я. Арафату радушный прием. Президент США вспоминает о том, как убеждал главу ООП видеть в нем своего партнера и сторонника: «На встрече с Арафатом я предложил ему вместе разработать очередные меры для достижения соглашения»²⁰⁴. Воспоминания Б. Клинтона свидетельствуют о явном сожалении в связи с тем, что Б. Нетаньяху не хотел изменить состав правительства Израиля, чтобы в него мог вернуться Ш. Перес: «Израильтяне совсем недавно вве-

²⁰² Protocol Concerning the Redeployment in Hebron, 17 January 1997, в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 16, 1996–1997, док. 72.

²⁰³ Это письмо У. Кристофера Б. Нетаньяху было опубликовано в журнале *Israel Affairs*, no. 3–4 (1997), pp. 343–344.

²⁰⁴ Bill Clinton, *My Life*, pp. 747–748.

ли прямые выборы премьер-министра, и Нетаньяху был избран на четыре года, однако ему еще только предстояло создать коалицию, обеспечивавшую ему большинство в Кнессете. Если бы он потерял поддержку правых, то мог бы создать правительство национального единства при участии Переса и Партии Труда, но он не хотел этого делать»²⁰⁵. Б. Клинтон верно указывал, что «Нетаньяху столкнулся с теми же проблемами, что и Рабин: Израиль должен был пожертвовать вполне материальными вещами... в обмен на нечто менее материальное», но почему-то отнес это к «психологическим» факторам, как будто это был сугубо вопрос восприятия проблемы главой правительства Израиля.

Каждый раз, когда израильтяне отвечали очередной операцией на атаку террористов или появлялись новые поселения на Западном берегу реки Иордан, Совет Безопасности ООН обсуждал новую резолюцию, осуждавшую Израиль. В МИДе Израиля рассчитывали, что США наложат вето на эти резолюции, что они обычно, хотя и не всегда, делали, впрочем, отнюдь не бескорыстно. Б. Клинтон без обиняков объяснял мотивы такой внешнеполитической заботы: «Это помогало нам сохранять влияние на Израиль», хотя и «мешало выглядеть беспристрастными посредниками в глазах палестинцев. Мне приходилось постоянно уверять Арафата в том, что мы продолжаем поддерживать мирный процесс и что только Соединенные Штаты могут обеспечить его успех, потому что Израиль в вопросах своей безопасности полагается именно на поддержку США, а не России или Европейского союза»²⁰⁶. При этом в ряде случаев США позволяли антиизраильским резолюциям пройти, как случилось, например, 28 сентября 1996 года, когда Совет Безопасности принял резолюцию №1073. США не наложили на нее вето, а воздержались. Хотя посвящена она была фактически инициированному Я. Арафатом витку насилия, в резолюции этой говорится исключительно о «значительном числе убитых и раненых среди палестинского гражданского населения» и о «столкновениях между израильской армией и палестинской полицией и гибелью людей с обеих сторон». Резолюция эта «призывает обеспечить безопасность и защиту палестинского гражданского населения», ни полупонамеком не напоминая, что, вообще говоря, стрелять первыми начали именно палестинские полицейские.

В начале августа 1997 года, незадолго до первого посещения ею Израиля, госсекретарь США Мадлен Олбрайт выступила с программной речью, касавшейся переговоров Израиля и ООП. Пре-

²⁰⁵ Там же, pp. 747.

²⁰⁶ Там же, pp. 747–748.

мьер-министр Израиля Б. Нетаньяху выступал против продолжения практики всё новых и новых уступок в рамках реализации промежуточных соглашений, предлагая вместо этого сразу же перейти к переговорам о постоянном урегулировании. Палестинские руководители выступили против, и администрация США поддержала их. Поддержав предложение о начале переговоров по долгосрочному урегулированию, госсекретарь М. Олбрайт, однако, настаивала на том, что все три этапа отступления, предусмотренные Хевронским протоколом, должны быть выполнены в полном объеме. Прибыв в Израиль 10 сентября 1997 года, М. Олбрайт потребовала, чтобы Израиль воздержался от расширения или строительства новых еврейских поселений на контролируемых территориях в целях создания лучшей атмосферы в ходе переговоров с палестинцами. «Ясно, что сейчас — очень трудный момент, — сказала М. Олбрайт на совместной пресс-конференции с Б. Нетаньяху. Переговоры застопорились, и как израильтяне, так и палестинцы заперлись в себе, чувствуя кризис доверия, который угрожает историческим достижениям последних лет»²⁰⁷. В ходе визита М. Олбрайт на Ближний Восток была достигнута договоренность о проведении в Вашингтоне встречи министра иностранных дел Израиля Д. Леви и тогдашнего второго лица в иерархии ООП и ПНА М. Аббаса с заявленной целью «вдохнуть новую жизнь в мирный процесс», которая состоялась 6 октября. Процесс этот, однако, буксовал.

16–18 ноября 1997 года Б. Нетаньяху совершил еще один визит в США. В первый день своего пребывания в США глава правительства Израиля выступил перед участниками Генеральной ассамблеи совета еврейских федераций, собравшейся в Индианаполисе. Говоря о ситуации на Ближнем Востоке, Б. Нетаньяху призвал палестинцев признать, что Израиль не откажется от права на контроль над Иерусалимом как своей единой столицей, а также сохранит за собой отдельные районы, со стратегической и экономической точек зрения имеющие судьбоносное значение для его выживания. В остальных вопросах глава правительства Израиля был готов пойти на компромисс, вследствие чего он призвал палестинцев не упустить шанс заключения мирных договоренностей²⁰⁸. Из Индианаполиса Б. Нетаньяху направился в Лос-Анжелес, где выступил на заседании Сове-

²⁰⁷ Joint press conference with Prime Minister Netanyahu and Secretary of State Albright, 10 September 1997, в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 16, 1996–1997, док. 142.

²⁰⁸ Address by Prime Minister Netanyahu to the General Assembly of the Council of Jewish Federations, Indianapolis, 16 November 1997, в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 16, 1996–1997, док. 156.

та по международным отношениям (Council of World Affairs). Хотя президент Б. Клинтон также находился в Лос-Анджелесе, вопреки надеждам израильского премьера, встретиться с ним он не пожелал. Б. Нетаньяху выступил в телепрограмме Лари Кинга, после чего вылетел в Англию, где встретился с королем Иордании Хусейном, а затем вернулся в Израиль.

Б. Клинтон не хотел встречаться только с Б. Нетаньяху, чтобы Я. Арафат, паче чаяния, не подумал, будто президент США не может быть равноудаленным посредником. Б. Клинтон пригласил Б. Нетаньяху на встречу в Белый дом на 20 января 1998 года, а Я. Арафата — на 21 января. В правительстве Израиля тем временем обострился внутренний кризис, вызванный неумеренными личными амбициями входивших в него министров: 4 января Давид Леви покинул пост министра иностранных дел, а Ицхак Мордехай угрожал уйти в отставку через три месяца (на самом деле он проработал еще больше года, до 25 января 1999 года, но его отношения с главой правительства были крайне натянутыми). Для подготовки встречи Б. Клинтона и Б. Нетаньяху 6 января 1998 года в Израиль вновь прибыл Деннис Росс. Американцы давили на Б. Нетаньяху, обвиняя его в невыполнении подписанных договоренностей. В ответ на это 13 января 1998 года правительство Израиля утвердило подробный и обстоятельный меморандум, в котором перечислялись многочисленные нарушения прежде взятых на себя обязательств палестинской стороной. Правительство Израиля отмечало, что за более чем четыре года, прошедших с момента подписания соглашения «Осло-1», Палестинская хартия, призывающая к уничтожению Израиля, так и не была отменена или изменена; что Палестинская администрация борется с антиизраильским террором лишь на словах, продолжая при этом эксплуатировать в средствах массовой информации самые одиозные антисемитские и антиизраильские клише, в т.ч. почерпнутые из такой давней фальшивки как т.н. «Протоколы сионских мудрецов»; что численность палестинской полиции на двенадцать тысяч человек превышает максимум, допустимый согласно подписанным документам, причем, вопреки договоренностям, ПНА не передала Израилю имена почти половины лиц, принятых на службу в палестинскую полицию (Израиль последовательно требовал, чтобы туда не принимали лиц, прежде осужденных за террористическую деятельность) и т.д.²⁰⁹. Фактически палестинская сторона не выполняла *никаких* обязательств.

²⁰⁹ Government statement on “Palestinian Obligations As Per the Note for the Record of the Hebron Protocol of 15 January 1997”, 13 January 1998, в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 17, 1998–1999, док. 6.

20 января 1998 года Билл Клинтон встретился в Белом доме с Беньямином Нетаньяху, по словам президента — «чтобы обсудить планы вывода израильских войск с Западного берега реки Иордан»²¹⁰. Ни о каких положениях документа, принятого правительством Израиля всего за неделю до этой встречи, Б. Клинтон не упоминает вообще, единственное, что ему хотелось обсудить с Б. Нетаньяху, — это передача новых территорий под палестинский контроль. На следующий день в Белый дом прибыл Я. Арафат. Президент пишет: «Я рассказал ему о моей встрече с Нетаньяху и заверил его в том, что буду всячески воздействовать на премьер-министра, с тем чтобы Израиль выполнил свои обязательства по развитию мирного процесса. Я также напомнил Арафату о политических проблемах, с которыми сталкивается израильский лидер, и о том, что он сам должен бороться с терроризмом, если хочет добиться от Израиля ответных шагов»²¹¹. В этом описании удивление вызывает едва ли не каждое слово: ни о каких нарушениях соглашения палестинской стороной Б. Клинтон не говорил своему собеседнику вообще, прося лишь принять во внимание внутривнутриполитический кризис в израильском руководстве; с террором же бороться надо не потому, что терроризм не приемлем и не может быть приемлемым ни в каком цивилизованном обществе, а лишь потому, что это необходимо, если сам Я. Арафат хочет чего-то добиться от Израиля!..

Хотя он был умным человеком и опытным политиком, Б. Клинтон совершенно не понимал, что думали и чувствовали израильские не только руководители, но и граждане. Он, однако, стремился составить четкий график передислокации израильских войск, а также достичь формально зафиксированного соглашения по вопросу о том, какое именно количество земли будет передано палестинцам. В ходе встречи 20 января Б. Клинтон требовал от Б. Нетаньяху согласия на передачу под контроль ПНА не менее 10% территории Западного берега, из которой израильские силы не были выведены прежде, но еще до того, как правительство Израиля обсудило этот вопрос, эту уступку как заведомо недостаточную 22 января отверг Я. Арафат. 31 января М. Олбрайт, однако, выражала свое неудовольствие застоем в мирном процессе не Я. Арафату, а Б. Нетаньяху. Американцы требовали, чтобы израильтяне и палестинцы направили своих представителей на переговоры в Вашингтон. Эти переговоры прошли 10 февраля 1998 года в отсутствии прямого диалога между сторонами: Деннис Росс и его заместитель Аарон Давид Миллер (Aaron David Miller)

²¹⁰ Bill Clinton, *My Life*, p. 775.

²¹¹ Там же, p. 776.

вели отдельные переговоры с членами обеих делегаций. Никакого прогресса достигнуто, однако, не было. 16 февраля Б. Нетаньяху направил к Я. Арафату своего эmissара адвоката Ицхака Мольхо (он продолжает быть доверенным посланником Б. Нетаньяху на переговорах с палестинскими представителями и поныне), 17 февраля с Махмудом Аббасом и Ахмедом Курей встретился Ариэль Шарон, спустя несколько месяцев возглавивший МИД Израиля.

Американцы потребовали от правительства Израиля согласия на отступление с 13,1% территории Западного берега; 22 марта 1998 года это требование было единогласно отклонено правительством Израиля. 26 марта Б. Нетаньяху официально сообщил об этом прибывшему в Израиль Д. Россу. Это, однако, никоим образом не остановило американцев, которые с неимоверным упорством побуждали израильское руководство принять выдвинутый ими план. 25 марта Д. Росс встретился в Майами с министром обороны И. Мордехаем, 28 марта с главой оборонного ведомства Израиля встретила госсекретарь М. Олбрайт, 25 апреля Д. Росс и М. Индик встретились с Б. Нетаньяху, 3 мая переговоры с главой правительства Израиля провел прибывший на празднование 50-летия государственной независимости Израиля вице-президент США А. Гор, 4–5 мая в Лондоне Б. Нетаньяху и Я. Арафат вели сепаратные переговоры с М. Олбрайт. Госсекретарь пригласила премьер-министра Израиля и главу ПНА на саммит в Вашингтон 11 мая, но Б. Нетаньяху отказался от этого, утверждая, что подготовить продуктивную встречу руководителей менее чем за неделю невозможно, а фиаско может иметь очень тяжелые последствия. Вместо этого Б. Нетаньяху полетел на двусторонние переговоры в Вашингтон, где 13 и 14 мая встретился с М. Олбрайт. 17 мая глава правительства Израиля сообщил Д. Россу, что готов обсудить отступление с 13% территорий Западного берега в два этапа; спустя сутки М. Олбрайт представила это предложение Я. Арафату, который его, однако, сразу же отверг как недостаточное. 9 июля в Вашингтон прибыли члены палестинского руководства Н. Шаат и С. Арикат, однако их переговоры с М. Олбрайт не привели к прорыву; госсекретарь разумно посоветовала им вести диалог напрямую с израильянами. Палестинцы, однако, в таком диалоге по-прежнему не были заинтересованы, предпочитая вместо этого ситуацию, при которой их требования и упреки правительству Израиля озвучивают представители администрации США.

О том, что думали в это время ответственные чиновники администрации, свидетельствует выступление Мартина Индика (Martin Indyk), дважды бывшего послом США в Израиле, перед комитетом палаты представителей по международным делам 29 июля 1998 года.

М. Индик признал: «Мы не совсем уверены, что текущая стадия [переговоров] будет иметь успех. Пробелы значительно сузились, но время временных соглашений на исходе. Оно заканчивается через десять месяцев. Палестинцы обсуждают одностороннюю декларацию о статусе государства, а Израиль предупреждает, что такой шаг спровоцирует аннексию территорий на Западном берегу. Эти проблемы будут иметь разрушающие последствия. Поэтому необходимо, чтобы стороны пришли к соглашению сейчас, что восстановит доверие к партнерству, приведет к осуществлению их обязательств по временному соглашению и создаст благоприятную обстановку для окончательных переговоров»²¹².

Вопреки словам М. Индика о том, что «пока центром внимания является распутывание палестинского направления в мирном процессе, невозможно добиться прогресса на каком-то другом направлении», американцы не забывали давить на Б. Нетаньяху, требуя от него подтвердить согласие, данное его предшественниками, И. Рабином и Ш. Пересом, об уходе с Голанских высот. Сирийцы не соглашались ни на какие территориальные компромиссы в отношении этой территории, отказываясь также принять какое-либо сепаратное соглашение между Израилем и де-факто контролировавшимся ими тогда Ливаном. Попытка Б. Нетаньяху предложить формулу переговоров «сначала — Ливан» (достижение сепаратного ливано-израильского соглашения о мирном урегулировании) была расценена в Сирии как уловка, предназначенная для того, чтобы ослабить сирийские и ливанские позиции. Б. Нетаньяху стремился добиться мирного урегулирования ливанской проблемы, независимо от достижения мирного договора с Сирией. Однако сирийская сторона стремилась увязать урегулирование ливанской проблемы с подписанием израильско-сирийского мирного договора и отступлением израильских войск с Голанских высот. Более того, сирийское правительство настаивало, чтобы израильско-сирийские мирные переговоры были продолжены на тех условиях, на которых они были прерваны в начале 1996 года. Напротив, Б. Нетаньяху настаивал, чтобы переговоры между израильскими и сирийскими делегациями были возобновлены без предварительных условий и независимо от уступок, сделанных на переговорах с сирийцами представителями проигравшей выборы Партии Труда, не без оснований полагая, что суть демократического режима в том и состоит, что избранное народом руководство должно

²¹² Мартин С. Индик, «Динамика событий на Ближнем Востоке». Выступление перед комитетом палаты представителей по международным делам, 29 июля 1998 г. // *Ближний Восток и современность*, №6 (1999), стр. 273–278.

сформулировать свой курс, а не идти в фарватере предшественников. Эта неуступчивость Б. Нетаньяху, даже несмотря на американское давление, ставила под вопрос саму роль США как глобального лидера в процессе ближневосточного урегулирования, ибо побуждала Х. Асада обращаться к другим посредникам ввиду неэффективности американцев. Сирийцы стремились привлечь к переговорам еще одну державу, например, Россию или Европейский союз, которые, как считали в Дамаске, усилили бы их позиции на переговорах своей безоговорочной поддержкой. Однако сирийские планы по привлечению к процессу переговоров европейских держав противоречили планам дипломатов США, на что указал Деннис Росс в конце июля 1996 года. Хафез Асад отказывался идти на уступки, и американцы вновь и вновь давили на Бенямина Нетаньяху.

В ходе переговоров с У. Кристофером Б. Нетаньяху согласился на уход с Голанских высот, но обусловил это выполнением трех шагов: во-первых, заключением мирного договора не только между Израилем и Сирией (на границе между которыми боевые действия не велись с 1974 года), но и между Израилем и Ливаном, что должно было гарантировать безопасность и мир всему северу Израиля; во-вторых, получением гарантий безопасности, включая размещение десяти тысяч американских военных на территории Голанских высот, чтобы контролировать демилитаризованную зону между Сирией и Израилем; и, в-третьих, получением гарантий, что сирийцы не будут пытаться нанести урон водным источникам, питающим озеро Кинерет — основной резервуар пресной воды в Израиле.

В 1998 году Бенямин Нетаньяху согласился на нетривиальную модель «челночной дипломатии»: переговоры в Дамаске и Иерусалиме вел Рональд Лаудер (Ronald Steven Lauder) — американский миллиардер еврейского происхождения (с 2007 года он возглавляет Всемирный еврейский конгресс), в 1986–1987 годах бывший послом США в Австрии²¹³. Возможно, Х. Асад ошибочно полагал, что Б. Нетаньяху, в ситуации стагнации мирного процесса с палестинцами и испытывая давление со стороны представителей Госдепартамента и администрации президента США, будет готов на дополнительные уступки Сирии в процессе переговоров. Детали этих переговоров, ведшихся в глубокой тайне и от израильского общества, и от Кнессета неизвестны до сих пор, хотя некий вариант обсуждавшегося соглашения (не ясно, последний ли) был позднее опубликован в

²¹³ Uri Dan, “Lauder Was A Go-Between; For Israel, For Syria” // *New York Post*, October 6, 1999.

израильской печати²¹⁴. Соглашение между сторонами достигнуто не было. Но факт, что эти переговоры имели место, означал существенное изменение позиции Х. Асада в отношении дальнейшего процесса ближневосточного урегулирования. Вероятно, позиция Х. Асада изменилась под влиянием окрепшего тогда союза Турции и Израиля, беспокоившего сирийского правителя, страна которого располагается как раз между двумя этими государствами. Так или иначе, стагнация на израильско-сирийском направлении побудила Б. Клинтона бросить все силы на переговоры между руководителями Израиля и ПНА.

С целью вывести ситуацию из тупика Б. Клинтон пригласил Б. Нетаньяху и Я. Арафата на совместную встречу в Белый дом. «Мадлен Олбрайт и Деннис Росс уже несколько месяцев работали над возобновлением мирного процесса, и Мадлен наконец удалось организовать встречу Арафата и Нетаньяху, прибывших в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, — вспоминал президент Б. Клинтон. — На следующий день Арафат и Нетаньяху прилетели в Вашингтон, чтобы повидаться со мной, и я сообщил им, что через месяц планирую вновь пригласить их в Соединенные Штаты, с тем чтобы доработать и заключить соглашение»²¹⁵. Встреча в Белом доме прошла 28 сентября, после чего американцы решили официально пригласить стороны на интенсивные переговоры в конференц-центре в Уай-Ривер в штате Мэриленд, датой начала которых было определено 15 октября 1998 года. «Обе стороны рассчитывали, что Соединенные Штаты помогут им согласовать непростые решения, — сбалансированно указывал Б. Клинтон, признавая: «Конечно, при проведении любого саммита всегда существует риск, что стороны не сумеют выработать общую позицию и это нанесет ущерб престижу всех причастных к этой неудаче лиц. Моя команда по национальной безопасности была обеспокоена возможностью такого развития событий и его последствиями. ... Я считал, что саммит был хорошей идеей, и мне хотелось, чтобы он поскорее начался. Мне казалось, что терять нам особенно нечего: я всегда был уверен, что лучше предпринять активные действия и не добиться успеха, чем ничего не делать из-за боязни неудачи».

Первоначально планировалось, что саммит продлится четыре дня, и через два дня после его окончания Б. Нетаньяху и сопрово-

²¹⁴ См.: Эйтан Амит, «Все Голанские высоты в обмен на мир» // *Едиот ахронот* [Последние известия] — субботнее приложение, 13 апреля 2001 г., стр. 6–11 [на иврите].

²¹⁵ Здесь и далее цит. по: Bill Clinton, *My Life*, pp. 815–820.

ждавшие его члены делегации должны были вернуться в Израиль к открытию новой сессии Кнессета. По условиям, на которых был организован саммит, ни одна из сторон не связывала себя промежуточными договоренностями по конкретным вопросам, пока соглашение не было достигнуто в целом, а американские дипломаты участвовали в выработке текста соглашения на всех этапах работы над ним. Б. Клинтон лично принимал в этих переговорах самое активное участие, позднее к ним присоединился и вице-президент А. Гор. Американская команда посредников включала сотрудников Белого дома, в том числе советника президента по национальной безопасности Сэнди Бергера (Samuel Richard “Sandy” Berger), а также Роберта Малли и Брюса Райдела, а также нескольких сотрудников Госдепартамента: госсекретаря Олбрайт, Денниса Росса, Мартина Индика, Аарона Миллера, Уэнди Шерман и Тони Верстандига. Все эти люди ежедневно проводили совещания по различным вопросам как с израильянами, так и с палестинцами. Важную роль в этих переговорах сыграл переводчик Джемал Хелал. Члены обеих делегаций говорили по-английски, но ключевые вопросы Я. Арафат всегда обсуждал на арабском, поэтому Дж. Хелал принимал участие и в конфиденциальных переговорах Б. Клинтона и Я. Арафата. Двадцатого октября в Уай-Ривер прибыли и король Иордании Хусейн и его супруга королева Нур²¹⁶.

Спустя четыре дня, однако, по словам Б. Клинтона, «до финальной договоренности было еще далеко». Б. Нетаньяху сказал президенту, что всеобъемлющего соглашения достичь не удастся, и предложил подписать промежуточный вариант, по которому Израиль брал на себя обязательство об отступлении с 13,1% территории Западного берега, а палестинцы должны были значительно активизировать сотрудничество с Израилем в вопросах обеспечения безопасности, выполняя план, разработанный при участии директора ЦРУ Джорджа Тенета (George Tenet). Спустя семь месяцев премьер-министр Б. Нетаньяху вынужденно согласился на те самые требования об отступлении с 13% территории Иудеи, Самарии и Иорданской долины, которые американцы выдвинули еще в марте и которые были тогда же отвергнуты израильским правительством. За семь месяцев американцы «дожали» Б. Нетаньяху и его коллег по руководству страны, хотя министр иностранных дел Израиля А. Шарон и непосредственно в ходе переговоров в Уай-Ривер говорил Б. Клинтону, что пере-

²¹⁶ О ходе переговоров на саммите в Уай-Ривер см.: Dennis Ross, *The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2004), pp. 238–245.

дача Западного берега под палестинский контроль не соответствует интересам безопасности Израиля и что Я. Арафат не будет бороться с терроризмом. В израильском руководстве никто никаких иллюзий не питал, но американскому давлению противостоять не смогли. О том, как Б. Клинтон выполнял свою посредническую роль, сам он писал более чем ясно: «Я продолжал убеждать Нетаньяху, что он должен дать Арафату возможность ощутить преимущества мира, передав палестинцам землю, аэропорт, а также порт в Газе, обеспечив им свободный и безопасный проезд из Газы на Западный берег». По одному ему понятным причинам президент США утверждал, будто «это [в частности, передача под контроль ПНА аэропорта] дало бы Арафату новые возможности в борьбе с террористами». Когда в ходе переговоров Б. Нетаньяху и А. Шарон напоминали, что численность палестинских полицейских (при этом А. Шарон прямо сказал, что это никакие не полицейские, а регулярная армия) существенно превысила разрешенный соглашениями максимум в 24 тысячи человек (Б. Клинтон сразу же предложил увеличить это число до 28 тысяч), Я. Арафат возражал, будто все эти войска нужны ему для обеспечения той самой безопасности, которой от него требовали²¹⁷.

Американцы создали немыслимую по степени абсурда ситуацию: борьба с терроризмом, которую можно было вести почти исключительно разговорами на английском языке, на годы и годы стала козырной картой Я. Арафата, позволявшей ему настаивать на всё новых и новых уступках израильской стороны, и добиваясь при этом американской поддержки. Когда же масштаб уступок не казался ему достаточным, как это случилось на саммите в Кемп-Дэвиде в июле 2000 года, Я. Арафат с необычайной легкостью почти открыто перешел от борьбы с террором непосредственно к террору, что, однако, вызвало лишь рост давления администрации Б. Клинтона на Израиль с требованием дополнительных уступок – разумеется, исключительно «во имя мира и борьбы с террором». При этом он требовал от Израиля (и американцы ему в этом скорее подыгрывали) согласия на увеличение численности своей армии, бойцы которой только за два года до этого стреляли в силы ЦАХАЛа, аргументируя это тем, что таковая армия нужна ему якобы для обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом!

Кроме того, как и в ходе других переговоров, Я. Арафат выдвигал требования массовой амнистии Израилем палестинцев, находившихся в израильских тюрьмах, осужденных за совершение различных преступлений, как общеуголовной, так и террористической

²¹⁷ См.: Charles Enderlin, *Shattered Dreams: The Failure of the Peace Process in the Middle East, 1995–2002* (New York: Other Press, 2003), pp. 91–92.

направленности. Я. Арафат требовал освобождения из израильских тюрем тысячи заключенных палестинцев, Б. Нетаньяху соглашался на амнистию пятисот человек, при условии, что они не были членами ХАМАСа и не были осуждены за убийство или соучастие в убийстве. В принципе, в правовом государстве, которыми являются и Соединенные Штаты, такого рода массовые освобождения заключенных никак не практикуются; не практикуются они, разумеется, и в Израиле. Можно очень по-разному относиться к тому, как функционирует система судопроизводства, но массовые и ничем не оправданные освобождения преступников просто потому, что в таком акте заинтересован тот или иной политический лидер (например, Ясир Арафат), во-первых, совершенно дезориентируют всех тех, кто работал и работает в органах правопорядка, а во-вторых, существенным образом подрывают возможности органов правосудия играть сдерживающую роль во имя сокращения числа преступлений, совершаемых в настоящем и в будущем. Хотя в ходе переговоров в Уай-Ривер Б. Клинтон категорически отказался освободить одного — всего одного! — человека, уже находившегося к тому времени в заключении в США на протяжении тринадцати лет (речь, конечно, о Дж. Полларде), хотя об этом ходатайствовали и глава правительства Израиля, и министр иностранных дел²¹⁸, требование Я. Арафата об освобождении из мест заключения целой тысячи палестинских заключенных Б. Клинтон поддержал, всеми правдами и неправдами склонив Б. Нетаньяху принять его. Единственное, чего сумел добиться глава правительства Израиля, это того, что состав освобождаемых палестинцев должен был быть изменен: в нем увеличивалась доля осужденных по общеуголовным делам и уменьшалась доля тех, кто был осужден за преступления, угрожавшие безопасности Израиля. По словам Б. Клинтона, «это стало неприятной новостью для Арафата, который, напротив, хотел, чтобы были освобождены люди, которых он считал борцами за свободу». Дальнейшие слова президента США о предпринятых им действиях поистине поразительны: он делегировал к главе ООП Деннису Россу и Мадлен Олбрайт, чтобы они убедили его в том, что «это все, что я [президент Клинтон] могу сделать». Но и это не всё! «Потом к нему отправился и я, чтобы выразить свою благодарность: его уступка помогла сохранить все, чего мы достигли», — указал Б. Клинтон. Слова «благодарность» и «уступка» относятся, повторим, к тому, что глава ООП согласился не настаивать на списочном составе осво-

²¹⁸ Barton Gellman, "Netanyahu, Arafat Sign Accord; Talks Nearly Founder After Israel Demands Convicted Spy's Release" // *The Washington Post*, October 24, 1998. P. A1.

бождаемых вне всяких принятых в правовых государствах процедур заключенных, в т.ч. и террористов. Заслуживает внимания тот факт, что ни Б. Нетаньяху, ни А. Шарону за их готовность освободить тысячу человек, ни с какой стороны не заслуживавших освобождения, Б. Клинтон выразить «благодарность» не захотел; вестимо, в его глазах это была недостаточная «уступка».

Согласно подписанному в Уай-Ривер соглашению, дополнительные территории на Западном берегу (те самые 13,1%) должны были перейти под контроль палестинцев в три этапа: на первом этапе, в ноябре 1998 года, 2% территории должно было перейти из зоны С в зону В, а 7,1% — из зоны В в зону А; на втором этапе, в декабре 1998 года, еще 5% должны были перейти из зоны С в зону В; на третьем этапе, в январе 1999 года, еще 5% должны были перейти из зоны С в зону В, 1% — из зоны С в зону А, и 7,1% — из зоны В в зону А. Кроме того, палестинцам гарантировалась экономическая помощь.

В обмен на это Я. Арафат лишь пообещал «демонстрировать нулевую нетерпимость к проявлениям террора и насилия» — нет, не против израильтян, как можно было бы подумать, а лишь «против обеих сторон»; каких именно, названо не было [в оригинале — *The Palestinian side will make known its policy of zero tolerance for terror and violence against both sides*]²¹⁹. По словам Б. Клинтона, «палестинцы также согласились отдать под суд несколько человек, которых Израиль считал виновными в насилии и убийствах»; в подписанном тексте Меморандума никакого конкретного обязательства по этому вопросу нет²²⁰. Я. Арафат также в очередной раз обязался внести изменения в Палестинскую хартию.

Церемония подписания Меморандума состоялась 23 октября 1998 года в Восточном зале Белого дома. На церемонии выступили и Мадлен Олбрайт, и Альберт Гор, и Билл Клинтон, который полагал, что «мирный процесс на Ближнем Востоке удалось спасти»²²¹.

Спустя менее чем месяц, 19 ноября 1998 года, правительство Израиля семью голосами против пяти при трех воздержавшихся проголосовало за проведение первого этапа передислокации, предусмотренного Меморандумом, подписанном в Уай-Ривер; спустя сутки эта передислокация войск была проведена. В тот же день из мест за-

²¹⁹ Цит. статья 1(а) первой главы второго раздела Меморандума.

²²⁰ В статье 1(г) первой главы второго раздела Меморандума лишь говорится о том, что “The Palestinian side will apprehend the specific individuals suspected of perpetrating acts of violence and terror for the purpose of further investigation, and prosecution and punishment of all persons involved in acts of violence and terror”.

²²¹ Bill Clinton, *My Life*, p. 820.

ключения были освобождены 250 палестинцев, осужденных за различные преступления. 24 ноября правительство Израиля сообщило палестинцам, что не имеет возражений против открытия в Газе международного аэропорта.

Делая все эти шаги, израильтяне продолжали напоминать президенту США о том, что палестинцы уже более пяти лет (!) не выполняли своего обещания по отмене Палестинской хартии. Б. Клинтон продолжал призывать Я. Арафата созвать сессию Палестинского национального совета с целью пересмотра Палестинской хартии и исключения из нее положений об уничтожении Израиля, но Я. Арафат настойчиво уклонялся от этого. В ходе переговоров в Уай-Ривер Б. Клинтон придумал, как ему казалось, «хитроумный способ заставить Палестинский национальный совет одобрить изменения в Хартии». Б. Клинтон предложил Я. Арафату, что отправится вместе с ним в Газу, где выступит перед депутатами Палестинского национального совета (Palestine National Council), после чего Я. Арафат «попросит их поднятием руки или аплодисментами продемонстрировать одобрение внесенных в Хартию изменений». Спустя два месяца всё именно так и произошло, 14 декабря 1998 года такое «поднятие рук» в присутствии Б. Клинтона и имело место быть²²². Клинтон вспоминал: «Как раз перед тем, как я встал, чтобы начать свое выступление, почти все (!) делегаты подняли руки за то, чтобы исключить из Палестинской хартии призыв к уничтожению Израиля». Президент был очень воодушевлен: «Ради одного этого стоило совершить поездку. Казалось, мы услышали вздох облегчения в Израиле; хотелось верить в то, что израильтяне и палестинцы смогут мирно жить на одной земле и у них будет общее будущее. Я поблагодарил делегатов, выразив надежду на то, что их народ увидит реальные преимущества мирной жизни, и попросил их продолжать мирный процесс».

Проблема, однако, состояла в том, и президент США никак не мог не знать об этом, что эта процедура полностью противоречила самой Палестинской хартии, статья 33 которой гласила: «Исправления, вносимые в Хартию, могут быть приняты только большинством в две трети голосов всех членов Национального совета ООП на специальном заседании, созванном для этой цели». Ни одно из двух сформулированных в Хартии условий выполнено не было: о том, что заседание ПНС созывается именно для этой цели не объявлялось, но, главное, никто не считал ни сколько членов ПНС присутствовало в зале, ни набралось ли 2/3 голосов «за»; упомянутые Б. Клин-

²²² См.: Deborah Sontag, "Clinton Watches as Palestinians Drop Call for Israel's Destruction" // *New York Times*, December 15, 1998.

тоном «почти все» численным показателем считаться не могут. Более того: перед голосованием не было объявлено, за что конкретно предлагается «поднимать руки»; не было роздано и не было озвучено ни списка предлагаемых к отмене статей, ни исправленного текста Хартии. Присутствующим было предложено «поднять руки» за «отмену статей Палестинской хартии, противоречащим подписанным ООП договоренностям», без какой-либо конкретизации. Едва ли бы Б. Клинтон был готов на то, чтобы на съезде Демократической партии США, которую он возглавлял, хоть какое-то решение было принято вопреки уставу, простым «поднятием рук» собравшихся в зале людей, которые даже не знают, за что именно они голосуют. Однако в Палестинском национальном совете произошло именно это, после чего Б. Клинтон заявил израильским руководителям, что палестинцы свои обязательства выполнили, статьи, призывающие к уничтожению Израиля, из Палестинской хартии якобы отменены. В тот же день госсекретарь М. Олбрайт, однако, объявила, что, по мнению США, палестинцы выполнили основное требование израильтян, и теперь именно израильтяне должны делать ответные шаги, то есть идти на новые уступки.

На следующее утро после выступления перед Палестинским законодательным советом Б. Клинтон встретился с Б. Нетаньяху и Я. Арафатом на пограничном пункте Эрез в надежде придать новый импульс реализации соглашений, достигнутых в Уай-Ривер, и обсудить возможности перехода к переговорам об окончательном урегулировании. «Менее чем через два месяца после триумфа в Уай-Ривер переговоры снова зашли в тупик, — констатировал Б. Клинтон. — Несмотря на то что кабинет Нетаньяху одобрил соглашение, правящая коалиция его не поддержала, что практически лишило израильского премьера возможности осуществить вывод войск с передаваемых палестинцам территорий и освободить заключенных, как предусматривалось этим документом, а также перейти к более трудной заключительной стадии переговоров, на которой должен был решиться вопрос о создании палестинского государства и превращении восточной части Иерусалима в его столицу». Б. Клинтон замечает, что премьер-министр Израиля был «задумчивым и подавленным. Он пошел на большой политический риск в Уай-Ривер, и теперь его будущее находилось под вопросом. Трудно было сказать, к чему приведет этот риск — к длительному миру для Израиля или к отставке его правительства»²²³. Второе предположение оказалось более верным: менее чем через неделю правительство Б. Нетаньяху распалось из-

²²³ Bill Clinton, *My Life*, pp. 832–833.

нутри, и 21 декабря 1998 года Кнессет проголосовал за самороспуск и проведение досрочных выборов парламента и премьер-министра 17 мая 1999 года. Как не без оснований указывал Акрам Хание, входивший в состав палестинской делегации на переговорах в Уай-Ривер, «Клинтон противостоял Нетаньяху, эффективно способствовав его падению»²²⁴. В этом смысле влияние Б. Клинтона на отстранение от власти Б. Нетаньяху было сравнимо с влиянием Дж. Буша-ст. на проигрыш выборов 1992 премьер-министром И. Шамиром. Не приходится удивляться, почему Б. Нетаньяху, став в 1999 году главой правительства Израиля во второй раз, держался с президентом Б. Обамой и госсекретарем Х. Клинтон, супругой столь хорошо знакомого ему 42-го президента США, настороже.

²²⁴ Akram Hanieh, "The Camp David Papers" // *Journal of Palestine Studies*, vol. 30, no. 2 (2001), pp. 75–97, цитата на стр. 78.

Глава 21

**Большой провал: Э. Барак, Б. Клинтон,
тупик в переговорах с Х. Асадом и крах проекта
достижения постоянного урегулирования палестино-
израильского конфликта, 1999–2000 гг.**

17 мая 1999 года Беньямин Нетаньяху проиграл бывшему начальнику Генерального штаба ЦАХАЛа Эхуду Бараку (во втором правительстве И. Рабина он был министром внутренних, а во втором правительстве Ш. Переса — иностранных дел) прямые выборы на пост главы правительства Израиля. Когда стало известно о том, что Э. Барак получил 56,1% голосов избирателей, Б. Нетаньяху объявил о своем временном уходе из политики. Вскоре после этого главой партии «Ликуд» (как тогда ошибочно казалось многим, сугубо временным) был избран Ариэль Шарон. В этот раз исход выборов в Израиле соответствовал ожиданиям и надеждам Б. Клинтона. Эхуд Барак оставался премьер-министром чуть более полутора лет, но это время было чрезвычайно насыщенным, вследствие чего даже этот короткий период представляется разумным разделить на три части.

1. Первые полгода: попытка тотального блицкрига

Уже 2 июля, еще до того, как он представил сформированное им правительство Кнессету и заручился его доверием (это случилось только 6 июля), Э. Барак позвонил Я. Арафату, с тем чтобы предложить ему встретиться как можно скорее. Министром иностранных дел Э. Барак по причинам сугубо предвыборных договоренностей был вынужден назначить Д. Леви, человека ему ни с какой стороны не близкого, поэтому фактически выработкой внешнеполитического курса и ведением ключевых переговоров глава правительства занимался сам.

Уже 11 июля Э. Барак и Я. Арафат встретились на КПП Эрез, после чего премьер-министр полетел в США. 15 июля, а затем еще раз 19 июля Э. Барак провел переговоры с президентом Б. Клинтонем в Белом доме. Готовность Э. Барака подыграть Б. Клинтону не знала пределов. Как известно, 24 марта 1990 года в Сенате, а затем 24 апреля 1990 года в палате представителей была принята резолюция, признающая Иерусалим столицей Государства Израиль. Спустя пять лет, 24 октября 1995 года, обе палаты Конгресса проголосовали за закон (Jerusalem Embassy Act of 1995), требовавший перевода в Иерусалим американского посольства не позднее 31 мая 1999 года. Закон был принят подавляющим большинством голосов: в Сенате за него голосовали 93 человека, против — всего 5, в палате представителей — 374, против — всего 37²²⁵. Понимая, что, если он наложит вето, оно будет с легкостью преодолено, Билл Клинтон подписал этот документ, который 8 ноября 1995 года приобрел силу Закона. *С тех пор прошло почти двадцать лет, и все эти годы президенты США, мотивируя это ни разу не конкретизированными соображениями национальной безопасности, отказываются выполнять Закон, принятый Конгрессом; посольство США остается в Тель-Авиве. Вместо того чтобы настаивать на том, что Иерусалим — столица Израиля и посольство «главного стратегического союзника» должно находиться там, Эхуд Барак, встречаясь 20 июля с лидерами Конгресса, наоборот, просил их не требовать немедленного введения в действие Закона о перевода посольства в Иерусалим!* Тот факт, что новый премьер-министр Израиля в ходе своего первого визита в этом качестве в США был готов настолько далеко пойти в борьбе за интересы администрации в арабском мире (а только опасения возражений с этой стороны были причиной нежелания выполнять принятый Конгрессом Закон), был, конечно, отмечен и в Белом доме, и в Госдепартаменте с большим удовлетворением.

Президент США и новый премьер-министр Израиля определили, что мирные переговоры должны быть закончены в течение года и трех месяцев. Заметим, что срок действия соглашений «Осло» к тому времени уже закончился, с международно-правовой точки зрения после 4 мая 1999 года наступил вакуум. В этой связи первейшая задача, которая стояла перед сторонами, — согласовать некий документ, который должен был стать мостиком от эпохи «Осло» к той, к которой стремились прийти Б. Клинтон и Э. Барак. 27 июля Э. Барак и Я. Арафат встретились вновь на КПП Эрез, чтобы обсудить вопро-

²²⁵ Голосование №496 в Сенате от 24 октября 1995 г., голосование №734 в палате представителей, 104-й Конгресс США, данные по оригиналам протоколов.

сы реализации положений Меморандума Уай-Ривер и пролонгации периода, на который распространялись договоренности «Осло».

2 сентября госсекретарь М. Олбрайт прибыла в Иерусалим для согласования последних деталей нового промежуточного документа, который должны были подписать Э. Барак и Я. Арафат. 4 сентября в присутствии М. Олбрайт, президента Египта Х. Мубарака и короля Иордании Абдаллы II премьер-министр и министр обороны Израиля Э. Барак и глава ПНА и ООП Я. Арафат подписали в Шарм-аль-Шейхе это соглашение, полное название которого — Шарм-аль-Шейхский Меморандум о графике осуществления отложенных обязательств по подписанным соглашениям и о возобновлении переговоров о постоянном урегулировании. От палестинцев при этом ничего не требовалось, все обязательства, которые были характеризованы как «отложенные», нес Израиль. Как верно охарактеризовал позицию Я. Арафата Б. Клинтон, глава ПНА «просто ждал, пока не получит наилучшее из возможных предложений по таким проблемам, как территория, аэропорт, дороги и освобождение заключенных, от Израиля, а взамен обещал приложить все усилия по обеспечению его безопасности»²²⁶. По этому Меморандуму Израиль брал на себя обязательство до 5 сентября 1999 года перевести 7% территории Западного берега из зоны С в зону В; до 15 ноября 1999 года — перевести 2% территории из зоны В в зону А и еще 3% — из зоны С в зону В; и, наконец, до 20 января 2000 года — перевести 1% территории из зоны С в зону А и еще 5,1% — из зоны В в зону А. Кроме того, Э. Барак согласился на освобождение 350 заключенных в два этапа, второй из которых должен был быть реализован к 8 октября 1999 года²²⁷. 5 сентября 21 голосами «за» и лишь двух «против» Шарм-аль-Шейхский Меморандум был утвержден правительством Израиля, а 8 сентября — Кнессетом. Уже 9 сентября Израиль освободил 199 палестинских заключенных, а 10 сентября передал 7% территории Западного берега под гражданский контроль властей ПНА. 15 сентября Палестинская администрация передала Израилю поименный список тридцати тысяч трудоустроенных ею полицейских.

16 сентября Я. Арафат и Э. Барак провели новый раунд переговоров. 5 октября стороны подписали протокол о создании «безопасного коридора» между Газой и Западным берегом. 25 октября эта до-

²²⁶ Bill Clinton, *My Life*, p. 911.

²²⁷ Официальное название документа на англ. яз., на котором он был подписан, — *The Sharm el Sheikh Memorandum on Implementation Timeline of Outstanding Commitments of Agreements Signed and the Resumption of Permanent Status Negotiations*. Указанные обязательства Израиля оговорены в статьях 2 и 3 этого Меморандума.

рога была открыта. 15 октября Израиль дополнительно освободил 151 палестинского заключенного. 1 ноября президент Б. Клинтон провел переговоры в Осло с Э. Бараком и Я. Арафатом по поводу переговоров об окончательном урегулировании. Э. Барак и Я. Арафат также провели приватные переговоры. Б. Клинтон встретился с обоими еще раз на следующий день.

Несмотря на это, безопасность и мир оставались для израильтян лишь призрачными надеждами. 5 сентября 1999 года террорист-смертник совершил взрыв в автобусе в Твери, 7 ноября 1999 года бомба взорвалась на углу двух людных улиц в прибрежном городе Нетания. Ничего, однако, не могло остановить Э. Барака: буквально на завтра, 8 ноября, представители Израиля и Палестинской администрации начали переговоры о Рамочном соглашении об окончательном урегулировании [Framework Agreement on Final Status]. 9 ноября Э. Барак и Я. Арафат встретились в Париже на XXI Конгрессе Социалистического интернационала, а 14 ноября встретились еще раз. Им, однако, не удалось достичь соглашения по поводу следующей стадии переговоров.

В этих условиях Э. Барак принял решение приостановить переговоры с палестинцами, обратив свои взоры на Хафеза Асада. Цена была известна — полное отступление с Голанских высот, но о том, что И. Рабин под давлением Дж. Буша-ст. согласился на это, Э. Барак, бывший тогда начальником Генерального штаба ЦАХАЛа, хорошо знал, и его это не останавливало. Э. Барак, как и Б. Нетаньяху до этого, стремился связать отступление с Голанских высот во имя достижения мира с Сирией с одновременным подписанием мирного договора с Ливаном. При этом, в отличие от Б. Нетаньяху, над которым не висел никакой дамоклов меч, кроме американского давления, Э. Барак еще до выборов обещал вывести силы ЦАХАЛа из Южного Ливана, вследствие чего подписание соглашения с Сирией, в то время де-факто контролировавшей Ливан, становилось для него задачей первостепенной важности.

2. Вторые полгода: фиаско на сирийском направлении и вывод войск из Южного Ливана

Об изменении своего курса Э. Барак немедленно информировал американцев, и уже 17 ноября, будучи с визитом в Турции, президент Б. Клинтон провел в Стамбуле переговоры с Э. Бараком по поводу параметров сирийско-израильских переговоров. На следующий день Э. Барак и Д. Леви встретились с госсекретарем М. Олбрайт. 8 дека-

бря госсекретарь прибыла в Иерусалим и вновь встретила с ними. Поняв, что Э. Барак готов на полное отступление с Голанских высот и страстно заинтересован в достижении соглашения с Сирией, вследствие чего будет готов на масштабные уступки, американцы оценили шансы на успех этих переговоров как высокие. В свете этой оценки руководители администрации и Госдепартамента хотели, чтобы переговоры прошли в США, а не где-либо в Европе или на Ближнем Востоке, чтобы плоды глобального лидера миротворчества достались именно американской дипломатии. Изначальным местом ведения переговоров был выбран Вашингтон.

Б. Клинтон хорошо знал, что Х. Асад — не А. Садат и даже ради полного восстановления суверенитета над землями, потерянными его страной в ходе Шестидневной войны в июне 1967 года, не пойдет на какие-либо решительные шаги, свидетельствующие о воле к мирному сосуществованию с Израилем. Описывая свой визит в Дамаск, состоявшийся еще в октябре 1994 года, Б. Клинтон писал: «Я хотел дать понять Асаду, что поддерживаю усилия по заключению мира между Сирией и Израилем на основе резолюций ООН №242 и 338 и что, если соответствующее соглашение будет достигнуто, я готов всеми силами способствовать улучшению отношений с его страной. ... Моя встреча с Асадом не имела ощутимых результатов, но я услышал от него несколько обнадеживающих намеков на то, каким образом можно было бы двигаться вперед». Непонятно, как Б. Клинтон пришел к выводу: «Было очевидно, что он [Асад] хотел мира», ибо ответ сирийского президента на мирные инициативы президента США был резко отрицательный: «Когда я предложил ему отправиться в Израиль, чтобы, обратившись к Кнессету, сделать шаг навстречу гражданам этой страны, как это сделал Ануар Садат, стало ясно, что на это он никогда не пойдет. Асад был человеком умным, но педантичным и очень осторожным. Он предпочитал находиться в безопасности в своем великолепном мраморном дворце в Дамаске, занимаясь повседневными делами. Пойти на большой политический риск, полетев в Иерусалим, было для него чем-то невообразимым»²²⁸. Сирийские руководители ни разу не проявили готовность к нормализации отношений с Израилем; было совершенно непонятно, на что Израиль может рассчитывать взамен за уход со стратегически столь важных и уже заново обжитых Голанских высот. Это, однако, не казалось американцам существенной проблемой; готовность нового израильского премьера к значительным уступкам сама по себе была в их глазах шансом, который нельзя было упускать.

²²⁸ Bill Clinton, *My Life*, p. 625.

Хотя Б. Клинтон и Э. Барак заявили, что израильско-сирийские переговоры не повлияют на переговоры, которые велись между Израилем и Палестинской администрацией, последняя, естественно, была уверена в обратном, и не без оснований²²⁹. Совершенно очевидно, что при наличии у Израиля мирных договоров с Египтом и Иорданией, заключение таких соглашений еще и с Сирией и Ливаном трансформировало бы арабо-израильский конфликт в сугубо палестино-израильский, причем палестинцы не смогли бы рассчитывать на реальную поддержку ни одной из приграничных стран. Э. Барак тоже отлично понимал это и во многом именно поэтому принял решение интенсифицировать переговоры с Х. Асадом при фактическом замораживании диалога на палестинском направлении. Впрочем, к счастью для палестинцев, Х. Асад, которого Генри Киссинджер назвал «арабским Бисмарком», стремился избежать заключения сепаратного мирного договора, продолжая настаивать, что соглашение с Израилем возможно только при условии полного выполнения им резолюций Совета Безопасности ООН №242 и 338 в их толковании арабскими странами.

Э. Барак, однако, считал, что сможет убедить Х. Асада принять логику сепаратного двустороннего соглашения. 13 декабря премьер-министр сообщил членам правительства, что соглашение с Сирией может быть подписано уже в течение ближайших нескольких недель. Обращаясь к Кнессету, Э. Барак прямо заявил, что Израилю придется заплатить высокую цену за мир с Сирией. При голосовании вотума недоверия, выдвинутого в этой связи оппозицией, правительство Э. Барака поддержали только 47 из 120 депутатов; еще 31 проголосовали «против», 24 — воздержались, 18 — отсутствовали. Несмотря на такую отнюдь не очевидную поддержку и наличие Закона о Голанских высотах 1981 года, который никто не отменял, 15 декабря представители Израиля и Сирии возобновили переговоры в Вашингтоне. Хотя Израиль представлял лично глава правительства Эхуд Барак, с сирийской стороны прибыл лишь министр иностранных дел Фарук аль-Шараа. Этот раунд переговоров прошел под личным патронажем Б. Клинтона и продлился два дня.

Американские дипломаты не скрывали своих надежд на скорое завершение израильско-сирийских переговоров, которые были возобновлены в совсем небольшом городке Шепердстаун (Shepherdstown) в штате Западная Вирджиния, США в начале января 2000 года. Б. Клинтон пишет, что мог туда добираться из Белого дома

²²⁹ См.: Hussein Agha and Robert Malley, "Camp David: The Tragedy of Errors" // *The New York Review of Books*, vol. 48, no. 13 (August 9, 2001).

примерно за двадцать минут. Президент лично отправился в Шепердстаун, для того чтобы официально открыть эти переговоры. По его словам, «Эхуд Барак... начал терять терпение из-за разногласий с Арафатом по поводу статуса Иерусалима и уже давно сказал мне, что готов вернуть Сирии Голанские высоты, если Израиль сохранит там свою радиолокационную станцию раннего обнаружения и контроль над одной третью водных запасов Тивериадского озера, которое также называют Галилейским морем»²³⁰. В Израиле, как известно, принято иное наименование — озеро Кинерет.

«Барак стремился заключить мир с Сирией, выражая уверенность в том, что это решаемая задача, — замечал Б. Клинтон, скромно упоминая: — К январю я уже более трех месяцев работал над подготовкой переговоров с министром иностранных дел Сирии Фаруком аль-Шараа лично и с президентом Асадом по телефону. Он был болен и хотел вернуть Голаны при своей жизни. ... Асад предполагал сделать преемником своего сына Башара и в дополнение к своему убеждению, что Сирии нужно вернуть назад все земли, принадлежавшие ей до 4 июня 1967 года, должен был заключить такое соглашение, которое одобрили бы те силы в стране, в чьей поддержке нуждался его сын».

Болезнь Х. Асада и инфаркт, перенесенный министром иностранных дел Ф. аль-Шараа осенью 1999 года, побудили Б. Клинтона и Э. Барака действовать интенсивнее. Президент США послал Х. Асаду письмо, в котором указывал, что, по его мнению, Э. Барак согласится заключить соглашение, если будут достигнуты договоренности о демаркации границы, контроле над водными запасами Тивериадского озера и создании радиолокационной станции раннего предупреждения на Голанских высотах. Э. Барак и Б. Клинтон надеялись, что, получив назад Голаны, у Х. Асада больше не будет стимула оказывать содействие боевикам из «Хизбаллы», которые атаковали Израиль со своих баз в Ливане. Э. Барак тоже хотел достичь мирного соглашения с Ливаном (как указывалось в одной из предыдущих глав, договор, подписанный 17 мая 1983 года, не был ратифицирован и не вступил в силу), потому что собирался вывести оттуда израильские войска. Как верил Э. Барак, мирное соглашение обезопасило бы Израиль от нападения отрядов «Хизбаллы» с территории Ливана и в то же время позволило бы избежать впечатления, что Израиль вывел свои войска из-за этих атак. При этом и израильским, и американским руководителям было очевидно, что никакое соглашение с Ливаном недостижимо без участия и согласия Сирии.

²³⁰ Здесь и далее цит. по: Bill Clinton, *My Life*, pp. 883–888.

«Начало переговоров в Вашингтоне было трудным, так как Шараа сделал агрессивное публичное заявление», — признавал Б. Клинтон. Сирийцы требовали *начать* с того, на чем остановились переговоры в 1995 году, — а именно с устно высказанной готовности И. Рабина вернуться к границам 1967 года при условии, что будут удовлетворены некоторые требования Израиля в сфере обеспечения безопасности и водных ресурсов. Израильские уступки, в 1995 году казавшиеся максимально возможными и сделанные в полной тайне от израильского общества и парламента, на переговорах в конце 1999 — начале 2000 года, стали восприниматься как уже согласованная начальная точка, от которой и требовалось проявлять дальнейшую «гибкость». Видя, что переговоры могут взорваться, едва начавшись, президент Б. Клинтон решил, что именно он будет устанавливать, в каком порядке будут рассматриваться различные проблемы: определение границы, безопасность, распределение запасов пресной воды и мирный договор. Интересно, как вели себя американцы: по свидетельству президента Б. Клинтона, «Мадлен Олбрайт и Деннис Росс пытались придумать какой-нибудь хитрый способ выяснить, намерен ли Барак выполнять тайное обязательство Рабина». И в этот раз ключ к успеху американцы видели в давлении на израильских участников переговоров.

Хотя Э. Барак и настаивал на том, чтобы переговоры начались как можно раньше, его не могли не беспокоить политические последствия отдачи Голанских высот. Он хотел получить какое-то «прикрытие»: возобновление переговоров по Ливану с сирийцами при участии ливанцев; заявление, по крайней мере, одного из лидеров арабских государств о нормализации отношений с Израилем; предоставление Соединенными Штатами четких гарантий безопасности, а также согласие на создание демилитаризованной зоны свободной торговли на Голанах. Понимая внутривнутриполитические трудности, перед которыми стоял Э. Барак (не забудем, что фракция возглавлявшейся им Партии Труда состояла из всего 24 депутатов Кнессета), 19 декабря 1999 года Б. Клинтон позвонил Х. Асаду и попросил его одновременно с обсуждением вопроса о Голанах возобновить переговоры по Ливану и помочь вернуть Израилю останки трех его воинов, которые уже двадцать лет числились пропавшими без вести во время войны в Ливане. Удовлетворить вторую просьбу Х. Асад вроде бы согласился, и в Сирию была делегирована команда судебно-медицинских экспертов, которые, однако, не обнаружили останков там, где они, по предположениям израильтян, должны были находиться. По первому вопросу Х. Асад дал уклончивый ответ, заявив, что переговоры по Ливану возобновятся только в том случае, если будет до-

стигнут определенный прогресс в двусторонних израильско-сирийских переговорах. Вести переговоры по урегулированию ситуации в Ливане параллельно с переговорами об условиях израильского отступления с Голанских высот Х. Асад был не готов, фактически держа и Ливан, и Израиль в заложниках.

Х. Асад хотел получить обратно всю территорию Голанских высот, по свидетельству Б. Клинтона, соглашаясь оставить Израилю небольшую полосу земли шириной лишь примерно десять метров на самом берегу озера Кинерет. Понимая, что защитить столь узкую полосу земли и удерживать ее невозможно, члены израильской делегации настаивали на том, чтобы эта зона была расширена. Х. Асад требовал, чтобы Израиль покинул Голанские высоты в течение восемнадцати месяцев, Э. Барак же считал минимальным сроком эвакуации три года (не забудем, что на тот момент в одном только городе Кацрин, строительство которого было начато в 1974 году, проживали более шести тысяч человек). Кроме того, Э. Барак и сопровождавшие его члены делегации считали крайне желательным, чтобы на станции раннего оповещения на Голанских высотах могли работать сотрудники-израильтяне, сирийцы же соглашались лишь на то, чтобы ее обслуживали американцы или персонал ООН. Израиль требовал гарантий относительно количества и качества воды, которая поступает с Голанских высот в Тивериадское озеро, и Сирия давала на это согласие, но при условии, что получит аналогичные гарантии для воды, поступающей с территории Турции, что было крайне затруднительно гарантировать, учитывая, что турецкие представители никак не были вовлечены в переговоры, шедшие в Шепердстауне. Израильтяне также, естественно, хотели установления полноценных дипломатических и торговых отношений между двумя странами, считая, что они могут быть установлены сразу же, как только начнется вывод войск, сирийцы же утверждали, что если это и может произойти, то только после полной передачи Голанских высот под их контроль.

На пятый день переговоров в Шепердстауне американцы представили проект мирного соглашения, в котором в скобках были указаны различия в позициях сторон. Сирийцы согласились, чтобы полоса, проходящая по берегу озера Кинерет, была расширена с десяти до пятидесяти метров, если Израиль примет за основу для обсуждения границу, существовавшую до 4 июня 1967 года. При этом вся территория плато Голан должна была быть возвращена Сирии. Однако даже эта готовность сирийской делегации на сугубо символическое расширение пограничной полосы (что такое пятьдесят метров и как их оборонять в случае необходимости?!) подвигла Мадлен Олбрайт

и Денниса Росса заявить Эхуду Бараку, что Сирия якобы «проявила невиданную гибкость и пошла навстречу Израилю, вследствие чего он должен ответить тем же». Э. Барак же вполне оправданно стремился обеспечить тишину на самой беспокойной из израильских границ — ливанской (прошло еще шесть с половиной лет, и именно на этой границе вспыхнула следующая арабо-израильская война), призывая сирийцев согласиться на возобновление переговоров по Ливану. Однако, как признал Б. Клинтон, «Шараа даже слышать об этом не хотел», обвинив премьер-министра Израиля в том, что он был «неискренен». Б. Клинтон возобновил давление, о чем пишет, не скрывая: «Во время последнего совместного ужина я снова попытался заставить Барака сделать позитивное заявление, на которое Шараа мог бы сослаться, вернувшись в Сирию. Барак отказался, заявив мне потом в неофициальной беседе, что после того как мы покинем Шепердстаун, я могу позвонить Асаду и сообщить ему о согласии израильского лидера на границу 1967 года, как только возобновятся переговоры по Ливану или будет установлена дата их проведения». Однако когда Б. Клинтон позвонил Х. Асаду, передав ему эти слова Э. Барака, президент Сирии, выслушав эту информацию, никак ее не прокомментировал. Через несколько дней Фарук Шараа позвонил Мадлен Олбрайт и отверг предложение Эхуда Барака, заявив, что сирийцы начнут переговоры по Ливану только после того, как будет достигнуто соглашение о демаркации границы между Израилем и Сирией. Требования Э. Барака были более чем разумными, если целью переговоров было не просто заставить Израиль отступить, но обеспечить более мирное и безопасное будущее региона. Однако, к сожалению, ни президент США, ни госсекретарь не поддержали эту позицию.

Предпринимая, как оказалось, последнее усилие, чтобы продвинуть вперед переговорный процесс между Израилем и Сирией, президент Б. Клинтон 26 марта 2000 года встретился со смертельно больным Х. Асадом в Женеве (10 июня 2000 года Х. Асад скончался). «Наша команда работала над тем, чтобы Барак сделал конкретные предложения Сирии и передал их через меня», — рассказывал позднее президент США, не скрывая, что надеялся на то, что «Израиль проявит гибкость»²³¹; в переводе с дипломатического языка это означало готовность к новым уступкам. Президента США сопровождали Мадлен Олбрайт, Деннис Росс и сотрудник Совета национальной безопасности Роберт Малли, который вел протокол. Б. Клинтон сообщил Х. Асаду, что по сравнению с позицией, заявленной в Ше-

²³¹ Bill Clinton, *My Life*, pp. 903–904.

пердстауне, Э. Барак теперь соглашался на более узкую полосу земли вокруг Тивериадского озера — 400 метров, сокращение числа персонала на радиолокационной станции и более быстрый вывод израильских войск. «Асад даже не дал мне договорить, — не скрыл Б. Клинтон. — Он был очень взволнован и, отказавшись от обещаний сирийцев в Шепердстауне, сказал, что не отдаст ни пяди земли и хочет иметь возможность, сидя на берегу озера, болтать ногами в воде. Мы два часа пытались уговорить его, но безуспешно». Даже в этой ситуации Б. Клинтон продолжал во всем обвинять Израиль, утверждая, будто «непреклонная и жесткая позиция Израиля на переговорах в Шепердстауне и публикация рабочих документов в израильской прессе скомпрометировали Асада, и он перестал нам верить». «Непреклонной и жесткой» Б. Клинтон, напомним, называет позицию, включавшую согласие на полный уход Израиля с Голанских высот. Что же касается претензий о публикации деталей готовящегося соглашения в израильской прессе, уместно спросить президента страны, заслуженно гордящейся своими более чем двухсотлетними демократическими традициями, неужели, по его мнению, граждане Израиля, в том числе и сами жители Голанских высот, которых по этому документу ждала принудительная эвакуация, не имели права знать, что именно обсуждалось главой правительства их страны в Шепердстауне?! При этом Б. Клинтон не требовал от Х. Асада ни вывести сирийские войска из Ливана, ни прекратить поддержку «Хизбаллы» и ХАМАСа, глава которого Халед Машаль проживал тогда в Дамаске, ни прекратить отношения с Ираном, деструктивно влиявшие на всю систему региональной безопасности. Его почти единственной целью было добиться израильского ухода с Голанских высот, хотя сам по себе этот шаг, будучи очень травматичным для израильского общества, едва ли мог бы способствовать установлению безопасного мира не только в регионе в целом, но даже, и только, на северных рубежах Государства Израиль.

Когда переговоры с сирийцами закончились провалом, Э. Барак принял решение об одностороннем выводе израильских войск из Южного Ливана. Правительство утвердило решение об этом 5 марта 2000 года, установив, что вывод войск должен быть завершен до июля; в реальности силы ЦАХАЛа были выведены из Южного Ливана 24 мая. Надежда Э. Барака вывести войска в рамках полноценного мирного договора между Израилем и Ливаном реализована не была, и это случилось прежде всего из-за вето, наложенного сирийцами на процесс ливано-израильского мирного урегулирования. Э. Барак, однако, счел, что войска из Южного Ливана могут быть выведены и в одностороннем порядке. При этом в Израиле надеялись, что дру-

жественная Армия Южного Ливана сохранится и после вывода израильских войск, однако она распалась в тот же день, а тысячи ее бойцов бежали в Израиль, опасаясь мести и расправы со стороны ливанской армии и особенно боевиков «Хизбаллы». На этом сирийский блицкриг Эхуда Барака и Билла Клинтона закончился.

3. Третьи полгода: крах переговоров с ПНА и начало второй интифады

Отдав приоритет переговорам с сирийцами, Эхуд Барак не отказывался от выполнений обязательств, взятых им на палестинском направлении. 5 января 2000 года Израиль передал Палестинской администрации 3% территории Западного берега из зоны С в зону В и еще 2% — из зоны В в контролируемую Палестинской администрацией зону А.

17 января Э. Барак встретился с Я. Арафатом с целью добиться отсрочки согласованного в Шарм-аль-Шейхе предельного срока заключения т.н. Рамочного соглашения об окончательном урегулировании (по предшествующим договоренностям срок этот должен был завершиться 15 февраля 2000 года), однако палестинский лидер ответил отказом. 3 и 7 февраля Э. Барак и Я. Арафат встречались вновь, 8 марта с ними обоими встретился Деннис Росс, а 9 марта — Хосни Мубарак; эти переговоры прошли в Шарм-аль-Шейхе. Однако основные переговоры проходили в США. С 21 по 28 марта израильские и палестинские представители вели переговоры на одной из баз военно-воздушных сил около Вашингтона. К концу марта Израиль передал под полный контроль ПНА 6,1% территории Западного берега, прежде входившую в зону В. После этого Палестинская администрация стала полностью контролировать 18,2% территории Западного берега (зона А), а еще 21,8% территории оказались под гражданским палестинским и израильским военным контролем (зона В)²³².

3 апреля 2000 года в Израиль прибыл министр обороны США Уильям Коэн (William Sebastian Cohen). Неожиданно для своих израильских собеседников он потребовал, чтобы Израиль отменил соглашение с Китаем о поставке в эту страну системы дальнего радиолокационного обнаружения «Фалькон» (“Falcon”), созданной на предприятиях израильской военно-воздушной промышленности.

²³² Забегая вперед, укажем, что, хотя с тех пор прошло уже более четырнадцати лет, ПНА и поныне подконтрольны те же территории, никаких существенных изменений в этом вопросе не произошло. В то время, однако, предполагалось, что развитие событий пойдет по совсем другому сценарию.

«История эта весьма поучительная, — рассказывал позднее депутат Кнессета Эфраим Сне, бывший в то время заместителем министра обороны Израиля (министром числился лично глава правительства Э. Барак). — Израильский военно-воздушный комплекс приобрел российский самолет “Илюшин-76”, с тем чтобы установить на нем новый радар и систему обнаружения. Общая стоимость самолета составляла 250 миллионов долларов, причем большая часть этой суммы была уже заплачена. У китайцев была “опция” на покупку еще четырех самолетов. Идея этой сделки возникла еще в 1995 году, когда у власти находилось правительство Рабина. Сделка начала осуществляться в 2000 году, когда огромный самолет с большим параболическим зеркалом радиолокатора на тыльной части был выставлен на всеобщее обозрение в аэропорту им. Бен-Гуриона. В начале 2000 года в Конгрессе США разразилась буря. Сделку с Китаем назвали ударом в спину Америки на том основании, что поставка самолета поставила бы под угрозу жизнь американских пилотов. В брифингах, представленных руководству Конгресса и Сената сотрудниками Пентагона, доставка “Фалькона” в Китай была подана как угроза военному балансу в Восточной Азии и интересам США. Все было подано таким образом, что создавалось впечатление, что любой из тех, кто поддержит Израиль, своей поддержкой ударит по национальным интересам США. “Лучшие друзья” Израиля, преимущественно главы еврейских общин, не могли позволить себе не присоединиться к осуждению Израиля за осуществление этой сделки. Потому что поступи они иначе, они бы тем самым продемонстрировали преданность Израилю, а не своей собственной стране. ... В США было достигнуто такое единодушие в осуждении Израиля, как в парламенте, так и в общественном мнении, что премьер-министр Барак был вынужден сказать разъяренным китайцам, что “на данном этапе мы не можем продолжить реализацию этого проекта”. Таким образом, был нанесен неимоверный ущерб престижу нашей оборонной промышленности. При этом сумма компенсации, которую нам пришлось выплатить китайцам, составила 350 миллионов долларов.

Что до самой этой истории, то все обвинения в адрес Израиля были беспочвенны. США знали о предстоящей сделке еще в 1996 году и вдруг решили ее осудить в 2000 году. ... Это громоздкая система раннего оповещения, оборонительная по своей природе. ... Что до угрозы жизни американским пилотам, то ВВС США располагают средствами нейтрализации китайского “Фалькона” дальнего радиуса действия, с безопасного расстояния. Вся история была затеяна лишь для того, чтобы нанести ущерб израильской оборонной промышленности в целом и военно-воздушной — в частности. В результате репутация израильской военно-воздушной промышленности сильно пострадала, и сегодня ее кли-

енты требуют гарантий того, что сделка не будет отменена вследствие политического давления. Нанесен значительный ущерб израильско-китайским отношениям, прежде носившим более тесный характер»²³³.

Вызывает лишь удивление, что, несмотря на этот острый кризис, премьер-министр Израиля, одновременно бывший министром обороны и знавший в мельчайших подробностях обо всем, описанном выше, продолжал вести переговоры о различных возможных израильских уступках под патронажем президента США. 11 апреля Э. Барак вновь прибыл в Вашингтон, где был принят Б. Клинтоном в Белом доме. Поняв, что шансов на успех израильско-сирийских переговоров больше нет, руководители двух стран договорились о том, что основной упор будет сделан на переговоры с палестинцами. 7 мая Э. Барак и Я. Арафат встретились в Рамалле. В ходе этой встречи глава правительства Израиля пообещал, что Израиль передаст под полный контроль Палестинской администрации три арабские деревни, расположенные в непосредственной близости от Иерусалима. 15 мая правительство проголосовало за перевод деревень Абу-Дис, Азария и Савара-аль-Шаркия в зону А. Однако этого не случилось: 21 мая, после очередного совершенного палестинцами террористического акта, Эхуд Барак принял решение отложить реализацию этого решения, а также отозвал из Стокгольма тогдашнего министра внутренней безопасности Израиля Шломо Бен-Ами, который втайне от израильского общества и Кнессета вел в столице Швеции переговоры с видными руководителями ПНА Ахмедом Курей и Хасаном Асфуром²³⁴. Решение это не прошло бесследно. По словам Б. Клинтона, «Арафат почувствовал себя ущемленным, когда израильтяне сконцентрировали свое внимание на переговорах с сирийцами, и был зол из-за того, что Барак не выполнил своих прежних обязательств по передаче под управление палестинцев ряда территорий на Западном берегу, включая деревни в окрестностях Иерусалима»²³⁵.

Обеспокоенный происходящим, Б. Клинтон срочно пригласил Э. Барака на встречу; в напряженном графике президента время на

²³³ Цит. по: Эфраим Сне, *Навигация в опасной зоне. Израильская стратегия мира и безопасности* (Москва: «Олимп», 2005), стр. 132–134 [пер. с англ.].

²³⁴ Об этих переговорах сам министр рассказал в книге: Шломо Бен-Ами, *Фронт без тыла: осознывая границы мирного процесса* (Тель-Авив: «Едиот ахронот», 2004 [на иврите]). К сожалению, в существенно переработанном издании книги на английском языке автор посвятил переговорам в Стокгольме лишь отдельные страницы: Shlomo Ben-Ami, *Scars of War, Wounds of Peace: The Israeli-Arab Tragedy* (Oxford: Oxford University Press, 2006), pp. 252–253.

²³⁵ Bill Clinton, *My Life*, p. 911.

нее нашлось только в ходе визита в Португалию, в столице которой руководители США и Израиля и встретились 1 июня. Опасаясь, что не только израильско-сирийские, но и израильско-палестинские переговоры, начатые Э. Бараком за год до этого столь многообещающе, закончатся крахом, президент США предложил идею проведения саммита в Кемп-Дэвиде по модели, принесшей успех Джимми Картеру: в том же месте два лидера (только в этот раз не М. Бегин и А. Садат, а Э. Барак и Я. Арафат) под патронажем американской команды, руководимой лично президентом США, должны были вести переговоры до победного конца.

5 июня госсекретарь М. Олбрайт и специальный посланник президента Д. Росс провели переговоры в Израиле с Э. Бараком и в Газе с Я. Арафатом с целью подготовить саммит. Планировалось, что он пройдет в конце июня.

События имели, однако, не только некоторую динамику, но и контекст. Чем больше в израильском обществе и в Кнессете узнавали об уступках, на которые соглашался пойти Э. Барак в ходе переговоров, тем меньше политических сил были готовы оставаться в руководимой им правительственной коалиции. 7 июня 2000 года Кнессет принял в предварительном чтении закон о самороспуске, причем за него голосовали 61 депутат, а против — только 48. Закон этот в итоге принят не был, но это было внятное предостережение, к которому, однако, ни Э. Барак, ни Б. Клинтон не прислушались. При этом Э. Барак считал, что, если он представит гражданам Израиля всесторонний мирный план, они примут его при условии, что будут обеспечены интересы безопасности, гарантирована защита религиозных и культурных памятников и святынь в Иерусалиме, палестинцы откажутся от требования предоставить им безусловное и неограниченное право на возвращение в Израиль и заявят о завершении конфликта. Палестинцы, однако, не прекращали террор, ни разу не заявили о готовности отказаться от концепции права на возвращение беженцев 1948 года и их потомков во всех поколениях и не дали никаких причин надеяться на собственную готовность к завершению конфликта.

27 июня госсекретарь М. Олбрайт как ни в чем не бывало вновь прибыла в регион для проведения переговоров с Э. Бараком и Я. Арафатом по поводу тройственного саммита. 5 июля президент Б. Клинтон объявил, что саммит в Кемп-Дэвиде начнется 11 июля. Однако буквально накануне саммита 9 июля правительство Э. Барака покинули Национальная религиозная партия, сефардская традиционалистская партия ШАС и правоцентристская партия Исраэль ба'алия во главе с Натаном Щаранским. Министр иностранных дел Давид Леви, не подавая на тот момент в отставку (однако 4 августа случилось и

это), заявил, что не поедет на переговоры в Кемп-Дэвид. Нельзя сказать, что именно это предопределило провал переговоров, но совершенно очевидно, что члены израильской делегации, в которую, кроме самого Э. Барака, входили министры Шломо Бен-Ами, Дан Мери-дор, Амнон Липкин-Шахак (1944–2012) и другие, чувствовали себя людьми, не имеющими минимально необходимой политической поддержки в своей стране. Кроме того, они не могли не задаваться вопросом о том, как достигнутые ими договоренности — а о том, что саммит может закончиться без достижения договоренностей, не задумывался, кажется, никто — будут утверждены в Кнессете, прекрасно понимая, что позволить себе стать страной, парламент которой отверг предлагаемый главой государства мирный договор, мог в 1983 году Ливан, но не может Израиль. В результате существенную часть времени в ходе саммита Эхуд Барак проводил в предоставленном ему американцами домике, делая звонки в Израиль, чтобы удержать от распада правящую коалицию.

Как бы там ни было, саммит в Кемп-Дэвиде начался 11 июля 2000 года; открывал его лично президент Б. Клинтон. Об этом саммите написано очень много²³⁶, в том числе и автором настоящей книги²³⁷, однако, учитывая огромное значение этих переговоров, от которых Ближний Восток, если называть вещи своими именами, не оправился до сих пор, избежать рассмотрения этой темы на страницах настоящей книги совершенно невозможно.

Я. Арафат прибыл на переговоры, ожидая очень многого: он хотел получить как можно больше территорий на Западном берегу и в Газе, в идеале — сто процентов, что требовало эвакуации всех созданных там еврейских поселений, включая города Маале-Адумим и Ари-

²³⁶ Выделим прежде всего воспоминания участников с израильской и палестинской стороны: Benny Morris and Ehud Barak, "Camp David and After" // *The New York Review of Books*, vol. 49, no. 10 (June 13, 2002); Gilead Sher, *The Israeli-Palestinian Peace Negotiations, 1999–2001* (London: Routledge, 2006) и Akram Hanieh, "The Camp David Papers" // *Journal of Palestine Studies*, vol. 30, no. 2 (2001), pp. 75–97. Многократно цитировавшиеся выше книги Билла Клинтона и Денниса Росса обстоятельно суммируют американскую перспективу. Из исследовательской литературы особого внимания заслуживают: Charles Enderlin, *Shattered Dreams: The Failure of the Peace Process in the Middle East, 1995–2002*, pp. 177–260, а также информативная, хотя и несбалансированная книга Clayton Swisher, *The Truth about Camp David: The Untold Story about the Collapse of the Middle East Peace Process* (New York: Nation Books, 2004).

²³⁷ Алек Д. Эпштейн, «Опыт прошлого и драмы настоящего. Политическая психология палестино-израильских переговоров об окончательном урегулировании конфликта», в книге *Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), стр. 11–67.

эль. Я. Арафат требовал также установления полного палестинского суверенитета над Храмовой горой и Восточным Иерусалимом, за исключением отдельных районов, где жили только евреи; Восточный Иерусалим — и только его — он видел столицей Палестинского государства. Что же касалось вопроса о палестинских беженцах, Я. Арафат был готов только к такому решению проблемы, которое не заставило бы его отказаться от их права на возвращение. При этом Я. Арафат угрожал, что, если мирное соглашение не будет подписано самое позднее до сентября 2000 года, он объявит о создании Палестинского государства в одностороннем порядке.

Очень интересно проанализировать, что именно президент Б. Клинтон считал «уступками», на которые Я. Арафат должен был решиться. Цитируя президента, «если мы хотели добиться результата, Арафат должен был сам пойти на компромисс по конкретным вопросам: он мог или получить сто процентов земли на Западном берегу, или меньшую территорию, но неограниченное право на возвращение палестинцев». Президент США считал приемлемым вариант, при котором Израиль должен был передать под палестинский контроль *всю* территорию Иудеи, Самарии и Иорданской долины, что требовало эвакуации четверти миллиона (!) жителей созданных там Израилем населенных пунктов. Не говоря уже о тяжелой эмоциональной травме для огромного количества людей, подобное развитие событий привело бы к необходимости выплачивать компенсации, размер которых был бы непосильным для бюджета страны, все население которой составляло в то время лишь семь с половиной миллиона человек.

Э. Барак согласился пойти на беспрецедентные уступки по Иерусалиму и вопросам, связанным с отступлением с большей части территории Западного берега. Эти уступки не только прямо противоречили действовавшему тогда — и остающемуся в силе до сих пор — Основному закону о Иерусалиме — столице Израиля, но и разительно контрастировали с тем изложением своей позиции, которую сам Э. Барак представил в Кнессете 10 июля, то есть лишь *накануне* отъезда в Кемп-Дэвид! Среди четырех сформулированных им условий первым значилось: «Объединенный Иерусалим под израильским суверенитетом»²³⁸. Однако в обмен на уступки Э. Барака по Иерусалиму и территориальным вопросам палестинцы, со своей стороны, не сделали ни единого шага навстречу. 16 июля даже терпение Б. Клинтона было на исходе, и он сказал Я. Арафату, что если он ничего не

²³⁸ Политический доклад Эхуда Барака в Кнессете, 10 июля 2000 г. [на иврите].

предложит израильтянам в ответ на их уступки, то он завершит переговоры, сообщив о своем отказе от их проведения. Через некоторое время Я. Арафат вручил президенту США письмо, в котором говорилось, что если он будет удовлетворен решением иерусалимской проблемы, то готов выслушать предложение израильтян о том, какие земли они хотят сохранить для своих поселений, и договориться о справедливом соглашении по обмену территориями; никаких критериев того, какое соглашение он будет считать справедливым, Я. Арафат не сформулировал, в его письме вообще не было никаких минимально конкретных обязательств. Однако президент США отнес это письмо Э. Бараку и провел много времени, убеждая его принять и это. «Наконец Барак согласился, что письмо Арафата имеет определенное значение, — удовлетворенно суммировал Б. Клинтон, сломивший еще одного израильского премьера. — По сути, он [Эхуд Барак] дал мне добро на то, чтобы вести от его имени переговоры об Иерусалиме и о Западном берегу и заключить приемлемое для него соглашение». Б. Клинтон не стал терять время зря: утром 18 июля он встретился с Арафатом и сказал ему, что палестинцы могут рассчитывать на 91% территории Западного берега и, по крайней мере, символическую компенсацию за счет территорий рядом с Газой и Западным берегом; на возможность сделать своей столицей Восточный Иерусалим; суверенитет над мусульманскими и христианскими кварталами Старого города и районами, прилегающими к Восточному Иерусалиму; право осуществлять планировку и зонирование в других районах восточной части города и наблюдать за соблюдением там законов, а также на опеку, но не суверенитет над Храмовой горой. Я. Арафат, однако, отклонил и это предложение из-за того, что не получал суверенитет над всем Восточным Иерусалимом, включая Храмовую гору. Спустя сутки Б. Клинтон снова попытался убедить Я. Арафата принять сделанное им предложение об израильских уступках, но глава ООП и ПНА опять ответил отказом. «Израиль пошел гораздо дальше, чем он, а Арафат даже не хотел принять его предложения как основу для будущих переговоров, — сокрушался Б. Клинтон. — Складывалось впечатление, что переговоры зашли в тупик, причем в очень неприятной ситуации».

Однако коль скоро Я. Арафат говорил «нет», а американцы стремились к успеху саммита, чего бы это ни стоило, то они требовали от Израиля всё новых уступок. Вскоре Б. Клинтону стало ясно, что «реального контроля над Храмовой горой и всем Восточным Иерусалимом Арафату было недостаточно без слова “суверенитет”». Делая, по его словам, «последнюю уступку» (вскоре окажется, что и она была отнюдь не последней), президент США предложил Я. Арафату «по-

пытаться уговорить Барака на полный суверенитет для палестинцев над пригородами Восточного Иерусалима, ограниченный суверенитет над его внутренними районами и “опеку” над Храмовой горой»²³⁹. Обращает на себя внимание, что президент США считал себя вправе делать Я. Арафату предложения об израильских уступках до того, как на эти уступки соглашались пойти члены израильской делегации, но вождь палестинской революции отверг и это предложение, оказавшись не в силах перейти от эпохи противостояния к эпохе мирного урегулирования. В своем заявлении для прессы Б. Клинтон сделал вывод, что в данный момент стороны не могут прийти к соглашению из-за исторических, религиозных, политических и эмоциональных аспектов конфликта. Э. Барак высказался чуть более конкретно, прямо сказав, что позиция Я. Арафата по вопросу Иерусалима стала причиной того, что соглашение не было подписано.

Упомянув различные идеи и предложения, обсуждавшиеся сторонами, Э. Барак сказал, что работа саммита строилась на основе принципа «ничего не согласовано, пока всё не согласовано»²⁴⁰. Это, однако, не совсем соответствовало истине: Б. Клинтон оставался президентом еще полгода, на протяжении которых он продолжал усилия по выработке соглашения между премьер-министром Э. Барак и главой ПНА Я. Арафатом. При этом все уступки, на которые израильские представители дали согласие на той или иной стадии переговоров, на следующих стадиях уже воспринимались как сделанные, но недостаточные, что, в свою очередь, становилось причиной новых витков давления. 18 августа 2000 года Деннис Росс провел новый раунд переговоров с Эхудом Барак и Саибом Арикатом, 6 сентября в Нью-Йорке Билл Клинтон встретился (по отдельности) с Эхудом Барак и Ясиром Арафатом, 12–13 сентября Шломо Бен-Ами дважды встретился с Мадлен Олбрайт, 25 сентября Эхуд Барак принимал у себя дома Ясира Арафата; по завершении этой встречи было объявлено о возобновлении палестино-израильских переговоров в Вашингтоне, новый раунд которых начался уже 26 сентября. Даже объявленная Я. Арафатом 29 сентября новая интифада, названная им интифада Аль-Акса, что должно было создать лживое впечатление, будто Израиль покушается на эту святыню мусульманского мира, расположенную на Храмовой горе в Иерусалиме, не остановила это поступательное движение под откос. Гибли люди, как евреи (отметим, что с 29 сентября по 31 декабря 2000 года палестинский

²³⁹ Bill Clinton, *My Life*, p. 916.

²⁴⁰ Statement by Prime Minister Barak regarding the Camp David Summit, 25 July 2000, в антологии *Israel's Foreign Relations*. Vol. 18, 1999–2001, док. 147.

террор унес жизни 44 израильтян, еще 263 были ранены), так и арабы, переговоры же о «мире» продолжались с прежней интенсивностью. 4 октября М. Олбрайт встретила с Э. Бараком и Я. Арафатом в Париже, 16 октября Б. Клинтон и Х. Мубарак вновь организовали саммит в Шарм-аль-Шейхе с участием Э. Барака и Я. Арафата (на этом форуме стороны договариваются прекратить насилие, но глава ПНА не делает ничего для того, чтобы остановить инициированную им вторую интифаду), 1 ноября Ш. Бен-Ами, прибыв на встречу с М. Олбрайт в Вашингтон, прямо сказал, что происходящее на Западном берегу и в Газе — не народное восстание, а вооруженная борьба против Израиля. 2 ноября с Я. Арафатом встретился патриарх израильской политики Ш. Перес, но и после этого никаких изменений не последовало. 12 ноября Э. Барак приезжает в Вашингтон, где его принимает Б. Клинтон. Глава правительства Израиля находился в отчаянном положении: вместо мирного договора с Сирией, Ливаном и палестинцами, на которые он рассчитывал, он получил лишь новый виток антиизраильского насилия, террора и подстрекательства, при этом в Кнессете коалиция не имела большинства, и досрочные выборы стали вопросом ближайшего будущего. 10 декабря Эхуд Барак объявил о своей досрочной отставке; новые прямые выборы главы правительства были назначены на 6 февраля 2001 года. Э. Барак, таким образом, стал главой переходного правительства, при этом социологические опросы прочили ему сокрушительное поражение на выборах. Так, собственно, и случилось, разница между Эхутом Барак и ставшим победителем выборов Ариэлем Шароном составила почти 25% голосов (62,3% против 37,6%)!

Понимая, что глава правительства Израиля находится в крайне уязвимом с политической точки зрения положении («Барак начал проигрывать Шарону», — указывал президент), и осознавая, что большинство и в стране, и в Кнессете выступало резко против тех уступок, которые Билл Клинтон предлагал Ясиру Арафату «от имени» Эхуда Барака, президент США, однако, пошел на решающий, как он верил, марш-бросок, обнародовав 23 декабря 2000 года новые предложения о «параметрах» продолжения переговоров. «Эти условия были разработаны в результате широких неофициальных консультаций с каждой из сторон после завершения переговоров в Кэмп-Дэвиде», — сообщил Б. Клинтон. В этом документе президент США предложил Израилю передать палестинцам от 94 до 96% (!) территории Западного берега, а также компенсировать от 1 до 3% территорий, которые не передавались палестинцам, за счет суверенной территории Государства Израиль в пределах «зеленой черты». По проблеме безопасности президент сказал, что израильские вой-

ска должны быть выведены с этих территорий в течение трех лет и постепенно заменены международными миротворческими силами. Кроме того, небольшой израильский контингент мог остаться в долине реки Иордан, но еще только на три года и лишь под контролем международных сил. Новое Палестинское государство должно было считаться «демилитаризованным», но могло обладать внушительными силами безопасности, суверенитетом над воздушным пространством, но с учетом оперативных нужд Израиля и его потребности в тренировочных полетах, а безопасность границ Палестинского государства и сдерживание потенциальных агрессоров должны были обеспечить международные силы. По проблеме Иерусалима Б. Клинтон рекомендовал, чтобы арабские районы отошли палестинскому государству, а еврейские — Израилю; палестинцы должны были получить суверенитет над Храмовой горой, а израильтяне — над Западной стеной Иерусалима («Израильтяне были обязаны отдать Восточный Иерусалим и часть Старого города», отчетливо констатировал президент США). Б. Клинтон также сказал, что Палестинское государство должно стать родиной для людей, покинувших страну во время войны 1948 года и позже, что не исключало возможности применения к некоторым из них израильских законов и постановлений. Б. Клинтон рекомендовал оказать беженцам международную помощь, выплатив им компенсацию и помогая строить жилье в новом Палестинском государстве, в районах, которые будут ему переданы, в тех странах, где они сейчас проживают, или — обратим на это внимание! — в Израиле.

Б. Клинтон верно оценил, что в том положении, в котором он находился, Э. Барак был готов практически на всё. Хотя израильтянам предстояло в виде компенсации передать палестинцам даже больше земель на Западном берегу и участков территории, чем предлагал Э. Барак в качестве своей «последней уступки», правительство Израиля согласилось и на это. «Это решение действительно было историческим: израильское правительство заявило, что ради достижения мира оно дает согласие на создание Палестинского государства, которое займет примерно 97% территории Западного берега с учетом компенсированных территорий и всю Газу, где у израильтян тоже имелись поселения», — восхищался Б. Клинтон своими дипломатическими успехами²⁴¹. Однако Я. Арафат ответил отказом даже на предложение принять этот мирный план. Контакты между сторонами так или иначе продолжались до 28 января, когда, видя, что результаты опросов общественного мнения не становятся бо-

²⁴¹ См.: Bill Clinton, *My Life*, pp. 936–938.

лее благоприятными, и воспользовавшись очередной антиизраильской речью Ясира Арафата в Давосе, Эхуд Барак принял решение прекратить переговоры с ПНА. Ему это, повторим, не помогло, 6 февраля 2001 года он был отстранен с поста главы правительства после всего менее чем двух лет правления. Вторая каденция Билла Клинтона закончилась еще раньше; 20 января 2001 года в Белый дом въехал новый, 43-й, президент США – Джордж Буш-младший. Миротворческий блицкриг Билла Клинтона оставил после себя интифаду, террор, завышенные ожидания и полное отсутствие политического урегулирования, как с ПНА, так и с Сирией и Ливаном. Но решать эти проблемы предстояло уже не Эхуду Бараку, а генералу в отставке Ариэлю Шарону, избранному 6 февраля 2001 года новым главой правительства Израиля.

ЧАСТЬ VIII.

**ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ:
АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
ПРИ ДЖ. БУШЕ-МЛ., 2001—2008 ГГ.**

Глава 22

Палестино-израильские противоречия под сенью терактов 11 сентября и Второй Иракской войны: А. Шарон и администрация Дж. Буша-мл., 2001–2003 гг.

В ходе предвыборной кампании Республиканская партия, кандидатом которой являлся Дж. Буш-мл., заявляла о своем намерении снизить уровень своей международной вовлеченности и уделять основное внимание внутривнутриполитическим, а не внешнеполитическим проблемам. Суммируя позицию новой администрации по вопросам, касавшимся ближневосточного переговорного процесса, профессор Университета Сан-Франциско Стефен Занс отмечал, что президент и госсекретарь К. Пауэлл выступают за то, чтобы стороны самостоятельно взаимодействовали в поисках взаимоприемлемых для них параметров урегулирования²⁴². Пожалуй, это был основной вывод из восьмилетних усилий Б. Клинтона: впервые за долгие годы американская администрация хотела не расширить, а сократить собственную вовлеченность в арабо-израильские дипломатические контакты.

20 марта 2001 года в Вашингтоне состоялась первая встреча новых руководителей двух стран. До этого они встречались в Израиле, в 1998 году, когда А. Шарон был министром иностранных дел в первом правительстве Б. Нетаньяху, а Дж. Буш-мл. — губернатором штата Техас. Эта поездка оставила у Дж. Буша весьма яркие впечатления, его потрясли географические размеры Израиля (он явно ожидал увидеть страну куда большей площади), а Ариэль Шарон, бывший гидом делегации в ходе облета территории Израиля на вертолете, покорила Дж. Буша-мл. наличием тех черт, которые сам он особенно ценил в людях. Однако в Израиль в качестве президента за пять лет

²⁴² См.: Stephen Zunes, "The Bush Administration & the Israeli-Palestinian Stalemate" // *Foreign Policy in Focus* (Washington), October 1, 2001.

пребывания А. Шарона на посту главы правительства Дж. Буш-мл. не приезжал ни разу, все их встречи состоялись в США.

У Дж. Буша-мл. были самые близкие отношения с израильским премьером в сравнении со всеми его предшественниками на посту президента США, вследствие чего он неоднократно подвергался критике со стороны тех, кто упрекал его в наивности и идеологической предвзятости, наносящих ущерб отношениям США с их союзниками, причем не только в арабо-мусульманском мире²⁴³. В сравнении с его отцом, а также Б. Клинтоном, Дж. Картером или Д. Эйзенхауэром отношение Дж. Буша-мл. к израильским интересам было существенно более чутким, особенно на декларативно-символическом уровне. Вместе с тем и в годы правления Дж. Буша-мл. оба работавших с ним израильских премьера — и А. Шарон, и Э. Ольмерт — подвергались давлению, пусть и в меньшем объеме, чем их предшественники. Период правления Дж. Буша-мл., особенно его первая президентская каденция, отличали беспрецедентные события, имевшие непосредственное отношение к Ближнему и Среднему Востоку, но лишь опосредованно касавшиеся Израиля, однако эти события (основные из них — террористическая атака 11 сентября 2001 года, вторжение в Афганистан и Вторая Иракская война) серьезно влияли на динамику американской вовлеченности в арабо-израильский конфликт и на собственно американо-израильские отношения.

1. Мертворожденные усилия: от Комиссии Митчелла — к Плану Тенета

После избрания Ариэля Шарона вооруженная борьба палестинцев против Израиля становилась все более ожесточенной. Попытки американской дипломатии остановить эскалацию конфликта не принесли ожидаемых результатов: устная договоренность о прекращении огня, достигнутая 17 октября 2000 года в Шарм-аль-Шейхе между Э. Бараком и Я. Арафатом, никак не отразилась на реальных событиях. Американская администрация не сказать, чтобы очень активно, но пыталась оказать воздействие на стороны, но серия террористических актов свела на нет возможность достижения договоренностей. 14 февраля восемь израильтян убиты на выезде из Холона, 28 марта двое подростков погибли возле Кфар-Сабы, 9 мая двое подростков

²⁴³ Одним из первых примеров такой критики была статья: Jerome Slater, "Ideology vs. the national interest: Bush, Sharon, and US policy in the Israeli-Palestinian conflict" // *Security Studies*, Vol. 12, No. 1 (2002), pp. 164–206.

были найдены убитыми в Иудейской пустыне возле поселения Текоа, 18 мая пять человек погибли в торговом центре в Нетании, 1 июня 21 человек (почти все они — выходцы из России и Украины), двенадцать из которых не достигли и восемнадцатилетнего возраста, были убиты и 120 ранены у дискотеки в здании бывшего Дельфинариума на Тель-Авивском побережье. Террористические акты сводили на нет возможность какого-либо дипломатического продвижения.

Принимая Ариэля Шарона 20 марта 2001 года, Джордж Буш-мл. заявил, что его администрация «намерена сотрудничать со всеми государствами, чтобы дать миру шанс, и что США не будут оказывать давления на какую-либо из сторон». Указав, что США готовы активно работать над созданием условий для мира, президент тут же добавил, что США не будут пытаться навязать сторонам условия мирного соглашения²⁴⁴.

30 апреля 2001 года был представлен первый отчет, выводы которого должна была реализовывать новая администрация, хотя состав Комиссии, работавший над этим документом, был определен еще в октябре 2000 года, в период президентства Б. Клинтона. Комиссия, названная по имени ее главы, американского сенатора Джорджа Митчелла (George John Mitchell), была создана для расследования причин нового витка палестино-израильских столкновений (т.н. интифады Аль-Акса) и выработки рекомендаций для их прекращения и возобновления мирных переговоров; ее официальное название — *Sharm el-Sheikh Fact-Finding Committee*. Опубликованный Отчет Комиссии Митчелла содержал две главные рекомендации сторонам: руководство Палестинской национальной администрации (ПНА) должно приложить максимум усилий, чтобы подавить и осудить терроризм, а Израиль должен заморозить строительство и расширение еврейских поселений на занятых в 1967 году территориях. Комиссия также потребовала от ПНА начать сотрудничать с Израилем в сфере обеспечения безопасности²⁴⁵. Хотя Комиссия считалась международной, кроме Дж. Митчелла, в ее состав входил еще один американец — бывший сенатор Уоррен Б. Рудман (Warren Bruce Rudman, 1930–2012); трое других членов представляли соответственно Турцию, Норвегию и Испанию. Отчет был подан президенту Дж. Бушу-мл., и именно американская администрация курировала процесс в целом.

Госсекретарь Колин Пауэлл потребовал от Ариэля Шарона принять требования, выдвинутые в Отчете Комиссии Митчелла.

²⁴⁴ См.: “Sharon gets Bush’s backing” // *BBC News*, March 20, 2001.

²⁴⁵ “Sharm el-Sheikh Fact-Finding Committee Report”, April 30, 2001; цит. по копии оригинального документа.

На встречу с А. Шароном был делегирован посол США в Израиле Мартин Индик, которому премьер-министр сквозь зубы сказал «да», хотя в это самое время силы ЦАХАЛа вели антитеррористическую операцию в секторе Газа. 15 мая министр Дани Наве подал меморандум, состоявший из шестнадцати пунктов, в котором выражалось понимание проблем, поднятых в Отчете Комиссии Митчелла, правительством Государства Израиль. Среди прочего отмечалось, что, ведя акты антиизраильского насилия, палестинцы нарушили одиннадцать соглашений, подписанных ими с Израилем, начиная с 1993 года²⁴⁶. Что же касалось поселений, то в меморандуме утверждалось, будто «частью израильской политики уже является воздержание от основания новых поселений. Вместе с тем текущие и повседневные нужды развития этих общин должны быть приняты во внимание»²⁴⁷. Этот принцип стал основой официальной израильской политики на последующие годы. Тогдашний министр культуры и информации ПНА Ясер Абед-Рабо подал от имени ООП (именно так!) столь длинный меморандум с замечаниями и возражениями в отношении Отчета Комиссии Митчелла, что объем был едва ли не больше самого этого отчета²⁴⁸.

Госсекретарь К. Пауэлл обозначил видение администрации Дж. Буша-мл. по преодолению конфликта: сначала окончательное прекращение вооруженных столкновений, затем новый этап переговоров. А. Шарон требовал двухмесячного периода затишья как условие начала переговоров, палестинские руководители заявили, что достаточно и двух суток. Госсекретарь искал компромисс и нашел его куда ближе к палестинской позиции, чем к израильской, установив в ходе визита в регион в начале июля 2001 года «срок тишины» в одну неделю как условие, достаточное для возобновления переговоров.

С целью реализации этих договоренностей в июле 2001 года на Ближний Восток прибыл директор ЦРУ Джордж Тенет. По мнению американских дипломатов, заключение нового промежуточного соглашения должно было способствовать восстановлению атмосферы доверия в отношениях между Израилем и ПНА и скорейшему возобновлению мирных переговоров. План Тенета предусматривал, с одной стороны, отвод израильских войск на позиции, которые

²⁴⁶ Пункт 5 приложения к письму Д. Наве Дж. Митчеллу от 15 мая 2001 г. цит. по копии оригинального документа.

²⁴⁷ Пункт 12 приложения к письму Д. Наве Дж. Митчеллу от 15 мая 2001 г.

²⁴⁸ Official Response of the Palestine Liberation Organization to the Final Report of the Sharm El Sheikh Fact-Finding Committee, May 15, 2001.

стороны занимали до начала второй интифады, что подразумевало, главным образом вывод израильских сил из палестинских городов, куда они были введены с целью предотвратить совершение оттуда террористических вылазок. С другой стороны, на руководство ПНА налагалось обязательство не только прекратить использовать террористические методы и вести подстрекательскую пропаганду, но и арестовать боевиков ХАМАСа и «Исламского джихада», вовлеченных в террористическую деятельность против Израиля. Поименный список, включавший 120 фамилий наиболее опасных палестинских боевиков, был составлен израильскими спецслужбами. Кроме того, План Тенета требовал от палестинцев изъять у всех организаций и частных лиц незаконно хранящееся оружие, используемое для осуществления актов насилия против израильских граждан. Разумеется, практически ничего из этого сделано не было, а те немногие палестинские боевики, которые были показательно задержаны властями ПНА, были почти сразу же освобождены.

Палестинские руководители менее всего были склонны принять конкретный план, который продвигал директор ЦРУ. Рабочая встреча представителей сторон в Иерусалиме, прошедшая под председательством директора ЦРУ, была настолько контрпродуктивной, что в какой-то момент Джордж Тенет поднялся со своего места и заявил, что, в отсутствие шансов достичь соглашения, он не видит смысла в продолжении предъявления сторонами всё новых и новых взаимных обвинений. Не желая настраивать американцев против себя, представители каждой из сторон согласились работать над текстом соглашения, однако, когда оно было подготовлено, Я. Арафат отказался подписать его, хотя знал, что руководители Израиля согласились принять этот документ. В тот момент, когда автомашина директора ЦРУ США уже двигалась в сторону международного аэропорта имени Бен-Гуриона, Дж. Тенету позвонил Я. Арафат и попросил о новой встрече. Американский посланник развернул машину и вновь направился в Рамаллу. В результате глава ПНА заявил, что с оговорками согласен принять План Тенета²⁴⁹. Это позволило главе ЦРУ доложить президенту, что он не зря летал на Ближний Восток, однако практически ситуация после его отъезда ни в чем не изменилась к лучшему. Израильские граждане гибли всё в новых и новых терактах: 16, 24 и 26 июля, 5, 6 и 7 августа... 9 августа 15 человек, в том числе одна американская туристка, погибли и 130 были ранены взрывом, устро-

²⁴⁹ См.: Леонид Рудин, «План Тенета» // *MigNews*, 13 июня 2001 г.; Андрей Правов, «План Тенета: поддержан, но не принят» // *Независимая газета*, 14 июня 2001 г.

енным палестинскими боевиками в пиццерии «Сбарро» в самом центре Иерусалима...

Фактически *Отчет Комиссии Митчелла и План Тенета* оказались еще двумя мертворожденными документами, не имевшими никаких практических последствий, хотя это фиаско американская дипломатия делила со своими партнерами по Евросоюзу и НАТО (представителей других стран в составе Комиссии Митчелла не было). Американцы требовали от Израиля не только вывести войска из мест, где именно присутствие этих войск останавливало террор, но и обязаться прекратить всякую деятельность по развитию еврейских поселений в Иудее, Самарии, Иорданской долине и секторе Газа без того, чтобы палестинская сторона должна была пойти на какие-либо контролируемые и предметно очерченные встречные шаги.

В течение первого полугодия нахождения у власти администрация Дж. Буша-мл. была вынуждена во многом пересмотреть свою позицию в отношении ситуации на Ближнем Востоке. В момент прихода к власти команда Дж. Буша-мл. осознавала, что мирные переговоры между сторонами зашли в тупик при президенте Б. Клинтоне, и не желала продолжать заниматься делом, не без оснований считавшимся безнадежным. Американские политики призывали палестинцев и израильтян остановить насилие, но ничего не планировали в отношении возобновления переговоров. Однако в свете постоянного ухудшения ситуации администрация Дж. Буша-мл. фактически пересмотрела этот курс, и уже в мае 2001 года К. Пауэлл говорил о том, что основной целью Отчета Комиссии Митчелла являлся постепенный переход к переговорам об окончательном урегулировании. Хотя причастность членов ФАТХа и сотрудников палестинской полиции и сил безопасности к актам антиизраильского насилия была очевидной, и не было сомнений в том, что руководство ПНА не только не сделало ничего для их предотвращения, но в отдельных случаях даже стимулировало подобные акты, американские дипломаты вернулись к риторике «мирного процесса» и «уступок во имя мира».

2. Всё то же, всё так же: Дж. Буш-мл., К. Пауэлл и палестино-израильское противостояние после 11 сентября

Серия самых масштабных террористических актов в мировой истории, произошедшая 11 сентября 2001 года, поставила администрацию США перед необходимостью в кратчайшие сроки пересмотреть концепции внешней политики и международной безопасности. Пересмотр, однако, был куда менее значительным, чем можно было

ожидать, если читать многочисленные публикации неоконсервативных мыслителей, группировавшихся вокруг вице-президента Дика Чейни, чуть ли не о «четвертой мировой войне». По сути, будучи верным продолжателем дела своего отца и его предшественника, Дж. Буш-мл. принял решение вновь направить американские силы в страны, где они уже присутствовали в прошлом: в Ирак и в Афганистан. Связь этих стран, особенно Ирака, с террористическими актами 11 сентября доказана так и не была, а потому легитимность и целесообразность вторжения в эту страну многие специалисты, в том числе и автор этой книги, и поныне считают надуманными. Как бы там ни было, израильско-палестинский фланг оказался довольно далеко от основных объектов интереса американских руководителей на Среднем Востоке. В отношениях между Соединенными Штатами и Израилем в этот период в очередной раз наблюдалось определенное охлаждение. *В Америке доминировала концепция, согласно которой терроризм, направленный против американцев, и терроризм, направленный против израильтян, – это якобы «две принципиально разные вещи»:* в то время как первый вид терроризма, мишенью которого являются США, как утверждалось, не имеет политических целей, могущих быть предметом переговоров, потому бороться с ним можно исключительно силовыми методами, террор против граждан Израиля якобы направлен преимущественно на привлечение внимания к политическим вопросам, требующим рассмотрения, поэтому террор кончится только вследствие успеха «мирного процесса». Эта парадигма доминировала все годы правления Б. Клинтона, но и после 11 сентября и смены президента сотрудники Госдепартамента оставались в плену той же концепции. На всем протяжении восьмилетнего правления Дж. Буша-мл. Колин Пауэлл и Кондолиза Райс (в первую каденцию Дж. Буша она была советницей президента по национальной безопасности, во вторую – государственным секретарем) очень избирательно относили те или иные организации арабо-мусульманского мира к числу «террористических». А. Шарон ожидал от Дж. Буша-мл. радикальных шагов в отношении ПНА и лично Я. Арафата как сил, десятилетиями поддерживающих акты террора и насилия против Израиля и Запада, однако Госдепартамент США не внес ни ФАТХ, ни подчиненную лично Я. Арафату Службу безопасности в список террористических организаций. А. Шарон проявил в этой связи беспрецедентную стойкость и ни разу не встретился с Я. Арафатом, но этот курс прямо противоречил тогдашней американской политике, видевшей в ООП – основного легитимного представителя палестинского народа, имеющего право на свою государственность. Израильтяне, особенно принадлежащие к т.н. «национальному лаге-

рю», неустанно повторяли, что Израиль находится на переднем крае *той же самой* войны против террора, который угрожает и Соединенным Штатам. Американцы же воспринимали борьбу Израиля и те меры, которые принимали они сами, как в целом глубоко различные, не считая еврейское государство ни своим защитником, ни, условно говоря, громоотводом. Хотя меры, предпринятые американцами в рамках *их* борьбы с терроризмом, были зачастую несравнимо более жесткие, чем шаги, которые делал Израиль, американская дипломатия продолжала неустанно осуждать политику израильского правительства на палестинском направлении как наносящую чрезмерный урон жизни палестинских арабов.

По свидетельству Кондолизы Райс (Condoleezza Rice), бывшей тогда советницей президента по национальной безопасности и одной из самых близких к нему людей, Дж. Буш-мл. с самого начала поддерживал идею создания Палестинского государства, и теракты 11 сентября не поколебали эту позицию. В октябре 2001 года, когда он готовился к выступлению на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, которое было отложено на два месяца в связи с терактами в США 11 сентября 2001 года, было понятно, что его речь будет посвящена не только проблеме терроризма, но также будет касаться мирного процесса на Ближнем Востоке — эти вопросы в его глазах были неразрывно связаны между собой. Когда спичрайтер президента Майкл Герсон представил ему текст предлагаемого выступления, Дж. Буш-мл., ознакомившись с высказанными там требованиями о самоуправлении для палестинского народа, напрямую потребовал, чтобы в текст были внесены слова о необходимости создания Палестинского государства. Во время обсуждения выступления некоторые из его участников, в частности тогдашний заместитель К. Райс Стивен Хэдли (Stephen John Hadley), занявший ее должность, когда она стала госсекретарем, посчитали, что требования о создании Палестинского государства могут быть негативно восприняты в Израиле, однако президент настоял на том, что в своей речи выразит именно такую позицию²⁵⁰. Выступая в ООН 10 ноября 2001 года, Дж. Буш-мл. выразил надежду на то, что «два государства, Израиль и Палестина, будут жить в мире и безопасности во взаимно признанных границах»²⁵¹.

²⁵⁰ Condoleezza Rice, *No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington* (New York: Crown Publishers, 2011), pp. 87–89.

²⁵¹ Statement by President George W. Bush before the 56th regular session of the UN General Assembly on November 10, 2001 // *State Department Yearbook – 2001*, pp. 163–167, цит. фрагм. на стр. 166.

19 ноября 2001 года госсекретарь К. Пауэлл выступил с программной речью, в которой обозначил основные принципы политики новой администрации в отношении Израиля и палестинцев. По не до конца понятным причинам это важнейшее выступление состоялось не где-либо на Ближнем Востоке и даже не в Вашингтоне, а в университете Луисвилла в штате Кентукки²⁵². В опубликованной им в 2008 году книге А.Д. Миллер, занимавший в начале 2000-х годов в Госдепартаменте должность «старшего советника по арабо-израильским переговорам», назвал себя основным автором произнесенного госсекретарем текста²⁵³. Насколько известно, на русском языке это выступление полностью никогда не печаталось, что не может не вызывать сожаления, ибо именно в нем определены подходы, фактически остававшиеся в силе на всем протяжении правления Дж. Буша-мл., даже и после отставки самого К. Пауэлла с поста государственного секретаря.

К. Пауэлл начал с в целом искажающего действительность, но постоянно повторяемого как ритуальное заклинание утверждения о том, что «с самого момента основания Израиля Соединенные Штаты не перестают прилагать все усилия, направленные на поддержание и укрепление его безопасности». Далее прозвучал важный тезис о том, что «залог прочности американо-израильских отношений — общие демократические ценности и традиции, которые навеки объединяют оба государства». Указав, как и все его предшественники, что «Америка стремится к нормализации ситуации на Ближнем Востоке», госсекретарь изложил свои соображения, указав, что он обращается к «нашим [США] союзникам в Израиле и в арабском мире»: «Мы стремимся к тому, чтобы этот регион стал местом, где израильтяне и арабы могли бы жить в мире, безопасности и спокойствии, — говорил госсекретарь, добавляя: — Где два государства — Израиль и Палестина — существовали бы бок о бок в рамках признанных границ. Где у всех граждан была бы работа, позволяющая им обеспечивать себя, давала бы им крышу над головой и позволяла бы давать детям достойное образование. Где люди исповедовали бы свою религию в атмосфере взаимоуважения и терпимости. И где уважение к личности и верховенство закона крепили бы с каждым днем». Принято считать, что Дж. Буш-мл. впервые высказался в поддержку создания Государства Палестина в своем программном выступлении 24 июня

²⁵² Полный текст выступления К. Пауэлла был опубликован газетой *Gurdian* 20 ноября 2001 г.,

<http://www.theguardian.com/world/2001/nov/20/afghanistan.israel>

²⁵³ Aaron David Miller, *The Much Too Promised Land*, p. 337.

2002 года, однако важно заметить, что назначенный им госсекретарь озвучил этот тезис еще на семь месяцев ранее.

Более того, К. Пауэлл выступил и за прекращение существования режима израильского контроля на территориях, занятых в ходе Шестидневной войны, назвав этот режим «оккупационным» и потребовав положить ему конец: «Большинство сегодняшних палестинцев уже родилось в условиях оккупации. Подавляющее большинство жителей на Западного берегу и в Газы никогда не знали жизни без КПП, регулярных рейдов и актов насилия. С детства они видели, как разрушают их школы и унижают их родителей. ... Огромное количество невинных палестинцев было убито и ранено за эти годы. ... Ради общего блага израильтян и палестинцев оккупация должна быть прекращена».

К. Пауэлл полностью отмежевался от поселенческой деятельности Израиля на контролируемых территориях, резко осудив ее: «Строительство израильских поселений на оккупированных территориях резко подорвали надежду палестинцев на лучшее будущее. Эта политика Израиля фактически заранее предопределяет исход переговорного процесса и тем самым убивает все шансы на достижение полноценного мира. Соединенные Штаты давно выступают против строительства поселений. Учитывая содержание доклада, подготовленного Комиссией во главе с сенатором Джорджем Митчеллом, эта деятельность должна быть немедленно прекращена». Обратим на это внимание: госсекретарь не только потребовал прекратить всю деятельность по развитию еврейских поселений в Иудее, Самарии, Иорданской долине и секторе Газа, но и объявил именно ее как фактор, «убивающий все шансы на достижение полноценного мира». Палестинцы не могли надеяться услышать более однозначное выражение поддержки их позиции.

Представляется, что *концепция, согласно которой вследствие террористических атак, имевших место 11 сентября 2001 года, администрация США существенно ужесточила свою позицию по отношению к палестинцам не соответствует действительности: спустя всего два месяца после этого госсекретарь выступил в поддержку палестинской государственности и с резким осуждением оккупации и поселенческой деятельности Израиля, потребовав прекратить их. Стратегически госсекретарь поддержал основные положения именно палестинской, а отнюдь не израильской позиции, поэтому, скорее, здесь можно говорить о преемственности с основными положениями, которые отстаивал Б. Клинтон, чем о каком-либо существенном изменении подхода.*

От палестинского руководства и общества американцы требовали признать право израильтян «жить, не опасаясь террора и войны.

Палестинское руководство обязано приложить все усилия к тому, чтобы прекратить акты насилия и террора в отношении израильтян. И здесь нужны не слова, а конкретные шаги и реальные результаты. Террористы должны быть остановлены еще до того, как нападут. Палестинское руководство должно арестовывать и наказывать тех, кто причастен к террористическим актам. Оно должно следовать своим обязательствам по противодействию терроризму и нести ответственность за их несоблюдение».

Едва ли не основная мысль госсекретаря состояла в контрпродуктивности второй интифады для самих палестинских арабов: «Чем бы ни было вызвано негодование палестинцев на оккупированных территориях, сегодня интифада погрязла в бессмысленном насилии, направленном против Израиля. Палестинцам необходимо осознать, что, какими бы обоснованными и законными ни были их требования, их никто не может услышать, не говоря уже о том, чтобы удовлетворить их, когда они заявляются на языке силы. Террор и насилие должны быть прекращены прямо сейчас». Это были очень хорошие слова, проблема, однако, состояла в том, что палестинские руководители понимали, что в реальности дело обстояло прямо противоположным образом: израильские войска в мае 2000 года были полностью выведены с территории Ливана отнюдь не потому, что «Хизбалла» прекратила террор и насилие, а как раз потому, что она интенсифицировала их — и ЦАХАЛ и другие силовые структуры не смогли подавить очаги сопротивления. К. Пауэлл говорил: «Палестинцы должны понять, что насилие в отношении израильтян резко негативно повлияло на позицию Израиля», прямо после этого продолжая: «Линчевание израильских солдат в Рамалле, убийства израильского министра и невинных детей заставляют израильтян серьезно сомневаться в том, что палестинцы действительно стремятся к миру. Бесконечные подстрекательские сообщения, направленные против евреев и их государства, которыми полны и палестинские, и арабские СМИ, только усиливают опасения израильтян. Никто не может требовать мира, культивируя и поддерживая ненависть, которая способна привести только к новому насилию и жестокости». Логика, которой руководствовался госсекретарь, понятна и объяснима, однако палестинцы хорошо понимали, что могут рассчитывать на отступление израильских сил отнюдь не только тогда, когда израильтяне перестанут сомневаться в том, что «палестинцы действительно стремятся к миру», но и тогда, когда всякие надежды на мир будут в принципе оставлены. Госсекретарь США призывал Я. Арафата пойти путем А. Садата, утверждая, будто только этот путь позволит палестинцам получить под свой контроль те или иные тер-

ритории. Я. Арафат же понимал, что, кроме пути А. Садата, есть и путь «Хизбаллы», идя которым можно добиться такого же результата — полного отступления и вывода израильских сил, при этом ни на йоту не поступаясь принципами. «Палестинцы должны смириться с тем, что единственный путь к реализации их надежд лежит через переговоры. ... Единственный выход для обеих сторон — это прямые переговоры в спокойной и цивилизованной атмосфере», — увещевал К. Пауэлл. Однако как раз с этим палестинцы мириться не хотели, и в конечном итоге опыт ХАМАСа, добившегося полного вывода израильских сил из сектора Газа в августе 2005 года, о чем будет подробно рассказано далее, свидетельствует, что они были не так уж не правы, игнорируя американские призывы. Большая проблема Израиля состояла и состоит в отсутствии продуманной стратегии, долгосрочных целей и внятных «красных черт», что позволяет каждой из боевых организаций палестинского и ливанского сопротивления надеяться на то, что им удастся сломить Израиль на том или ином витке противостояния.

Основное отличие позиции Дж. Буша-мл. — К. Пауэлла от курса Б. Клинтона было не сущностным, а сугубо процедурным: Б. Клинтон, М. Олбрайт, Д. Росс и их сотрудники, как до них Г. Киссинджер и Дж. Картер, считали, что наиболее эффективным является ведение переговоров при активном вовлечении в них представителей США, тогда как К. Пауэлл выступил за преимущественно прямые переговоры между сторонами без посредников. При этом идейно-правовой основой этих переговоров К. Пауэлл назвал всё те же принципы резолюций №242 и 338 Совета Безопасности ООН, «в основу которых положена идея передачи территории в обмен на мир». Госсекретарь упомянул, что формула Мадридской конференции также подразумевает и достижение соглашений между Израилем и Сирией и Ливаном. *Фактически же речь шла не о реализации принципа «территории в обмен на мир», а о его замене принципам «территории в обмен на прекращение террора». Опыт второй интифады, начатой спустя семь лет после официального окончания интифады первой, отчетливо демонстрировал, что даже на символично-декларативном уровне прекращение насилия и террора могли быть явлениями сугубо временными, тогда как отдача тех или иных территорий — событие фактически необратимое. Так американская администрация поддержала принцип, фактически кардинально искаживший основы возможного палестино-израильского урегулирования.*

Еще одним значимым пунктом выступления Колина Пауэлла стало объявление о назначении Энтони Зинни (Anthony C. Zinni), бывшего главы Объединенного центрального командования армии

США²⁵⁴, специальным представителем США по вопросам арабо-израильских переговоров. Для кадровых дипломатов Госдепартамента это назначение стало сюрпризом, ибо с Э. Зинни они знакомы не были, так как никогда прежде он не привлекался к дипломатическим миссиям, связанным с палестино-израильской или вообще ближневосточной проблематикой. С одной стороны, это назначение могло свидетельствовать о значении, которое руководители Госдепартамента придавали миссии Э. Зинни: К. Пауэлл, сам в прошлом — председатель Объединенного комитета начальников штабов армии США, и его первый заместитель Ричард Армитэдж (Richard Lee Armitage), бывший в 1983–1989 годах заместителем министра обороны, назначили Э. Зинни, которого достаточно хорошо знали и которому доверяли. С другой стороны, назначение совершенно нового человека означало, что годы усилий признавались бессмысленными, и все начиналось с чистого листа. Кроме того, назначение специальным посланником человека, всю жизнь прошедшего в вооруженных силах, свидетельствовало, что его миссия заключалась исключительно в попытке добиться какого-то прогресса в сфере безопасности. Впрочем, чем именно должен был заниматься Э. Зинни, не понимал даже президент, поистине гротескно спросив в Овальном кабинете Белого дома своего же специального посланника, в чем состоит его миссия²⁵⁵.

Госсекретарь К. Пауэлл надеялся, что Э. Зинни удастся добиться реализации рекомендаций Дж. Тенета, но к апрелю 2002 года стало ясно, что события развиваются в противоположном направлении. 1 декабря 2001 года террористический акт в самом центре Иерусалима унес жизни десяти молодых израильтян, 180 человек были ранены, из них 17 — тяжело. Спустя сутки 15 человек были убиты и сорок ранены от взрыва, совершенного боевиками ХАМАСа на автобусной остановке в Хайфе. Еще десять человек погибли в ходе нападения террористов на рейсовый автобус 12 декабря, еще один пострадавший в ходе этого теракта скончался от ран позднее. 17 января 2002 года шесть человек погибли и еще 35 были ранены при нападении террористов на зал торжеств в Хадере, где отмечалось 12-летие одной девочки; ответственность за это злодеяние взяла на себя одна из бригад ФАТХа. 2002 год стал наихудшим с точки зрения числа жертв палестинского террора за всю историю Государства Израиль — по-

²⁵⁴ См.: В.П. Юрченко, «Объединенное центральное командование вооруженных сил США». Аналитическая справка // портал Института Ближнего Востока, 12 мая 2003 г.

²⁵⁵ Aaron David Miller, *The Much Too Promised Land*, p. 338.

гибли 452 человека. Нападения террористов следовали одно за другим, палестинские организации соревновались между собой, какая из них убьет больше израильтян, — и на эти нападения израильская армия и другие силовые структуры, конечно, отвечали. Всё это создало динамику, изменить которую Энтони Зинни оказался не в силах.

Хотя в день своего ухода с поста Билл Клинтон более чем подробно объяснил и Дж. Бушу-мл., и ставшему вице-президентом Д. Чейни, и К. Пауэллу, насколько бессмысленно надеяться на честность Я. Арафата и его «готовность к мирному урегулированию»²⁵⁶, в марте 2002 года Э. Зинни вновь прилетел на переговоры именно с ним. Проблема состояла не только в том, что даже непосредственно в период пребывания Э. Зинни в регионе палестинцы устраивали один теракт за другим: 17 марта в Израиле произошли сразу два теракта — один палестинец открыл огонь по прохожим, другой взорвал пассажирский автобус, 21 марта террорист-самоубийца взорвал себя на пересечении улиц Кинг-Джордж и Агриппас в Иерусалиме; ответственность за совершение этого теракта, в котором погибли семь человек и были ранены тридцать, взяла на себя организация «Бригады мучеников Аль-Аксы», входящая в состав ФАТХа. Главное было в том, что и сам Я. Арафат, и его приближенные, пусть и негласно, были лично вовлечены в организацию антиизраильской вооруженной деятельности, а также открыто демонстрировали таковой всяческую поддержку.

Среди документов, захваченных израильскими спецслужбами, были обнаружены три письма, в которых шла речь о перечислении денег палестинским боевикам, находившимся в розыске в Израиле. Согласно одному из писем, подписанном лично Я. Арафатом, 350 долларов были выданы Атефу Абайату, лидеру «Бригад мучеников Аль-Аксы» в городе Вифлееме. Это письмо было направлено 9 июля 2001 года. К тому времени Израиль уже обратился к Палестинской администрации с требованием выдать А. Абайата, которого подозревали в совершении убийств трех израильских граждан. Спустя три месяца после того, как он получил деньги, А. Абайат застрелил израильтянку рядом с Вифлеемом. 19 сентября 2001 года 600 долларов были перечислены трем командирам террористической организации «Танзим», спустя считанные месяцы после этого организовавшим нападение на зал торжеств в Хадере. Глава организации «Танзим» Маруан Баргути был в 2004 году признан судом виновным

²⁵⁶ Об этом рассказал сам Д. Чейни, выступая на заседании Совета по международным делам в Беверли-Хиллс в Калифорнии 14 января 2004 г., цит. в: Clayton Swisher, *The Truth about Camp David*, p. 404.

в убийстве пяти израильтян и личной причастности к организации четырех терактов. В распоряжение израильских спецслужб попало письмо М. Баргути Я. Арафату, направленное в январе 2002 года, с просьбой выплатить по тысяче долларов каждому из двенадцати боевиков его организации в районе Туль-Карем; в меньшем объеме, чем было запрошено, Я. Арафат эту просьбу удовлетворил, направив соответствующее поручение министру финансов ПНА²⁵⁷. Руководитель Службы общей безопасности Палестинской администрации Джибриль Раджуб назвал террористические ячейки, взявшие себе имя «Бригады мучеников Аль-Аксы», «самым выдающимся феноменом» за всю историю существования движения ФАТХ²⁵⁸.

Пожалуй, самым очевидным индикатором намерений Я. Арафата был корабль «Карин А», купленный в октябре 2001 года за четыреста тысяч долларов представителем Палестинской администрации Аделем Муграби, захваченный израильскими командос 3 января 2002 года. Капитаном судна был подполковник палестинской «морской полиции» Омар Ашауи, активист ФАТХа с 1976 года. Судно везло более пятидесяти тонн вооружения, полученного от Ирана, среди которого были «катюши», СВД, АК-47, РПГ, «саггеры», мины и другое. Покупка оружия была оплачена с ведома Фуада Шубаки, одного из ближайших приближенных Я. Арафата. Для маскировки груз оружия находился на «Карин А» под слоем гражданских товаров — одежды и обуви, электроприборов, матрацев, чемоданов и т.п. Напротив египетского порта Александрия оружие должно было быть перегружено на небольшие суда. Те должны были доставить его к берегам Газы. Когда Израилю стал известен объем перевозимого вооружения, было решено провести спецоперацию по захвату судна. Израильские командос подобрались к кораблю на резиновых лодках и захватили его, отбуксировав в Эйлат, где была устроена впечатляющая выставка оружия, купленного палестинцами для вооруженной борьбы против Израиля. На специальной пресс-конференции в Эйлате 6 января 2002 года глава правительства Израиля А. Шарон говорил: «Нет возможности ошибиться — это выбор, сделанный председателем Палестинской администрации. Арафат хочет покупать “катюши” вместо того, чтобы вкладывать средства в образование детей. Он выбирает для покупки минометы вместо вложения денег в создание рабочих

²⁵⁷ См.: Смадар Пери, «Тарифы террора: документы, захваченные в штабе Арафата» // *Едиот ахронот* [Последние известия], 29 апреля 2002 г. [на иврите]; Etgar Lefkovits, “Government’s ‘Arafat File’ shows how EU money was used for terror” // *Jerusalem Post*, May 6, 2002.

²⁵⁸ См.: “PA’s Rajoub hails militant Al Aqsa Brigades” // *Ha’aretz*, March 18, 2002.

мест. Он выбирает выделить десятки миллионов долларов на приобретение ракет, огнестрельного оружия и мин вместо того, чтобы инвестировать в благополучие своего народа. В то время, когда Арафат говорил, что его цель заключается в достижении мира, он посылал ответственного за военные приобретения в Палестинской администрации с целью приобретение боеприпасов в Иране»²⁵⁹. Никаких иллюзий у нового израильского руководства к тому времени уже не было. Насколько известно, и вице-президент Д. Чейни, и министр обороны Д. Рамсфельд не сомневались в личной ответственности Я. Арафата за всю сагу с судном «Карин А», вследствие чего в конце января президент Дж. Буш-мл. предоставил лидерам Саудовской Аравии, Иордании и Египта доказательства того, что Я. Арафат причастен к контрабанде оружия²⁶⁰.

*В марте 2002 года не было никаких сомнений в том, что высшие руководители ПНА активно вовлечены в антиизраильскую террористическую деятельность, но, несмотря на это, Э. Зинни, действуя от имени Госдепартамента*²⁶¹, *требовал от своих израильских собеседников видеть в Я. Арафате и его соратниках партнеров по переговорам по обеспечению безопасности. Абсурд был беспредельным, но шоу продолжалось уже не так активно, как прежде. В ответ на кровавый теракт, совершенный боевиком ХАМАСа против участников пасхальной трапезы и молитвы в гостиницы «Парк» в Нетании 27 марта 2002 года (тридцать человек погибли, 160 были ранены), Ариэль Шарон не поехал на очередной «саммит миротворцев» в Шарм-аль-Шейх, а начал операцию «Защитная стена», направленной на сокрушение баз террористических организаций в городах, переданных Израилем под контроль ПНА. Отказался А. Шарон и от продолжения танго с Я. Арафатом: с этого времени глава ПНА был лишен права на свободу передвижения, оставаясь исключительно в пределах своей резиденции в Рамалле, которая частично была разрушена*²⁶².

В отличие от Госдепартамента, где продолжали разыгрывать карту «необходимости израильских уступок во имя достижения мира», в Белом доме к действиям правительства А. Шарона относились в то время с известным пониманием. Миссия Зинни завершилась бесславно, но тихо.

²⁵⁹ Выступление А. Шарона на специальной пресс-конференции в Эйлате, 6 января 2002 г. [на иврите].

²⁶⁰ Barry Schweid, "Bush Gives Arabs Smuggling Evidence" // *Associated Press*, January 24, 2002.

²⁶¹ По воспоминаниям Э. Зинни, Дж. Буш-мл. при нем сказал К. Пауэллу, что это — «его [госсекретаря] детище».

²⁶² Я. Арафат смог покинуть Рамаллу лишь 29 октября 2004 года, направившись в госпиталь в Париж, где он и скончался 11 ноября 2004 года.

3. В тени Второй Иракской войны: Саудовское давление и выступление Дж. Буша

В этот момент инициативу перехватил другой влиятельный игрок. Так уже было во времена Ф.Д. Рузвельта, когда именно король Саудовской Аравии оказывал критическое влияние на выработку президентом США своей политики по палестинскому вопросу, и так случилось вновь. 17 февраля 2002 года наследный принц (ныне — король) Саудовской Аравии Абдалла выступил с мирной инициативой, которая подразумевала окончание противостояния между арабским миром и Израилем в обмен на уступки Израиля по всем обсуждавшимся направлениям, включая вопрос о беженцах 1948 года и их потомках, и создание Государства Палестина в границах 1967 года. Президент США не поддержал план Абдаллы, что разочаровало саудовцев. Прибыв 25 апреля 2002 года на переговоры с Дж. Бушем-мл. (в этих переговорах приняли также участие вице-президент Ричард Чейни, госсекретарь Колин Пауэлл и советник президента Кондолиза Райс), Абдалла был настойчив и решителен. Как заявил журналистам Абель аль-Джубейр, высокопоставленный представитель саудовской делегации, принц Абдалла предупредил Дж. Буша-мл. о том, что арабский мир разозлен на Соединенные Штаты за их поддержку Израиля. По мнению руководителей Саудовской Аравии, действия израильтян против палестинцев на Западном берегу Иордана и в секторе Газа не должны были рассматриваться США в качестве составной части войны против терроризма²⁶³. Абсолютное большинство руководителей арабских стран придерживались в то время позиции, согласно которой борьба с терроризмом как «мировым злом» должна начаться с того, чтобы остановить «израильское варварство» в отношении палестинского народа и добиться справедливого урегулирования палестино-израильского конфликта путем предоставления палестинцам права на самоопределение и создание независимого государства со столицей в Восточном Иерусалиме.

Президент Египта Хосни Мубарак, поддержку со стороны которого американцы считали само собой разумеющейся, выступил с заявлением, в котором порекомендовал президенту США Джорджу Бушу и его подчиненным «сконцентрироваться на палестинской проблеме, а не на во многом надуманной иракской угрозе»²⁶⁴. Анало-

²⁶³ «Саудовцы оказывают давление на Буша» // *BBC Russian*, 26 апреля 2002 г.

²⁶⁴ Цит. по: Т.А. Шмелева, «Арабские страны и кампания США против Ирака» // портал Института Ближнего Востока, 23 октября 2002 г.

гичной была и позиция Абдаллы: принц потребовал от президента сделать все возможное для смягчения позиции премьер-министра Израиля Ариэля Шарона на палестинском направлении. Саудовская Аравия являлась в то время крупнейшим экспортером нефти в мире, а ее поддержка в расширении театра военных действий против терроризма за границы Афганистана имела для президента США судьбоносное значение. Эр-Рияд и Вашингтон имели существенные различия в подходах к решению иракской проблемы. На протяжении долгого времени саудовское правительство не заявляло о своей готовности предоставить США военные базы на территории королевства в интересах подготовки и проведения силовой акции против режима С. Хусейна. «В целом достаточно сдержанная позиция саудовского руководства по отношению к возможной американской военной акции против Ирака не в последнюю очередь объясняется опасением правящего королевского режима того, что она может вызвать резкую активность антиправительственной деятельности радикальной исламистской оппозиции, и даже в определенной степени дестабилизировать ситуацию в стране», — отмечал компетентный аналитик В.П. Юрченко²⁶⁵. *Однако без саудовского участия война против саддамовского Ирака была практически невозможной, вследствие чего, желая добиться согласия короля Фахда и наследного принца Абдаллы с его программой действий, Дж. Буш-мл. принял решение в значительной мере пойти навстречу саудовским требованиям в отношении давления на Израиль.*

При этом три соображения влияли на шаги, предпринимавшиеся президентом США. Во-первых, в администрации США понимали, что А. Шарон, тем более в сложившихся обстоятельствах, не будет склонен идти на существенные уступки, а давление, не приносящее результатов, лишь будет способствовать выхолащиванию статуса президента на ближневосточном направлении. Во-вторых, вице-президент Ричард Чейни и министр обороны Дональд Рамсфельд считали, что надеяться на какое-либо урегулирование с руководством ПНА контрпродуктивно; они в целом поддерживали анти-террористический курс правительства А. Шарона. В ходе встреч с Я. Арафатом госсекретарь К. Пауэлл так и не смог добиться никаких договоренностей, что принималось во внимание президентом. Однако, в-третьих, собираясь на новую кампанию в Ирак, Дж. Буш-мл. и его приближенным было совершенно необходимо не настроить Саудовскую Аравию против себя, поэтому игнорировать требования наследного принца Абдаллы было невозможно. Принимая во

²⁶⁵ См.: В.П. Юрченко, «Американо-саудовские отношения: испытание на прочность» // портал Института Ближнего Востока, 19 ноября 2002 г.

внимание все эти факторы, президент США Дж. Буш-мл. решил не инициировать какой-либо переговорный саммит (память о фиаско Б. Клинтона в Кемп-Дэвиде была еще весьма свежа), а выступить с программной речью по Ближнему Востоку, в которой он смог бы изложить свое видение путей достижения мирного урегулирования между израильянами и палестинцами²⁶⁶. Эту речь президент произнес 24 июня 2002 года.

Изначально предполагалось, что президент заявит о необходимости создания Палестинского государства во временных границах на основе принципов свободы и демократии, проведения реформы политических институтов, а также отказа от терроризма. Дж. Буш-мл. должен был призвать Израиль прекратить строительство поселений на контролируемых территориях, а также отвести свои войска на позиции, занимавшиеся ими до начала второй интифады, то есть до 28 сентября 2000 года. Президент США планировал потребовать от Израиля обеспечить палестинским арабам свободу передвижения, как в гуманитарных целях, так и для того, чтобы способствовать развитию палестинской экономики. При этом постепенно президент Дж. Буш-мл. стал приходить к мысли, что главный вопрос состоит не в том, создавать ли Палестинское государство, а в том, каким именно должно быть это государство. Дж. Буш-мл. хотел, чтобы палестинцы могли жить свободно и независимо без страха перед Израилем, но и без диктатуры своих коррумпированных лидеров, и эту тему он также хотел поднять. При этом среди американских руководителей не было единства мнений по данному кругу вопросов. Вице-президент Р. Чейни предлагал вообще не выступать с такой речью в разгар второй интифады. Госсекретарь Колин Пауэлл был обеспокоен тем, что из-за выступления, где явно осуждается Арафат, возникнет впечатление, что США пытаются определить, кто должен быть лидером арабского народа Палестины. Однако Кондолиза Райс, непосредственно курировавшая подготовку текста этого выступления, лично написавшая значительную часть его, сумела пролоббировать и то, что эта речь была произнесена, и то, что существенные изменения в нее не вносились²⁶⁷.

Для мира на Ближнем Востоке необходимо «новое, иное, чем прежде, палестинское руководство», заявил Джордж Буш-мл. При этом американский президент подтвердил, что готов поддержать на определенных условиях создание независимого Палестинского

²⁶⁶ См.: Philip P. Gordon, "Bush's Middle East Vision" // *Survival: Global Politics and Strategy*, Vol. 45, No. 1 (2003), pp. 155–165.

²⁶⁷ См.: Condoleezza Rice, *No Higher Honor*, pp. 90–96.

государства, которое «может быть создано в течение ближайших трех лет». «Когда у палестинского народа появятся новые лидеры, новые институты и новые договоренности с соседями в области безопасности, Соединенные Штаты Америки поддержат создание такого палестинского государства, чьи границы и определенные аспекты суверенитета будут носить промежуточный характер вплоть до окончательного урегулирования на Ближнем Востоке», — заявил Буш, выступая в Розовом саду Белого дома. Что же касается смены лидера ПНА, то, по его словам, пришло время дать власть тем, кто еще не запятнал себя террором. При этом имя Я. Арафата президентом не было названо ни разу. Подчеркнув, что Израиль имеет право защищаться, Дж. Буш-мл. потребовал от Израиля вывести войска с территории ПНА и прекратить строительство домов в еврейских поселениях в Иудее, Самарии, Иорданской долине и секторе Газы. В конечном итоге, по мнению президента США, Израиль должен отступить к «безопасным и признанным границам», как и предусматривается в резолюциях Совета Безопасности ООН №242 и №338, указал президент²⁶⁸.

Палестинские руководители сразу же отвергли призывы Дж. Буша-мл. Министр по делам местного самоуправления ПНА Сайеб Арикат назвал позицию американского президента «неприемлемой». «Палестинский лидер был избран палестинским народом в ходе прямых демократических выборов, и президент Буш обязан уважать выбор нашего народа», — подчеркнул С. Арикат. Советник Я. Арафата Ахмед Абдель Рахман высказался еще более жестко, заявив, что президент США «перепутал понятия терроризма и сопротивления оккупации»²⁶⁹. А. Шарон же фактически дал свой ответ, заявив в тот же день, что силы ЦАХАЛа готовят широкомасштабную операцию в секторе Газа, основной целью которой должны были стать боевики и инфраструктура организации ХАМАС, проводшей многочисленные теракты против израильтян²⁷⁰. А. Шарон не верил в то, что старое или новое палестинское руководство будет обеспечивать безопасность Израиля, справедливо полагая, что, будучи главой правительства, он (а не Я. Арафат и не С. Арикат) и ответственен за решение этой задачи.

²⁶⁸ President George W. Bush Rose Garden Speech, June 24, 2002 // *Negotiating Arab-Israeli Peace. American Leadership in the Middle East* (Washington: US Institute of Peace, 2008), стр. 157–161, цит. фрагм. на стр. 160.

²⁶⁹ Цит. по: Александр Реутов, «Государство в обмен на Ясира Арафата» // *Коммерсантъ*, 26 июня 2002 г.

²⁷⁰ «Шарон заявил о подготовке новой военной операции на палестинских территориях» // *Newsru.com*, 25 июня 2002 г.

В тот же день, 24 июня 2002 года, израильское правительство утвердило план строительства т.н. «стены безопасности» на Западном берегу (физически его сооружение началось за неделю до этого). Контур этой разделительной «стены безопасности» пришлось несколько раз менять, подчиняясь давлению извне (а в конце июня 2004 года решение с требованием изменить контуры тридцати километров забора в окрестностях Иерусалима принял и Верховный суд Израиля), но и после всех корректив этот проект вызывал и вызывает осуждение со стороны различных международных организаций. С администрацией США договориться было чрезвычайно сложно: Кондолиза Райс угрожала, что каждый доллар, истраченный Израилем на реализацию этого, вообще говоря, весьма недешевого проекта, будет вычтен из сумм американской финансовой помощи Израилю. Она требовала согласования с собой и своими сотрудниками точного контура возводимой Израилем «стены безопасности», чтобы контур этот проходил максимально близко к «зеленой черте», фактически соответствуя «параметрам Клинтона». Только на этих условиях, подрывавших право Израиля как суверенного государства реализовывать курс, о котором решило его правительство, американцы готовы были не вводить санкции против Израиля!

Резолюция, требовавшая от Израиля прекратить возведение «стены безопасности», была впервые принята Генеральной Ассамблеей ООН 21 октября 2003 года; тогда представители 144 стран проголосовали за нее, лишь четверо (США, Израиль, Маршалловы острова и Микронезия) высказались против, 12 воздержались. 8 декабря 2003 года была принята резолюция ES-10/14, обращавшаяся к международному суду в Гааге с просьбой рассмотреть законность сооружения Израилем разделительной «стены безопасности» на Западном берегу. Хотя решения этого суда не имеют обязывающей юридической силы, их последующее рассмотрение Советом Безопасности ООН могло иметь крайне нежелательные для Израиля последствия. Вопреки утверждениям израильских представителей, заявлявших, что суд в Гааге неправомошен рассматривать данный вопрос, судьи не самоустранились от его рассмотрения. С 23 по 25 февраля 2004 года перед Международным судом выступили представители Палестинской администрации и ряда государств; Израиль принял решение не посылать своих представителей, ограничившись письменным заявлением о том, что само рассмотрение данного вопроса в Гааге противоречит международно-правовым нормам. Данная позиция была отклонена, и 9 июля 2004 года было обнародовано решение Международного суда ООН, четырнадцать из пятнадцати судей которого (все, кроме представителя США) пришли к выводу, что «строитель-

ство стены, сооружаемой Израилем, оккупирующей державой, на оккупированной палестинской территории, в том числе в Восточном Иерусалиме и вокруг него, противоречит международному праву». Суд указал, что Израиль должен немедленно прекратить работы по строительству стены и немедленно демонтировать находящиеся там сооружения. В консультативном заключении суда указывается, что Израиль обязан произвести возмещения за весь ущерб, причиненный строительством стены.

21 июля 2004 года Генеральная Ассамблея 150 голосами против 6 (Израиль, США, Австралия, Микронезия, Маршалловы острова и Палау) при 10 воздержавшихся (среди которых Канада, Уругвай, Сальвадор, ряд стран Африки и небольших островных государств) приняла резолюцию с требованием к Израилю прекратить возведение разделительной стены на Западном берегу реки Иордан и разрушить уже построенные участки. Как и ожидалось, израильские официальные лица отвергли и решение Международного суда, и последующую резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, заявив о том, что жизненная необходимость противостоять палестинскому террору вынуждает Израиль продолжить строительство разделительной стены. Известно о том, что руководство Израиля достигло взаимопонимания с администрацией США об использовании американского вето на заседании Совета Безопасности ООН, в случае если на нем будет обсуждаться вопрос применения санкций против Израиля за пренебрежение им решениями Международного суда и Генеральной Ассамблеи.

Осознавая, что правительство и армия Израиля продолжали свою беспрецедентно активную антитеррористическую деятельность, представители арабских стран ждали от американцев конкретных шагов по реализации «видения Дж. Буша». Колин Пауэлл предложил провести мирную конференцию, но эта идея была отвергнута Дж. Бушем-мл., который не был готов проводить переговоры с участием Я. Арафата. В июле 2002 года министры иностранных дел Иордании, Саудовской Аравии и Египта встретились с президентом США, чтобы обсудить с ним реализацию положений, которые он озвучил в своем выступлении. Министр иностранных дел Иордании предложил выработать план конкретных действий на основе предложений, содержащихся в речи президента. Эта идея привела в итоге к появлению так называемой «Дорожной карты», опубликованной 30 апреля 2003 года. На протяжении трех последующих лет, то есть до фактического ухода из жизни Ариэля Шарона, вставшего кому 5 января 2006 года, повсеместно декларировалось, что именно «Дорожная карта» является единственным признанным планом дей-

ствий, хотя то, что происходило на практике, как правило, не имело к «Дорожной карте» почти никакого отношения.

Однако между 24 июня 2002 года и 30 апреля 2003 года в эпицентре интересов США на Ближнем и Среднем Востоке находились отнюдь не Израиль и не палестинцы. В это время администрация Дж. Буша подготовила и осуществила вторжение в Ирак, которое, как сейчас известно, стало следствием заведомо ложных предпосылок о связях режима Саддама Хусейна с «Аль-Каидой» и о разработке им оружия массового уничтожения (многочисленные инспекторы, работавшие в Ираке годами, так ничего и не нашли). Вторжение в Ирак готовилось долго и тщательно и с военной точки зрения было весьма успешным: активная фаза войны, от ее начала до захвата столицы, заняла всего три недели. Американцы не оценили осложнений, связанных с затянувшейся на годы оккупацией Ирака, но весной 2003 года Дж. Буш-мл. воспринимал себя безусловным победителем, имеющим право устанавливать принципы «нового мирового порядка».

18 марта 2003 года президент США Джордж Буш выступил с обращением, в котором предъявил ультиматум Саддаму Хусейну, потребовав от него добровольно отказаться от власти и покинуть страну вместе со своими сыновьями в течение двух суток. В противном случае американский президент заявил о неизбежности военной операции против Ирака. Саддам Хусейн отказался принять ультиматум и покинуть страну. 20 марта войска США и Великобритании, не получив санкции ни Совета Безопасности ООН, ни ее Генеральной Ассамблеи, начали военные действия против Ирака, подвергнув в этот день Багдад бомбардировкам. Саддам недооценил решимость американцев, полагая, что, как и в 1991 году, сможет удержаться у власти, однако Вторая Иракская война принципиально отличалась от первой. Цели освободить Кувейт (или какую-либо другую конкретную территорию) в этот раз не было; задача, которую поставили себе американцы, состояла именно в отстранении от власти Саддама Хусейна и всех его приближенных. 9 апреля американские войска вступили в Багдад, 14 апреля захватили последний оплот централизованного сопротивления иракской армии — город Тикрит. Окончательно правительство Саддама Хусейна пало 17 апреля, когда капитулировали остатки дивизии «Медина» под Багдадом; сам С. Хусейн скрылся в неизвестном направлении (он был схвачен в подвале деревянного дома в 15 км от Тикрита 13 декабря 2003 года, после чего находился в тюрьме, был судим и 30 декабря 2006 года казнен). Американцы и их союзники по коалиции установили контроль над всем Ираком к 1 мая 2003 года.

Американцы считали, что успешное для них ведение войны в Ираке создало дополнительное «окно возможностей» для продвижения к миру в различных регионах Ближнего Востока. Подобно тому, как после Войны в Персидском заливе в 1991 году президент Дж. Буш-ст. и госсекретарь Дж. Бейкер инициировали созыв Мадридской конференции, Кондолиза Райс и Колин Пауэлл считали, что свержение Саддама Хусейна создало возможность для продвижения вперед и на палестино-израильском направлении, не обязательно в рамках подобного форума. Комплексная программа США по коренному переустройству Ближнего Востока не ограничивалась только военной операцией против Ирака. Принцип «решение палестинской проблемы через Багдад» был неотъемлемой частью этой программы.

Согласно тогдашней американской стратегии²⁷¹, на *первом этапе* после свержения режима Саддама Хусейна в Багдаде к власти должен был прийти режим, который сможет играть в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке роль, отвечающую интересам США, и станет союзником Вашингтона. Одна из целей такого сотрудничества могла заключаться в том, что новый Ирак будет помогать Америке приуменьшить роль Ирана и Саудовской Аравии в ОПЕК и на мировом нефтяном рынке. Другая цель связана с палестинской проблемой. Когда в новом Ираке будет править режим, близкий США, антиизраильская направленность его политики станет минимальной.

Второй этап должен был быть связан с тем, что с приходом к власти в Ираке нового режима Сирия окажется в полном окружении. Она располагается между Израилем, Турцией (страной — членом НАТО, поддерживавшей в то время и политическое, и военно-техническое сотрудничество с Израилем), Иорданией и «новым» Ираком (режимами, которые, как ожидалось, не должны были ставить под сомнение американское лидерство на Ближнем Востоке). Давление на Башара Асада в связи с продолжением его противостояния с Израилем и в связи с оказанием им поддержки интифаде, палестинским и ливанским исламистским и радикальным националистическим группировкам (таким, как ХАМАС, «Исламский джихад», «Народный фронт освобождения Палестины», «Демократический фронт освобождения Палестины», «Хизбалла» и др.) должно было, по замыслу американской администрации, привести к изменению политики сирийского руководства. По оценкам стратегов Пентагона и Совета национальной безопасности, Башар Асад, поставленный перед вы-

²⁷¹ См. ее анализ в статье: М.Б. Гамов, «Комплексная программа США по переустройству ближневосточного региона» // портал Института Ближнего Востока, 19 мая 2003 г.

бором между противодействием давлению, создающему угрозу самому существованию его режима, и выполнением требования американцев прекратить поддержку палестинским и ливанским группировкам, будет вынужден выбрать первый вариант, то есть откажется от оказания помощи антиизраильским группировкам. После этого американцы считали, что смогут надавить на руководителей Сирии и Израиля с целью заключения межгосударственного мирного договора на основе принципа «территории в обмен на мир».

После этого естественным образом должен был наступить *третий этап*, в ходе которого ХАМАС, «Исламский джихад», «Хизбалла» и другие аналогичные организации, будучи лишены поддержки какой-либо из приграничных Израилю стран, станут менее способными вести вооруженную борьбу против еврейского государства. Предполагалось, что организации палестинского сопротивления и «Хизбалла» не смогут эффективно продолжать борьбу против Израиля, что неминуемо приведет к иссушению второй интифады.

В условиях, когда интифада фактически захлебнется, должен был наступить *четвертый этап*: не обладая достаточной силой для дальнейшего противостояния Израилю, администрация Арафата будет вынуждена пойти на компромисс и заключить мирное соглашение с Израилем, правительство которого, в свою очередь, будет подготовлено американцами к готовности к щедрым уступкам.

Сегодня очевидно, что американцам удалось реализовать только первое звено этой стратегии, и то — с огромным трудом и не в полной мере, тогда же администрация США смотрела на будущее Ближнего Востока с существенно большим оптимизмом.

Глава 23

От «Дорожной карты» — к «одностороннему размежеванию», 2003–2005 гг.

Учитывая, что американцам и их немногочисленным союзникам удалось свергнуть режим Саддама Хусейна и установить контроль над всей территорией Ирака, а Ариэль Шарон и руководимый им тогда блок «Ликуд» 28 января 2003 года триумфально выиграли всеобщие выборы (получив вдвое больше мандатов, чем их ближайший конкурент — лучшее соотношение за всю историю страны), создалась ситуация, которая в целом благоприятствовала реализации американской стратегии. Американская администрация решила воспользоваться сложившейся обстановкой, чтобы попытаться реализовать те идеи, которые президент Дж. Буш-мл. озвучил во время своего выступления 24 июня 2002 года.

30 апреля 2003 года Государственный департамент США опубликовал план, получивший название «Дорожная карта урегулирования палестино-израильского конфликта». Официально этот план выдвигался причудливым квартетом международных посредников в составе США, Российской Федерации, Евросоюза и почему-то ООН, в которую, вообще говоря, входят и США, и РФ, и все страны Евросоюза... В «Дорожной карте» постулировалось, что ее цель — «окончательное и всеобъемлющее урегулирование палестино-израильского конфликта до 2005 года, как это было заявлено в речи президента США Джорджа Буша от 24 июня 2002 года». «Урегулирование палестино-израильского конфликта, основанное на принципе мирного сосуществования двух государств, будет достигнуто только путем прекращения насилия и терроризма, когда у палестинского народа будет руководство, решительно действующее против террора, желающее и способное на практике построить демократическое государство, основанное на терпимости и свободе, и путем готовности Израиля

сделать все необходимое для создания этого государства», — утверждалось в «Дорожной карте»²⁷². В «Дорожную карту» были включены такие пункты, как «отказ от насильственных действий с обеих сторон, создание палестинских государственных институтов (в том числе, «переформирование» существовавших силовых структур), прекращение создания Израилем новых поселений на территориях, предназначенных для будущего Палестинского государства. План предполагалось выполнить в три этапа к 2005 году, когда должно было завершиться формирование Палестинского государства. При этом в «Дорожной карте» фактически не затрагивались ни вопрос о статусе Иерусалима, ни проблема палестинских беженцев и их потомков. В сущности, план «Дорожная карта», который Госдепартамент США рассматривал в качестве основного документа, выводящего Ближний Восток на путь мира, повторял недостатки, приведшие к краху «процесса Осло». В обоих случаях о самых важных проблемах фактически не было сказано ничего, их решение откладывалось на неопределенный срок, хотя не было никаких оснований считать, что в будущем найти решение этих проблем будет легче, чем в настоящем. При этом установленные в «Дорожной карте» временные рамки закладывали под этот документ мину не такого уж и замедленного действия — так, выполнение весьма значимого первого этапа было ограничено маем 2003 года!²⁷³

Сами по себе процессы, однако, не происходили, и тогда Дж. Буш-мл. принял решение опереться на своих союзников в арабском мире. 3 июня 2003 года президент США прервал свое участие в саммите «большой восьмерки» во французском городе Эвиане, отправившись в Египет. В Шарм-аль-Шейхе он встретился с руководителями двух стран — ведущих партнеров Соединенных Штатов в арабском мире: президентом Египта Хосни Мубараком и с саудовским принцем Абдаллой. Вслед за этим Дж. Буш-мл. отправился в Иорданию, где 4 июня в Акабе при его участии состоялась встреча глав правительств Израиля и ПНА Ариэля Шарона и Махмуда Аббаса (Абу Мазена). В переговорах принимал участие и король Иордании Абдалла II. Американцы хотели, чтобы палестинцы продемонстрировали свое стремление к установлению мира путем переговоров, пообещав отказаться от использования насилия для достижения

²⁷² См. ее текст в книге: *Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: Три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), стр. 64–72.

²⁷³ Подробнее см.: А.Д. Эпштейн, *Почему провалилась «Дорожная карта»?* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2006), стр. 13–24.

своих политических целей, и чтобы руководители Израиля, в свою очередь, признали право палестинцев на свое государство. Также Дж. Буш стремился добиться от арабских руководителей, и в первую очередь — наследного принца Саудовской Аравии, поддержки «Дорожной карты». Именно многолетний посол Саудовской Аравии в США принц Бандар бин Султан был тем человеком из арабского мира, к мнению которого в администрации Дж. Буша-мл. прислушивались более всего. Принц Абдалла, однако, был недоволен американскими предложениями, пригрозив проигнорировать саммит в Шарм-аль-Шейхе. По свидетельству Кондолизы Райс, чтобы избежать скандала, американцы срочно вносили изменения в уже готовый документ²⁷⁴. Показательно, что, посетив и Египет, и Иорданию, президент Дж. Буш-мл. не заехал в Израиль. Его усилия были направлены на то, чтобы заставить А. Шарона идти на уступки, и давление на израильского премьера американскому президенту было удобнее оказывать на арабской территории.

После переговоров в Акабе А. Шарон пообещал улучшить условия повседневной жизни палестинцев, попутно сократив число блокпостов, созданных ЦАХАЛом на контролируемых территориях. Премьер-министр также заявил, что наличие палестинского населения под израильской юрисдикцией не соответствует интересам Израиля. А. Шарон также выразил согласие на создание Палестинского государства во временных границах, при соблюдении двух основных условий: это государство будет полностью демилитаризованным, во-первых, и именно оно будет национальным домом для палестинских арабов, которые не смогут претендовать на возвращение/иммиграцию в Израиль, во-вторых. А. Шарон заявил также о готовности обеспечить «целостность территории будущего Палестинского государства во временных границах»²⁷⁵. Кондолиза Райс считала, что «это были совершенно революционные заявления для Шарона, который был известен как “отец” проекта создания израильских поселений на территориях».

Однако все эти усилия были, в общем, напрасными. Палестинцы не только отказывались заменить Я. Арафата другим лидером, но даже собрались переизбрать его на новый срок. 4 июля 2003 года министр иностранных дел ПНА Набиль Шаат заявил, что Ясир Арафат будет единственным кандидатом от движения ФАТХ на выборах президента ПНА в октябре 2003 года, заверив, что премьер-министр

²⁷⁴ См.: Condoleezza Rice, *No Higher Honor*, pp. 137–139.

²⁷⁵ Statement by Prime Minister Ariel Sharon after the Aqaba Summit meeting, Aqaba, Jordan, June 4, 2003.

Махмуд Аббас не станет выдвигать своей кандидатуры. Новых выборов главы ПНА ни в 2003, ни в 2004 годах в итоге не было, но проект Дж. Буша-мл. по формированию альтернативного политического руководства палестинцев в целом провалился. Я. Арафат, один из создателей организации ФАТХ в 1959 году и ее лидер на протяжении более чем сорока лет, категорически отказывался передать властные полномочия другим палестинским политикам, будь то М. Аббасу (который из-за этого в сентябре 2003 года подал в отставку с поста главы правительства Палестинской администрации) или кому-либо еще. Израильские и американские руководители неоднократно декларировали, что Я. Арафат «нерелевантен», что он больше не является партнером по мирному урегулированию и что Израиль будет вести контакты с другими палестинскими представителями — в ретроспективе очевидно, что все эти декларации так и остались не более чем декларациями. В реальности израильтяне и американцы не сумели найти (или создать) какой-либо альтернативный умеренный и ориентированный на мирное урегулирование центр лидерства в палестинском руководстве. Неспособность палестинского руководства выдвинуть из своих рядов фигуру, с которой Израиль мог бы договориться о конкретных шагах по мирному урегулированию текущей ситуации, по сути, сорвала усилия американской администрации, пытавшейся установить мир в регионе путем создания суверенного Палестинского государства. А. Шарон же не спешил сворачивать предпринятые усилия, дававшие определенный эффект с точки зрения обеспечения безопасности. Большая часть КПП, которые ограничивали передвижение палестинцев на Западном берегу, остались на своих местах.

Министр обороны Израиля Шауль Мофаз, выступая в Акабе 4 июля 2003 года, четко изложил израильскую позицию: «Весь переговорный процесс устоит или рухнет в зависимости от проблемы террора. В серьезности палестинских намерений нас не убедит ничто, кроме дел. Слова были и будут, но мы по-прежнему получаем десятки предупреждений о готовящихся терактах. Если борьба с террором не будет понята палестинцами как срочная практическая задача, переговорный процесс далеко не продвинется»²⁷⁶. Однако все эти увещевания не имели эффекта. Хотя сразу после саммита в Акабе Израиль отменил действие комендантского часа в Дженине и ослабил режим в других городах Западного берега, уже спустя трое суток был снова введен запрет на въезд палестинцев в пределы «зеленой черты», а также полностью перекрыто движение транспорта через КПП

²⁷⁶ Цит. по публикации в израильской газете *Вести* 8 июня 2003 г., пер. на рус. яз. Дова Конторера.

Каландия в северной части Иерусалима. Эти меры являлись прямым результатом оперативных предупреждений о готовящихся терактах.

Ариэль Шарон, надо сказать, не особенно рассчитывал на готовность Палестинской администрации к реформам изнутри, которая, собственно, была краеугольным остовом «Дорожной карты». Нельзя сказать, что, став главой правительства, А. Шарон принялся реализовывать некий «стратегический» план: скорее напротив, его деятельность отличалась известным непостоянством. Так, изначально он выступал против строительства разделительного забора между Израилем и территориями, населенными палестинскими арабами, а впоследствии стал одним из самых горячих сторонников этого проекта. А. Шарон на протяжении долгого времени взвешивал возможность изгнания Я. Арафата, однако, вопреки многочисленным декларациям отдельных членов правительства и депутатов и предостережениям самого премьера, решение по этому вопросу так и не было принято. А. Шарон высказывался очень и очень критически в отношении предпринятого Э. Бараком одностороннего вывода израильских сил из Ливана, утверждая, что подобные шаги лишь способствуют эскалации терроризма, однако в апреле 2004 года сам А. Шарон выступил именно с планом односторонней эвакуации, причем не только израильских войск, но и двадцати пяти еврейских поселений из сектора Газа и Северной Самарии.

В интервью Ари Шавиту, одному из наиболее оригинально мыслящих авторов влиятельной газеты «Хаарец», в котором А. Шарон говорил о необходимости в будущем пойти на «болезненные уступки», он сказал: «Если мы придем к ситуации истинного мира, подлинного мира, гарантированного мира для будущих поколений — то нам придется осуществить болезненные уступки. Не взамен обещаний — но только взамен подлинного, реального мира»²⁷⁷. Именно в надежде на «подлинный, реальный мир» израильские силы оставили в 1994–1997 годах не только Газу и Хан-Юнес, но и такие важные для еврейской истории города, как Иерихо, Шхем и Хеврон (в последнем Израиль сохранил контроль лишь за небольшим еврейским кварталом). Большинство израильтян были готовы и на дальнейшие уступки ради достижения подлинного, реального и долгосрочного мира. Но весной 2004 года даже сам А. Шарон не пытался утверждать, что его план односторонней, не согласованной с палестинцами и не закреплённой в каком-либо мирном договоре, эвакуации из Газы и Северной Самарии являлся шагом в этом направлении.

²⁷⁷ Ари Шавит, «Шарон остается Шароном» // Еженедельное приложение к газете *Хаарец*, 12 апреля 2001 г. [на иврите].

Программа по уходу из Газы и Северной Самарии являлась частью согласованного с американской администрацией «пакета». Немалая проблема, однако, состояла в том, что эта программа А. Шарона очевидным образом противоречила его собственным многочисленным заявлениям, сделанным в предшествовавшие годы. Так, в 1989 году на церемонии закладки поселения Пеат-Садэ он сказал, что «поселения района Гуш-Катиф — это защита юго-западной границы Государства Израиль, и правительство Израиля [тогда существовало правительство национального единства, и А. Шарон занимал в нем пост министра промышленности и торговли] заявляет в свете создания этого поселения, в качестве политической декларации всему миру, что мы останемся здесь навсегда». «Участь Нецарим такая же, как участь Негбы и Тель-Авива, эвакуация Нецарим приведет к эскалации террора и к усилению давления на нас», — говорил Ариэль Шарон, выступая на заседании Комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне 23 апреля 2002 года²⁷⁸. Премьер-министр не особенно внятно аргументировал изменение собственной позиции на противоположную, и это не могло не беспокоить многих израильтян. Однако А. Шарон считал, что главный адресат, которого он должен убедить, — это не кто-либо в Израиле, а президент США, к которому он и направился в середине апреля.

Встреча А. Шарона с Дж. Бушем-мл. состоялась в Белом доме 14 апреля 2004 года, спустя два дня после того, как президент США там же принимал Х. Мубарака. В ходе встречи с А. Шароном Дж. Буш-мл. практически полностью поддержал программу т.н. «одностороннего размежевания», назвав ее выдвижение «историческим и смелым шагом». Хотя Дж. Буш-мл. подчеркнул, что «США не будут предопределять итоги переговоров, что это — дело самих [вовлеченных в них] сторон, он вместе с тем сделал два очень важных заявления. Во-первых, президент указал: «невозможно ожидать, что в рамках окончательной договоренности будет реализован полный отход Израиля к линии размежевания, установленной перемирием 1949 года». Во-вторых, он отметил, что арабским беженцам и их потомкам должно быть обеспечено право на возвращение в Палестинское государство, но не в Израиль²⁷⁹. Дори Гольд (Dore Gold), бывший в 1997–1999 годах постпредом Израиля в ООН, в целом справедливо отмечал, что фактически своими заявлениями Дж. Буш-мл. «похоро-

²⁷⁸ Прочитировано в газете *Маарив* от 24 апреля 2002 г. [на иврите].

²⁷⁹ Statement by the President и President Bush Commends Israeli Prime Minister Sharon's Plan. Remarks by the President. The White House, Office of the Press Secretary, April 14, 2004.

нил» «параметры Клинтона». Во-первых, в то время, как «параметры Клинтона» обуславливали сохранение израильского контроля над поселенческими анклавами в Иудее и Самарии территориальной компенсацией за счет суверенной территории Израиля, Дж. Буш-мл. о территориальной компенсации даже не упоминал. Во-вторых, согласно «параметрам Клинтона», возвращение в Израиль была одной из возможностей решения проблемы арабских беженцев 1948 года и их потомков, Дж. Буш-мл. же подчеркнул, что эти люди могут возвращаться в Палестинское государство, когда оно будет создано, а не в Израиль. В-третьих, понимая уязвимость его предложений с точки зрения нужд обеспечения безопасности Израиля, Б. Клинтон говорил об американских «гарантиях безопасности Израиля», в то время как Дж. Буш-мл. указывал на то, что Израиль должен при любом урегулировании сохранить возможность самостоятельно обеспечивать нужды своей безопасности [в оригинале — *Israel's capability to deter and defend itself, by itself*]²⁸⁰.

Во время визита А. Шарона в Вашингтон премьер-министр Израиля и президент США обменялись письмами, значение которых в контексте двусторонних отношений весьма значительно.

«Палестинская администрация с ее нынешним руководством не предприняла никаких шагов, соответственно своим обязательствам в рамках “Дорожной карты”, — жаловался А. Шарон. — Террор не прекращается, не были осуществлены реформа сил безопасности и реформы в структурах власти. Государство Израиль продолжает платить высокую цену за непрекращающийся террор. Израиль обязан сохранять способность самозащиты и сдерживающую силу против своих врагов, поэтому мы оставляем за собой право защищать свое государство от террора и предпринимать шаги против террористических организаций»²⁸¹.

Вышеприведенное описание ситуации (в целом весьма адекватное) подводило А. Шарона к главному: к декларации о фактическом отказе от «Дорожной карты» и ее замене совершенно другой программой, имевшей иную внутреннюю логику: «Придя к выводу, что в настоящий момент нет палестинского партнера, с которым можно продвигаться к мирному урегулированию, и что нынешняя тупиковая ситуация не способствует достижению общих целей, я принял решение инициировать постепенный процесс размежевания, в на-

²⁸⁰ Dore Gold, “Bush Erases the Clinton Parameters” // *Jerusalem Issue Brief*, Vol. 3, No. 21, April 15, 2004.

²⁸¹ Здесь и далее цит. по: Letter from Prime Minister Ariel Sharon to US President George W. Bush, April 14, 2004.

дежде уменьшить разногласия между Израилем и палестинцами. Программа размежевания призвана улучшить безопасность Израиля, стабилизировать политическую и экономическую ситуацию. Она позволит нам передислоцировать наши силы более эффективным образом, пока ситуация в Палестинской автономии не позволит нам полностью реализовать «Дорожную карту».

А. Шарон включил в свое письмо два, в целом заведомо неверных, положения. Указав, что его инициатива, в рамках которой «Израиль предполагает провести передислокацию вооруженных сил и всех израильских поселений в секторе Газа, а также произвести передислокацию военных сил и небольшого числа поселений в Самарии», предпринимается «не в рамках «Дорожной карты»», глава правительства Израиля указал, будто она «не противоречит «Дорожной карте»». На самом деле программа «одностороннего размежевания» разительно контрастировала с «Дорожной картой»: если последняя базировалась на логике конструктивного взаимодействия Израиля и ПНА под патронажем международных посредников, то план А. Шарона как раз никакого взаимодействия с ПНА не предусматривал вообще, не будучи шагом в направлении какого-либо урегулирования. «Дорожная карта» построена на принципе постепенного сближения сторон, тогда как само название «одностороннее размежевание» свидетельствовало о полном отсутствии стремления к такому сближению. В ходе переговоров с Кондолизой Райс 23 января 2004 года доверенный советник Ариэля Шарона Дов Вайсглас озвучил позицию, согласно которой план «одностороннего размежевания» не отменяет «Дорожную карту», а должен послужить стимулом к ее реализации, настаивая на том, что невозможно продвигаться по пути реализации «Дорожной карты» до тех пор, пока палестинцы не начнут выполнять свои обязательства по прекращению террора и расформированию террористической инфраструктуры. Эти тезисы А. Шарон и его приближенные повторяли после этого при каждой удобной возможности.

Кроме того, А. Шарон указывал, что его правительство намерено «ускорить строительство стены безопасности, завершение которой необходимо для того, чтобы обеспечить безопасность израильских граждан». «Контурные заграждения, согласно решению правительства, будут учитывать, наряду с требованиями безопасности, чаяния палестинского населения, не принимающего участия в террористической деятельности», — обещал А. Шарон. Это было правдой, чего не скажешь о другом тезисе А. Шарона из этого же письма: «Это — стена безопасности, а не политическая; стена временная, а не постоянная, поэтому она никоим образом не влияет на решение

каких-либо вопросов относительно постоянного урегулирования, включая вопрос о постоянных границах». Действительно, нельзя сказать, что Израиль будет готов отступить со всех территорий, оказавшихся к востоку от «стены безопасности», но совершенно очевидно, что все территории, оказавшиеся к западу от нее, пусть даже и находящиеся к востоку от «зеленой черты», останутся под израильским контролем при любом мыслимом раскладе²⁸². Палестинцы отлично осознавали это, и именно поэтому дошли в своей борьбе против «стены безопасности» до Международного суда. Невозможно представить себе, что этого не понимали американцы. Однако готовность А. Шарона вывести израильские войска (и даже поселенцев) из Газы и Северной Самарии была в определенном смысле спасительной для администрации Дж. Буша-мл., которая могла продемонстрировать своим арабским партнерам, что даже «непримиримый Шарон» идет на уступки. Это было с любой точки зрения лучше для американской администрации, готовившейся к новым президентским выборам (они прошли спустя полгода, 2 ноября 2004 года, и Дж. Буш-мл. выиграл их у Дж. Керри с перевесом в три миллиона голосов), чем организовывать еще один раунд переговоров в том или ином формате, который едва ли мог бы кончиться принципиально иначе, чем кончился саммит в Кемп-Дэвиде под патронажем Б. Клинтона. При этом в одностороннем порядке отказаться от выдвинутой в качестве совместной инициативы «Дорожной карты» американцы тоже не могли. В итоге была взята на вооружение поистине кафкианская риторика, гласившая, что «размежевание» в Газе и на севере Западного берега р. Иордан якобы является первым шагом реализации плана «Дорожная карта». В реальности всё обстояло ровно наоборот, но между тем, чтобы не добиться ничего из-за фатального несовпадения позиций А. Шарона и Я. Арафата и получить весьма значительные израильские уступки, пусть и сделанные, исходя из другой парадигмы, американцы явно предпочли второе. В ответном письме А. Шарону Дж. Буш не скупился на похвалы: «Мы приветствуем подготовленную Вами программу размежевания, в рамках которой Израиль произведет отступление из нескольких военных объектов и демонтаж всех поселений из Газы, а также частичное отступление армии и демонтаж некоторых поселений, расположенных на Западном берегу реки Иордан. Шаги, изложенные

²⁸² См. в целом адекватное, хоть и весьма предвзятое по отношению к А. Шарону, рассмотрение этой темы в статье: George Gavrillis, "Sharon's Endgame for the West Bank Barrier" // *The Washington Quarterly*, Vol. 27, No. 4 (2004), pp. 7–20.

в плане, ознаменуют подлинный прогресс в реализации моих основных принципов от 24 июня 2002 г. и внесут истинный вклад на пути продвижения к миру. ... Господин премьер-министр, Вы представили смелую историческую инициативу, которая может внести важный вклад в дело мира. Я высоко ценю Вашу инициативу и Ваше мужественное решение, которое я поддерживаю. Как близкий друг и союзник, США намерены двигаться вместе с Вами, чтобы способствовать успеху Вашей инициативы»²⁸³.

Фактически в этот момент произошло кардинальное изменение подхода: если в ходе т.н. «процесса Осло» был совершен переход от принципа «территории в обмен на мир» к принципу «территории в обмен на прекращение террора», то А. Шарон фактически взял на вооружение принцип «территории в обмен на демографию». Вывод сектора Газа из-под израильского контроля на многие десятилетия предотвращал превращение Израиля в государство, где меньшинство правит большинством, гарантируя, что на территории, находящейся под контролем Израиля по обе стороны «зеленой черты», есть устойчивое еврейское большинство.

А. Шарону и его сотрудникам удалось добиться практически невозможного: выдвинув программу, фактически альтернативную той, которую лоббировали президент и Госдепартамент, они добились от Дж. Буша-мл. беспрецедентной декларации поддержки израильской позиции по одним вопросам и обещания воздержаться от солидарности с теми или иными политическими лидерами разных стран, программы которых были неприемлемыми для израильского руководства — по другим.

В письме, переданном Ариэлю Шарону 14 апреля 2004 года, Дж. Буш-мл. затронул широкий круг важных для Израиля тем. В израильской прессе этот документ даже сравнивали со знаменитой Декларацией британского министра иностранных дел лорда А.Д. Бальфура, в 1917 году признавшего права евреев на создание национального дома в Палестине/Эрец-Исраэль.

Обязательства, которые Дж. Буш-мл. взял на себя в отношении обеспечения нужд обороны и безопасности Израиля, хотя и оставались сугубо декларативными, были сформулированы шире, чем когда-либо прежде в истории двусторонних отношений. «США повторно заявляют о своих обязательствах в отношении безопасности Израиля, включая безопасные и хорошо охраняемые границы, а также обязательство сохранять и укреплять обороноспособность и сдерживающую силу Израиля

²⁸³ Здесь и далее цит. по: Letter from US President George W. Bush to Prime Minister Ariel Sharon, April 14, 2004.

и способность защищать себя своими силами перед лицом любой угрозы и всех возможных опасностей», — писал президент, добавляя: «США принимают на себя обязательства в отношении безопасности и сохранности Израиля как еврейского государства».

В отношении противостояния террору было сказано, что «палестинцы должны в немедленном порядке прекратить все военные действия и пресечь акты насилия по отношению к Израилю. ... Палестинская администрация должна решительно бороться с террором и вести настойчивую и эффективную работу, чтобы остановить террор и расформировать инфраструктуру террора». Более того, в письме президента указывалось, что «США при посредстве Иордании, Египта и международного сообщества возглавят усилия по созданию мотивации у палестинских официальных органов бороться с террором, демонтировать террористические организации и предотвратить возникновение ситуаций, при которых опасность возникает на территории, с которой отступил Израиль». Президент также прямо указал, что «за Израилем сохраняется право на самозащиту от террора, включая право осуществлять шаги против террористических организаций». Правительство Израиля не только вело в то время войну против инфраструктуры боевых организаций палестинского сопротивления, но и практиковало точечные ликвидации их руководителей высшего и среднего звена²⁸⁴, и такая поддержка со стороны президента США была отнюдь не лишней.

В отношении антиизраильской пропаганды, широко распространенной на Западном берегу и Газе, в письме президента США говорилось, что «все официальные структуры Палестинской администрации должны прекратить подстрекательство в адрес Израиля».

В отношении будущего палестинской государственности и условий ее формирования в письме Дж. Буша-мл. указывалось: «Палестинцы должны провести широкомасштабную фундаментальную реформу, которая подразумевает сильную парламентскую демократию и наделенного всеми полномочиями главу правительства». Президент обещал, что «Соединенные Штаты объединят усилия с международными силами с целью способствовать развитию демократических институтов власти и нового руководства, преданного этим институтам, реконструкции гражданских структур, росту свободной и процветающей экономики и формированию дееспособных органов безопасности, которые будут поддерживать закон и порядок и займутся ликвидацией террористических организаций».

²⁸⁴ См.: Алек Д. Эпштейн, *Антитеррористический террор* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2009), стр. 55–71 и далее.

В отношении проблемы палестинских беженцев Дж. Буш-мл. указывал, что она «должна быть урегулирована в рамках ... решения вопроса об окончательном статусе Палестинского государства, и палестинские беженцы должны вернуться скорее туда, чем в Израиль».

В отношении будущего контролируемых территорий и границ между Израилем и будущим Палестинским государством в письме указывалось: «В контексте новой действительности на территориях, включая существование больших израильских поселенческих анклавов, нереалистично ожидать, что результатом переговоров об окончательном урегулировании будет полное возвращение к линии прекращения огня 1949 года. ... Реально ожидать, что любой окончательный договор о статусе будет достигнут только на основе изменений, отражающих сложившиеся реалии и одобренных обеими сторонами». Трудно сказать, в самом ли деле американцы надеялись, что вторая сторона — палестинцы — одобрит аннексию Израилем созданных им после 1967 года в Иудее, Самарии и Иорданской долине больших поселенческих анклавов, однако никогда прежде ни один из американских президентов не демонстрировал готовности декларировать, что Израиль не должен возвращаться к пограничным линиям, существовавшим между окончанием Войны за независимость и началом Шестидневной войны. Тем более не говорилось, что Израиль имеет право не отступать из «больших поселенческих блоков». Что именно имел в виду Дж. Буш-мл. под «поселенческими блоками», какие изменения пограничных линий президент США считал «реалистичными» — этого знать не дано, к его письму не прилагались никакие карты, однако сама готовность признать, что демография настоящего важнее политической географии прошлого была беспрецедентной.

Отдельным бонусом для А. Шарона были слова Дж. Буша-мл. о том, что США приложат все силы, чтобы предотвратить любые попытки какой-либо стороны навязать другую [кроме «Дорожной карты»] программу урегулирования. Дело здесь, конечно, отнюдь не в привязанности А. Шарона к «Дорожной карте», в которую он не верил, к которой подал в мае 2003 года четырнадцать замечаний²⁸⁵ и которую не видел реализуемой на практике, а в опасениях международного давления на правительство Израиля с требованием принять план, выдвинутый королем Саудовской Аравии, или так называемую Женевскую инициативу, ключевыми инициаторами которой были

²⁸⁵ См. текст этих замечаний в пер. на рус. яз. в книге: *Программы урегулирования палестино-израильского конфликта*, стр. 73–74.

Йоси Бейлин и Ясер Абед-Рабо²⁸⁶. Программа «одностороннего размежевания» должна была продемонстрировать, что у правительства Израиля есть политическая воля к «уступкам во имя мира», даже когда ни в какой мир никто не верил.

Ариэль Шарон и его приближенные, прежде всего — Дов Вайсглас, добились от Джорджа Буша-мл. и фактически готовившей его письмо Кондолизы Райс впечатляющей декларации поддержки израильских позиций и интересов по широкому кругу вопросов, и это нельзя недооценивать. Обязательства, взятые на себя Израилем в письме, направленном Довом Вайсгласом Кондолизе Райс 19 апреля 2004 года, были куда менее фундаментальными²⁸⁷, хотя несколько лет спустя и они стали предметом споров. Вместе с тем эта американская поддержка не могла изменить того факта, что программа А. Шарона оставляла открытыми слишком многие вопросы, что в результате и привело к тому, что ее реализация в августе 2005 года обернулась большими бедами.

Следует отметить, что, когда Израиль уходил из Синайского полуострова (1982) и из Южного Ливана (2000), было понятно, кому передавалась власть в этих районах — признанным правительствам Египта и Ливана. Однако «ключи от Газы» фактически получили «миротворцы» из ХАМАСа и «Исламского джихада», что стало совершенно очевидным в июне 2007 года, когда исламисты, изгнав активистов ФАТХа, полностью установили контроль над сектором и сформировали в нем правительство во главе с Исмаилом Ханией, альтернативное властям ПНА.

Еще и до т.н. «размежевания» из Газы на Израиль регулярно летели ракеты «касам» все новых и новых модификаций, которые долетали до Ашкелона и Сдерота. После вывода израильских сил из Газы палестинские ракеты все увеличивавшегося радиуса действия долетали и до Ашдода, и до Беэр-Шевы, вследствие чего израильские силовые структуры неоднократно проводили антитеррористические операции, крупнейшими из которых стали «Литой свинец» 27 декабря 2008 — 18 января 2009 года и «Облачный столп» с 14 по 21 ноября 2012 года. Очевидно, что уход Израиля из сектора Газа никоим образом не был похож на уход из Синая в рамках мирного договора с Египтом, и его последствия тоже были кардинально другими. Конечно, можно только радоваться тому, что израильские военнослужащие и поселенцы больше не гибнут в секторе Газы, но уход из Газы

²⁸⁶ См. текст этого документа в пер. на рус. яз. там же, стр. 115–148.

²⁸⁷ Letter from Dov Weisglass to Condoleezza Rice, April 19, 2004 // *Journal of Palestine Studies*, vol. 33, no. 4 (2004), pp. 95–96.

превратил почти в прифронтовые Ашдод и Беэр-Шеву — города, находящиеся на расстоянии десятков километров от Газы, в которых живут более двухсот тысяч человек в каждом.

Готовясь к уходу из Газы, А. Шарон хотел сохранить под израильским контролем, во-первых, три поселения, непосредственно примыкавшие к суверенной территории Израиля на севере сектора, а во-вторых, над т.н. «Филадельфийским коридором» — пограничной линией между Израилем и Египтом. Цели этих шагов были понятны, однако американцы сказали Ариэлю Шарону и его сотрудникам твердое «нет», сказав, что поддержат план «размежевания» только на условиях *полного* ухода Израиля со всей территории сектора Газа. Причины этой позиции администрации США понятны. Израиль уже трижды отступал в прошлом — и все три раза к «зеленой черте», тем самым линиям прекращения огня 1949 года, которые в те годы арабские страны категорически отказались признать межгосударственными границами. Три отступления были проведены тремя разными правительствами, но все они были уходом именно к «зеленой черте». Так, возвращение к границе 1949 года с Египтом (ради чего был оставлен весь Синайский полуостров, площадь которого втрое больше суверенной территории Израиля) провело «правое» правительство М. Бегина; возвращение к границе 1949 года с Иорданией — «левое» правительство И. Рабина; возвращение к границе 1949 года с Ливаном (ради чего была ликвидирована «зона безопасности» в Южном Ливане) — «левое» правительство Э. Барака. Американцы понимали, что если Израиль четвертый раз отступит к границе 1949 года, без каких-либо изменений и корректировок, к тому же эвакуировав все поселения, вопреки активному сопротивлению тысяч их жителей, причем сделает это «правое» правительство А. Шарона, в дальнейшем будет крайне сложно настаивать на каких-либо корректировках границы применительно к Западному берегу (Иудее и Самарии). В четвертый раз создавался прецедент, логику которого почти невозможно изменить.

В ретроспективе реализованная «программа размежевания» видится провальной со многих точек зрения. Прошло четырнадцать лет с тех пор, как 24 мая 2000 года израильская армия — в одностороннем порядке, без достижения политического соглашения — покинула территорию Южного Ливана. Израильские потери на границе с Ливаном в 2000–2006 годах были несоизмеримо меньше, чем в предшествующий период, однако затем война, получившая название Второй Ливанской, унесла жизни столь большого числа людей по обе стороны границы, что решение об одностороннем уходе стало восприниматься как куда менее оправданное. Многие в Израиле,

как военные, так и гражданские лица, убеждены, что именно уход из Ливана как бегство от «Хизбаллы» подтолкнул палестинское руководство к решению инициировать новый виток вооруженного восстания — так называемую «интифаду Аль-Акса», начавшуюся четыре месяца спустя после ухода из Ливана, в конце сентября 2000 года. «Хизбалла» воспринималась — и воспринимается — в арабском мире как единственная сила, сумевшая победить «сионистское образование» (так, по-прежнему именуется Израиль в подавляющем большинстве арабских СМИ); палестинские руководители решили взять на вооружение (в самом прямом смысле этого словосочетания) столь удачный, с их точки зрения, опыт. Уход из Газы очевидным образом усилил не признающий право Израиля на существование в качестве государства ХАМАС, а не какие-либо умеренные силы в ПНА, которые там есть. Полный уход Израиля из Южного Ливана и из Газы под давлением террористических организаций стал для многих в палестинском социуме свидетельством того, что только усиление террора способно заставить Израиль пойти на значительные территориальные уступки. Администрация Дж. Буша, в слепой вере в то, что демократические выборы представляют собой если не панацею, то наверняка первый шаг к панацее от всех бед, заставили палестинское руководство провести новые квазипарламентские выборы (их не было с 1996 года); Я. Арафат давление сдерживал, а М. Аббас такие выборы провести согласился. Выборы Палестинского законодательного совета второго созыва на Западном берегу и в Газе прошли 25 января 2006 года, уже после того, как Ариэль Шарон впал в кому, и они закончились триумфом ХАМАСа, получившего 74 мандата (из 132); ФАТХ довольствовался лишь 45, а умеренный «Третий путь» — всего 2. *В итоге навязанных американцами выборов (проведение которых было центральным положением «видения Дж. Буша» и «Дорожной карты») палестинские исламисты, не признающие права Израиля на существование, превратились из маргинальных радикалов в фактор региональной политики, с которым стало невозможно не считаться.*

Элизабет Бьюмиллер, автор биографии Кондолизы Райс, описывает со слов своей героини шок, с которым она узнала об итогах торжества палестинской демократии: «Райс, восхвалявшая выборы как зарождение молодой демократии на Ближнем Востоке, была настолько ослеплена победой, что, упражняясь на тренажерах на следующее утро после выборов, не поверила своим глазам, прочитав на телеэкране строки: “После победы ХАМАСа кабинет министров Палестинской администрации уходит в отставку”. “Я подумала: тут что-то напутано”, — вспоминает Райс. Но на экране снова и снова по-

являлась эта новость. Райс сошла с тренажера и позвонила в Госдепартамент. «Что случилось на палестинских выборах?» — спросила я, — вспоминает Райс. — А они сказали: «Да там ХАМАС победил». И я подумала: «ХАМАС? О Боже!»»²⁸⁸

То, что так, скорее всего и случится, предсказывали многие, в том числе и автор этих строк, в своей статье, опубликованной Институтом Ближнего Востока еще до реализации программы «размежевания», в 2004 году²⁸⁹. Впрочем, предсказать это было нетрудно, об этом говорили многие специалисты, вследствие чего шок, испытанный Кондолизой Райс после объявления результатов палестинских выборов, можно списать лишь на вопиющий непрофессионализм ближневосточников Госдепартамента и Совета национальной безопасности США. По данным опроса, проведенного Центром социологических исследований при находящемся в Шхеме университете А-Наджах, опубликованным в печати еще в мае 2004 года, ХАМАС обогнал ФАТХ по популярности даже среди жителей Западного берега, не говоря уже о Газе. 26,5% из 1371 опрошенных заявили о поддержке деятельности ХАМАСа и лишь 22% — что продолжают оставаться сторонниками ФАТХа. 7% заявили о своих симпатиях к «Исламскому джихаду»; аналогичное число участников опроса заявили о поддержке других исламистских движений и группировок. В поддержку светских националистических движений (НФОП, ДФОП и других) высказались 8% опрошенных²⁹⁰. Более того: по данным этого опроса, всего 18% опрошенных полагали, что Палестинская администрация способна установить контроль над сектором Газа в случае вывода оттуда израильских войск. По мнению же 39% опрошенных, власть в секторе Палестинской администрации придется как минимум разделить с исламистскими организациями — ХАМАСом и «Исламским джихадом».

Вообще говоря, это было не так трудно предвидеть. «Эвакуация опасна, отступление породит ощущение победы у палестинцев и приведет к усилению террора», — отмечал глава Общей службы безопасности (ШАБАКа) Ави Дихтер²⁹¹. «Односторонне отступление с

²⁸⁸ Elisabeth Bumiller, *Condoleezza Rice: An American Life* (New York Random House, 2007), p. 278 и далее.

²⁸⁹ См.: Алек Д. Эпштейн, «Инициативы Израиля на палестинском направлении в период правления Ариэля Шарона» // *Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2004), стр. 219–240.

²⁹⁰ Здесь и далее цит. по публикации данных этого опроса в газете *Маарив* от 23 мая 2004 г. [на иврите].

²⁹¹ Процитировано в газете *Маарив* от 11 февраля 2004 г. [на иврите].

территорий — капитуляция перед террором. Отступление придаст свежие силы террористам и увеличит их аппетит», — говорил начальник Генерального штаба ЦАХАЛа Моше (Буги) Яалон²⁹². «Разговоры об отступлении поощряют террор. Нет сомнения в том, что разговоры об уходе оказывают влияние. Мы видели это в Ливане [перед уходом ЦАХАЛа в мае 2000 года]. Когда мы начинаем говорить об уходе — это как дуновение свежего ветра в паруса враждебных нам организаций...» — выразил свое мнение командующий Южным военным округом генерал-майор Дан Харэль²⁹³. «Одностороннее отступление из Газы будет воспринято палестинцами как капитуляция перед террором и может добавить мотивации для продолжения террористических актов», — предупреждал глава военной разведки (АМАНа) Аарон Зеэви-Фаркаш, выступая перед членами Комиссии по иностранным делам и обороне Кнессета 10 февраля 2004 года.

Реализация программы «одностороннего размежевания», которая была поддержана американскими руководителями, вместе с навязанными американцами выборами в Палестинский законодательный совет, привели к существенному ухудшению положения в сфере безопасности в регионе в целом, выведя на передний план силы, совершенно не готовые ни к какой форме мирного урегулирования. Все это отбросило ситуацию на годы назад, причем выхода из этой ситуации найти так и не удалось до сих пор. С тех пор прошло более восьми лет, но больше выборов на Западном берегу и в секторе Газа не было. ХАМАС остается фактором, играющим центральную роль в палестинской политике и общественной жизни, при этом его лидеры так и не признали Израиль ни в каком качестве: ни как еврейское, ни как просто государство, имеющее право на существование.

Одиннадцатый глава правительства Израиля Ариэль Шарон был, несомненно, искренним патриотом еврейского государства, а Джордж Буш-мл. — президентом, относившимся к нему с неподдельным уважением. Однако политические шаги, которые они реализовали, имели преимущественно негативные последствия и для будущего Государства Израиль, и для региональной безопасности и стабильности на Ближнем Востоке в целом.

²⁹² Прочитано в газете *Хаарец* от 3 декабря 2002 г. [на иврите].

²⁹³ Сказано в интервью корреспонденту радиостанции *Галей ЦАХАЛ* 8 марта 2004 г. [на иврите].

Глава 24

Еще одна неудачная попытка:

Э. Ольмерт и администрация Дж. Буша-мл. до и после конференции в Аннаполисе, 2006–2009 гг.

Эхуд Ольмерт стал главой правительства Израиля во многом случайно; каково бы ни было состояние здоровья Ариэля Шарона, впасть на восемь лет в кому он, как никакой другой человек, не планировал. В ноябре 2005 года А. Шарон развалил «Ликуд», в качестве главы коего, вообще говоря, только и смог стать главой правительства, создав партию «Кадима» [«Вперед»], в которую за ним перешли большинство министров. Несогласные, среди которых был и Б. Нетаньяху, тогда — министр финансов, покинули правительство. Как раз место Б. Нетаньяху и занял Э. Ольмерт, менее чем через два месяца, 5 января 2006 года, неожиданно для себя самого оказавшийся премьер-министром.

Первый год правления Э. Ольмерта оказался очень сложным: 25 января ХАМАС выиграл выборы в Законодательный совет ПНА, 25 июня 2006 года боевиками этой организации был похищен капрал ЦАХАЛа Гилад Шалит, что на годы стало для израильтян общенациональной травмой (армия и спецслужбы не смогли найти его, и он был освобожден только 18 октября 2011 года в результате тяжелой, унижительной для Израиля, сделки с террористами²⁹⁴). 12 июля 2006 году в ответ на нападение и ракетный обстрел Израиля силами «Хизбаллы» правительство приняло решение о полномасштабном военном ответе. Война длилась почти пять недель, в ней погибли 160 израильтян и более тысячи ливанцев, по территории Израиля были

²⁹⁴ См.: Алек Д. Эпштейн и Евгений Варшавер, *В диалоге с врагом. Переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями* (Москва: Институт Ближнего Востока, 2012), стр. 133–153.

выпущены более четырех тысяч ракет, но ни сокрушить «Хизбаллу», ни освободить двух захваченных в плен солдат (их тоже пришлось обменивать годы спустя, причем как оказалось, уже не их, а только их тела, ибо Э. Реев и Э. Гольдвассер погибли, как оказалось, в первые же мгновения боя²⁹⁵) не удалось.

Захват ХАМАСом власти в секторе Газа стал тяжелым ударом для ФАТХа и его лидера М. Аббаса, а Вторая Ливанская война — для Израиля и правительства Э. Ольмерта. «В свете насильственного захвата Газы ХАМАСом и изгнания оттуда представителей ФАТХа ситуация изменилась. Теперь Аббасу необходимо было достичь соглашения с Ольмертом, и последний был готов на это», — оценивала ситуацию Кондолиза Райс²⁹⁶. Как стало известно из дипломатических депеш, обнародованных порталом *Wikileaks*, тогдашний посол США в Израиле Ричард Джонс (Richard Henry Jones) еще в январе 2007 года докладывал Кондолизе Райс и о том, что, по данным опросов общественного мнения, уровень поддержки Э. Ольмерта снизился до беспрецедентно низких 23%, и о том, что вследствие неудачного ведения Второй Ливанской войны отношения между Э. Ольмертом и министром обороны А. Перецем пребывали в перманентном кризисе²⁹⁷. Именно внутренние сложности больше чем что бы то ни было другое подтолкнули стороны к решению двигаться навстречу друг другу.

Положение самой американской администрации было, впрочем, отнюдь не многим лучше. Прошедшие 7 ноября 2006 года выборы в Конгресс, в ходе которых была полностью переизбрана палата представителей и треть членов Сената, привели к кардинальным переменам в составе высшего органа законодательной власти в стране: Демократическая партия впервые с 1994 года получила большинство в палате представителей, и впервые с 2002 года — в Сенате. Нанеся сокрушительное поражение правившей Республиканской партии, демократы не только оправдали прогнозы, но и в определенной степени превзошли ожидания. В первые дни после выборов было многократно повторено, что их результаты являются очевидным востумом недоверия американского общества политике администрации Дж. Буша-мл. в Ираке, в свете чего повсеместно прогнозировалось изменение курса США в этом вопросе. Отставка — сразу после вы-

²⁹⁵ См. там же, стр. 124–130.

²⁹⁶ Здесь и далее фрагменты воспоминаний К. Райс цит. по: Condoleezza Rice, *No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington*, pp. 380–383.

²⁹⁷ Телеграмма посла Р. Джонса К. Райс “Scenesetter for the Secretary’s January 13–15 visit to Israel” от 8 января 2007 г., 07TELAVIV64 // WikiLeaks US Files from Tel-Aviv Embassy.

боров — министра обороны США Дональда Рамсфельда, одного из ведущих архитекторов американской политики на иракском направлении, и назначение на его места Роберта Гейтса (Robert Michael Gates), который не скрывал своего скептического отношения к войне в Ираке и резко критиковал то, как действовали США уже после свержения Саддама Хусейна, были восприняты как очевидное подтверждение справедливости этих оценок. «Этот шаг был расценен всеми как признание того, что администрация платит по политическим счетам за катастрофу в Ираке», — отмечал в журнале *The New Yorker* 20 ноября 2006 года лауреат Пулитцеровской премии Сеймур Херш²⁹⁸. Р. Гейтс входил в состав рабочей группы, которой было поручено изучить альтернативы американской политике в Ираке (эту группу возглавляли бывший госсекретарь Джеймс Бейкер и бывший конгрессмен-демократ Ли Гамильтон); кроме того, он призывал США начать прямые переговоры с Ираном. «Решение президента Дж. Буша обратиться к Р. Гейтсу было свидетельством “отчаяния” Белого дома, сказал мне бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ, который работал вместе с администрацией после 11 сентября», — указывал С. Херш. Ричард Армитэдж, заместитель госсекретаря в администрации Дж. Буша в первые четыре года его президентства, выразил мнение о том, что победа демократов на выборах, за которой последовала отставка Д. Рамсфельда, означает — администрация «притормозила» в том, что касается темпов подготовки военной кампании против Ирана. «С Ираком дело обстоит настолько плохо, насколько мы это себе представляем. С Афганистаном дело обстоит хуже, чем мы думаем, — признал Р. Армитэдж. — Год назад “Талибан” боролся с нами отрядами по 8–12 человек, а сейчас они имеют численность до роты и даже больше. Бомбить Иран и ждать, что иранское население, как думают некоторые в Белом доме, “восстанет” и свергнет правительство, — “бессмысленная затея”»²⁹⁹.

Однако если по иракскому вопросу новые представители американского руководства (кроме министра обороны, сменились также главы Сената и палаты представителей, а также руководители многих комитетов Конгресса) должны были корректировать политику своих предшественников, что, естественно, приводило к конфликтам между «старыми» и «новыми» членами высшего руководства США, то на палестино-израильском направлении подобные конфликты возникнуть были не должны: у американцев как минимум более года, с момента реализации А. Шароном так называемой «программы раз-

²⁹⁸ Seymour Hersh, “The Next Act” // *The New Yorker*, November 20, 2006.

²⁹⁹ Цит. там же.

межевания», не было фактически никакой внятной позиции по поводу отношений Израиля и ПНА и палестино-израильского конфликта в целом.

В конце ноября 2006 года автор этой книги писал: «За немедленный вывод американского воинского контингента из Ирака не выступает практически никто из видных американских политиков, в том числе и из лагеря демократов, однако через два года в США состоятся новые выборы, в том числе и президентские, и демократы должны будут отвечать перед избирателями, которым они обещали кардинальные перемены внешней политики США на ближневосточном направлении. В этой связи спасительной для многих американских политиков может быть идея переключения внимания общества с иракского, иранского и афганского направлений на палестино-израильское»³⁰⁰. За пятнадцать лет до этого, по окончании первой иракской кампании, госсекретарь США Джеймс Бейкер действовал именно подобным образом, приложив значительные усилия с целью организации международной мирной конференции по Ближнему Востоку, в центре которой стоял не вопрос о судьбе стран Персидского залива, а именно отношений Израиля (не имевшего, понятно, никакого отношения к аннексии Ираком Кувейта, из-за чего, собственно, и разгорелась первая война в Персидском заливе) с граничащими с ним арабскими странами. Эта конференция, прошедшая в Мадриде в декабре 1991 года, без сомнения, стала этапным событием, которое среди прочего внесло значительный вклад в укрепление статуса США как державы-посредника, которая только и может усадить «упрямые стороны» за стол переговоров. «Этот же маневр может быть повторен американской администрацией и в настоящее время, — указывал я, добавляя: — Не следует забывать о значительном влиянии бывшего госсекретаря Дж. Бейкера на процесс принятия решений нынешней администрацией: Дж. Бейкер не только является соруководителем Группы по изучению ситуации в Ираке, но и был одним из трех лоббистов (совместно с экс-президентом США Дж. Бушем-старшим и бывшим главой Совета национальной безопасности США Б. Скоукрофтом), протолкнувших кандидатуру бывшего директора ЦРУ Роберта Гейтса, работавшего в последние годы президентом Техасского сельскохозяйственного и инженерного университета (Texas A&M

³⁰⁰ Здесь и далее цит.: Алек Д. Эпштейн, «Перспективы трансформации политики США на палестино-израильском направлении в свете итогов выборов в Конгресс» // Портал Института Ближнего Востока, 27 ноября 2006 г.; опубликовано под другим названием в печати: *Международная еврейская газета*, №45–46, 12 декабря 2006 г., стр. 4.

University)), на пост министра обороны. Модель действий, с успехом опробованную ими пятнадцать лет назад, американцы вполне могут постараться воплотить и сейчас».

Тот факт, что подобная инициатива проведения международной мирной конференции по Ближнему Востоку, в центре которой должно стоять именно обсуждение различных компонентов палестино-израильского конфликта, уже тогда активно обсуждалась дипломатами крупных западноевропейских стран (Франции, Испании и Италии), виделся мне фактором, который мог стать катализатором американского стремления «сыграть на опережение» с целью сохранить свои позиции ведущего и наиболее влиятельного посредника. Тогдашний президент Франции Жак Ширак объявил об этой инициативе, находясь в Испании, в городе Жирона, на двустороннем саммите с тогдашним премьер-министром Испании Хосе Луисом Родригесом Сапатеро. Следует отметить неслучайность того факта, что заявление о новой инициативе было сделано именно в Испании: во-первых, верховным комиссаром Евросоюза по внешней политике являлся испанец Хавьер Солана; во-вторых, министром иностранных дел Испании был в то время Мигель Моратинос, бывший спецпредставитель Евросоюза на Ближнем Востоке; в-третьих, именно в Мадриде была за пятнадцать лет до этого проведена упомянутая выше конференция. Сам М. Моратинос, кстати, недвусмысленно подчеркивал эту параллель, говоря о том, что он «делает ставку на проведение повторной Мадридской конференции, которая в 1991 году открыла путь к переговорам между Израилем и его соседями». Учитывая, что американским руководителям нужно было, во-первых, перевести внимание собственного общества с провалов в Ираке на какой-либо иной ближневосточный фронт, во-вторых, наладить лучшие отношения с западноевропейскими партнерами, большинство из которых (но не Испания) с самого начала выступали против операции в Ираке, и, в-третьих, сформулировать какую-то новую доктрину по палестинскому вопросу, мне представлялось крайне маловероятным, что они будут выступать против западноевропейской инициативы — напротив, скорее всего, они активно поддержат ее.

Так и случилось, этот прогноз сбылся полностью. К. Райс, сменившая К. Пауэлла на посту государственного секретаря, предложила президенту Дж. Бушу-мл. провести международную конференцию, в эпицентре которой будут переговоры между лидерами Израиля и ПНА, именно под его патронажем. Президент, впрочем, был настроен скептически. Больше всего его беспокоил риск того, что соглашение не будет достигнуто, вследствие чего ситуация только ухудшится, как было после изнурительного для всех саммита в Кемп-Дэвиде,

прошедшего под патронажем Б. Клинтона в июле 2000 года. К. Райс предложила снизить риск такого развития событий, представив конференцию лишь как способ поддержать тот процесс, который уже и так шел между палестинцами и израильянами. Действительно, переговоры Э. Ольмерта и М. Аббаса, пусть и втайне, но шли уже много месяцев. По мнению К. Райс, такая конференция поддержала бы тех представителей ПНА, которые стремятся к разрешению конфликта и к проведению демократических преобразований — среди них она выделяла тогдашнего главу правительства ПНА, выпускника Техасского университета в Остине Салама Файяда (он ушел в отставку 6 июня 2013 года после шестилетнего пребывания на посту). Конференция в Аннаполисе должна была вывести из тени переговоры, которые казались американцам перспективными.

Идея конференции была, естественно, поддержана и европейскими, и российскими дипломатами. Дж. Бушу-мл. было важно, чтобы в конференции приняли участие представители Саудовской Аравии и Египта. Эхуд Ольмерт как раз не хотел присутствия европейцев и других посредников — он видел смысл встречи как раз в том, чтобы создать условия для легитимации прямых двусторонних переговоров без постороннего вмешательства, однако у президента США была своя «повестка дня». Подготовку к проведению конференции Дж. Буш-мл. поручил Кондолизе Райс и сменившему ее на посту советника по национальной безопасности Стивену Хэдли.

Был выработан план проведения встречи, в соответствии с которым она должна была строиться на трех основных элементах. В первую очередь необходимо было добиваться ускорения реализации первого этапа «Дорожной карты» (который, вообще говоря, должен был быть реализован еще в марте 2003 года), что подразумевало, в частности, ликвидацию ряда контрольно-пропускных пунктов на Западном берегу и расширение сотрудничества израильян и палестинцев в сфере безопасности. Во-вторых, планировалось начать двусторонние переговоры по ключевым вопросам, от урегулирования которых зависело разрешение конфликта. В-третьих, необходимо было добиться реализации политического соглашения в рамках «видения», предусмотренного «Дорожной картой». При этом позиция правительства Израиля состояла в том, что переговоры о проблеме беженцев и их потомков и урегулировании статуса Иерусалима должны были начаться после того, как палестинцы создадут собственные политические институты и покончат с терроризмом. Палестинцы же, в свою очередь, были более всего заинтересованы именно в скорейшем начале этих переговоров. При поддержке американцев палестинцы добились от израильского руководства обязательства на-

чать содержательный переговорный процесс в течение двух недель по завершении конференции в Аннаполисе. В итоговом документе была зафиксирована дата первого заседания совместной палестино-израильской рабочей группы — 12 декабря 2007 года. На самом деле переговоры о самых центральных компонентах конфликта шли к тому времени вовсю (к началу октября 2007 года, когда были согласованы основные параметры конференции в Аннаполисе, Э. Ольмерт и М. Аббас встретились пять раз), но в глубокой тайне, и палестинцы были заинтересованы, чтобы израильские официальные лица озвучили публично то, что Э. Ольмерт и министр иностранных дел Ц. Ливни говорили в ходе приватных переговоров.

Кондолиза Райс несколько раз посещала Ближний Восток, и в конечном итоге было решено провести конференцию в Аннаполисе в ноябре 2007 года. При этом, учитывая сложности при подготовке конференции, было решено не рассылать официальные приглашения, пока каждая сторона приватно не подтвердит свое намерение участвовать в ней. Не раз казалось, что мероприятие сорвется, но к ноябрю все проблемы постепенно удалось так или иначе урегулировать.

В преддверии конференции в Аннаполисе, 4 ноября 2007 года, Эхуд Ольмерт представил исключительно обнадеживающую картину своих ожиданий от грядущего форума: «Аннаполис — это символ того, что существует международная поддержка мирному процессу, истинным стараниям реализовать идею сосуществования двух государств: Израиля, государства еврейского народа, и Палестины, государства палестинского народа. Мы не будем поднимать вопрос о праве Израиля на существование как еврейского государства. Мы не будем обсуждать право палестинского народа на свое собственное государство. Обе эти идеи являются основными условиями переговоров, очевидными и не требующими обсуждения. Все остальные вопросы, все серьезные проблемы, все исторически сложившиеся противоречия, лежащие в основе конфликта между нами и палестинцами, будут обсуждаться. Мы не откажемся от обсуждения ни от одного из них. Аннаполис станет отправной точкой для продолжительных, серьезных и глубоких переговоров, которые не упустят ни один вопрос, и не оставят в стороне ни один момент из тех, что омрачают наши отношения с палестинским народом в течение многих лет»³⁰¹. *Ужас состоит в том, что то, что для премьер-министра Израиля было тем единственным, что казалось «очевидным и не требующим обсуждения», а*

³⁰¹ Здесь и далее цит. по: Address by Prime Minister Ehud Olmert at the Saban Forum, November 4, 2007.

именно – «право Израиля на существование как еврейского государства», для палестинских лидеров не только не было очевидным, но и в принципе не было приемлемым. Палестинская делегация так и не выступила в Аннаполисе с заявлением о том, что признает Израиль как еврейское государство. Когда сменивший Э. Ольмерта на посту главы правительства Б. Нетаньяху потребовал от руководства ПНА ясно и недвусмысленно признать Израиль как еврейское государство, переговоры и взорвались. Израильские и американские руководители фатально недооценили ту пропасть, которая разделяла и разделяет стороны, считая основными и самыми трудными проблемами те, что вытекали из главного, но не осознав это главное: палестинцы так и не признали легитимность существования Израиля как национального дома еврейского народа.

Э. Ольмерт был очень воодушевлен: «Сейчас время пришло. Во главе палестинского руководства стоят лидеры, поддерживающие все соглашения, подписанные до сегодняшнего дня с Израилем». Хотя «мы знаем о сбоях в функционировании Палестинской администрации, отсутствии стабильных органов власти, полном распаде структур безопасности на Западном берегу, власти ХАМАСа в палестинском парламенте и терроре, осуществляемом рядом агрессивных организаций в секторе Газа, что приводит к обстрелам ракетами “кассам” жителей юга страны», хотя «у нас есть весомые доказательства, что в Палестинской администрации еще не сложились условия для того, чтобы реально и ответственно могли выполняться соглашения с Израилем», глава правительства Израиля верил в успех, причем быстрый: «Мы способны справиться с этими обстоятельствами. Президент Палестинской администрации Махмуд Аббас и глава правительства Салам Файяд публично, уверенно, несмотря на все сопряженные с этим сложности, в атмосфере непростых отношений внутри палестинского общества, заявляют, что они хотят жить с нами в мире. Это данная нам возможность — необходимо использовать ее! ... После конференции в Аннаполисе мы начнем интенсивные, продолжительные и регулярные переговоры. Если мы и палестинцы будем действовать решительно, тогда есть шанс, что мы сможем добиться настоящих достижений, возможно, даже до окончания каденции президента Буша». До окончания каденции Дж. Буша-мл. оставалось чуть более года.

Перечитывая те возражения и оговорки, которые перечислил Э. Ольмерт, сложно понять, на чем базировались его воодушевление и надежды. Как представляется, одна фраза тогдашнего главы правительства свидетельствует о причинах того, что он поехал на саммит в Аннаполис больше, чем всё остальное, им сказанное. «В существующей ситуации у нас есть партнер, и мы не можем себе по-

зволить отодвинуть переговоры на то время, когда, возможно, наши партнеры будут не в состоянии выполнить свою миссию», — прямо сказал Э. Ольмерт. Иначе говоря, высокие ожидания от переговоров с М. Аббасом и С. Файядом были прежде всего следствием того, что и сам глава правительства Израиля, и, как он полагал, палестинские руководители понимали зыбкость собственного статуса. Это была очень странная логика: соглашение, предусматривающее серьезные уступки, обычно подписывают с теми, в чьей способности выполнить взятые на себя обязательства сомнений нет, здесь же само соглашение должно было укрепить статус тех, кто его подписывал. Израильяне и американцы могли бы вспомнить о том, как осталось клочком бумаги мирное соглашение, подписанное в мае 1983 года с Ливаном, ибо власти, подписавшие этот документ, были слишком слабы, чтобы обеспечить его ратификацию в парламенте и последующую реализацию. Сложно понять, почему соглашение, подписанное с властями ПНА, которое бы заведомо не утвердил Палестинский законодательный совет, контролировавшийся ХА-МАСом, ждала бы лучшая судьба.

Надо сказать, что сама задача составления приглашения на конференцию (по идее — процесс сугубо формальный) оказалась весьма непростой. Арабские представители хотели, чтобы в нем были изложены условия, на которых может быть достигнуто мирное соглашение. Они также желали, чтобы в тексте в качестве основы для переговоров была бы обозначена Саудовская мирная инициатива, предложенная в 2002 году, что было совершенно неприемлемо для представителей Израиля, которые не считали возможным в чем-то опираться на нее. Американцы уступили требованиям арабов, заставив израильских представителей смириться с тем, что Саудовская инициатива будет упомянута. Кроме того, египтяне настаивали на присутствии на конференции сирийцев, которые заявили, что приедут на конференцию лишь в том случае, если на ней будет обсуждаться вопрос возврата Израилем Голанских высот. Ливанцы требовали, чтобы в приглашении был упомянут вопрос о районе т.н. ферм Шебаа (хотя ООН признала, что Израиль полностью вывел свои силы из Ливана, правительство этой страны и «Хизбалла» утверждают, будто Израиль продолжает оккупировать этот район, якобы принадлежащий Ливану). Увидев текст приглашения, Э. Ольмерт заявил, что оно содержит отсылки к мирной инициативе Саудовской Аравии, которых он предварительно не одобрял. Кондолизе Райс, однако, удалось убедить его, что эти изменения были внесены в результате напряженных переговоров с арабскими представителями, и изъять их невозможно. Американцы были заинтересованы, чтобы в

конференции приняло участие как можно большее число арабских стран, направив приглашения семнадцати из них³⁰², в целом согласившись выполнить все условия, которыми те обусловили приезд своих представителей.

Американцам было важно сформировать самой этой конференцией коалицию против Ирана, поэтому они отправили приглашения почти всем странам арабо-мусульманского мира, за исключением Ирана. Как справедливо указывал профессор Гарвардского университета политолог Дэвид Герген, «неудачи в Ираке усилили шиитский Иран, и это серьезно напугало страны, населенные суннитами, вроде Саудовской Аравии и Египта. Они не хотят усиления воинствующих элементов на Ближнем Востоке. Одним из способов охлаждения пыла шиитов они считают посредничество в мирном урегулировании между палестинцами и израильянами, сопровождаемое некоторым смягчением позиции по отношению к последним. Понимая это, Дж. Буш и К. Райс не преминули воспользоваться моментом»³⁰³. Всего же на конференцию были приглашены представители почти полусотни стран, включая совершенно нерелевантные Бразилию и Японию, а также Лиги арабских государств, организации «Исламская конференция», Международного валютного фонда и Всемирного банка! *Это очевидным образом противоречило стремлению Э. Ольмерта к рабочему форуму, на котором можно было пытаться вести конструктивный диалог с М. Аббасом и его советниками, но Дж. Буш-мл. нуждался в чем-то совершенно другом: ему была нужна впечатляющая демонстрация мощи и руководящей роли Соединенных Штатов в международной и региональной дипломатии, безотносительно того, насколько это соответствовало потребностям Израиля.*

В итоговом документе Аннаполисской конференции указывалось, что «США берут на себя функции по мониторингу и оценке того, как Израиль и ПНА выполняют свои обязательства в рамках “Дорожной карты”». «До заключения мирного договора стороны будут привержены продолжению осуществления обязательств в рамках “Дорожной карты”, и США будут вести мониторинг и давать оценку тому, как обе стороны выполняют свои обязательства», — было записано в документе, который огласил Джордж Буш-мл. Фактически попытка перезапуска «Дорожной карты» на Аннаполисской конференции переформатировала этот процесс из четырехстороннего проекта под эгидой США, Российской Федерации, Евросоюза и

³⁰² “US invites 17 Arab states to Annapolis, no Hamas” // *Al Arabiya*, November 21, 2007.

³⁰³ Интервью на *Радио Свобода*, 28 ноября 2007 г.

ООН в сугубо американский проект, и, пожалуй, это было главное, в чем была заинтересована администрация США.

Дни, непосредственно предшествовавшие конференции, были наполнены постоянными спорами о том, будут ли стороны делать совместное заявление перед началом переговоров и каким будет его содержание. Палестинцы требовали, чтобы в нем были как можно подробнее изложены условия достижения соглашения, а израильтяне считали, что этот документ должен быть достаточно кратким. Позиция США заключалась в том, что в этом тексте должны быть обозначены три основных условия, на которых будет базироваться работа конференции: требование выполнения условий «Дорожной карты», поддержка двусторонних переговоров и реализация будущего соглашения на основе выполнения положений «Дорожной карты». Также США были намерены включить в текст конечный срок достижения соглашения, который был определен в один год. Это давало слишком мало времени, но это был как раз тот срок, который оставался до прекращения полномочий администрации Буша.

В зале Морской академии, где проходила конференция, были вывешены американский, израильский и палестинский флаги. Наличие флага Палестины было важным символическим обстоятельством, поскольку это был первый случай, когда палестинцы участвовали в международном мероприятии под своим собственным флагом. Это был еще один американский жест не в сторону Израиля (все же о создании Государства Палестина сторонам еще только предстояло договориться), который Э. Ольмерт и члены израильской делегации должны были проглотить.

Конференция началась с того, что президент Дж. Буш-мл. зачитал текст, согласованный с представителями Израиля и Палестинской администрации³⁰⁴. После этого выступили Э. Ольмерт и М. Аббас — К. Райс, выступившая следом, деликатно упомянула в мемуарах, что «речь первого была более миролюбивой и дружественной по отношению к другой стороне». К. Райс была необычайно воодушевлена тем, что на открытии Аннаполисской конференции присутствовал министр иностранных дел Саудовской Аравии; его формальные аплодисменты после выступления Э. Ольмерта она охарактеризовала как «вошедшие в историю». Чем именно была так воодушевлена госсекретарь, сказать трудно: Саудовская Аравия ни тогда, ни позднее не признала Израиль и не установила с ним дипломатических

³⁰⁴ О конференции в Аннаполисе см. диссертационную работу: Marta P. Silva, "The Annapolis Conference: A Chronic Case of Too Little, Too Late?" (Washington: Georgetown University, 2010), pp. 53–60.

отношений. Вопрос же соблюдения демократических прав и свобод личности в этой стране как был, так и остался бесконечно далеким от американских стандартов, к которым Израиль как раз весьма близок. Свою же позицию по сути обсуждаемых вопросов министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал выразил более чем отчетливо на пресс-конференции 23 ноября 2007 года, и эта позиция не оставляла ни малейшего повода для радужных надежд: «Мы собираемся работать серьезно и без театральных эффектов и надеемся, что другая сторона встретит нас столь же серьезно и искренне. Мы едем туда [в Аннаполис] не для того, чтобы кому-то пожать руку или выразить чувства, которые мы не испытываем [sic!]. Мы едем туда только для того, чтобы добиться мира, который сохранит арабские права, сохранит Палестине ее территорию, сохранит Сирии ее территорию, сохранит Ливану ее территорию. Так мы понимаем серьезную работу, ради которой мы туда и едем»³⁰⁵. Ни о каких правах Израиля не было сказано ни слова, более того, задав сам себе вопрос — «можно ли представить себе, что мы примем израильскую постановку вопроса о еврейском характере Израиля?», саудовский министр ответил: «Для нас бесспорно ее неприятие». С такой позицией «входить в историю», очевидно, не с чем.

В последний год своей второй президентской каденции Дж. Буш-мл. дважды посетил Израиль — в январе и в мае 2008 года. В январе Дж. Буш-мл. приехал, чтобы продвигать Аннаполисский процесс, и эта тема была в центре его переговоров с Э. Ольмертом³⁰⁶. Кроме Израиля, Дж. Буш-мл. в ходе этого турне посетил Бахрейн, Кувейт, ОАЭ, Саудовскую Аравию и Египет, а также встретился с руководством ПНА в Рамалле. В Израиле президент США вновь заявил: «Я верю, что две демократические страны, Израиль и Палестинское государство, существующие рядом друг с другом, отвечают интересам США и всего мира». Он произнес и ритуальные слова о том, что «обеим сторонам придется пойти на болезненные компромиссы», что «переговоры будут очень непростыми» и что «задача США содействовать им». При этом Дж. Буш-мл. повторил, что «США не собираются навязывать свои представления о том, каким должно стать это государство. Единственная возможность для достижения продолжительного мира, единственный путь, чтобы соглашение имело какое-

³⁰⁵ Здесь и далее цит. по: Григорий Косач, «Саудовская Аравия: участие в конференции в Аннаполисе» // Портал Института Ближнего Востока, 26 ноября 2007 г.

³⁰⁶ См.: Владимир (Зеэв) Ханин, «Визит президента США Дж. Буша в Израиль: некоторые внутривосточные итоги и перспективы» // Портал Института Ближнего Востока, 27 января 2008 г.

то значение — это компромисс между двумя сторонами и принятие трудных решений», хотя президент и обещал: «мы им [израильтянам и палестинцам] поможем в этом». «Если вы спросите меня, активизирую ли я процесс, отвечу: да, мой приезд сюда является весомым толчком, и вчера уже состоялось первое обсуждение», — сообщил Дж. Буш-мл. на пресс-конференции. Президент источал оптимизм: «В Америке люди задают вопрос: “Вы действительно считаете, что у этих людей серьезные намерения? В прошлом мы часто слышали подобную риторику, слушали много деклараций”. Я бы не находился здесь, если бы я не верил, что вы, г-н премьер-министр, и президент Аббас и ваши переговорные группы имеют серьезные намерения. Я считаю, что люди хотят использовать эту возможность, и наш долг не упустить ее»³⁰⁷.

Майский визит был приурочен к шестидесятой годовщине провозглашения независимости еврейского государства. За три дня, изобиловавших поздравлениями, обоюдными комплиментами, заверениями в нерушимости союза двух демократий, Дж. Буш выступил в израильском парламенте — Кнессете, принял участие в специальной юбилейной конференции, прошедшей под патронажем президента Израиля Шимона Переса, и посетил Массад — крепость на берегу Мертвого моря, ставшую последним оплотом zelотов во время антиримского восстания 66–73 гг. н.э. Массад стала символом героизма еврейского народа: именно там новобранцы бронетанковых войск принимают воинскую присягу и дают клятву: «Массад больше не падет!» Президент также вновь говорил о возможности достижения мира, которую нельзя упустить.

Возможность, однако, была упущена. В ходе интенсивных тайных переговоров, шедших с мая по сентябрь 2008 года (начало им положили приватные встречи К. Райс с Э. Ольмертом и М. Аббасом), детали которых тогда не публиковались в печати ни в Израиле, ни в других странах, за основу была взята пограничная линия 1967 года, причем за те территории, который Израиль планировал аннексировать, предусматривалась территориальная компенсация. Израиль также соглашался принять до двадцати тысяч палестинских беженцев³⁰⁸. По сути, речь шла о переговорах на основе «параметров Клинтона» с масштабными уступками со стороны Израиля. Речь шла

³⁰⁷ Совместная пресс-конференция президента США Дж. Буша и премьер-министра Израиля Э. Ольмерта, Иерусалим, 9 января 2008 г.

³⁰⁸ Воспоминания Э. Ольмерта были опубликованы в газете *Едиот ахронот* [«Последние известия»] 19 сентября 2010 г. [на иврите]. Было указано, что это — главы из будущей книги, однако за прошедшие с тех пор четыре года эта книга так и не появилась.

о том, что Палестинское государство будет демилитаризованным; что израильские силы будут выведены и из Иорданской долины, но на КПП на границах с Иорданией будет расквартирован международный контингент, большинство которого будут составлять американцы; Иерусалим будет разделен между Израилем и Палестинским государством (при этом еврейские кварталы Писгат-Зеэв, Неве-Яаков, Рамот, Гило и Тальпиот-Мизрах, созданные за «зеленой чертой», должны были сохраниться) при передаче контроля над святыми местами трех религий в Старом городе под международный контроль. Ахмед Курейи предлагал передать Израилю контроль над всеми районами Иерусалима, за исключением сравнительно нового еврейского квартала Хар-Хома (Хомат-Шмуэль), построенного в 1997 году. «Мы делаем подобное предложение впервые в истории; на Кемп-Дэвидском саммите мы не соглашались на это», — подчеркивал бывший премьер-министр ПНА³⁰⁹. Соглашение, однако, подписано не было: с целью сохранения крупных поселенческих блоков (этот план глава правительства называл «планом консолидации») Э. Ольмерт требовал сохранения израильского контроля над как минимум 6,5% территории Иудеи, Самарии и Иорданской долины, с идентичной территориальной компенсацией за счет части суверенной территории Израиля в пределах «зеленой черты» (это позволило бы 413 тысячам человек, включая жителей еврейских кварталов в Восточном Иерусалиме, остаться в своих домах, но 56 тысяч человек вынуждены были бы эвакуироваться). Палестинская же сторона соглашалась на аннексию Израилем лишь 2% территории за пределами «зеленой черты», преимущественно — в Восточном Иерусалиме, утверждая, что там проживают 63% еврейских поселенцев³¹⁰, считая при этом в качестве поселенцев не только примерно четверть миллиона жителей Западного берега, но и четверть миллиона еврейских жителей Восточного Иерусалима. При этом, в рамках обсуждения границ и обмена территориями (в соотношении строго один к одному), палестинцы требовали, чтобы Израиль обязался предоставить коридор, который соединил бы Западный берег с сектором Газа и находился бы под контролем палестинцев при формальном израильском суверенитете. Последняя встреча между Э. Ольмертом и М. Аббасом состоялась 16 сентября 2008 года; именно тогда глава

³⁰⁹ Cregg Carlstrom, «The Biggest Yerushalayim» // *Al-Jazeera*, 23 января 2011 года.

³¹⁰ «The Palestine papers: stalemate over Jerusalem. Meeting on borders minutes (Jerusalem, 4 May 2008)», p. 3 // *Guardian*, <http://www.guardian.co.uk/world/palestine-papers-documents/2826>

правительства Израиля предложил главе ПНА подписать соглашение и прилагавшиеся к нему карты, но встретил отказ. По свидетельству Э. Ольмерта, он тогда же сказал М. Аббасу, что тот «совершает историческую ошибку»³¹¹. Это был последний день пребывания Э. Ольмерта на посту лидера партии «Кадима», 17 сентября в ходе внутрипартийного голосования Ц. Ливни с минимальным перевесом победила Ш. Мофаза и возглавила партию. Э. Ольмерт остался главой правительства до 31 марта 2009 года, но Аннаполисский процесс более не продолжался³¹².

Две очень серьезные проблемы не нашли своего решения, они-то и предопределили крах переговоров. Первой из них стала судьба четырех крупных еврейских населенных пунктов, находящихся на территории Западного берега: Маале-Адумим, Эфрата, Ариэля, Гиват-Зеэва и района Хар-Хома в Восточном Иерусалиме. В то время как израильская сторона требовала аннексировать эти населенные пункты, в которых в сумме проживало в то время около 95 тысяч человек, эвакуация которых, подобно тому, как были эвакуированы поселенцы из сектора Газа, представлялась невозможной, палестинские переговорщики настаивали на том, чтобы территории, на которых находятся эти населенные пункты, стали частью Палестинского государства. «Ариэль находится в глубине Западного берега, на расстоянии девятнадцати километров от “зеленой черты”, и это мешает географической непрерывности [Палестинского государства] и позволяет Израилю контролировать водные ресурсы», — так аргументировал непреклонность палестинской позиции Ахмед Курей в ходе встречи, на которой присутствовал и американский представитель³¹³. Невоз-

³¹¹ Ethan Bronner, “Olmert Memoir Cites Near Deal for Mideast Peace” // *New York Times*, January 27, 2011.

³¹² Более полутора тысяч документов общим объемом 6500 страниц, касавшихся переговоров, которые руководители ПНА вели с Израилем, были «слиты» (как считается, М. Дахланом) в конце января 2011 года и обнародованы сайтом «Аль-Джазира» и британской газетой «Гардиан», что стало крупнейшей утечкой палестинских документов. См.: The Palestine Papers // *Al Jazeera*, January 23, 2011, <http://www.aljazeera.com/palestinepapers/2011/01/201112214310263628.html>. Хронологически обнародованные материалы охватывают период с 1999 по 2010 год: первый документ, опубликованный каналом «Аль-Джазира», датируется 30 сентября 1999 года, а последний — 27 сентября 2010 года. Изучение этих документов позволяет с высокой степенью достоверности восстановить ход переговоров, которые вели Э. Ольмерт, Ц. Ливни и их сотрудники с М. Аббасом, А. Курей, С. Арикатом и другими.

³¹³ “Meeting Minutes: Trilateral — United States, Israel and Palestine”. Протокол трехстороннего заседания с участием представителей Израиля, ПНА и США от 15 июня 2008 г. // *Al Jazeera*, <http://transparency.aljazeera.net/document/2825>

возможность эвакуации Израилем крупных населенных пунктов, с одной стороны, и нежелание палестинцев создавать еврейские анклавы внутри своего будущего государства, с другой, оказались ультимативными требованиями сторон, которые, очевидно, невозможно совместить. Занимавшая тогда пост министра иностранных дел Израиля Ципи Ливни категорично заявила, что предложение палестинцев «не согласуются с нашими [израильскими] требованиями»³¹⁴.

Второй важной проблемой, стоявшей на пути переговоров об окончательном урегулировании, являлась необходимость как внешней, так и внутренней легитимации договоренностей. Причем проблема эта, как представляется, наиболее остро стояла именно перед палестинцами. С одной стороны, масштаб уступок Израилю — в особенности отказ от возвращения почти всех палестинских беженцев и их потомков — мог бы выставить палестинских руководителей в крайне неблагоприятном свете в глазах арабского общественного мнения. На встрече с израильскими представителями, состоявшейся в мае 2008 года, на которой стороны обсуждали территориальные аспекты соглашения, Ахмед Курейи высказал беспокойство палестинцев относительно реакции арабских стран, указав, что даже президент Египта Х. Мубарак не признает соглашение, которое было бы «несправедливым в отношении палестинцев»³¹⁵. Реакция же остальных арабских лидеров, по-видимому, ожидалась значительно более жесткой. С другой стороны, необходимо принимать в расчет тот факт, что на выборах в законодательное собрание ПНА в 2006 году, не только в секторе Газа, но на всей территории ПНА, победило движение ХАМАС. Находящееся у власти на Западном берегу движение ФАТХ, главой которого является Махмуд Аббас, президентская каденция которого закончилась в январе 2009 года, обладает, прямо скажем, небесспорной легитимностью и в глазах собственно палестинского населения. Отказ от реализации одного из краеугольных камней палестинского этоса — «святого права» на возвращение на родину — Махмуду Аббасу и его гвардии еще нужно как-то обосновать перед своим народом, включая и самих беженцев (по прошествии более чем шестидесяти лет после войны 1948 года их осталось в живых уже очень немного) и их потомков.

Все эти проблемы не нашли своего разрешения и поныне.

³¹⁴ "The Palestine papers: stalemate over Jerusalem. Meeting on borders minutes" (Jerusalem, May 4, 2008).

³¹⁵ "The Palestine papers: Israel responds to land-swap proposals". Протокол заседания палестино-израильской переговорной группы по вопросам территорий от 21 мая 2008 г. // *Guardian*, January 23, 2011, <http://www.guardian.co.uk/world/palestine-papers-documents/2618>

В целом в период правления Дж. Буша-мл. военно-политическое и военно-технологическое сотрудничество между США и Израилем развивалось достаточно успешно. В январе 2007 года министры внутренней безопасности двух стран Майкл Чертофф (Michael Chertoff) и Ави Дихтер подписали меморандум об углублении сотрудничества в сфере противодействия террору, а в октябре 2007 года министры обороны двух стран Роберт Гейтс и Эхуд Барак подписали соглашение о совместной разработке многоуровневой системы противоракетной обороны. Прошло и несколько совместных военных учений.

Вместе с тем в период правления Дж. Буша-мл. американские граждане дважды арестовывались по обвинению в передаче секретной информации Израилю. Эти случаи куда менее известны, чем дело Дж. Полларда, описанное в семнадцатой главе, однако, несомненно, также заслуживают внимания. 21 января 2006 года к двенадцати годам тюремного заключения был приговорен бывший аналитик Пентагона, эксперт по Ирану и Ираку 58-летний Ларри Франклин (Lawrence Franklin), работавший аналитиком в группе заместителя министра обороны по политическому планированию Дугласа Фейта (Douglas J. Feith), разоблаченный в начале сентября 2004 года и осужденный за передачу секретной информации двум сотрудникам произраильского лобби AIPAC Стивену Розену (Steve J. Rosen) и Кейту Вайсману (Keith Weissman) и израильскому дипломату Наору Гилону. Выступая в суде, Л. Франклин сказал, что он был не согласен с политикой американской администрации на Ближнем Востоке и надеялся, что AIPAC сумеет на нее повлиять по своим каналам на Совет по национальной безопасности³¹⁶.

22 апреля 2008 года был арестован 85-летний Бен-Ами Кадиш (Ben-Ami Kadish, 1923–2012), работавший в прошлом инженером-механиком в научно-исследовательском отделе разработки вооружений и инженерном центре Арсенала Пикатинни в Довере, штат Нью-Джерси. По роду своей деятельности он имел доступ к секретной информации, в частности касающейся поставок США самолетов F-15 в страны Ближнего Востока, но не в Израиль. Также он имел подробную информацию о типах вооружения, установленных на этих самолетах. Б.-А. Кадиш поддерживал контакт с одним из представителей посольства Израиля в Вашингтоне. 30 декабря 2008 года он признал себя виновным в том, что, действуя как неофициальный агент Израиля, в период между 1980 и 1985 годом передал Израилю множество секретных документов, в том числе информацию о ракетных систе-

³¹⁶ См.: Eric Lichtblau, "Pentagon Analyst Admits Sharing Secret Data" // *New York Times*, October 6, 2005.

мах. Информацию он передавал Йосефу Ягуру, научному советнику израильского консульства в Нью-Йорке, который фотографировал документы в доме Б.-А. Кадиша. Б.-А. Кадиш рассказал, что Й. Ягур звонил ему по телефону и просил достать засекреченные военные документы, в том числе относившиеся к системам противоракетной защиты. Б.-А. Кадиш признался, что доставал эти документы в библиотеке Арсенала. В тексте признания Б.-А. Кадиша говорится, что он «не просил и не получал никаких ценностей в награду за секретные документы», которые он передавал «ради блага Израиля»³¹⁷. Б.-А. Кадиш был признан виновным и избежал тюремного заключения исключительно в связи с его очень пожилым возрастом и огромным сроком — 23 года, прошедшим между окончанием его сотрудничества с израильскими представителями и передачей дела в суд; однако Б.-А. Кадиш был признан виновным и приговорен к штрафу в пятьдесят тысяч долларов.

Факт судебных преследований американских граждан за передачу Израилю материалов, касавшихся Ирана, Ирака и поставок современных самолетов в арабские страны Ближнего Востока, то есть информации, непосредственно необходимой еврейскому государству для обеспечения своей безопасности в самом прямом смысле этого слова, отчетливо свидетельствует, насколько далеки отношения между двумя странами от подлинно союзнических. Причем если в случае с Дж. Поллардом могли быть причины считать, что этот человек, вольно или невольно, нанес урон работе американских спецслужб в странах Варшавского договора, то применительно к Л. Франклину и Б.-А. Кадишу было совершенно очевидно, что никакого урона интересам безопасности США они не нанесли. Несмотря на это, оба они были осуждены.

Подводя итоги восьми годам своего правления, республиканская администрация имела мало поводов для оптимизма. Длившаяся с 2003 года американская военная операция в Ираке не привела ни к обнаружению оружия массового уничтожения, ни к построению в этой стране сколько-нибудь стабильного режима, основанного хоть на каком-то демократическом фундаменте. Цены на нефть (а ведь, по всеобщему убеждению, именно за дешевой нефтью Дж. Буш-мл. и отправился на Вторую Иракскую войну), не достигавшие в 2003 году и 35 долларов за баррель, превысили к середине мая 2008 года 125 долларов, то есть рост составил более чем 250% за пять лет; в июле они выросли еще больше. Затем цены на энергоносители пошли на спад, но и во втором полугодии 2009 года они в среднем были вдвое выше

³¹⁷ См.: Carrie Johnson, “Retiree Pleads Guilty To Giving U.S. Secrets To Israel in the 1980s” // *Washington Post*, 31 December 2008.

тех, которые были до начала Второй Иракской войны. Выиграли от этого, мягко говоря, не обязательно самые дружественные США страны: Саудовская Аравия, Иран, Венесуэла, Россия — крупнейшие мировые экспортеры нефти. США же, будучи крупнейшим мировым импортером, теряла многие миллиарды ежемесячно. В итоге, с экономической точки зрения политика президента Дж. Буша-мл. привела к резкому фактическому усилению тех стран, с которыми у США сохранялись весьма напряженные отношения³¹⁸.

С точки зрения международного статуса Соединенных Штатов ущерб столь же очевиден: единственная мировая супердержава доказала свою неспособность выиграть локальную войну у не самого сильного противника, не имевшего в своем распоряжении и уж точно не использовавшего ни ядерного, ни биологического, ни химического оружия. 16 мая 2008 года, еще будучи кандидатом на президентский пост, Барак Обама сказал вслух то, что было понятно, но в Вашингтоне не произносилось: страной, получившей наибольшие политические дивиденды от иракской кампании, оказался ненавидимый администрацией Дж. Буша-мл. Иран³¹⁹. Американские же планы создания суннитского антииранского фронта также потерпели фиаско. Саудовская Аравия, государства Залива и Египет выступили резко против военной операции против Ирана.

Две поездки Дж. Буша в Израиль и на территорию, подконтрольную Палестинской администрации, были призваны во многом стать противовесом неудачам в Ираке: «Да, иногда и кое-где проблемы есть, но вот зато...» Примерно такую карту и стремилась разыграть американская дипломатия. Махмуд Аббас — не Ясир Арафат, а Эхуд Ольмерт — не Ариэль Шарон, в их обществе президент Дж. Буш-ст. мог демонстрировать свои лидерские качества, рисуя перед их глазами горизонты грядущего мирного урегулирования.

Однако выглядело все это странно. В конце концов, план двух государств для двух народов — израильтян и палестинских арабов — был с помпой обнародован Дж. Бушем-мл. еще 24 июня 2002 года. 30 апреля 2003 года Госдепартамент опубликовал «Дорожную карту» палестино-израильского урегулирования. Дж. Буш-мл. не раз принимал израильских и палестинских руководителей, а в ноябре 2007 года провел представительную международную конференцию в Аннапо-

³¹⁸ Адекватный анализ американской политики на иракском направлении в первом десятилетии XXI века представлен в книге: Lawrence Freedman, *A Choice of Enemies. America Confronts the Middle East* (New York: Public Affairs, 2008), pp. 397–448.

³¹⁹ “Obama: Bush policies strengthened Iran, Hamas” // *Reuters*, June 15, 2008.

лисе. В результате, однако, палестино-израильский переговорный процесс не привел ни к каким прорывам, Израиль же за эти годы в одностороннем порядке вывел войска и эвакуировал поселенцев из сектора Газа и Северной Самарии и почти закончил строительство так называемой разделительной «стены безопасности» на Западном берегу. Переговорный процесс между сторонами шел ни шатко ни валко и не привел ни к каким реализованным договоренностям.

Будучи формально высшими руководителями, и Э. Ольмерт, и М. Аббас де-факто были полководцами без войска, так как социум в большинстве своем их не поддерживал. Таким образом, призывы Дж. Буша к М. Аббасу и Э. Ольмерту «к совместной работе для обеспечения мира в регионе» являлись не более чем благими пожеланиями, ибо, даже если они и пришли бы к тем или иным договоренностям, едва ли в их силах было эти договоренности реализовать. Обстрел из Газы торгового центра и поликлиники в израильском прибрежном городе Ашкелоне ровно в день приезда в Израиль Дж. Буша отчетливо продемонстрировал, кто на палестинских территориях обладает реальными возможностями.

Здесь заключен еще один парадокс: хотя ХАМАС выиграл вполне демократические выборы в Законодательный совет Палестинской администрации, которые были фактически навязаны палестинцам американцами, позиция администрации Дж. Буша состояла в том, что с ХАМАСом не может быть никаких переговоров.

ХАМАС и в самом деле менее всего напоминает организацию, устремленную к мирному урегулированию³²⁰, и приуроченные к шестидесятилетию Государства Израиль заявления министра иностранных дел хамасовского кабинета М. аз-Захара о том, что с еврейским государством нет и не может быть никакого мира, а вооруженная борьба продолжится до полного освобождения всей Палестины, оставляют мало поводов для оптимизма. М. аз-Захар продолжает говорить то же самое и поныне, и уже после подписания в конце апреля 2014 года нового соглашения между ФАТХом и ХАМАСом он подчеркнул, что данное соглашение отнюдь не означает, что ХАМАС признает Израиль или какие-либо соглашения, подписанные с его руководителями представителями ФАТХа³²¹. Факт, однако, состоит в том, что ХАМАС выиграл демократические выборы, которые прошли на территориях, подконтрольных Палестинской администрации,

³²⁰ См.: Алек Д. Эпштейн, *ХАМАС в региональной политике* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2007).

³²¹ См.: "Al-Zahar: Reconciliation will not change Hamas' stands" // *Middle East Monitor*, April 30, 2014.

именно потому, что на этом настаивали американцы. Бойкот победителя демократических выборов со стороны инициатора этих выборов едва ли способен стать фактором, приближающим решение каких бы то ни было проблем ближневосточного региона.

Восемь лет правления Дж. Буша-мл. привели к тому, что американское общество страшно устало от проблем Ближнего Востока и хотело отгородиться от них насколько можно более высокой стеной. Афганистан, Ирак, Иран, Израиль, палестинцы – американцы хотели забыть об этом регионе, в который сколько ни вкладывай сил и ресурсов, всё впустую. Для Израиля наступала новая эпоха, когда из стратегического союзника США он в глазах президента и администрации вновь стал превращаться в обузу. Новый президент хотел «вернуться в Америку», как можно меньше занимаясь судьбой других стран, где бы они ни находились.

ЧАСТЬ IX.

ПОВЕСТКА ДНЯ: АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Глава 25

От «Нового начала» — к потере Ближнего Востока: администрация Б. Обамы и второе правительство Б. Нетаньяху до и после «арабской весны»

Барак Хуссейн Обама (Barack Hussein Obama) — уникальный человек на посту президента США. Первый афроамериканец, ставший президентом США, он родился в Гонолулу на Гавайях в быстро распавшейся семье студента из Кении и белой американки. Родители расстались, когда Б. Обаме было всего три года; вообще же 44-й президент США последний раз видел своего отца в десятилетнем возрасте (отец погиб в автокатастрофе в Кении в 1982 году, когда Б. Обаме был 21 год), хотя именно он занимает центральное место в первой книге Б. Обамы³²². Мать вскоре после развода познакомилась с другим иностранным студентом — индонезийцем Лоло Суторо (Lolo Soetoro, 1935–1987), вышла за него замуж и в 1967 году уехала с ним и с маленьким Бараксом в Джакарту. В Джакарте будущий президент учился с первого по четвертый класс в одной из государственных школ. В истории США не было президента, прошедшего путь, хоть минимально напоминавший этот: Б. Обама не только поднялся на высший пост в стране с самых низов, но и провел детские годы в мусульманской стране с отчимом-мусульманином. Дальше он сделал феерическую карьеру: не только учился на юридическом факультете Гарвардского университета, но и был первым за всю его историю редактором-афроамериканцем университетского издания *Harvard Law Review*, преподавал конституционное право в Чикагском университете и одновременно трижды, в период с 1997 по 2004 год, избирался в сенат штата Иллинойс, проиграл в 2000 году выборы в палату пред-

³²² См.: Barack Obama, *Dreams from My Father: A Story of Race and Inheritance* (New York: Times Books, 1995).

ставителей Конгресса США, но в ноябре 2004 года сумел выиграть куда более значимые выборы — в Сенат США, набрав 70% голосов. В 2008 году ему удалось выиграть изнурительное электоральное противоборство в Демократической партии у Хиллари Клинтон (она сняла свою кандидатуру, поняв, что проигрывает, 7 июня), а затем и президентские выборы у кандидата от правившей Республиканской партии Джона Маккейна: Барак Обама набрал 365 голосов в коллегии выборщиков (52,9% голосов избирателей) против 173 — у его соперника.

В 2008 году президентские выборы у Джона Маккейна выиграл бы, видимо, кто угодно: администрация Дж. Буша-мл. — Р. Чейни к концу второго срока правления подвергалась критике куда чаще, чем слышала похвалы, причем более всего американцев как раз раздражала чрезмерная вовлеченность США в бесконечно далекие от большинства граждан дела Ближнего Востока. Американский «ориентализм», игнорирующий социально-культурную специфику ближневосточного региона, нанес многим странам и их жителям очевидный вред³²³. Впрочем, американским избирателям было важно, скорее, другое: они не понимали, почему их войска должны столько лет оставаться в Ираке и Афганистане, почему это должно стоить ежегодно многие десятки миллиардов долларов, хотя в самих США более 45 миллионов (!) человек настолько бедны, что вынуждены получать талоны на приобретение по льготным ценам продуктов питания (*Supplemental Nutrition Assistance Program*). Большинство американцев жаждало президента, который прекратит ставить во главу угла некие геополитические интересы, их куда больше беспокоило отсутствие в стране гарантий медицинского обеспечения для всех, вследствие чего 47 миллионов человек не имели медицинских страховок на случай болезни.

Барак Обама действительно поставил социально-экономические проблемы в центр своего внимания. Спустя год с небольшим после его прихода к власти, 21 марта 2010 года, ему удалось провести через Конгресс Закон о реформе здравоохранения и защите пациентов (*Patient Protection and Affordable Care Act*), фактически вступивший в силу, правда, только с 1 января 2014 года. В сентябре 2009 года Барак Обама отменил планировавшееся размещение новейших систем противоракетной обороны на территории стран Восточной и Центральной Европы. Однако уйти с Ближнего Востока оказалось

³²³ См. обсуждение этой темы в широком региональном контексте в книге: Douglas Little, *American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945* (London: I.B. Tauris, 2003).

сложнее, причем за прошедшие годы стало ясно, что вакуум, оставляемый американцами, заполняется совсем не теми силами, которые они были бы рады видеть своими партнерами.

Как бы ни стремился новый президент вывести американские силы из тех стран, куда они были введены его предшественником, вопрос о том, какие силы придут им на смену, не мог не быть задан. Американцы установили некоторые условия, выполнение которых выдано было обязательным условием для вывода войск, но реализации этих условий они не могли добиться. Американцы стремились сохранить рычаги управления иракскими политиками, с тем чтобы удержать страну от хаоса гражданской войны по конфессиональному признаку (сунниты против шиитов); предостеречь премьер-министра Нури аль-Малики и шиитское руководство от сползания к диктаторским методам управления; добиться справедливого и эффективного расходования бюджета, а также обеспечить последовательный и поступательный ход создания демократических институтов. Американцы были уверены, что только проведение свободных и демократических выборов способно обеспечить и безопасность Ирака, и его экономическое возрождение. При этом американцы стремились добиться того, чтобы на иракском политическом горизонте возникла новая генерация молодых политиков, не отягощенных грузом тяжелого «саддамовского» наследия. Ирак, однако, де-факто распался и более не существует как единое государство, террористические акты с десятками жертв сотрясают эту страну едва ли не еженедельно, а то и чаще, вследствие чего вывести американские войска было едва ли не сложнее, чем было их ввести. Ситуация в Афганистане еще хуже. Американские силы оставались в Ираке большую часть первой президентской каденции Б. Обамы (последние части вооруженных сил США покинули Ирак 18 декабря 2011 года), а в Афганистане они остаются и поныне (их вывод, впрочем, запланирован на конец 2014 года), хотя еще 27 марта 2009 года Б. Обама заявил, что «США находятся в Афганистане не для того, чтобы контролировать и определять его будущее»³²⁴.

Перед выборами Барак Обама отдавал себе отчет в очевидной электоральной проблеме: традиционно еврейские избиратели в большинстве своем голосуют за кандидатов-демократов, но голосовать за кандидата, рожденного от отца-мусульманина, росшего с отчимом-мусульманином и проведшего детские годы в мусульманской Индонезии, им еще не приходилось. *Разговоры о якобы огромном поли-*

³²⁴ Цит. по: В.В. Сергеев, «Новая стратегия США в Афганистане» // Портал Института Ближнего Востока, 2 мая 2009 г.

тическом влиянии евреев США довольно трудно поддерживать, если вспомнить, что за всю историю этой страны ни один еврей никогда не был избран ни президентом, ни вице-президентом. Более того: ни один еврей никогда не выдвигался на пост президента ни одной из ведущих партий, и лишь однажды этнический еврей — сенатор Джозеф Либерман — был выдвинут на пост вице-президента, однако тандем А. Гора и Дж. Либермана выборы 2000 года проиграл. Кандидат же с ярко выраженным мусульманским бэкграундом в президенты был выдвинут (и позднее избран). Этот факт свидетельствует о том, какой огромный путь прошло американское общество в борьбе против расизма и ксенофобии, чему можно только радоваться, однако тот факт, что еврейское (или израильское) лобби никогда не смогло добиться выдвижения кого-либо из евреев США на один из двух высших постов в стране, является фактором, который не нужно игнорировать.

Поездка Барака Обамы в Израиль 22–23 июля 2008 года была призвана рассеять опасения, связанные с его происхождением и прошлым. Кандидат в президенты США публично выступил с обязательствами, относящимися к обеспечению безопасности еврейского государства: «Я здесь для того, чтобы укрепить особые отношения, сложившиеся между США и Израилем. ... Безопасность Израиля является одной из моих задач. Надеюсь, я эффективно справлюсь с этим как сенатор или как президент», — говорил Б. Обама³²⁵. (Отметим в скобках, что подобные обязательства далеко не всегда реализуются, даже если их дает кандидат, впоследствии побеждающий на выборах. Показателен в этой связи пример с Дж. Бушем-мл., обещавшим в ходе предвыборной кампании 1999 года перевести американское посольство в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим, но так и не сделавшего это за два президентских срока.) Барака Обаму встречали в Израиле с нескрываемым скептицизмом (опрос, проведенный в мае 2008 года Центром стратегических исследований при Тель-Авивском университете, показал, что 43% израильских евреев поддерживали Дж. Маккейна, тогда как Б. Обаму — только 20%), но обращался он не столько к политическим лидерам и гражданам еврейского государства, сколько к еврейским гражданам его собственной страны. Американские евреи, равно как и израильтяне, были крайне разочарованы заявлением Б. Обамы о готовности лично встретиться с тогдашним президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом, при том что иранский

³²⁵ См.: Gershom Gorenberg, “36 Hours in Israel with Barack Obama” // *American Prospect*, July 24, 2008; Rory McCarthy, “US elections: Obama commits himself to Israel's security as visit focuses on Iranian nuclear ambitions” // *Guardian*, July 24, 2008.

президент регулярно грозит стереть еврейское государство с лица земли. Многих настораживало намерение сенатора-демократа в случае своей победы на выборах вывести американские войска из Ирака; о том, как Ирак в 1991 году обстреливал ракетами Израиль, забыли не все. Понятно, что решая, за кого из кандидатов отдать свой голос американские евреи в подавляющем большинстве своем руководствуются преимущественно не интересами Израиля, но в данном случае опасения фатальных последствий могли побудить многих избирателей сделать выбор, продиктованный именно этими соображениями.

Б. Обама знал о том, что в 1961 году многие евреи опасались молодого Дж. Кеннеди, помня о том, где работал и как себя вел его отец в годы Второй мировой войны и Холокоста, однако это недоверие было быстро преодолено благодаря позициям, озвученным самим кандидатом, и обязательствам, которые он на себя взял. Б. Обама верил, что сможет повторить этот путь. Многие, впрочем, как раз считали, что не только для государств Ближнего Востока, но и для самой Америки большим благом стал бы приход в Белый дом президента, глубоко преданного американским ценностям, в том числе гражданской христианской религии, но при этом имеющего исламские корни и не собирающегося вести заведомо безнадежную и потому контрпродуктивную войну против исламской цивилизации. Выступая 4 июня 2008 года на конференции AIPAC, он произнес самую произраильскую речь за всю свою политическую карьеру: «Став президентом, я буду выполнять Меморандум о взаимопонимании, который предоставляет Израилю 30-миллиардную поддержку в ближайшие десять лет. Это инвестиции в безопасность Израиля, которые никогда не получит другая страна. Мы должны экспортировать военное оборудование нашему союзнику Израилю на тех же принципах, что и НАТО», — заявил Б. Обама, перекрикивая овации³²⁶. Он заверил собравшихся, что ни за что не сядет за стол переговоров с ХАМАСом, пока тот не признает право Израиля на существование и не прекратит насилие. Эти слова были очень позитивно восприняты представителями произраильского лобби, равно как и заявление сенатора Б. Обамы о том, что «единый и неделимый Иерусалим должен оставаться израильской столицей». Однако уже 13 июля в эфире телекомпании CNN Б. Обама отрекся от этих слов, заявив, что допустил «неудачное выражение», которое было неверно истолковано³²⁷.

³²⁶ Barack Obama's AIPAC Speech // *New York Times*, June 4, 2008.

³²⁷ См.: "Obama says he used 'poor phrasing' on Jerusalem" // *Reuters*, July 14, 2008; Rick Richman, "Obama's Redivided Jerusalem" // *New York Sun*, July 16, 2008.

Понятно, что в Израиле не мог не вызвать разочарования подобный «шаг назад» в отношении статуса Иерусалима, который, согласно тексту принятого в стране Основного (конституционного) закона, является «единой и неделимой вечной столицей». Однако какие бы чувства израильские руководители не испытывали по отношению к тем или иным словам кандидата, в конечном счете выбирать президента США предстояло не им.

При этом представители «левого» лагеря в Израиле, как и сторонники «левых» произраильских организаций в США, призывали задуматься над тем, какой президент США на самом деле наибольшим образом отвечает израильским интересам. Какова бы ни была значимость для Израиля тех или иных контролируемых его армией с 1967 года территорий, более чем сорокалетняя ситуация неопределенности при отсутствии каких-либо внятных стратегических перспектив составляет проблему, от которой невозможно отмахнуться. Израилю более всего другого нужно мирное урегулирование, которое смогло бы стать заслоном перед дальнейшим распространением в Палестине и в сопредельных государствах идеологии исламского фундаментализма.

Идеология «четвертой мировой войны» против радикального ислама, приверженцами которой являлись многие так называемые неоконсерваторы из ближайшего окружения президента Дж. Буша, привела Ближний Восток в тупик: ни в Афганистане, ни в Ираке американцам за время, превышающее продолжительность Второй мировой войны, не удалось добиться своих целей. Единственным результатом инициированной администрацией Дж. Буша «Дорожной карты» урегулирования палестино-израильского конфликта стал приход к власти в ПНА ХАМАСа; в Ливане было сформировано правительство, неотъемлемой частью которого являлась заметно усилившаяся после войны 2006 года «Хизбалла»; иранская ядерная программа развивалась, пусть и замедленными темпами в отдельные периоды времени; а цены на нефть стабильно держались — и держатся до сих пор — выше чем 100 долларов за баррель. Идеология единственной сверхдержавы, которая сможет в одиночку успешно играть роль мирового полицейского, огнем и мечом устанавливающего демократию в ее американском понимании, в конце каденции Дж. Буша-мл., когда была «сдана» рвавшаяся быть ближайшим союзником Грузия, превратилась в фарс. Пожалуй, никакая страна не выиграла от американского вторжения в Ирак больше, чем Иран, — едва ли к такому развитию событий стремилась администрация Дж. Буша. В этих условиях совсем не столь дикой казалась многим мысль о том, что важно остановить христианских фундаменталистов, перекраива-

ющих мир под свою гребенку и оставляющих за собой выжженную землю и никаких перспектив на выход из тех кризисов, в которые завела политика «крестовых походов» во имя демократии.

Джон Маккейн — последователь Дж. Буша-мл., продолжатель не только его дела, но и образа мыслей. Программа Дж. Маккейна базировалась на тех же принципах националистического гражданского милитаризма и борьбы за американские ценности до якобы победного конца. Барак Обама был в глазах многих хорош уже тем, что, в отличие от Джорджа Буша-мл. и Джона Маккейна, в такие походы идти не собирался. В конечном счете тот «крестовый поход», который семь лет вел президент Дж. Буш-мл., не принес ничего хорошего — ни одна из проблем, стоявших на повестке дня Ближнего Востока, не решена; напротив, появились новые проблемы, сложность которых со временем лишь возрастает.

Барак Обама, победив на выборах, столкнулся с ситуацией, намного более сложной, чем та, которая досталась Дж. Бушу-мл. в наследство от Б. Клинтона, до декабря 2000 года лично патронировавшего переговорный процесс между руководителями Израиля и ПНА. Палестинское национальное движение, которое на протяжении многих лет так или иначе вело переговоры с Израилем об обретении государственности, все больше сдавало свои позиции ХАМАСу, видящему себя частью исламской панарабской силы. В том, что палестинское национальное движение было подмято исламским фундаменталистским панарабским вектором, есть значительная доля вины и израильских руководителей, и американских «друзей», навязавших жителям Западного берега и Газы выборы, к которым последние не очень стремились, а затем объявивших блокаду тем, кто эти выборы выиграл. ХАМАСу стало нечего терять, и можно уже было не церемониться. Газа пала в июне 2007 года, и руководство ПНА этот район с тех пор не контролировало (и не контролирует и поныне). Важнейшая задача, которая встала в этой связи, — предотвратить подобное развитие событий на Западном берегу.

Спустя всего три недели после прихода Б. Обамы в Белый дом, 10 февраля 2009 года, в Израиле прошли парламентские выборы. Они закончились неоднозначно, но 20 февраля президент страны Ш. Перес, встретившись предварительно с представителями всех прошедших в Кнессет партий, поручил формирование правительства лидеру «Ликуда» Б. Нетаньяху. 31 марта новое правительство было приведено к присяге.

Интересно, что уже 14 февраля в Израиль прибыла делегация членов Конгресса во главе с сенатором-демократом Бенджамином Кардином (Benjamin Louis Cardin). Как стало известно из переписки,

обнародованной порталом *WikiLeaks*, конгрессмены даже не стремились встретиться с министром иностранных дел Ципи Ливни, претендовавшей на то, чтобы сформировать новое правительство страны. Хотя к тому времени имя человека, которому поручается формирование правительства, еще не было объявлено, конгрессменам было очевидно, что на высший пост в иерархии исполнительной власти Израиля возвращается Б. Нетаньяху, и его позиции их и интересовали. Б. Нетаньяху озвучил эти позиции вполне отчетливо: если Израиль уйдет к границам, существовавшим до 1967 года, то в ответ получит не мир, а террор; шансы на мирное урегулирование с Сирией минимальны, прежде всего, из-за союзнических отношений Сирии и Ирана; в случае если Израиль уйдет с Голанских высот в обмен на те или иные обязательства со стороны сирийцев, нет никаких гарантий, что эти обязательства будут долговечны. Описав конгрессменам покойного короля Иордании Хусейна как «героического человека», стремившегося к миру, Б. Нетаньяху напомнил, что в 1991 году, когда Саддам Хусейн оккупировал Кувейт, король Иордании публично поддержал его. «Таковы реалии Ближнего Востока, и мы должны помнить об этом», — подчеркнул Б. Нетаньяху³²⁸. Получив отчет об этой встрече, в Вашингтоне поняли, что времена изменились, и те предложения, которые делали Э. Барак Я. Арафату, а Э. Ольмерт М. Аббасу, повторены не будут.

В Белом доме знали и о том, что новый премьер-министр Израиля поддерживал в ходе выборов в США Дж. Маккейна, а не Б. Обаму. Более того: новым послом Израиля в США Б. Нетаньяху назначил блестящего историка и политолога д-р Майкла Орена, который в преддверии выборов опубликовал статью, в которой утверждал, что взгляды сенатора Дж. Маккейна ближе стратегическим интересам Израиля, чем взгляды Б. Обамы³²⁹. Тот факт, что, уже после победы Б. Обамы, Б. Нетаньяху назначил М. Орена послом в США, служил сигналом его готовности проводить независимый от Вашингтона политический курс. *Б. Нетаньяху хорошо помнил, как, будучи премьер-министром в первый раз, шел на уступки, требуемые президентом Б. Клинтоном, который, однако, немало поспособствовал его поражению на выборах 1999 года. Теперь, когда он стал главой правительства во второй раз, ему предстояло иметь дело с супругой бывшего президента, Хиллари, которую новый*

³²⁸ Телеграмма посла Дж. Каннингэма (James B. Cunningham) в Госдепартамент “CoDel Cardin Discusses Iran, Syria, Palestinians, and Israel Elections with Benjamin Netanyahu” от 26 февраля 2009 г., 09TELAVIV457 // WikiLeaks US Files from Tel-Aviv Embassy.

³²⁹ См.: Michael Oren, “The U.S.-Israel Partnership: Forks in the Road” // *The Journal of International Security Affairs*, no. 15 (Fall 2008).

президент был вынужден назначить государственным секретарем в обмен на взятое ею обязательство о неучастии в президентских выборах 2012 года. Х. Клинтон прибыла на переговоры с Б. Нетаньяху уже 3 марта 2009 года, повторив, что США стремятся к созданию Палестинского государства³³⁰. Вывод, который, насколько можно судить, сделал из всего этого Б. Нетаньяху, состоял в том, что с американскими руководителями нужно держаться вежливо, но стойко. Американскую администрацию, с которой ему предстояло работать, Б. Нетаньяху не считал дружественной, а позиции президента Б. Обамы по ближневосточным вопросам казались ему, если называть вещи своими именами, оторванными от действительности. Б. Обама считал, что упорство Б. Нетаньяху в отстаивании своих позиций подрывает усилия его администрации, направленные на установление новых, более партнерских отношений между США и арабским миром, Б. Нетаньяху же считал Б. Обаму наивным политиком³³¹.

Администрация Б. Обамы сразу же сделала акцент на установление контактов с арабскими государствами, раз за разом подчеркивая, что между исламом как религией и терроризмом нет никакой причинно-следственной связи. *Б. Обама верил, что для успешного выполнения посреднической роли в целях мирного урегулирования арабо-израильского конфликта Соединенные Штаты должны восприниматься как государство, равно относящееся ко всем сторонам, вовлеченным в этот конфликт, что неминуемо подразумевало, что ни о каких «особых отношениях» и ни о каком «стратегическом партнерстве» между Израилем и США речи более не шло.* Специалисты, доставшиеся Б. Обаме в «наследство» от Б. Клинтона, вновь исходили из того, что достижение соглашения между Израилем и ПНА ослабит ХАМАС, «Хизбаллу» и стоящий за ними Иран, а подписание мирного договора между Израилем и Сирией станет точкой невозврата в отношениях Сирии и Ирана, после чего суннитские государства выступят против Ирана единым фронтом³³². Барак Обама, только придя к власти, начал «размораживать» отношения с Сирией», делегировав в Дамаск двух эмиссаров для обсуждения не только развития отношений между двумя странами, но и других вопросов регионального значения. В Дамаск был также делегирован

³³⁰ См.: Е.В. Коровина, «Первый визит госсекретаря США Х. Клинтон на Ближний Восток» // Портал Института Ближнего Востока, 10 марта 2009 г.

³³¹ См.: Dov Waxman, «The Real Problem in U.S.-Israeli Relations» // *The Washington Quarterly* (Spring 2012), pp. 71–87.

³³² См.: Robert O. Freedman, «George W. Bush, Obama and the Arab-Israeli Conflict» // *Israel and the United States: Six Decades of U.S.-Israeli Relations*, ed. Robert O. Freedman (Boulder: Westview Press, 2012), pp. 36–78.

тогдашний сенатор от штата Массачусетс, а ныне — госсекретарь США Джон Керри, встретившийся с президентом Сирии Башаром Асадом. Справедливо обращая внимание Б. Нетаньяху и его сотрудников, что формирование широкой антииранской коалиции служит фундаментальным интересам Израиля, американцы требовали от израильских руководителей полностью «оплатить счета», требовавшиеся для формирования такой коалиции. Новая администрация потребовала от Б. Нетаньяху масштабных уступок и на палестинском, и на сирийском направлениях.

Как верно указывал в своем аналитическом обзоре В.Э. Ханин, первоначальный план Б. Обамы предполагал заставить израильтян принять основные параметры «саудовской мирной инициативы», а именно: согласиться на отступление к «зеленой черте», создание Палестинского государства на всей территории Западного берега и Газы, на раздел Иерусалима и иммиграцию во внутренние районы Израиля и/или финансовую компенсацию миллионам лиц, претендующих на статус «палестинских беженцев». В свою очередь, «про-западные арабские режимы», удовлетворившись этим, должны были дать согласие на «нормализацию отношений с Израилем» и включиться в формирование «пояса безопасности» вокруг Ирака по новой модели Белого дома.

«Идея была в общем не нова, но израильская позиция была сформулирована вполне определенно, — указывал В.Э. Ханин, конкретизируя: — Эпоха, когда от Израиля в обмен на “холодный мир” с арабскими режимами (но не с их народами) требовалось отдать “все и еще немного”, завершилась. По мнению Израиля, коль скоро арабские лидеры заинтересованы в том, чтобы как-то разрешить переставший играть для них роль “громоотвода” и дестабилизирующий их режимы палестино-израильский конфликт и получить поддержку Запада (включая Израиль) для борьбы с гегемонистскими амбициями Ирана, то и они должны быть готовы “оплатить свою часть акций”»³³³. Американцы ждали от израильского премьера совсем, совсем не этого.

18 мая 2009 года Б. Нетаньяху побывал в Вашингтоне, где встретился с Б. Обамой. Президент США подверг критике строительство поселений в Иудее и Самарии, заявив, что «строительство поселе-

³³³ Цит. по: В.Э. Ханин, «Израиль и США: кризис антипоселенческого проекта Белого дома?» // Портал Института Ближнего Востока, 6 октября 2009 г. Прогноз эксперта о «кризисе» этого проекта оказался неверным, «мораторий» на строительство в поселениях был введен менее чем два месяца спустя, однако приведенный в этой статье анализ и поныне не потерял своего значения.

ний должно быть прекращено, чтобы мы могли двигаться дальше». Когда Б. Нетаньяху поднял вопрос об иранской ядерной программе, то в ответ, к своему удивлению, услышал призыв признать наличие у Израиля ядерного потенциала и отказаться от него, поддержав позицию, согласно которой весь Ближний Восток должен стать безъядерной зоной. В ходе беседы с Б. Нетаньяху Б. Обама отказался дать израильтянам «зеленый свет» на применение силы против Ирана, указав, что этот шаг будет, по его мнению, не только контрпродуктивным, но и откровенно опасным. Б. Обама выступил за ведение переговоров с Ираном, что как раз виделось премьер-министру Израиля фатальной ошибкой. Лидеры двух стран провели вместе два с половиной часа (на час больше запланированного), что помогло им, скорее, осознать масштабы различий в их позициях, чем найти точки соприкосновений между ними³³⁴. Глава правительства Израиля столкнулся с президентом США, не поддерживавшим его ни в одном обсуждавшемся ими вопросе.

Перед лицом жесткой линии президента США Б. Нетаньяху 14 июня 2009 года выступил с программным политическим докладом, в котором озвучил то, что сказал и Б. Обаме: Израиль готов согласиться на создание Палестинского государства, но для этого, во-первых, палестинцы должны признать Израиль «в качестве национального государства еврейского народа», а во-вторых, Палестинское государство должно быть демилитаризованным, «потому что мы не хотим иметь еще один сектор Газа и второй Иран у наших границ». Б. Нетаньяху подтвердил свою позицию по Иерусалиму, заявив, что он является «вечной столицей еврейского народа, воссоединенным городом, который никогда не будет разделен», а также по проблеме беженцев, возвращение которых «несовместимо со статусом Израиля как национального дома для еврейского народа»³³⁵.

Это было явно не то, что Б. Обама хотел услышать, и свое недовольство он продемонстрировал сразу же: отправившись в начале июня 2009 года на Ближний Восток, он посетил Саудовскую Аравию и Египет, но вообще не заехал в Израиль. Произраильские декларации периода предвыборной поездки июля 2008 года остались в прошлом, став президентом, Б. Обама максимально дистанцировался от курса Дж. Буша-мл., демонстрируя правителям и народам арабских стран,

³³⁴ См. протокол совместной пресс-конференции лидеров по завершении переговоров: Remarks by President Obama and Prime Minister Netanyahu in Press Availability. The White House, Office of the Press Secretary, May 18, 2009.

³³⁵ Address by Prime Minister Netanyahu at Bar-Ilan University, June 14, 2009.

что они должны считать Израиль страной более близкой и важной США, чем их собственные государства. «Я начинаю мой визит в регион Ближнего Востока с Королевства Саудовская Аравия, колыбели ислама. Я выслушаю советы Служителя Двух Благородных Святых по многим вопросам, с необходимостью решения которых мы оба сталкиваемся. ... Я уверен, что мы можем действовать совместно», — говорил Б. Обама в Эр-Рияде 3 июня 2009 года³³⁶.

«Я прибыл в Каир, чтобы найти новое начало отношений между Соединенными Штатами и мусульманами всего мира, основываясь на единстве интересов и взаимном уважении, — говорил он сутки спустя в Каире в выступлении, патетически озаглавленном “Новое начало”. — Это начало должно строиться на истине, заключающейся в том, что Америка и ислам не противостоят друг другу, что у них нет поводов конкурировать друг с другом, что у них обоих единые черты и принципы, благодаря которым они встречаются друг с другом»³³⁷. «Мы не хотим держать наши войска в Афганистане, нам не нужны там военные базы», — уверял Б. Обама своих слушателей. «Я ясно сказал иракскому народу, что нам не нужны ни базы, ни их территория, ни их ресурсы. Суверенитет Ирака принадлежит только ему», — продолжал он под все крепнущие аплодисменты, после чего перешел к темам, касавшимся Израиля.

Сказав важные слова о трагедии Холокоста и о нерушимой прочности американо-израильских отношений, Б. Обама посвятил существенную часть своего выступления проблемам палестинцев. Вообще не упомянув вооруженную борьбу, которую палестинские организации на протяжении десятилетий вели против Израиля, президент США указал, что «в течение более шестидесяти лет палестинцы несут на себе страдания изгнания, многие из них на Западном берегу, в Газе, в соседних странах ждут того, чтобы жить в мире и безопасности, но эта жизнь им все еще недоступна». Он не только напомнил, что «палестинцы ежедневно подвергаются большим и малым унижениям вследствие оккупации», но и сделал вывод: «Нет никакого сомнения в том, что положение палестинцев невыносимо». Б. Обама обещал, что «Америка не повернется спиной к законным чаяниям палестинцев, устремленным к достоинству, к обретению возможно-

³³⁶ Цит. по: Г.Г. Косач, «Визит президента США Б. Обамы в Саудовскую Аравию» // Портал Института Ближнего Востока, 5 июня 2009 г.

³³⁷ Barack Obama, “A New Beginning”, speech delivered at Cairo University in Cairo, Egypt, June 4, 2009. Текст этой речи был сразу же опубликован секретариатом Белого дома на четырнадцати языках, включая русский (http://www.whitehouse.gov/files/documents/anewbeginning/SPEECH_as_delivered-Russian.pdf).

стей, к их собственному государству». Происходящее в Газе он назвал «гуманитарной катастрофой». Он потребовал от Израиля признать, что «право Государства Палестина на существование — это право, которое невозможно отрицать». Б. Обама подчеркнул, что «Соединенные Штаты не принимают законности продолжения израильских поселений», что «их строительство нарушает прежние договоренности» (хотя, вообще говоря, ни одного соглашения, в котором бы Израиль брал на себя обязательство прекратить развитие городов и поселений в Иудее, Самарии и Иорданской долине подписано не было) и «сводит на нет усилия по достижению мира» (хотя не будет лишним напомнить, что и до 1967 года, когда ни одного т.н. «поселения» евреев в Иудее, Самарии и Иорданской долине не существовало, ни одна из арабских стран не заключила мирное соглашение с Израилем). «Настало время прекратить строительство этих поселений», — потребовал Б. Обама. Все эти слова, повторим, израильтяне должны были услышать из Каира, в их страну президент США даже не заехал.

Требование прекратить любое строительство домов в еврейских городах и поселках в Иудее, Самарии и Иорданской долине становилось все настойчивее. Фактически именно эта тема стояла в центре переговоров Б. Нетаньяху и Б. Обамы, прошедших в Вашингтоне 22 сентября 2009 года. Услышав от премьер-министра Израиля отрицательный ответ на это требование, администрация США согласилась ограничить его временными рамками в один год, в ходе которого, как считали оптимистично настроенные ближневосточники из Госдепартамента, стороны смогут выработать текст мирного договора, после чего большая часть поселений будет эвакуирована, и проблема сама собой сойдет с повестки дня. Однако, в отличие от Б. Обамы, Б. Нетаньяху был вовлечен в процесс переговоров с руководителями ПНА не впервые, вследствие чего имел веские причины сомневаться в том, что события будут развиваться именно по этому сценарию. Он понимал, что правительство Израиля должно своими руками создать существенные трудности для не имевших своего жилья граждан разного возраста, в том числе молодых семей, которые лишались возможности обрести свой дом там, где жили они и/или их родители, просто потому, что эти города и поселки были построены за чертой, где 18 июля 1948 года закончились бои между силами ЦАХАЛа и иорданским Арабским легионом (а «зеленая черта» на Западном берегу возникла, напомним, именно так). Однако единственное, чего удалось добиться Б. Нетаньяху, — это сократить период «моратория» на строительство в еврейских поселениях в Иудее, Самарии и Иорданской долине до десяти месяцев. Именно об этом Б. Нетаньяху был вынужден объявить 25 ноября 2009 года. Этот шаг был объявлен

американцами условием создания благоприятной атмосферы для конструктивных переговоров между Израилем и ПНА. Нет особого смысла вдаваться в детали, касавшиеся этих переговоров: суть дела состоит в том, что они закончились ничем по той очевидной причине, что Б. Нетаньяху и правоцентристское правительство не для того пришли к власти, чтобы реализовывать «параметры Клинтона» и предложения, сделанные Э. Ольмертом М. Аббасу, а глава ПНА не видел причин, по которым он должен согласиться на существенно меньшее, чем то, что он, а до него — Я. Арафат, отвергали на прежних этапах переговоров. Невозможно понять, на основании чего сотрудники администрации Б. Обамы надеялись преуспеть там, где добиться успеха не получилось ни у Б. Клинтона и М. Олбрайт, ни у Дж. Буша-мл. и К. Райс, но если их план строился на том, что им удастся сломить Б. Нетаньяху, добившись от него уступок больших, чем те, на которые были готовы пойти Э. Барак в 2000 году и Э. Ольмерт — в 2008, то план этот оказался ошибочным. Б. Нетаньяху и М. Аббас вели как прямые, так и не прямые (прежде всего, через американцев и египтян) переговоры, которые закончились ничем.

«Продолжая по привычке говорить о проблеме палестинской государственности, нужно отдавать себе отчет в том, что сегодня единой Палестины нет — есть два никак не связанных между собой и не подчиняющихся друг другу палестинских правительства: правительство ФАТХа во главе с Саламом Файядом на Западном берегу и правительство ХАМАСа во главе с Исмаилом Ханией в Газе. И очень может быть, что в то же самое время, когда Израиль будет подписывать тот или иной договор с Махмудом Аббасом, израильские самолеты будут бомбить Газу. После того как ХАМАС захватил всю власть в Газе в июне 2007 года, существуют два отдельных палестинских правительства, и весь мир, в том числе и Израиль, должен строить с каждым из них свою систему отношений. Правительство ХАМАСа Израиль все это время бойкотирует, а с администрацией М. Аббаса — С. Файяда ни шатко ни валко ведет какие-то переговоры, которые на нынешнем этапе, скорее, — видимость, а не реальная попытка чего-то добиться», — писал автор этой книги в сентябре 2009 года³³⁸. Прошедшая 22 сентября 2009 года встреча Б. Нетаньяху, М. Аббаса и Б. Обамы перед заседанием Генеральной Ассамблеи ООН продемонстрировала полную неспособность президента США добиться какого-либо прогресса; как верно написал после этого обозреватель второй по тиражу

³³⁸ А.Д. Эпштейн, «Геополитические проблемы безопасности Израиля в изменяющейся системе международных отношений» // Портал Института Ближнего Востока, 29 сентября 2009 г.

израильской газеты «Маарив», «какими бы возвышенными не были слова и устремления президента США, путь в никуда остается путем в никуда». Эти слова были написаны за два месяца до введения «моратория» на еврейское строительство в Иудее, Самарии и Иорданской долине, но их можно было повторить и полгода, и год спустя. 2 сентября 2010 года в Вашингтоне начались очередные переговоры между представителями Израиля и США, которые не привели ни к какому прорыву. Американцы давили на Б. Нетаньяху, требуя продлить «мораторий» на строительство в расположенных за «зеленой чертой» еврейских поселениях Иудеи, Самарии и Иорданской долины, истекавший 26 сентября 2010 года, но премьер-министр Израиля остался непреклонен. М. Аббас заявил, что в этих обстоятельствах никакие переговоры вести смысла не имеет, и, вопреки его ожиданиям, никто в израильском руководстве не стал убеждать его в обратном.

Аналогичное движение по «пути в никуда» под американским давлением Б. Нетаньяху прошел и на сирийском направлении. Весной 2010 года Б. Нетаньяху и министр обороны Э. Барак начали тайные не прямые переговоры с Б. Асадом при посредничестве американского представителя Фредерика Хоффа, бывшего высокопоставленного офицера ВМФ, считавшегося экспертом в области демаркации спорных территорий. Американцы требовали от израильских руководителей согласия на полный уход с Голанских высот к пограничной линии, существовавшей между двумя странами по состоянию на 4 июня 1967 года, а от сирийцев — подписания полноценного соглашения о мире с Израилем, а также — и это условие было не менее важным — разрыва с Исламской Республикой Иран и «Хизбаллой». Сирийцы при этом требовали, чтобы весь процесс ухода Израиля с Голанских высот растянулся не более чем на два года. Президент США Б. Обама и вице-президент Дж. Байден были в курсе переговоров, равно как и госсекретарь Х. Клинтон, советник президента по национальной безопасности Томас Донилен (Thomas Donilon), посол США в Израиле Дан Шапиро и бывший в 2009–2011 годах специальным советником президента и главой отдела Ближнего и Среднего Востока Совета национальной безопасности США Деннис Росс. В Израиле первая информация об этих переговорах была опубликована только в самом конце 2012 года³³⁹. Сирию по время переговоров представлял министр иностранных дел Валид Муаллем, однако Ф. Хофф встречался и с Б. Асадом. Эти переговоры закончились в марте 2011 года, когда в Сирии началась гражданская война.

³³⁹ См.: Shimon Shiffer, “Report: Netanyahu agreed to full Golan Heights withdrawal” // *Ynet News*, December 10, 2012.

Свержение 11 февраля 2011 года президента Египта Хосни Мубарака и сползание этой страны, бывшей важнейшим партнером США на Ближнем Востоке, в пучину исламистского хаоса, равно как и начало в Сирии гражданской войны, конца которой не видно и поныне, стали шоком для американских аналитиков, совершенно не предвидевших, что события могут развиваться по такому сценарию. В марте 2009 года в Вашингтоне принимали сына и политического наследника Х. Мубарака, Гамала, с которым, в частности, встретился Дж. Керри; в июне того же года Х. Мубарак принимал Б. Обаму в Каире, где президент США произнес свое важнейшее выступление, обращенное к арабо-мусульманскому миру. По прошествии менее чем двух лет Х. Мубарак и его сын были отстранены от власти и арестованы, а администрация Б. Обамы и сам президент так и не смогли решить, то ли им приветствовать «свержение авторитаризма и торжество демократии», основными бенефициарами которых, впрочем, оказались «Мусульманские братья», то ли переживать потерю ключевого союзника. В Сирии же началась гражданская война, в которой американцы решили поддержать противников Б. Асада, что превращало любые переговоры с ним о Голанских высотах и «Хизбалле» в заведомо бессмысленные.

Неудачи в построении дружественных режимов в Ираке и в Афганистане, растущие трения в отношениях с Пакистаном, где, как оказалось, долгие годы вполне комфортно жил главный враг США – Усама Бин Ладен, которого американцы смогли выследить и уничтожить 2 мая 2011 года, потеря ключевого союзника – Египта и неспособность добиться мирного урегулирования внутрисирийского конфликта, ежемесячно уносящего тысячи жизней, вынудили Б. Обаму и его администрацию посмотреть правде в глаза: Израиль – единственная страна на Ближнем Востоке, последовательно готовая быть союзником США, в целом (хотя не во всем) разделяющая общие с США ценности, являющаяся удивительным островком демократии и стабильности в регионе, где и демократия, и стабильность в большом дефиците даже по отдельности. Спустя два года после его прихода к власти, в ходе которых он предпринял титанические, но оказавшиеся бесплодными попытки сближения с арабо-мусульманским миром, Б. Обама стал осторожно разворачиваться в сторону Израиля.

Этапной видится здесь дата 18 февраля 2011 года, когда на рассмотрение Совета Безопасности ООН палестинским представителем был передан проект жесткой антиизраильской резолюции, требовавшей полного замораживания еврейского строительства в поселениях на Западном берегу реки Иордан, а также в Восточном Иерусалиме и немедленного демонтажа всех поселенческих форпостов. Голосование закончилось тем, что США – впервые за годы

правления Б. Обамы — наложили вето на эту резолюцию, и принята она не была. Палестинцы забили гол в собственные ворота, благодаря чему Израиль добился существенной победы, на которую, как многим казалось, не мог и рассчитывать. В период, когда эксперты наперебой говорили о существенном ухудшении американско-израильских отношений, весь мир увидел, как официальные представители США, пусть и с тяжелым сердцем, выступили в поддержку позиции правительства Б. Нетаньяху.

Последний раз до этого США использовали право вето в Совете Безопасности 11 ноября 2006 года; за первые два года правления Барака Обамы — ни разу. Новой американской администрации было крайне важно показать, что по всем спорным вопросам она ведет с другими государствами конструктивный диалог, нигде не навязывая свою волю в одностороннем порядке. Американцы очень не хотели использовать право вето и в обсуждаемом случае. Именно поэтому Хиллари Клинтон, а затем и Барак Обама лично звонили Махмуду Аббасу, убеждая его снять проект резолюции с голосования; эти усилия оказались тщетными. Палестинцы отказались также заменить резолюцию, предписывающую Израилю прекратить строительство в поселениях, на заявление аналогичного содержания, которое хоть и осуждало Израиль, но не имело бы в международном праве той предписывающей силы, который имеют резолюции Совета Безопасности, и только они. В результате отказа палестинского руководства идти на компромисс США, выступающим против вмешательства Совбеза ООН в палестино-израильский конфликт, пришлось воспользоваться правом вето.

Американцы оказались между двух огней. С одной стороны, используя право вето, американцы оказались в неловком положении, в одиночку выступив против всех остальных членов Совета Безопасности. Но с другой стороны, впервые за много лет допустить принятие в Совете Безопасности жесткой односторонней антиизраильской резолюции значило еще сильнее подчеркнуть тот поворот в американской политике, против которого и так резко выступали многие критики курса Барака Обамы, в особенности — из Республиканской партии, выигравшей осенью 2010 года почти все возможные выборы: и в палату представителей, и в Сенат, и в состав губернаторского корпуса. В итоге тогдашняя постпред США в ООН Сюзан Райс (ныне — советница президента Б. Обамы по национальной безопасности) пыталась объяснить, что, накладывая вето на резолюцию против израильского строительства за пределами «зеленой черты», Вашингтон на самом деле никогда не соглашался с легитимностью поселенческой деятельности Израиля (цитируя ее саму, “we reject in the strongest terms the legitimacy of continued Israeli settlement activity”),

которая мешает решению проблемы по формуле «два государства для двух народов», и по сути, хоть и голосует «против», полностью поддерживает изложенную в резолюции позицию³⁴⁰. Внутренне цельной эту позицию не назовешь... Постпред США могла бы напомнить, что введенный Израилем в конце 2009 года десятимесячный мораторий на строительство в еврейских поселениях Иудеи, Самарии и Иорданской долины никак не способствовал решению проблемы по формуле «два государства для двух народов», что Израиль не признается еврейским национальным государством не только правящим в Газе ХАМАСом, но и правящим на Западном берегу ФАТХом однако ничего подобного сказано не было. Не было сказано и о том, что в тот самый день, когда в Ливии, Йемене и Бахрейне гибли участники мирных демонстраций протеста, вынесение вопроса о повседневной жизни еврейских населенных пунктов на тех или иных территориях на обсуждение в Совете Безопасности ООН являлось вопиющим лицемерием.

Принятие Советом Безопасности резолюции с требованием, в частности, прекратить строительство в тех или иных районах своей столицы, которую Израиль наверняка не стал бы выполнять, нанесло бы больший удар по престижу Совета Безопасности, чем по Израилю, и можно только порадоваться, что этого неприятного сценария удалось избежать. Начиная с 1948 года, Советом Безопасности было принято множество резолюций по палестино-израильской проблематике, но ни те из них, которые касаются проблемы беженцев, ни те из них, которые касаются проблемы Иерусалима, ни какие-либо другие никак не приблизили эти проблемы к разрешению, а стороны — к мирному урегулированию. Дипломатам, работающим в Совете Безопасности, необходимо, наконец, задуматься, почему прикладываемые ими на протяжении десятилетий столь значительные усилия в направлении урегулирования палестинской проблемы являются столь безрезультатными. Международному сообществу нужно выработать новый формат дипломатического посредничества, соответствующий изменяющимся реалиям региональной политики в настоящее время; прежний формат, и раньше бывший неэффективным, исчерпал себя окончательно.

Пытаясь добиться отмены злополучного голосования, Барак Обама предупредил Махмуда Аббаса: палестинская настойчивость,

³⁴⁰ Explanation of Vote by Ambassador Susan E. Rice, U.S. Permanent Representative to the United Nations, on the Resolution on the Situation in the Middle East, including the question of Palestine, in the Security Council Chamber, February 18, 2011.

выставившая администрацию США в том свете, в котором она выглядеть менее всего хотела, будет иметь «отрицательные последствия для палестино-американских отношений». Как представляется, события, произошедшие в Египте, имели значительное влияние на процессы, касающиеся палестинской политики в ее широком контексте.

Во-первых, важно отметить, что на протяжении нескольких десятилетий Хосни Мубарак был самым надежным союзником США в арабо-мусульманском мире, и, когда Барак Обама принял решение выступить с программным докладом о новой политике США на Ближнем и Среднем Востоке, он сделал это 4 июня 2009 года именно с трибуны Каирского университета. Именно там Б. Обама заявил, что США «никогда не вели и никогда не будут вести войну с исламом». Предательское пренебрежение со стороны американской администрации, которого удостоился Хосни Мубарак в конце января — начале февраля 2011 года, отчетливо показало всем ближневосточным лидерам, и в том числе — Махмуду Аббасу, что надеяться на поддержку США им практически бессмысленно. Как говорится, «друг познается в беде», и наиболее прозападные политики арабского мира — свергнутые президенты Туниса и Египта Зин аль-Абидин Бен Али и Хосни Мубарак — смогли оценить, насколько «дружеским» было отношение к ним лидеров стран Запада, не оказавшим им никакой помощи. Этот пример стал наукой и остальным лидерам Ближнего Востока, что всё больше толкает регион к анархии, в которой самому понятию «великие державы» не осталось места.

Во-вторых, раньше, еще со времен знаменитого скандала на церемонии заключения соглашений «Осло-2», когда Ясир Арафат неожиданно отказался подписывать прилагаемые к документу карты, американцы могли обратиться к руководству Египта с просьбой «надавить» на палестинцев. После падения Хосни Мубарака разговаривать в Каире об этом американцам больше было не с кем; приобрести союзников очень сложно, но потерять их — легче легкого.

За первый срок его правления Бараку Обаме удалось потерять практически всех союзников, на которых США могли рассчитывать в странах Ближнего Востока. Начав со стремления вывести отношения США со странами арабо-мусульманского мира на принципиально новые рубежи, Барак Обама и госсекретарь Хиллари Клинтон оказались у разбитого корыта. Иран продолжал развивать свою ядерную программу; Сирия раздираема братоубийственной гражданской войной; Египет погрузился в полуанархический хаос, а в ходе демократических выборов парламента (в ноябре 2011 — январе 2012 гг.) и президента (в июне 2012 года) к власти пришли исламисты — «Братья-мусульмане»

и еще более радикальное движение «аль-Нур»; прерванный методом силового захвата флотилии рейд солидарности с сектором Газа, вышедший из Турции в конце мая 2010 года, привел к беспрецедентному ухудшению израильско-турецких отношений; между Пакистаном и США отношения ухудшились настолько, что аналитики стали описывать их как «холодную войну»; войска из Афганистана вывести так и не удалось; Ирак фактически распался и перестал существовать как единое государство; «Хизбалла» сохранила и упрочила свои позиции в Южном Ливане, а ХАМАС — в Газе; ПНА, по-прежнему не контролировала сектор Газа, причем палестинские лидеры так и не признали Израиль в качестве еврейского государства, без чего концепция «двух государств для двух народов» превращалась в абсурд, реализовывать который если и возможно, то очень опасно. Израиль оставался страной, в целом лояльной США, но отношения между Б. Нетаньяху и Б. Обамой далеки не только от доверительных, но даже и от взаимоуважительных. Провозгласив «Новое начало» в отношениях со странами арабо-мусульманского мира и погнавшись за всеми зайцами сразу, новая администрация не догнала ни одного. Барак Обама, иницилируя «Новое начало», был, несомненно, движим самыми лучшими побуждениями, однако нереалистичное видение ситуации на Ближнем Востоке наряду с неимоверно замедленной и нечеткой реакцией на происходившие в регионе драматичные события привели к тому, что ближневосточная политика 44-го президента США в конце первого срока его каденции могла быть оценена только одним образом — «тотальный провал».

Глава 26

Электоральный потенциал еврейских избирателей в современной американской политике и его реализация

Когда стало известно о том, что действующий президент США Барак Обама переизбран на второй срок, сразу появились статьи о том, что свою лепту в его победу внесли и еврейские избиратели. «Обама смог победить, — писал обозреватель *The Jewish Daily Forward* Натан Гутман, — в первую очередь благодаря единодушной поддержке тех групп населения, которых относят к “стабильному демократическому электорату”: афроамериканцев, испаноязычных и еврейских либералов»³⁴¹.

На протяжении нескольких месяцев, предшествовавших президентским выборам, уверенности, что всё обернется именно так, не было. Активную кампанию среди представителей еврейской общины вела Республиканская еврейская коалиция (РЕК). Ее глава Мэтт Брукс говорил о том, что «высокий интерес к нашей [РЕК] кампании показывает, что у президента Обамы могут быть большие проблемы с еврейскими голосами». В июле 2012 года, посещая Израиль, Мэтт Брукс и его коллега и соратник Ари Фляйшер, говорили, что отсутствие поддержки президента Б. Обамы в Израиле послужило — ни много ни мало — «сигналом для американских евреев». Они напомнили о результатах опросов, которые показали, что лишь малый процент евреев в Израиле считают Барака Обаму другом своей страны. «Опрос, опубликованный в *Jerusalem Post*, всколыхнул всю Америку, — не стесняясь в гиперболах, сказал А. Фляйшер. — Это было раннее предупреждение, что в броне Б. Обамы появились трещины. В 2009 году американские евреи еще были настроены в поддержку

³⁴¹ Цит. в статье: Nathan Guttman, “Obama Rides Jewish Mandate to Second Term. Wins 70% of Jewish Vote in Return to White House: Polls” // *The Jewish Daily Forward*, November 7, 2012.

Б. Обамы. Израильцы увидели трещины первыми, а теперь и американское еврейство раскаивается [так!] в своей “покупке”»³⁴². «Нет никакого сомнения, что Митт Ромни пользуется успехом у еврейских избирателей, — добавил М. Брукс. — Успех будет продолжением процесса завоевания “рынка” за счет демократов, особенно в колеблющихся штатах».

Республиканские активисты, посещая Израиль, знали, что их кандидат пользуется полной поддержкой со стороны премьер-министра Б. Нетаньяху, который отчетливо не хотел ни избрания Барака Обамы в 2008 году, ни его переизбрания в 2012 году. По данным опроса, проведенного в Израиле в начале ноября 2012 года, доля сторонников Митта Ромни (50%) почти вдвое превышала долю сторонников Барака Обамы (26%)³⁴³. По данным другого опроса, проведенного в Израиле в июне 2012 года под руководством профессора Эйтана Гильбоа, 30% израильтян выражали мнение, что в случае избрания Митта Ромни президентом отношения между двумя странами улучшатся — и только 8% связывали подобные надежды с переизбранием Барака Обамы³⁴⁴. Среди русскоязычных израильтян разрыв был еще больше: согласно опросу, проведенному редакцией одного из самых популярных в Израиле интернет-порталов на русском языке NEWSru.co.il в сентябре 2012 года, 88% респондентов, будь у них гражданство США, проголосовали бы за Митта Ромни, тогда как Барака Обаму поддерживали бы только 7%³⁴⁵. В статье «Где евреи голосуют за республиканца» в *Weekly Standard* ее автор, Уилли Стерн, приводил слова Кори Бардаша, сопредседателя Ассоциации республиканцев, живущих за рубежом, утверждавшего, что три четверти израильтян, имеющих право голоса на американских выборах, поддержат Джона Маккейна³⁴⁶.

Сомнения в том, что в случае переизбрания Б. Обама едва ли будет поддерживать Израиль, попытался развеять бывший глава президентской администрации, один из самых близких Барак Обаме

³⁴² Цит. в статье: Gil Hoffman, “Republicans: Israelis first to see Obama faults” // *Jerusalem Post*, July 11, 2012.

³⁴³ См.: Лиран Мусли, «Американцы выбирают, а кого поддерживают израильтяне?» // Портал <http://www.mako.co.il>, 6 ноября 2012 г. [на иврите].

³⁴⁴ См.: Таль Шалев, «Опрос: общественное мнение в Израиле предпочитает Ромни Обаме» // Портал <http://news.walla.co.il>, 15 июня 2012 г. [на иврите].

³⁴⁵ См.: «Русские израильтяне голосуют за Ромни, но многие не верят в его победу. Итоги опроса» // Портал <http://www.newsru.co.il>, 23 сентября 2012 г.

³⁴⁶ Цит. в статье: Willy Stern, “Where the Jews Vote Republican” // *Weekly Standard*, October 14, 2008.

политиков, нынешний мэр Чикаго Рам Эммануэль, отец которого родился в Иерусалиме и даже входил в ЭЦЕЛЬ – военизированную организацию последователей В.Е. Жаботинского. В интервью Второму каналу израильского телевидения Рам Эммануэль декларировал: «Барак Обама был и остается верным другом Израиля. Как знает ваш министр обороны, а также ваш президент, в том, что касается сохранения стратегического военного превосходства Израиля, у вас нет и не будет лучшего друга, чем президент Обама»³⁴⁷.

Апелляция к президенту Израиля Ш. Пересу и (уже бывшему) министру обороны Э. Барак (оба они сделали свои политические карьеры в Партии Труда, но позднее оба покинули ее) красноречиво говорит о том, насколько на самом деле непростые отношения сложились между администрацией Барака Обамы и высшим политическим руководством Израиля. В Израиле по закону президент является фигурой преимущественно церемониальной (как, например, и в Германии), а министр обороны, при всем уважении, все же не является лицом, отвечающим за международные связи страны. Фактически, не сумев выстроить конструктивной модели взаимодействия ни с главой правительства Израиля Б. Нетаньяху, ни с министром иностранных дел А. Либерманом (которого они просто не воспринимают), американские руководители сами выбрали себе партнеров для диалога в еврейском государстве. Поддержка со стороны Б. Нетаньяху (а также поддерживающего его миллиардера Ш. Адельсона) была Митту Ромни гарантирована. Вопрос, однако, состоял в том, насколько мнение премьер-министра еврейского государства в вопросе о желательном кандидате на пост президента США оказывало влияние на формирование электоральных предпочтений американских евреев.

В первую неделю сентября 2012 года Республиканская еврейская коалиция сообщила о том, что завершила масштабную агитационную кампанию среди представителей еврейских общин Южной Флориды, Филадельфии и Кливленда. По той причине, что по данным опросов М. Ромни и Б. Обама имели в этих регионах примерно равную поддержку избирателей, они считались особенно важными. Мэтт Брукс рассказал, что около тысячи волонтеров со всех уголков США агитировали еврейских избирателей методом «от двери к двери», раздавая листовки и убеждая поддержать республиканского кандидата. «Я участвую в избирательных кампаниях уже двадцать с лишним лет. Вы можете посмотреть результаты экзит-поллов нескольких

³⁴⁷ Интервью вела Йонит Леви, оно транслировалось в вечернем выпуске новостей Второго канала израильского телевидения 6 ноября 2012 г.

последних лет и убедиться, что мы отвоевали для республиканского кандидата “изрядную долю рынка”», — говорил М. Брукс корреспондентке *New York Times* в конце сентября³⁴⁸. Итоговые данные голосования во Флориде, Пенсильвании и Огайо, однако, показали, что привлеченные республиканцами добровольцы работали впустую: по принятой в США избирательной системе победитель в каждом штате получает голоса всех выборщиков, вне зависимости от того, какой процент избирателей проголосовал за него, а какой — за его оппонента или оппонентов. Барак Обама добавил в свою копилку и голоса всех 29 выборщиков во Флориде (получив там 4 237 756 голосов против 4 163 447 — за Митта Ромни), и 20 — в Пенсильвании (опередив Митта Ромни более чем на триста тысяч голосов, 2 990 274 против 2 680 434), и 18 — в Огайо (там разница превысила 160 тысяч голосов, 2 827 621 человека — за Обаму, 2 661 407 — за Ромни).

«Мощная поддержка, которую еврейские избиратели оказали демократическому кандидату, свидетельствует о том, что активная кампания, проведенная республиканцами с использованием антирекламы, тактики запугивания и откровенной лжи, не сработала. Со времен Нового курса [Франклина Рузвельта] Демократическая партия была “политическим домом” для подавляющего большинства американских евреев. Сегодняшние выборы вновь подтвердили это», — заявил президент Национального еврейского демократического совета Дэвид Харрис³⁴⁹. Пожалуй, так оно и было.

Согласно данным опроса евреев США, обнародованного в первой половине июля 2012 года организацией *The Workmen’s Circle / Arbeter Ring*, в среднем лишь 29% американских евреев хоть один раз в жизни бывали в Израиле, причем ни в одной из выделенных возрастных категорий доля побывавших в Израиле не достигла 35%. Исследователи также сформулировали индекс «привязанности к Израилю», основанный на том, считает ли человек себя «в значительной мере произраильски настроенным» (50 баллов за положительный ответ) и «чувствует сильную эмоциональную привязанность к Израилю» (еще 50 баллов за положительный ответ); средний показатель составил всего 39 пунктов, причем ни в одной из выделенных возрастных категорий он не достиг и 45 пунктов. Из пятнадцати предложенных исследователями пунктов вопрос «об Израиле и палестинцах» (сформулировано это было в анкетах именно так) занял третье место

³⁴⁸ Цит. в статье: Lizette Alvarez, “Republicans Intensify Drive to Win Over Jewish Voters” // *The New York Times*, September 26, 2012.

³⁴⁹ Цит. в статье: Natasha Mozgovaya, “Jewish Democrats celebrate: Republican campaign to woo us has failed” // *Haaretz*, November 7, 2012.

по важности для респондентов, уступив лишь проблемам экономики/трудоустройства и антисемитизма. При этом очень важной для себя тему Израиля и палестинцев сочли 48% опрошенных, то есть чуть меньше половины. По данным того же опроса 73% считают, что США должны больше поддерживать Израиль, чем палестинцев, 17% — что обе стороны заслуживают американской поддержки в равной мере, 9% не имели мнения на этот счет; лишь менее 1% считали, что США должны поддерживать палестинцев в большей мере, чем Израиль³⁵⁰. Вопрос, однако, состоит в том, в какой мере важность той или иной темы оказывает влияние на формирование электоральных предпочтений; говоря конкретнее, насколько поддержка Израиля становится фактором, определяющим электоральные предпочтения американских евреев.

Республиканцы построили свою кампанию на «еврейской улице» на недостаточной поддержке Израиля администрацией Б. Обамы, однако социолог Джим Герштейн в общем справедливо указал, что вопросы ближневосточного урегулирования и безопасности Государства Израиль занимают невысокое место в списке приоритетов большинства еврейских избирателей: «При том что наибольший интерес избирателей вызывают вопросы экономики, в частности реформа системы здравоохранения, безопасность Израиля и ближневосточная политика США занимает восьмое место из тринадцати в списке предпочтений еврейского электората, — подчеркнул Дж. Герштейн. — Лишь 7% опрошенных назвали вопросы безопасности еврейского государства своим главным приоритетом, исходя из которого они будут выбирать президента. Может быть, это самые громкие семь процентов, но они находятся в нижней части списка»³⁵¹. В руководстве Израиля понимают, что для того, чтобы американские евреи помнили не только об Израиле, но и о своем еврействе, нужно чем дальше, тем больше прикладывать для этого адресные усилия, однако когда такие усилия прикладываются, это вызывает раздражение, если не негодование у большинства функционеров американских еврейских организаций, не готовых не только получать из Израиля какие-либо «руководящие указания», но и просто признать, что проблема достаточно массовой ассимиляции евреев США и их ухода от еврейства существует, в средне- и

³⁵⁰ Все данные извлечены из: Workmen's Circle / Arbeter Ring 2012 American Jews' Political Values Survey — Full Results, July 9, 2012.

³⁵¹ Цит. в статье: Ron Kampeas, "Fighting over every percentage point: Arguing about the Jewish vote and exit polls" // *The Jewish Telegraphic Agency*, November 7, 2012.

долгосрочной перспективе угрожая сохранению американской еврейской общины как таковой³⁵².

Республиканские активисты, однако, утверждали, что их труд напрасным не был, что им раз за разом удается склонить на свою сторону всё большее число избирателей-евреев. Так, если в 1992 году, согласно опросам, за Джорджа Буша-старшего проголосовало 11% еврейских избирателей (80% поддерживали Билла Клинтона), то в 1996 году республиканца Боба Доула поддержало уже 16% (78% поддерживали того же Билла Клинтона). За Буша-младшего в 2000 году отдали голоса 19% избирателей-евреев (79% поддерживали Альберта Гора), а четыре года спустя — 24% (76% поддерживали Джона Керри). Правда, Бараку Обаме удалось немного нарушить эту тенденцию в 2008 году (его поддерживали, согласно опросам, 78% принявших в голосовании американских евреев, тогда как Джона Маккейна — только 22%), однако Мэтт Брукс выражал убежденность, что на выборах 2012 года еврейская поддержка республиканцев заметно возрастет. Опросы, проведенные в день выборов, подтвердили его прогноз: Митта Ромни поддержали 30% проголосовавших евреев США, однако Барака Обаму — почти 70%.

На основании вышеприведенных данных М. Брукс утверждал, что электоральные предпочтения еврейских избирателей смещаются в сторону республиканцев, однако так ли это? В 1972 году за республиканца Р. Никсона проголосовали 35% избирателей-евреев, в 1980 году за Рональда Рейгана — 39% (причем, как утверждали социологи, в возрастной категории от 30 до 45 лет за Р. Рейгана голосовало на 6% американских евреев больше, чем за Дж. Картера), в 1988 году за Дж. Буша-старшего — 35%. Если вспомнить более давние времена, то республиканца Дуайта Эйзенхауэра на выборах в 1952 году поддерживали 36% избирателей-евреев, а в 1956 году — 40%. При этом за последнее столетие, кроме выборов 1920 года, кандидат-республиканец никогда не получал больше «еврейских» голосов, чем кандидат демократ³⁵³. То есть говорить о каком-то когнитивном электоральном перевороте среди американских евреев явно не приходится. При этом совершенно очевидно, что изучение этих данных не оставляет камня на камне от бесконечных разговоров о якобы огромной политической значимости голосов американских евреев для соискателей

³⁵² См.: Владимир (Зеэв) Ханин, «Государство Израиль, неосионизм и еврейство Америки» // *Новые исследования по еврейской истории. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике* (Москва, 2012), том 3, стр. 435–448.

³⁵³ Данные приведены в книге: L. Sandy Maisel and Ira Forman, (Eds.), *Jews in American Politics* (Lanham: Rowman & Littlefield, 2001), p. 153.

президентского счастья: ни Р. Никсон, ни Р. Рейган, ни Дж. Буш-ст., ни тем более Дж. Буш-мл. не заручились поддержкой большинства американских евреев, голосовавших как раз за их противников, что не помешало всем этим политикам более или менее триумфально выигрывать выборы.

Вопрос о политических предпочтениях элиты американского еврейства отпадает сам собой после изучения списка конгрессменов еврейского происхождения. Из одиннадцати сенаторов-евреев Демократическую партию представляют десять человек, Республиканскую — ни одного; сенатор от Вермонта Бернард Сандерс считается независимым, при этом сам он позиционирует себя как сторонник социал-демократии³⁵⁴. В нынешнем составе палаты представителей из 22 депутатов еврейского происхождения от Демократической партии были избраны 21, от Республиканской — только один, 50-летний представитель Вирджинии Эрик Кантор, являющийся в настоящее время лидером республиканского большинства в палате. Соотношение конгрессменов-евреев демократов и республиканцев (31 к 1) настолько отчетливо говорит само за себя, что, скорее, удивительно не то, что Митт Ромни получил всего 30% «еврейских голосов», сколько то, что он получил целых 30% голосов еврейских избирателей.

Рафаэль Мэдофф, основатель и директор вашингтонского Института изучения Холокоста имени Давида Ваймана (David S. Wyman Institute for Holocaust Studies), объясняет политический крен американских евреев слева направо изменением их этноконфессиональной структуры. Среди еврейской общины США все меньше потомков работяг-социалистов из Восточной Европы (в основном из Российской империи), для которых партия Франклина Делано Рузвельта и его «Новый курс» были спасением. Нынешние иммигранты-евреи из республик бывшего СССР (их долю в общем числе евреев США Р. Мэдофф оценивает в 12%) настроены консервативнее, а религиозная строгость ортодоксальных евреев (составляющих около 15% всего еврейского населения США) тоже не уживается с социал-либеральными взглядами Демократической партии, в частности на однополые браки³⁵⁵.

Позицию консервативно настроенных русскоязычных евреев США в этой связи в сжатой форме выразил обозреватель нью-йоркского портала «Форум» Александр Грант:

³⁵⁴ См. его интервью: Michael Powell, "Exceedingly Social, But Doesn't Like Parties" // *Washington Post*, November 5, 2006.

³⁵⁵ См.: Rafael Medoff, "Jews and Republicans: Turning over a new leaf?" // *Daily Caller*, February 7, 2012.

«Новым» американским евреям как стойким сторонникам частного предпринимательства не по душе утверждение Барака Обамы про обязательное участие государства в бизнесе. Они помнят «каирскую речь» Обамы 2009 года, когда он призвал Израиль отдать территории, захваченные у арабских стран-агрессоров в Шестидневной войне 1967 года, и назвал это «оккупацией». Они помнят дружбу Барака Обамы с антиизраильским активистом Рашидом Халиди и священником-антисемитом Джеремайей Райтом. Они понимают, что это последние выборы Обамы, а поэтому, победив, он уже не будет вынужден располагать к себе американских евреев в погоне за их голосами и рядиться в друга Израиля. Они помнят, что пресс-секретарь президента Обамы не рискует называть Иерусалим столицей Израиля, а Митт Ромни этого не боится. Хотя, повторяю, у официальной власти свои правила игры, и я не уверен, что пресс-секретарь президента Ромни поведет себя иначе³⁵⁶.

Опрос русскоязычных евреев Нью-Йорка, проводившийся в августе — сентябре 2012 года социологом Сэмом Клигером и его коллегами (были опрошены 306 потенциальных избирателей в Нью-Йорке, на Лонг-Айленде, в округе Вестчестер и в прилегающих районах штата Нью-Джерси), показал, что 47% респондентов планируют голосовать за Ромни и лишь 12% — за Обаму. Около 40% опрошенных колебались с выбором или не собирались идти голосовать (в среднем по США на момент опроса таковых было 26% граждан). По оценке С. Клигера, возглавляющего Институт изучения новых американцев при Американском еврейском комитете (American Jewish Committee's Research Institute for New Americans), сделанной им на основе анализа предыдущих выборов, за республиканского кандидата собирались отдать свои голоса около 65 процентов русскоязычных евреев нью-йоркского региона. При этом если русскоязычные евреи в целом предпочитали республиканского кандидата с четырехкратным перевесом, то среди лиц в возрасте 18–35 лет Митт Ромни и Барак Обама пользовались примерно равной поддержкой³⁵⁷. При этом Сэм Клигер указывал, что в целом среди американских студентов в Нью-Йорке поддержка Обамы достигает 80–90%, а среди «русских» той же возрастной категории — только 50%.

Анализируя результаты проведенного под его руководством опроса Сэм Клигер говорил:

³⁵⁶ См.: Александр Грант, «Еврейская увертюра» Барака Обамы // *Форум*, 9 августа 2012 г.

³⁵⁷ См.: Николай Лебедев, «Кого выбирает Брайтон» // Портал <http://www.jewish.ru>, 26 октября 2012 г.

«Чуда не будет. “Русские” проголосуют в соответствии со своими ценностями, так же примерно, как они голосовали последние десять лет. Вспомним: 75% за Буша в 2004 году, 77% за Маккейна в 2008 году, примерно столько же за Блумберга [на выборах мэра Нью-Йорка] в 2009, 85% за Тернера [на выборах депутата палаты представителей от Нью-Йорка] в 2011 и 66% за Сторобина [на выборах в Сенат штата Нью-Йорк] в марте 2012 года. Легко могу предсказать и ноябрь 2012 года: они будут голосовать в большинстве своем за республиканского кандидата в президенты Митта Ромни. ... Хотя Митт Ромни для многих был до недавнего времени таинственной фигурой, ассоциировавшейся с не менее таинственной христианской сектой мормонов, он стал к моменту окончания нашего исследования (и особенно после прошедших дебатов) вполне привлекательной фигурой президентского масштаба. ... Эта тенденция сохранится, по всей видимости, вплоть до выборов 6 ноября. А это означает, что на «русской улице» за республиканского кандидата проголосуют 80%, т.е. примерно столько же, сколько и за Буша в 2004 году, и за Маккейна в 2008»³⁵⁸.

Вопрос о том, почему русскоязычные евреи США голосуют принципиально иначе, чем, в подавляющем большинстве своем, голосуют местные уроженцы, не относящиеся к числу приверженцев ортодоксального иудаизма (а выходцы из СССР/СНГ к ним тоже не относятся), одновременно и сложен, и прост, особенно если сравнить их электоральное поведение с электоральным поведением русскоязычных израильтян. В обеих странах чем моложе были уроженцы Советского Союза в момент эмиграции, тем больше шансов, что их электоральные предпочтения сдвигаются к центру и чуть левее, при этом ни в Израиле, ни в США ни в какой возрастной категории «русские» евреи не голосуют за левых и левоцентристов больше, чем за правых. При этом между двумя странами есть существенная разница: в Израиле, начиная с 1996 года, большая часть русскоязычных избирателей, выросших еще в СССР, стабильно голосует за партии, лидерами которых являются их дважды соотечественники, соответственно Натан Щаранский (партия «Израиль на подъеме» в 1996–2003 годах) и Авигдор Либерман (партия «Наш дом — Израиль» и блоки, в которые она входила). Обе эти партии в конечном итоге влились в правоцентристский блок «Ликуд». Из-за существующей в США мажоритарной избирательной системы в этой стране нет и ни-

³⁵⁸ См.: «Кому отдадут “русские” свои голоса? Эксклюзивное интервью с социологом и политологом Сэмом Клигером» // *Еврейский мир*, 23 октября 2012 г.

когда не было какой-либо обособленной партии, в которой выходцы из СССР/СНГ играли бы ведущую роль, поэтому такой электоральной возможности — поддержать «своих» консерваторов — у русскоязычных евреев США нет.

Не все «русские» евреи, однако, республиканцы: единственный русскоязычный депутат законодательной Ассамблеи штата Нью-Йорк (всего в ней 150 членов) Алек Брук-Красный (он входит в состав Ассамблеи с 2006, и в ноябре 2012 года был переизбран еще на два года, набрав почти 59% голосов) представляет, напротив, Демократическую партию, хотя витиевато определяет себя как «центриста»: «В социальном плане — я демократ, а в фискальном плане — я, скорее, либеральный республиканец. Для меня важно понять, откуда идут в бюджет деньги, необходимые для помощи наиболее нуждающимся людям»³⁵⁹. В США он прибыл в 1989 году, когда ему было едва за тридцать, занимался бизнесом, был исполнительным директором Совета организаций еврейских эмигрантских общин. После выборов в Конгресс в 2010 году он говорил:

«На местном уровне выбор наших иммигрантов определяет, как правило, личность того или иного кандидата, а на более высоких уровнях — политические взгляды и партийная принадлежность. Так, я уверен, что из двух кандидатов на пост губернатора Нью-Йорка большинство “наших” предпочло демократа Эндрю Куомо его противнику, республиканцу Карлу Паладино, который не скрывал, что хочет на 40% сократить социальные программы. Ведь многие русскоязычные иммигранты получают эти программы, столь же многие имеют родителей, которые их получают»³⁶⁰.

Не факт, что А. Брук-Красный был прав в этой оценке: и в Израиле, и в США многие немолодые русскоязычные избиратели поразительным образом умудряются быть ярыми сторонниками доктрины «чистого капитализма», невзирая на тот факт, что выплачиваемые им самим пособия и предоставляемые государством льготы фактически являются основными источниками их финансового благополучия. Сэм Клигер справедливо указывал, что «русскоязычные эмигранты ... с огромным подозрением относятся к лю-

³⁵⁹ См. его интервью: Ульяна Ким, «“Русский” депутат из США Алек Брук-Красный: Постоянный контроль оппозиции и власти друг за другом и есть необходимый элемент демократии» // *Великая эпоха*, 13 января 2013 г.

³⁶⁰ Цит. по: Лея Мозес, «За кого голосовали “русские”?» // *Русская реклама*, 9 ноября 2010 г.

бым попыткам усиления государства и его вмешательства в жизнь и бизнес, к любым экспериментам “социалистического” толка. Поэтому они подозрительны к реформе системы здравоохранения, предложенной администрацией Обамы, к его идее поднять налоги на богатых»³⁶¹. При этом значительное большинство американских евреев, принадлежащих к обеспеченному среднему классу, которых может непосредственно затронуть это повышение налогов, как раз дважды голосовали за Барака Обаму, как и за почти всех остальных кандидатов-демократов в предшествующие десятилетия. Русскоязычные же евреи, большинству из которых увеличение налоговых выплат вследствие увеличения налога на наиболее состоятельных граждан никак не грозило, поддерживают республиканцев. Владелец издательства *Liberty* Илья Левков справедливо указывал, что «американские евреи, как правило, голосуют против своего кошелька: люди обеспеченные, представители среднего класса, они поддерживают демократов, отстаивающих интересы небогатых жителей нашей страны, иммигрантов и т.д. Русскоязычные евреи до сих пор составляли исключение — они голосовали за свой кошелек»³⁶². Вопрос это не столько финансовый, сколько идеологический, связанный с отсутствием этики коммунитаризма среди граждан, покидавших СССР для того, чтобы перестать быть движимыми интересами коллектива, а «пожить для себя», и не сумевшими воспринять принципы взаимопомощи, основой которых является признание за каждым человеком право на достойный уровень жизни. В наши дни социал-демократы повсеместно отстаивают иную этику, признающую за каждым человеком, вне зависимости от степени его вовлеченности в процессы, происходящие на рынке труда, право на некий уровень жизни, считающийся минимально достойным человека — и эта этика чужда значительной части выходцев из СССР/СНГ, даже тем из них, чье собственное благосостояние формируется преимущественно из государственных пособий. «Они понимают это так, что кто-то ворвется посильным трудом и отдаст это дяде на улице, — рассказал журналистам 35-летний Моисей Соловей. — Сам я поддерживаю Демократическую партию, потому что она в большей степени соответствует духу еврейских ценностей. У республиканцев нет сострадания. Я бы даже сказал, что у них нет души»³⁶³. Однако среди русскоязычных американцев так рассуждает, очевидно, меньшинство.

³⁶¹ См.: «Кому отдадут “русские” свои голоса?»

³⁶² Цит. по: Лея Мозес, «За кого голосовали “русские”?»

³⁶³ Цит. по: Николай Лебедев, «Кого выбирает Брайтон».

Фактически американские евреи и русскоязычные эмигранты (в большинстве своем тоже евреи) голосуют диаметрально противоположно, по крайней мере, начиная с 2000 года, расходясь почти во всем, что касается политических взглядов и предпочтений. По данным, приводимым Сэмом Клигером, поддерживают экономическую политику нынешней администрации 57% американских евреев — и только 16% «русских»; реформу здравоохранения одобряют 62% евреев США в целом — и только 27% «русских»; политику правительства в отношении Израиля считают правильной 58% американских евреев — и только 17% «русских». При этом почти 60% американских евреев никогда не были в Израиле, а 60% «русских» были как минимум один раз³⁶⁴. В современных США с политической точки зрения существует не одна, а три еврейских общины: к первой относятся те, кого принято называть «еврейскими либералами», и они по-прежнему составляют устойчивое большинство; ко второй — ультра-ортодоксальные иудеи; к третьей — «новые американцы», уроженцы бывшего Советского Союза. Более трех четвертей принадлежащих к «первой» общине голосовали и голосуют за демократов, тогда как во второй и третьей общинах пропорция была едва ли не обратной.

Дальнейшие перспективы притока избирателей-евреев в стан республиканского электората двояки. С одной стороны, доля двух указанных социумов (ортодоксального и русскоязычного), входящих в электоральный ресурс Республиканской партии, довольно скромна и по каждому из них лишь немного превышает 10% от общей численности американских евреев. При этом количественный рост русскоязычного сектора весьма проблематичен ввиду резкого уменьшения в последние годы иммиграционного притока и энергичной культурной ассимиляции молодежи. В отличие от них, ортодоксальные иудеи отличаются высокой рождаемостью, при этом они сохраняют свои ценности, практически не ассимилируясь в окружающей их среде, не воспринимая ценности социально ориентированного либерализма и мультикультурализма. Напротив, среди русскоязычных американцев более молодые люди, получающие в США высшее образование, становятся в среднем куда более восприимчивыми к этим ценностям, вследствие чего с течением времени поддержка кандидатов-республиканцев в русскоязычной общине будет, по всей видимости, иметь тенденцию к снижению. Этот процесс станет еще одним проявлением общих тенденций аккультурации полуторного и второго поколения постсоветского еврейства в американском обществе. Демократическая партия останется политическим домом

³⁶⁴ См.: «Кому отдадут “русские” свои голоса?»

американского еврейства, не связывающего свою судьбу с ортодоксальным иудаизмом. Феномен «других американских евреев», имея в виду проанализированные выше особенности электорального поведения русскоязычных американцев, как представляется, — явление, скорее, временное. При этом, в отличие от Израиля, где выходцы из СССР/СНГ, прибывшие в страну в 1970–1980-е годы, уже возглавили Министерство иностранных дел, парламент (Кнессет) и Еврейское агентство (Сохнут), в США никто из русскоязычных граждан не смог — и в обозримой перспективе едва ли сможет — играть сколько-нибудь весомую роль в федеральной политике.

Глава 27

Зачем Америке Израиль? Параметры и проблемы двустороннего сотрудничества

Вопрос о том, насколько отношения с Израилем выгодны или, наоборот, вредны Соединенным Штатам стал в последние годы предметом бурной дискуссии. Этапной в этой связи видится публикация в конце августа 2007 книги профессора Чикагского университета Джона Миршаймера (John J. Mearsheimer) и профессора Гарвардского университета Стивена Уолта (Stephen Martin Walt) «Израильское лобби и внешняя политика США». Никогда прежде в серьезном издательстве в США не выходила монография, авторами которой были бы не имеющие арабских корней известные профессора двух ведущих университетов страны (С. Уолт успел поработать в Гарварде и деканом Института государственного управления им. Кеннеди), в которой бы утверждалось, что поддержка Израиля Соединенными Штатами не имеет достаточных причин и оснований и даже вредит интересам самих США. «На протяжении последних нескольких десятилетий, особенно после Шестидневной войны 1967 года, системообразующим элементом американской политики на Ближнем Востоке были отношения с Израилем. Безоговорочная поддержка Израиля в сочетании с регулярными попытками продвижения “демократии” в регионе крайне негативно сказалась на общественном мнении в исламском мире в целом и арабских странах в частности. Такая политика ставит под удар не только американскую национальную безопасность, но и общемировую стабильность», — утверждали авторы³⁶⁵. По их словам, «поддержка Израиля обходилась недешево и сверх того осложняла Америке отношения с арабским миром. На-

³⁶⁵ Здесь и далее цит. по: John Mearsheimer and Stephen Walt, *The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007).

пример, решение об оказании срочной военной помощи размером в 2,2 млрд. долларов в разгар конфликта 1973 года привело к тому, что ОПЕК ввело нефтяное эмбарго, которое нанесло серьезный ущерб экономике западных стран. ... Первая война в Персидском заливе показала, насколько очевидно Израиль стал превращаться в стратегическую обузу. США не могли использовать израильские военные базы, не расколов антииракскую коалицию». Авторы не только всячески поддерживали мнение о том, что Израиль и США ведут различные антитеррористические кампании, утверждая, будто «террористические организации, несущие угрозу Израилю, не представляют опасности для США, если только последние не вступают с ними в непосредственное столкновение (как было в Ливане в 1982 году)», но и выдвинули тезис об обратной причинно-следственной связи: «Соединенные Штаты имеют проблемы с терроризмом именно по причине наличия близких союзнических отношений с Израилем, а не наоборот. Произраильский курс — не единственный, но чрезвычайно значимый стимул для антиамериканского терроризма, и он снижает эффективность антитеррористических мероприятий». Авторы утверждали также, что отношения с Израилем наносят ущерб другим союзническим отношениям США, в особенности с арабскими государствами: «Дело не только в том, что Израиль применяет насилие по отношению к палестинцам, но и в том, что арабы и мусульмане во всем мире видят это собственными глазами. И они также видят, какие вещи совершают с использованием американского оружия при молчаливом согласии США». Дж. Миршаймер и С. Уолт также утверждали, что американо-израильские отношения нанесли ущерб отношениям США с их европейскими союзниками, так как нередко США в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее ООН голосуют в поддержку Израиля, в то время как их европейские союзники, включая Великобританию — против.

Основной причиной всей этой аномалии Дж. Миршаймер и С. Уолт сочли огромное влияние произраильского лобби на законодательную власть США; по их словам, «AIPAC, де-факто являющийся агентом иностранного правительства, мертвой хваткой вцепился в Конгресс». Удивительным образом тезисы и сам настрой монографии Дж. Миршаймера и С. Уолта практически совпали с публикациями нижегородского ближневосточника Олега Колобова, с 1975 года опубликовавшего немало статей и даже монографию о роли «сионистского лобби» в американской политике³⁶⁶, но то, что в Рос-

³⁶⁶ Первая из его работ на эту тему — Олег Колобов, «Конгресс США и проблемы американо-израильских отношений в 1963–1967 гг. (роль сионист-

сии осталось уделом одиночки, в советское время много лет обличавшего Израиль и АПРАС по поводу и без повода, в «дружественных» США стало неотъемлемой частью матрицы ближневосточного дискурса. Не забудем, что за год до выхода монографии Дж. Миршаймера и С. Уолта была опубликована книга бывшего президента США Дж. Картера «Палестина: мир, а не апартеид»; какими бы сложными ни были в свое время отношения между СССР и Израилем, невозможно представить себе, чтобы книгу с таким заголовком написал бы М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, В.В. Путин или Д.А. Медведев. Впрочем, в своем цинизме Дж. Миршаймер и С. Уолт пошли, конечно, много дальше Дж. Картера, который едва ли стал бы утверждать то, что написали они: «Часто указывают на то, что Израиль — это дружественный демократический режим, окруженный со всех сторон враждебными диктатурами», однако «в прошлом США свергали демократические режимы и сотрудничали с диктаторами, если это считалось полезным для обеспечения национальных интересов. Да и сегодня Соединенные Штаты поддерживают хорошие отношения с целым рядом диктатур». Вероятно, чтобы одновременно и попрекать Израиль за чрезмерную жесткость в отношении палестинцев, и утверждать, что США не стыдятся и не должны стыдиться того, что поддерживают всевозможные диктаторские режимы, нужно вначале стать деканом Института государственного управления в Гарварде, обычному человеку этот подход воспринять, мягко говоря, трудно. Однако все это нагромождение аргументов, применимых ровно настолько, насколько они могут, всеми правдами и неправдами, оправдать авторский тезис о желательности полного сворачивания американо-израильского политического и военного сотрудничества, выстроило принципиально иную картину интеллектуального дискурса об отношениях двух стран.

Утверждения Дж. Миршаймера и С. Уолта должны были стать — и стали — предметом серьезной научной критики. Различные авторы указывали, что существует множество неоднородных причин антиамериканских настроений на Ближнем Востоке и в арабо-мусульманском мире в целом, и отнюдь не Израиль и американо-израильские отношения стоят в центре антиамериканского джихада исламистов. «Игра в поиски виноватого — турки, монголы, империалисты, евреи

ского “лобби”» // *Международные отношения и классовая борьба в эпоху общего кризиса капитализма*. Выпуск 3 (Горьковский гос. университет, 1975), стр. 54–65; обобщающая монография — Олег Колобов и Александр Сергунин, *Суперлобби. Невыдуманная история Комитета по американо-израильским общественным отношениям* (Нижний Новгород: Фонд стратегической инициативы, 1993).

или американцы — продолжается, и конца ей не видно, — справедливо указывал крупнейший историк-ближневосточник Бернард Льюис в 2001 году. — Для правительств репрессивных и неэффективных, управляющих сейчас большей частью Ближнего Востока, эта игра служит полезным, даже существенным средством объяснения причин бедности, которую они не смогли ликвидировать, и оправданием тирании, которую они только усилили. Так они пытаются направить растущий гнев своих несчастных граждан на другие, внешние цели»³⁶⁷. Эти причины антиамериканизма, распространенного на Ближнем Востоке, не имеют никакого отношения к американо-израильским отношениям. Опросы общественного мнения, проводившиеся в арабских странах на протяжении многих лет, свидетельствуют, что каковы бы ни были масштабы американского давления на Израиль и какой бы очевидной ни была поддержка высшими должностными лицами США, включая лично президента, позиций палестинцев, население арабских стран с неодобрением высказывается о внешней политике США. Введение американских войск в Афганистан и Ирак, приведшее к гибели десятков тысяч людей, стало фактором, подстегнувшим ненависть к США, но Израиль ни с какой стороны не был причастен к принятию решений об этих вторжениях.

В предшествующие десятилетия «наиболее часто упоминаемым примером вмешательства Запада в дела Ближнего Востока считалось падение правительства Мохаммеда Мосаддека (1882–1967) в Иране в 1953 году. Кризис начался, когда популярный лидер-националист Мосаддек решил, опираясь на широкую поддержку населения, национализировать нефтяные компании, в том числе наиболее значительную Англо-Иранскую компанию, — напоминает Б. Льюис. — Условия, на которых работали эти компании, не без оснований считались несправедливыми и невыгодными. Так, Англо-Иранская компания платила больше британскому правительству в виде налогов, чем иранскому — в виде пошлины за право на разработку природных ресурсов. Вмешательство США последовало сначала из-за союзных отношений с Великобританией, а затем — из-за опасений советского вмешательства на стороне правительства Мосаддека. Американское и британское правительства решили, вероятно с согласия шаха, избавиться от Мосаддека при помощи государственного переворота»³⁶⁸. Все, действительно так и было, но при чем тут Израиль и отношения

³⁶⁷ Бернард Льюис, *Что не так? Влияние Запада и ответ Ближнего Востока* (Москва: «Олимп-бизнес», 2003), стр. 182 [пер. с англ. изд. 2001 г.].

³⁶⁸ Бернард Льюис, *Кризис ислама* (Тель-Авив: Bedek Media Group, 2007), стр. 73 [пер. с англ. изд. 2003 г.].

США с Израилем? А ведь именно это, повторим, — наиболее часто упоминаемый пример вмешательства США и Запада в целом в дела Ближнего Востока!

В отличие от Дж. Миршаймера и С. Уолта, уверенных, что в поддержке Соединенными Штатами ближневосточных диктатур нет никакой проблемы, значительная часть молодежи в странах арабо-мусульманского мира как раз и ненавидит Америку за то, что ее лидеры и ее промышленные группы поддерживают коррумпированные авторитарные режимы, совершенно глухие к чаяниям широких народных масс³⁶⁹. Первые бунты, получившие название «арабской весны», были подняты молодежью Туниса и Египта против З. Бен-Али и Х. Мубарака — очевидных сателлитов США, правивших в своих странах по четверть века и более. К этим мезальянсам, существовавшим на протяжении многих лет (а зачастую сохраняющимся и поныне), Израиль не имел никакого отношения. В самом Израиле все выборы всегда были альтернативными, а все правительства страны на всем протяжении ее истории — коалиционными. Израиль действительно является единственной страной на Ближнем Востоке, на всем протяжении новейшей истории которой власть менялась исключительно в ходе выборов, где есть независимые суды и где граждане, выходящие на акции протеста, точно знают, что по ним не будут стрелять ни из танков, ни из ружей. Если Соединенные Штаты тратят столько сил и средств в поддержку распространения принципов демократии по всему миру, стоит ли пренебрегать единственной страной на Ближнем Востоке, построившей и сохранившей демократию, всем войнам и кризисам вопреки?

Д. Эйзенхауэр имел весьма прохладные отношения с израильцами во время своего пребывания на посту президента, однако это не способствовало сближению с кем-либо из арабских лидеров — напротив, этот самоотстраняющийся подход привел к усилению советского влияния в регионе и сделал радикалов, таких, как Гамаль Абдель Насер, еще более жесткими. США поддержали сторону Египта в войне за Суэцкий канал в 1956 году, выступив против Великобритании, Франции и Израиля, однако это не привело к тому, что Г.А. Насер стал воспринимать США как государство-союзник. Последствия израильской победы в войне 1967 года, с одной стороны, и установление подобия патрон-клиентских отношений между США и Израилем, с другой, привели Египет и Иорданию к мысли о том, что им имеет смысл *укреплять* отношения с США для того, чтобы вернуть

³⁶⁹ См.: Валид Фарес, *Революция грядет. Борьба за свободу на Ближнем Востоке* (Москва: ИД «Коммерсант», 2012 [пер. с англ. изд. 2010 г.]).

себе потерянные земли. Дэвид Маковски в работе «США и арабо-израильский конфликт с 1945 по 2000 год: почему арабисты неправы» показывает, что во многом именно *благодаря* существующим взаимоотношениям США и Израиля общерегиональных войн не было с 1973 года, США утвердились в роли миротворца на Ближнем Востоке, а доступ к нефти остается стабильным и безопасным. Отношения США с Израилем и их влияние на него придали дополнительный смысл возможным отношениям арабских стран с Америкой, к тому же помощь и военная поддержка, которую США оказывали Израилю с 1973 года, сделали любую войну в регионе слишком опасной для арабских стран³⁷⁰.

Отношения между США и арабскими государствами развивались в эпоху после окончания «холодной войны» на основе общности интересов, прежде всего — перед лицом общих врагов, будь то Иран или квазигосударственные (не обязательно исламистские) вооруженные организации, угрожавшие стабильности режимов, прежде всего в Иордании и в Ливане. Нынешний кризис отношений между США и Саудовской Аравией вызван не тем, что США поддерживают Израиль, а тем, что Вашингтон, во-первых, не начал военную операцию против режима Башара Асада в Сирии, а во-вторых, активно движется в направлении нормализации отношений с Ираном — главным соперником королевства в Персидском заливе³⁷¹. Отношения США с Израилем если и имеют в этой связи значение, то оно явно не является решающим. При этом правительство Израиля выступило против заключенного «шестеркой» в ноябре 2013 года соглашения с Ираном громче, чем кто бы то ни было³⁷², а о том, что режим Б. Асада поддерживает проиранскую боевую организацию «Хизбалла» (которая, в свою очередь, поддерживает его в гражданской войне), израильские официальные лица сказали бесчисленное количество раз. Иными словами, отношения США с Саудовской Аравией ухудшаются в целом ровно по тем же причинам, что они ухудшаются и с Израилем!

Близкие взаимоотношения США и Израиля помогли достичь в конце 1970-х годов египетско-израильских мирных соглашений, которые сделали Египет частью американской сферы интересов в

³⁷⁰ David Makovsky, "The United States and the Arab-Israeli conflict from 1945 to 2000: Why the Arabists are wrong", in R.O. Freedman (ed.), *Israel and the United States: Six decades of US-Israeli relations* (Boulder, CO: Westview Press, 2012).

³⁷¹ Цит. по: Ю.Б. Щегловин, «США–КСА: проблемы двусторонних отношений» // Портал Института Ближнего Востока, 25 октября 2013 г.

³⁷² См.: William Booth, "Israel's Netanyahu calls Iran deal 'historic mistake'" // *Washington Post*, November 24, 2013.

ходе «холодной войны». Это была огромная победа для США. Начиная со времен Г. Киссинджера, если не раньше, США неоднократно давали понять арабским лидерам, что США являются единственной страной, которая имеет достаточно влияния на Израиль, чтобы добиться от еврейского государства тех уступок, в которых они заинтересованы. *Это очень способствует укреплению статуса США как общемирового арбитра.*

Критики не устают повторять, что Израиль является самым крупным получателем американской помощи. С момента его создания в 1948 году, а по сути — с конца первой половины 1970-х годов, Соединенные Штаты предоставили Израилю помощь в общей сложности на 118 миллиардов долларов³⁷³. Начиная с 1985 года Соединенные Штаты ежегодно предоставляли — и предоставляют — Израилю безвозмездные субсидии на сумму три миллиарда долларов. Значительная военная помощь США помогла превратить армию Израиля в одну из самых технологически высокоразвитых в мире. Эта помощь Израилю была нацелена на то, чтобы поддержать его «качественное военное превосходство» над своими соседями, поскольку Израиль вынужден полагаться на лучшее техническое оснащение и профессионализм, чтобы компенсировать нехватку людей и территорий в любом региональном конфликте. В прошлом Израиль получал также существенную экономическую помощь, но сегодня средства идут почти исключительно на оборонные нужды. Уместно напомнить, что 74% этих средств тратится на приобретение Израилем оружия у самих США, то есть деньги остаются в США! При этом суммы, которые Израиль получал в качестве кредитов, всегда возвращались в полном объеме с процентами; в отличие от многих других стран, Израиль никогда не получал от США списания долгов.

При этом отнюдь не всегда американцы ведут себя порядочно по отношению к своему союзнику, в особенности когда на кону стоят большие деньги. Качественное преимущество израильских технологий над армиями арабского мира объясняется тем, что Израиль совершенствует американское оружие. «Необходимость постоянно состязаться с современными технологиями, которыми снабжал арабские страны в прошлом СССР, а в настоящее время снабжает США, подняла статус нашей оборонной промышленности до одной из передовых в мире, а в некоторых сферах военных технологий мы превосходим остальные державы», — справедливо указывал бывший заместитель министра обороны Эфраим Сне, не скрывая, какими по-

³⁷³ Jeremy M. Sharp, “U.S. Foreign Aid to Israel” (Washington: Congressional Research Service, 2014).

зорными методами порой действуют руководители Пентагона в отношении Израиля:

В результате своей борьбы за выживание мы стали конкурировать с гигантами американской военной промышленности — «Боингом», «Локхид-Мартин», «Рейтеоном» и другими. Во многих случаях победа оказывается на нашей стороне. Например, в Голландии ракета «гил», изготовленная концерном израильской военной промышленности «Рафаэль», доказала свое преимущество перед «джэвелин» концерна «Локхид-Мартин». Израиль побеждает конкурентов на рынке вооружений благодаря лучшему качеству и сравнительно невысокой цене нашей продукции. Это раздражает лидеров военной промышленности США. Пользуясь своим колоссальным влиянием в Пентагоне, администрация которого «вышла» именно из этих компаний и туда же вернется, они подстрекают правительство, а порой и Конгресс к конфронтации с нашей оборонной промышленностью. Я сказал «конфронтации», а не «конкуренции», потому что иногда американцы не только конкурируют с нами, но и идут против нас. Один из примеров тому касается конфликта, разыгравшегося вокруг боевого электронного комплекса, предназначенного для греческих военных самолетов американского производства F-16. В том случае израильская система, изготовленная нашим концерном «Элисра», «побила» систему, предложенную «Рейтеоном». Для того чтобы сорвать эту сделку, Пентагон стал угрожать Израилю тем, что не разрешит устанавливать израильскую систему на приобретаемых Израилем же самолетах F-16, изготовленных в США. Таким образом, Министерство обороны США наложило серьезные санкции на израильские ВВС для того, чтобы помочь американской компании одержать победу над «Элисра». Это пример грубого использования США зависимости от него Израиля для того, чтобы удержать деловое преимущество. ... Разумеется, американская оборонная индустрия может конкурировать с израильской на глобальном рынке. Но правительство США не должно затевать борьбу против Израиля ради интересов американских компаний и использовать свою военную помощь как средство давления на Израиль в сфере бизнеса³⁷⁴.

Следует помнить о том, что около 40% военной экспортной продукции США следует в арабские страны. Армии арабских стран получают в общем примерно те же самолеты и другие виды вооружений, что и Израиль. Израиль приобретает качественное преиму-

³⁷⁴ Эфраим Сне, *Навигация в опасной зоне. Израильская стратегия мира и безопасности*, стр. 134–136.

щество благодаря «обогащению» полученной основы израильскими системами, которые превосходят по качеству те, что американцы предоставляют своим покупателям. К сожалению, движимые сугубо жадной наживой, гиганты американского военно-промышленного комплекса действуют против Израиля, и Пентагон нередко идет у них на поводу; успешная борьба министра обороны США К. Уайнбергера против уникального по своим технологическим решениям израильского самолета «Лави», описанная в семнадцатой главе настоящей книги, — самый известный, но отнюдь не единственный пример.

Кризис, связанный с отменой под американским давлением продажи Китаю системы «фалькон», описанный в двадцать первой главе настоящей книги, побудил правительство США потребовать от Израиля заключить письменный договор об экспорте военных технологий, который должен был касаться исключительно израильских технологий, разработанных и произведенных в Израиле, без какого-либо участия иностранных государств. Израилю и до этого приходилось спрашивать разрешения США на экспорт продукции совместного производства. *Американцы же потребовали (и получили) право диктовать Израилю, кому он может, а кому нет продавать военную продукцию собственного производства!*³⁷⁵ 17 августа 2005 года Государственный департамент распространил информацию о том, что между Израилем и США подписано соглашение, «направленное на то, чтобы устранить прошлые проблемы, которые серьезно влияли на сотрудничество в сфере военных технологий, и восстановить доверительные отношения в этой области»³⁷⁵. Это соглашение фактически дало США право наложения вето на продажу Израилем оружия третьей стороне, если в глазах американских руководителей эта сделка могла нанести ущерб ее национальной безопасности. Согласие правительства Израиля на подписание и реализацию этого унижительного соглашения более чем отчетливо свидетельствует, насколько эта страна является удобным партнером для США.

Не менее важно и другое: *предоставляя Израилю сравнительно небольшие по американским масштабам средства, США экономят значительные ресурсы, поскольку работа, которую пришлось бы делать самим и полностью на свои деньги, делается чужими руками при лишь частичном американском финансировании.* В Афганистане Израиля нет, и американские войска вынуждены уже более десяти лет находиться там; для борьбы с идейно родственными «Талибану» исламистами в Палести-

³⁷⁵ “U.S. and Israel Agree to Consult on Future Israeli Weapons Sales”. U.S. State Department Press Release, August 17, 2005.

не и в Южном Ливане посылать войска не требовалось именно потому, что эту борьбу ведет Израиль.

Роберт Блэкуилл и Уолтер Слокомб в аналитическом докладе «Израиль: Стратегическая ценность для США» обращают внимание на то, что Израиль разделяет многие национальные интересы США и напрямую способствует их защите³⁷⁶. Тот факт, что американцы знают, что Израиль не допустит появления у какой-либо арабской страны атомного оружия (вследствие чего израильские силы в 1981 году бомбили Ирак, а в 2007 году — Сирию), означает, в частности, что они могут не беспокоиться за сохранение режима ядерного нераспространения в этом регионе, не без оснований считающемся «пороховой бочкой» планеты. *Благодаря тому что эту «грязную работу» готов взять на себя Израиль, США избавлены от необходимости идти на лобовые столкновения со странами арабского мира и при этом не беспокоиться в связи с проблемами, которые бы неизбежно возникли в связи с обретением ими статуса ядерных держав.*

Вспомним и о том, как в 1969 году израильские силы захватили в районе Суэцкого канала советский радар последней модификации и передали его США, а в 1981 году разбомбили ядерный реактор в Ираке. Таким образом, Израиль дал США возможность в 1991 и 2003 годах провести военные операции против Саддама Хусейна с применением только конвенционального оружия. Страны коалиции не столкнулись с выбором между ведением ядерной войны и принятием требований Саддама.

Десятки тысяч сотрудников американских правоохранительных органов прошли курсы повышения квалификации в Израиле по созданным в этой стране программам по борьбе с терроризмом, нахождению бомб и методике их обезвреживания. Многие представители служб здравоохранения и экстренной помощи участвовали в семинарах в Израиле, посвященных организации работы в случае большого количества жертв. Американские специалисты переняли многие из израильских разработок в этих сферах.

В области авиационной безопасности США переняли израильскую практику создания запечатанных кабин пилотов и бронированных дверей, а также некоторых элементов проверки пассажиров и распознавания их по паттернам поведения — израильские разработки в этой сфере повсеместно применяются в американских аэропортах.

³⁷⁶ Robert Blackwill and Walter Slocombe, “Israel: A Strategic Asset for the United States”. Position paper (The Washington Institute for Near East Policy, 2011).

Уязвимость Соединенных Штатов повысилась в связи с тем, что они стали сильно зависеть от компьютерных и информационных технологий. В Национальной информационной стратегии США сделан акцент на том, что США необходимо работать вместе с другими государствами для того, чтобы бороться с угрозой, исходящей от враждебно настроенных стран. Израиль является одной из передовых стран в сфере информационных технологий и в сфере такой борьбы. Несомненно, заслуживает упоминания и тот факт, что Израиль и США совместно работали над разработкой компьютерных вирусов *Flame* и *Stuxnet*, нанесших существенный ущерб иранской ядерной программе.

В ноябре 2011 года заместитель госсекретаря США по военно-политическим вопросам Эндрю Шапиро (Andrew J. Shapiro) отметил: «Мы поддерживаем Израиль, поскольку делать это — в наших национальных интересах... Стремление Америки поддерживать безопасность и процветание Израиля неизменно на протяжении десятилетий, поскольку наши лидеры давно осознали, что прочное сотрудничество Соединенных Штатов и Израиля является нашим интересом. Наша поддержка безопасности Израиля помогает сохранять мир и стабильность в регионе»³⁷⁷.

Помощь Израилю является весьма рентабельным капиталовложением, поскольку позволяет военной промышленности США экономить миллиарды долларов и десятки лет, которые пришлось бы затратить на исследования и разработки. Например, в современной модификации самолета F-16 используются более шестисот различных израильских усовершенствований и разработок. Израильские беспилотные летательные аппараты и системы защиты от придорожных фугасов и противотанковых ракет значительно повысили возможности американских войск в Ираке и Афганистане. Боевой опыт израильской армии используется для модернизации и усовершенствования систем вооружений США. Суммируя, Израиль расширяет стратегические возможности США, усиливает потенциал сдерживания США, значительно повышает возможности разведки США, а также передает США опыт, полученный на поле боя, а также связанные с ним современные технологии и разработки в сфере безопасности.

Эфраим Сне совершенно верно указывал, что «отношения Израиля и США не носят одностороннего характера: они не ограничиваются получением нами помощи и поддержки от союзника. В регио-

³⁷⁷ Цит. по: Jeremy M. Sharp, "U.S. Foreign Aid to Israel" (Washington: Congressional Research Service, 2012), p. 3.

не, наводненном диктаторами и враждебными режимами, в котором у США есть серьезные экономические интересы, существование бесспорно демократического государства, являющегося в то же время крупнейшей военной державой от Баку до Гибралтара, — бесценное стратегическое достояние»³⁷⁸. «Эксперты», призывающие руководство США отказаться от союзнических отношений с Израилем, которые в общем союзническими и так можно назвать с огромной натяжкой, фактически призывают США отказаться от огромных преимуществ, которые у США нет возможности компенсировать иными путями при сравнимом уровне усилий и расходов.

³⁷⁸ Эфраим Сне, *Навигация в опасной зоне. Израильская стратегия мира и безопасности*, стр. 127.

Эпilog

Ближайшие союзники?

Спору нет, относительно многих европейских государств, принимающих на своей территории представителей палестинских террористических организаций и при этом время от времени рассматривающих иски против израильских генералов по абсурдным обвинениям в «преступлениях против человечества», позиция США кажется про-израильской. Однако может ли Израиль в долгосрочной перспективе на самом деле полагаться на помощь и поддержку США? Мне кажется, ответ на этот вопрос, к сожалению, — отрицательный.

Вопреки повсеместно разделяемому заблуждению, США не поддерживают Израиль практически ни по одному важному спорному вопросу в конфликте с палестинцами и арабским миром.

Во-первых, США до сих пор не признали Иерусалим, не только объединенный, но даже Западный, столицей Государства Израиль и, несмотря на многочисленные резолюции Конгресса, так и не перевели туда свое посольство.

Во-вторых, США ни разу не заявили о том, что у Израиля есть право не принимать на своей территории палестинских беженцев 1948 года и их потомков; напротив, одним из пяти вариантов решения проблемы беженцев, предлагавшихся едва ли не самым произ-раильски настроенным президентом Биллом Клинтоном в декабре 2000 года, было именно их возвращение в Израиль. В особенности это должно было касаться тех, кто находится в лагерях беженцев в Ливане — у многих из них есть родственники в Галилее, и Израилю предлагалось разрешить их возвращение, руководствуясь принципом воссоединения семей и гуманитарными соображениями.

В-третьих, Джонатан Поллард, обвиненный в шпионаже в пользу «дружественного» Израиля и получивший позднее израильское гражданство, уже 29 лет (!) томится в одиночной камере в амери-

канской тюрьме (о чем подробно говорилось в семнадцатой главе настоящей книги). В январе 2006 года за передачу разведывательной информации представителям израильского лобби в США был приговорен к двенадцатилетнему тюремному заключению аналитик Пентагона Лари Франклин. В 2008 году по подозрению в шпионаже в пользу Израиля в далекие 1980-е годы был задержан восьмидесятипятилетний Бен-Ами Кадиш, помещенный под домашний арест (об этом говорилось в двадцать четвертой главе книги). 20 октября 2009 года агенты ФБР задержали в пригороде Вашингтона по обвинению в попытке шпионаже в пользу Израиля 52-летнего Стюарта Дэвида Нозетта (Stewart David Nozette), работавшего на разных должностях в Пентагоне, NASA и министерстве энергетики; в марте 2012 года он был приговорен к тринадцати годам тюрьмы. Ученого приговорили к 13 годам тюремного заключения за спровоцированную самим ФБР (!) попытку продать секретную информацию, в том числе связанную со спутниками и средствами радиоразведки, Израилю. Контакт с С. Нозеттом осуществлял агент ФБР, который представился ему агентом израильской разведки Моссад. При этом фактически Израиль никак не был вовлечен в это дело: все контакты, которые вел 52-летний Нозетт, были исключительно с представителями служб безопасности США! Всё это характеризует двусторонние отношения весьма и весьма проблематичным образом. Одно ясно — это не отношения по-настоящему дружественных стран.

В-четвертых, США выступают категорически против строительства и расширения еврейских поселений на контролируемых территориях где бы то ни было. Не забудем и о том, что США не признали ни аннексию Израилем Восточного Иерусалима, ни аннексию Голанских высот, и мало кто в Израиле надеется на то, что США признают израильскую аннексию каких-либо территорий на Западном берегу — безотносительно к тому, какова могла бы быть глубина израильского отступления.

Не забудем и о том, что, в отличие от Турции, Израиль не является членом НАТО. Более того, несмотря на то что граждане США имеют право на безвизовый въезд в Израиль, граждане Израиля, желающие посетить США, вынуждены проходить довольно неприятную и дорогостоящую процедуру получения виз для любых поездок в США... В это трудно поверить, но в 2013 году долгие месяцы (!) ждал визу на право посещения США бывший министр обороны Израиля генерал армии Шауль Мофаз.

Фундаментальная монография, посвященная событиям, разворачивавшимся на протяжении семи десятилетий, не может, естественно, поспевать за ежедневными газетами. Вторая президент-

ская каденция Б. Обамы и третья премьерская каденция Б. Нетаньяху начались лишь чуть более года назад, и им еще, конечно, рано подводить итоги. Уму непостижимым образом новый госсекретарь США Джон Керри начал с того же, на чем погорели столько его предшественников — с установления конкретного и весьма короткого срока, за который должно было быть достигнуто палестино-израильское урегулирование. Джон Керри и вновь привлеченный к работе Мартин Индик десятки раз встретились с израильскими и палестинскими делегациями, но, как и следовало ожидать, все это кончилось не мирным соглашением, а очередным взрывом: отведенные на переговоры девять месяцев истекли 27 апреля 2014 года, но закончились они не договором между Израилем и ПНА, а договором между ПНА и ХАМАСом, заключенным в Газе 23 апреля 2014 года. «Мы объявляем об окончании семилетнего периода раскола в палестинском обществе», — заявил глава правительства ХАМАСа Исмаил Ханийя. Официальный представитель Госдепартамента США Джен Псаки заявила, что американская администрация «разочарована и обеспокоена» заявлением главы ПНА Махмуда Аббаса о подписании соглашения о перемирии между ФАТХом и исламистским движением ХАМАС. «Я не думаю, что это является большим секретом — как это заявление отразится на (переговорном) процессе, — сказала Псаки. — Не думаю, что можно ожидать от израильтян вести переговоры с правительством, которое не признает их права на существование»³⁷⁹.

В изданной в 2012 году монографии президент Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановский указывал: «Давление администрации Обамы на Иерусалим по поводу ограничения строительства в израильских поселениях в попытке форсированного завершения палестино-израильского урегулирования ухудшило отношения Израиля и США, уничтожив возможность продолжения палестино-израильского диалога»³⁸⁰. Нечеловеческими усилиями новый госсекретарь Джон Керри добился возобновления этого диалога, но только лишь для того, чтобы, совершив все те же ошибки, уничтожить его вконец. «Вести переговоры с правительством, которое не признает их права на существование», Б. Нетаньяху, в самом деле, не будет. Хочется верить хотя бы в то, что американцы поймут, что ответственность за формирование в ПНА именно такого правительства в немалой

³⁷⁹ Цит. по: «Госдепартамент “разочарован и обеспокоен” заявлением о палестинском перемирии» // *Голос Америки*, 24 апреля 2014 г.

³⁸⁰ Евгений Сатановский, *Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями* (Москва: «Эксмо», 2012), стр. 150.

степени лежит и на них, и хотя бы в будущем прекратят наступать в очередной раз на одни и те же грабли.

Давид Бен-Гурион и Моше Шарет, руководившие Израилем в первые пятнадцать лет его существования, понимали, насколько маленькой стране, находящейся в гуще враждебного арабского окружения, важно лавировать между сверхдержавами, что называется, «не кладя все яйца в одну корзину». Несмотря на то что в созданной немцами нацистской машине уничтожения в первой половине 1940-х годов погибли шесть миллионов евреев Европы, израильское правительство уже в начале 1952 года подписало договор с Германией о выплате последней репараций за разграбленное и конфискованное еврейское имущество — эти деньги внесли огромный вклад в развитие израильской экономики в трудные годы государственного строительства. Несмотря на то что Д. Бен-Гурион ни на минуту не забывал о том, как активно боролась Великобритания против создания в Палестине независимого еврейского государства, запрещая еврейскую иммиграцию в страну даже в годы Холокоста, именно с Великобританией (и Францией) был заключен пакт о совместном ведении боевых действий против Египта в октябре — ноябре 1956 года в ходе Суэцко-Синайской войны. Хотя Д. Бен-Гуриона никогда нельзя было причислить к числу сторонников сталинской модели казарменного социализма, в 1948 году именно Советский Союз первым признал Государство Израиль де-юре и именно советское оружие (полученное через Чехословакию) позволило Израилю выиграть войну, которая справедливо именуется в израильской историографии Войной за независимость.

С тех пор прошло несколько десятилетий, за время которых израильская внешняя политика превратилась в одностороннюю и несбалансированную. Что бы ни делали и как бы ни вели себя США — они и только они воспринимались как единственный реальный партнер. Администрации Б. Обамы, однако, удалось добиться практически невозможного — израильский политический истеблишмент начинает медленный процесс выхода на тропу независимости. Неучастие представителя Израиля в голосовании на Генеральной Ассамблее ООН по резолюции относительно Крыма 27 марта 2014 года (вопреки настойчивому американскому давлению, требовавшего от Израиля проголосовать солидарно с большинством западных стран) — свидетельство меняющегося отношения руководства Израиля к тому месту, которая страна собирается играть в системе международных отношений.

Если Израиль стремится к тому, чтобы его внешняя политика отвечала его собственным национальным интересам, а не плелась в

хвосте интересов США, какими бы они ни были, необходимо протоптать собственную дорогу, которая бы строилась на многовекторных отношениях с различными мировыми державами — Евросоюзом, Китаем, Индией, Бразилией, а также и Россией, которая была, есть и будет державой мирового значения. Израиль сегодня достаточно силен и с экономической, и с военной, и с политической точек зрения и может самостоятельно отстаивать свои интересы, не надеясь и не рассчитывая ни на какого «большого брата». Это не означает, естественно, что Израилю нужно стремиться к самоизоляции — по каждому из вопросов, который важен для Израиля, необходимо стремиться формировать «ситуативные коалиции» из представителей стран, имеющих общее видение по тем или иным конкретным вопросам. Именно этот путь отвечает израильским интересам больше, чем какой-либо другой.

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Институт Ближнего Востока, до 2005 г. — Институт изучения Израиля и Ближнего Востока (с 1995 г.), был основан в 1993 г. как Института изучения Израиля. Основатели ставили перед собой задачу остановить деградацию российского востоковедения в области изучения Ближнего и Среднего Востока, сохранить архивно-библиотечные фонды, поддержать действующих и привлечь молодых специалистов. Немалую роль в становлении Института сыграло знакомство его создателей с опытом работы американской, британской, французской и израильской школ изучения БСВ. Библиотека и архив ИБВ уникальны.

Институтом опубликованы тысячи статей в отечественных и зарубежных печатных и электронных СМИ и более двухсот книг. В их числе монографии, сборники, страноведческие справочники, серии «Ближний Восток и современность», «Арабские страны», молодежный «Востоковедный сборник». ИБВ ежемесячно выпускает обзоры «Военно-политическая обстановка в Ираке», «Иран — военно-политическая ситуация» и «Иран — экономическая ситуация», ситуационные обзоры по Турции, Алжиру, Египту, Ливии, Марокко, Сомали. Еженедельно выходит обзор «Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Реализуемые ИБВ проекты в области изучения Израиля не имеют мировых аналогов.

С институтом сотрудничает более 700 высококвалифицированных специалистов, в т.ч. около 100 из стран БСВ. Ежедневно новые информационно-аналитические материалы публикует сайт ИБВ (www.iimes.ru). Институт проводит конференции и круглые столы, посвященные наиболее острым проблемам Ближнего и Среднего Востока. Эксперты ИБВ регулярно посещают БСВ, находясь в центре идущих там процессов.

Институт тесно взаимодействует с российскими официальными учреждениями и ведомствами, занимающимися проблемами БСВ, высшими учебными заведениями, научно-исследовательскими центрами и институтами. Стратегию ИБВ определяет экспертный совет, возглавляемый президентом, Е.Я. Сатановским. Текущей работой руководит директор, Е.Л. Жигун.

Институт — независимый научный центр с российским финансированием. Его работа деидеологизирована и деполитизирована. За-

дача экспертов – объективные описания и прогнозы. Единственный критерий, определяющий результаты работы – ее качество.

Институт открыт для взаимодействия с партнерами из любого учреждения или страны. Специалисты привлекаются к его работе на межведомственной основе, по контрактам или в рамках научного обмена. Приоритетом в работе является всесторонний комплексный анализ национальных интересов России в регионе.

Институт не занимается процессами, идущими в РФ и странах СНГ. Исключение – сфера взаимодействия этих стран с БСВ и деятельность представителей БСВ на постсоветском пространстве. Сфера интересов ИБВ ограничена современным состоянием политики, экономики, экологии, сферы безопасности региона и стран, его составляющих. Вопросы истории, этнографии, религиоведения, лингвистики, культуры, etc. рассматриваются в связи с современностью.

Книги, выпускаемые ИБВ, издаются ограниченным тиражом. Они рассылаются в российские ведомства и организации, занимающиеся БСВ, представительства РФ в регионе и посольства стран БСВ в Москве, библиотеки основных российских и зарубежных университетов, учебных и научно-исследовательских институтов.

Список книг, выпущенных
Институтом Ближнего Востока
в 2011–2014 гг.

2011 год

- «ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- Алек Д. Эпштейн, С.Кожеуров.** «Россия и Израиль: трудный путь навстречу» (совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
- Алек Д. Эпштейн.** «Генезис и закат “левого” Израиля».
- Д.О. Бирюков.** «Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока».
- Н.А. Кожанов.** «Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения».
- Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (совместно с МГИМО).
- С.Ю. Серегичев.** «Современный Судан: от единства к разделу».
- «Ближний Восток и современность». Сборник статей. Выпуск 43 (совместно с ИВ РАН).
- «Ближний Восток и современность». Сборник статей. Выпуск 44 (совместно с ИВ РАН).
- «Современный Афганистан и сопредельные страны». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
- Н.З. Мосаки.** «Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России (90-е годы XX века — начало XXI века)» (совместно с ИВ РАН).
- И.И. Стародубцев.** «Трансформирующаяся Турция» (совместно с МГИМО).

2012 год

- Алек Д. Эпштейн.** «Государство Израиль перед вызовом исламизма: “арабская весна” и ее влияние на еврейское государство».
- С.В. Алейников.** «Политическая ситуация и проблемы национального примирения в Сомали».

Список книг, выпущенных Институтом Ближнего Востока в 2011–2014 гг.

А.В. Салийчук. «Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса» (совместно с ИВ РАН).

Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер. «В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)».

2013 год

А.Р. Аганин. «Племена, кланы и семейства Катара».

Эльдар Касаев. «Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей».

Н.П. Подгорнова. «Проблема Западной Сахары. Миф и реальность»

Алек Д. Эпштейн. «От межблокового противостояния — к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны».

«Ближний Восток и современность». Сборник статей. Выпуск 47.

Г.Г. Косач. «Саудовская Аравия: политические процессы 1990–2000 гг.».

А.Р. Аганин. «Племена и кланы Иорданского Хашимитского королевства».

В.В. Евсеев. «Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани».

2014 год

Н.П. Подгорнова. «Арабская весна» в странах Магриба.

Е.С. Мелкумян. «Кувейт в 2000-е гг.: внутривластное развитие и внешняя политика».

Н.П. Подгорнова. «Мавритания между прошлым и будущим».

М.А. Сапронова. «Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)».

С.В. Алейников. «Сомалийские племена. Справочник».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть V. Входя в образ «мирового полицейского»: США и израильско-египетский переговорный процесс, 1974–1980 гг.

- ГЛАВА 14. Джеральд Форд, Генри Киссинджер и Ицхак Рабин:
Соглашение о разъединении войск на Синае
и укрепление сотрудничества в обстановке взаимного
недоверия, 1974–1977 гг. 7
- ГЛАВА 15. Джимми Картер против Менахема Бегина:
От «рамочного соглашения» — к мирному договору
между Израилем и Египтом и далее, 1977–1981 гг. 27

Часть VI. Три кнута на каждый пряник: перманентный кризис американо-израильских отношений в годы правления Р. Рейгана и Дж. Буша-ст., 1981–1992 гг.

- ГЛАВА 16. Ближневосточный блицкриг администрации Рейгана
и его фиаско, 1981–1983 гг. 55
- ГЛАВА 17. Турбулентные отношения: правительство Шамира —
Переса в сложном диалоге с администрацией
Рональда Рейгана, 1983–1989 гг. 78
1. Начало, вселявшее надежды 78
2. Кризис доверия: дело Полларда 81
3. Загубленный проект: зенит и закат самолета «Лави» 87
4. От Меморандума о взаимопонимании — до диалога с ООП 89
- ГЛАВА 18. Нашла коса на камень: Ицхак Шамир против
администрации Джорджа Буша-ст. и Джеймса Бейкера
до и после Войны в Персидском заливе, 1989–1992 гг. 100
1. От Инициативы Шамира — к Плану Бейкера 107
2. Атакованный, но не ответивший Израиль:
Война в Персидском заливе и ее последствия 110

3. Двойными стандартами против двойных стандартов: все дороги ведут в Мадрид	119
4. Президентский шантаж: финансовые гарантии на условиях изменения политического курса	125

Часть VII. Благими намерениями: Фиаско миротворческих усилий Билла Клинтона, 1993–2000 гг.

Глава 19. Между «мирным процессом» и всплеском террора: правительство И. Рабина – Ш. Переса и первая администрация Б. Клинтона, 1993–1996 гг.	137
Глава 20. Три года непрекращающегося давления: Б. Нетаньяху между Б. Клинтон и Я. Арафатом, 1996–1999 гг.	158
Глава 21. Большой провал: Э. Барак, Б. Клинтон, тупик в переговорах с Х. Асадом и крах проекта достижения постоянного урегулирования палестино-израильского конфликта, 1999–2000 гг.	180
1. Первые полгода: попытка тотального блицкрига	180
2. Вторые полгода: фиаско на сирийском направлении и вывод войск из Южного Ливана	183
3. Третьи полгода: крах переговоров с ПНА и начало второй интифады	191

Часть VIII. После 11 сентября: американо-израильские отношения при Дж. Буше-мл., 2001–2008 гг.

Глава 22. Палестино-израильские противоречия под сенью терактов 11 сентября и Второй Иракской войны: А. Шарон и администрация Дж. Буша-мл., 2001–2003 гг.	205
1. Мертворожденные усилия: от Комиссии Митчелла – к Плану Тенета	206
2. Всё то же, всё так же: Дж. Буш-мл., К. Пауэлл и палестино- израильское противостояние после 11 сентября	210
3. В тени Второй Иракской войны: Саудовское давление и выступление Дж. Буша	221
Глава 23. От «Дорожной карты» — к «одностороннему размежеванию», 2003–2005 гг.	230

ГЛАВА 24. Еще одна неудачная попытка: Э. Ольмерт
и администрация Дж. Буша-мл. до и после конференции
в Аннаполисе, 2006–2009 гг. 247

Часть IX. Повестка дня:
американо-израильские отношения —
современное состояние и перспективы

ГЛАВА 25. От «Нового начала» – к потере Ближнего Востока:
администрация Б. Обамы и второе правительство
Б. Нетаньяху до и после «арабской весны» 271

Глава 26. Электоральный потенциал еврейских избирателей
в современной американской политике и его реализация . 291

Глава 27. Зачем Америке Израиль? Параметры и проблемы
двустороннего сотрудничества 304

Эпилог. Ближайшие союзники? 316

Институт Ближнего Востока 321

Список книг, выпущенных Институтом Ближнего Востока
в 2011–2014 гг.. 323

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

Ближайшие союзники?

Подлинная история американо-израильских отношений.

Том II. Эпоха дипломатии: сорок лет «борьбы за мир»

Зав. редакцией *И. Аблина*

Художественное оформление *Г. Златогоров*

Компьютерная верстка *И. Пичугин*

Корректор *Т. Калинина*

знак информационной продукции 16+

Мосты культуры, Москва

Тел./факс: (499)241-6871

e-mail: office@gesharim-msk.ru

Gesharim, Jerusalem

Tel./fax: (972)-2-624-2527

Fax: (972)-2-624-2505

e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

Издательство «Мосты культуры»

ЛР № 030851 от 08.09.98

Формат 60 x 90 / 16. Тираж 1000 экз.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 20,5

Подписано в печать 01.08.2014. Заказ №